М. МИТИН

БОЕВЫЕ ВОПРОСЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

М. МИТИН

БОЕВЫЕ ВОПРОСЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) • 1936

ПРЕДИСЛОВИЕ

Борьба за чистоту революционной теории, за чистоту марксистской философии—важнейшая глава во всей истории нашей партии. Во всех своих работах Ленин и Сталин дают нам образцы непримиримой принципиальной борьбы за чистоту марксистской теории, материалистической диалектики. Уже в первых своих литературных произведениях Ленин ведет последовательную борьбу за революционный марксизм, с народнической субъективной социологией, с зарождавшейся неокантианской ревизией марксизма, с объективизмом Струве и т. д. На определенных исторических этапах классовой борьбы вопросы защиты марксистской философии от всяких попыток ее ликвидации и подмены ее буржуазным философским хламом приобретают первостепенное политическое и теоретическое значение. Так, например, после поражения революции 1905 г. борьба за марксистскую философию, против ликвидаторства, против богдановщины была одной из самых боевых и актуальных партийно-политических задач. В течение этого периода Ленин выполняет свой труд «Материализм и эмпириокритицизм», который является величайшим вкладом в теоретическую сокровищницу марксизма наряду с такими гениальными произведениями классической марксистской мысли, как «Капитал» Маркса и «Анти-Дюринг» Энгельса.

В дальнейшем Ленин не перестает заниматься вопросами марксистской философии и борьбой против всяких попыток ее ревизионистского опошления. «Философские тетради» Ленина, относящиеся к периоду войны, представляют собой второе крупнейшее произведение Ленина специально по вопросам философии марксизма и наряду с «Материализмом и эмпириокритицизмом» входят в арсенал марксистской философии. Какими бы острыми политическими и теоретическими вопросами рабочего движения в дальнейшем Ленин ни занимался, он не перестает отмечать и выяснять роль и значение марксистской диалектики в этих вопросах. Вспомним великолепные разделы, посвященные критике эклектизма и софистики Троцкого и Бухарина, классически четкое изложение основных вопросов диалектической логики, которые даны Лениным в его работах во время так называемой профсоюзной дискуссии 1921 г. Отметим, далее, огромное значение—с точки зрения выяснения задач, какие стоят перед марксистской философией в эпоху социалистической революции,— которое имеет ленинская статья «О значении воинствующего материализма», написанная им в 1922 г. для журнала «Под знаменем марксизма».

Точно так же как и Ленин, товарищ Сталин во всех своих работах, начиная с самых ранних, не перестает вести последова-

тельно и до конца борьбу за чистоту марксистской философии, конкретизируя и развивая ее в духе всех традиций ленинизма.

Огромное значение для развития марксистско-ленинской философии имеют работы товарища Сталина, относящиеся к периоду после поражения революции 1905 г.,—к 1906—1907 гг. В своей работе на Кавказе в этот период товарищ Сталин вел борьбу с анархистской группой, выпускавшей газету «Нобати», которая выступала против диалектического и исторического материализма. В целом ряде статей, объединенных под общим названием «Анархизм или социализм», совершенно исключительных по богатству своего содержания, в высшей степени популярных по форме, товарищем Сталиным выяснено, что такое диалектика, что такое исторический материализм, почему диалектический материализм есть наиболее зрелый итог истории развития человеческой мысли, дано разоблачение ликвидаторских, буржуазных взглядов анархистов по этим вопросам.

В этой полемике с философствующими анархистами из «Нобати» товарищ Сталин дал развернутое изложение вопросов об отношении марксизма к созерцательному материализму Фейербаха, к философии Гегеля в целом и в частности к его революционной диалектике. По всем этим вопросам, которые позднее явились основными вопросами в борьбе с механистами и меньшевиствующими идеалистами, мы уже в ранних работах товарища Сталина имеем четкий и ясный ответ.

И в последующих работах товарищ Сталин не перестает возвращаться к вопросам марксистской диалектики в целях разоблачения всяких видов оппортунизма и ревизионизма. Отметим огромное значение, которое имеет для всей марксистской теории сталинское решение вопроса, данное им на VI съезде партии, о различии между творческим марксизмом, представленным всей историей большевизма, и так называемым «догматическим марксизмом», который характерен для меньшевиков. Товарищ Сталин ведет борьбу с так называемым «цитатмахерством» контрреволюционной зиновьевско-каменевской группы, разоблачает метафизику и крайнее опошление марксистской теории в целом и марксистской диалектики со стороны Троцкого. Товарищ Сталин разоблачил механистическую теорию равновесия, на которую опирался правый оппортунизм.

Огромное значение для всей марксистско-ленинской теории имеют те указания, которые были даны товарищем Сталиным в борьбе с меньшевиствующим идеализмом во время известной беседы с бюро парторганизации ИКП философии.

Борьба с меньшевиствующим идеализмом деборинской группы на философском фронте развернулась в конце 1929 г. и в течение 1930 г. Это отнюдь не является случайным, ибо эти годы являются переломным периодом не только во внутреннем развитии Советской республики, но также в международных отношениях. В своей

известной статье, посвященной XII годовщине Октябрьской революции, товарищ Сталин назвал протекший 1929 г. «годом великого перелома на всех фронтах социалистического строительства». Суть этого перелома состояла в том, что наша партия, накопив достаточные силы, перешла к развернутому решительному наступлению на капиталистические элементы города и деревни.

В 1930 г. наступление на капиталистические элементы по всему фронту приобретает крайнюю остроту. Развертывается блестящая творческая инициатива и могучий трудовой подъем среди широких трудящихся масс нашей страны. Как раз к этому времени относится тот коренной перелом, который произошел в развитии нашей деревни: многомиллионные крестьянские массы становятся под знамя коллективизации и переходят на социалистические рельсы развития. Партия ведет большую работу в целях решения задачи, поставленной товарищем Сталиным, а именно—ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

Эти гигантского масштаба исторические события, происходившие в нашей стране, не могли не отразиться и на фронтах теоретической борьбы. Капиталистические элементы города и деревни, почувствовавшие, что у них вырывается из-под ног последняя почва, понявшие, что они будут раздавлены пролетарской диктатурой, оказывают отчаянное сопротивление. Все силы старого мира, все остатки капитализма в нашей стране поднялись против наступающего социализма, пытаясь получить поддержку за рубежом у вышвырнутых революцией белогвардейских элементов, у представителей II интернационала, у различных капиталистических клик. Вредительские, контрреволюционные действия со стороны ряда специалистов в важнейших отраслях промышленности смыкались с подготовлявшейся интервенцией.

В жестокой борьбе партия разгромила контрреволюционную буржуазную троцкистскую теорию о невозможности победы социализма в нашей стране. Наша партия нанесла решающие удары по кулацкой агентуре в рядах партии, по правому оппортунизму. Партия под водительством товарища Сталина предприняла наступление на теоретическом фронте, для того чтобы и здесь нанести решающие удары по всякого рода вредительским, контрреволюционным, буржуазно-меньшевистским, меньшевиствующим, ревизионистским теориям. Это великое наступление марксистской теории на фронте идеологической борьбы за окончательное выкорчевывание всякого рода вредительских и меньшевистских теорий было поднято на новую высоту с выступлением товарища Сталина на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. В результате решительной борьбы были разоблачены меньшевистско-рубинские установки, господствовавшие в течение определенного периода времени на фронте политической экономии. Развернулась решительная борьба и на литературоведческом фронте с пере-

верзевской концепцией, которую защищала определенная группа коммунистов. Наконец, под руководством партии развернулась борьба и на философском фронте против меньшевиствующего идеализма.

Как показал опыт дальнейшего развития, борьба с меньшевиствующим идеализмом имела большое партийно-политическое и теоретическое значение. Опыт борьбы показал, что меньшевиствующий идеализм выступал как идеологическое прикрытие троцкизма, как его прямая агентура. Трижды презренная троцкистско-зиновьевская фашистская террористическая банда имела в лице меньшевиствующего идеализма свою агентуру на философском фронте.

Карев, один из непосредственных организаторов убийства Сергея Мироновича Кирова, Стэн, один из руководителей подлейшей двурушнической террористической группировки Шацкина—Ломинадзе—Стэна, не менее десятка других активных участников троцкистско-зиновьевской шайки—вот кем оказались руководители и «кадры» меньшевиствующего идеализма.

Борьба на философском фронте развернулась сейчас же после выступления товарища Сталина на конференции аграрников-марксистов. Эту борьбу подняли молодые кадры, преимущественно работники и слушатели Института красной профессуры философии, поставившие задачу критического разоблачения антимарксистского и антиленинского хлама, который накопился на философском участке идеологической работы.

Развивая в общем правильную линию на усиление борьбы с так называемой деборинской группой, или, как тогда говорили, с «философским руководством», стараясь вскрыть политические и теоретические ошибки этой группы,—эти кадры на первых этапах борьбы формулировали ошибочность деборинских установок только как формалистический уклон. Только в декабре 1930 г., в известной исторической беседе товарища Сталина с бюро ячейки ИКП философии и естествознания, а также в последовавшем за этим решении ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» от 25 мая 1931 г., все вопросы борьбы на философском участке были подняты на необходимую принципиальную, теоретическую высоту.

Особенное значение в этом отношении имеют указания, данные товарищем Сталиным в этой исторической беседе. Беседа товарища Сталина с бюро ячейки ИКП философии и естествознания явилась переломным моментом во всей борьбе с деборинщиной. Товарищ Сталин указывал, что необходимо разворошить и перекопать весь хлам, который накопился в вопросах философии и естествознания, разворошить все, что написано деборинской группой, все, что есть ошибочного на философском участке. Он говорил о необходимости раскритиковать и ряд ошибочных философских установок Плеханова, который свысока относился к Ленину, не говоря уже о махистах, как Юшкевич, Валентинов,

Базаров, Богданов и т. д. Товарищ Сталин говорил о необходимости перерыть все их работы, вспомнить, как они критиковали Ленина, как они относились к работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Он всячески подчеркивал в своих указаниях, что Ленин дал очень много нового во всех областях марксизма, что Ленин сам был очень скромен и не любил об этом говорить, что его ученикам надо его роль всемерно показать. Товарищ Сталин указывал в своей беседе, что Ленин поднял диалектический материализм на новую ступень, что он проанализировал с точки зрения марксизма все новое, что дает для философского мировоззрения естествознание после Маркса и Энгельса и в первую очередь электронная теория материи. Подчеркивая антимарксистский характер воззрений деборинской группы, товарищ Сталин дал свою знаменитую характеристику деборинской ревизии марксистской философии как меньшевиствующего идеализма.

С гениальной прозорливостью, с величайшим умением разоблачать всякую маскировку врага, какой бы тонкой и завуалированной она ни была,—товарищ Сталин раскрыл меньшевистскую сущность воззрений деборинской группы. Товарищ Сталин показал, что в лице деборинской группы мы имеем глубоко враждебную марксизму идеологическую агентуру меньшевизма—вреднейшую антимарксистскую группу, которая должна быть разоблачена до конца.

Беседа товарища Сталина с бюро ячейки ИКП философии и решение Центрального комитета нашей партии со всей большевистской остротой поставили задачу борьбы на два фронта в области философии: против меньшевиствующего идеализма и против механицизма. Связь бывших лидеров правого оппортунизма с террористическим троцкистско-зиновьевским центром показывает, насколько политически актуальной являлась и теперь является задача полного разоблачения также и механицизма,—одним из вождей которого в нашей стране выступал Бухарин. Философия—наука партийная,—неоднократно указывали в своих работах Ленин и Сталин. Борьба за полное разоблачение философского оппортунизма, в какой бы форме он ни выступал, борьба за выкорчевывание антимарксистских взглядов—является задачей большого политического значения.

Беседа товарища Сталина, как и последовавшее за нею решение ЦК ВКП(б) необычайно вдохновили выросшие молодые кадры философского фронта, влили в них новый энтузиазм для борьбы за партийную линию в вопросах теории.

* * *

В предлагаемом читателю сборнике собраны мои основные работы, относящиеся как к периоду начала и разворота борьбы с меньшевиствующим идеализмом, так и к периоду, последовав-

шему за этим и посвященному разработке ряда боевых и актуальных вопросов материалистической диалектики.

В печатаемых в этом сборнике работах—«За действительную разработку ленинского философского наследства» и «Наши философские разногласия», относящихся к периоду до беседы с товарищем Сталиным, меньшевиствующий идеализм характеризуется только как формалистический уклон. В этих работах отразилась установка, которая получила выражение в ряде решений партийной организации ИКП философии и которая была снята и раскритикована после беседы с товарищем Сталиным.

В двух других разделах данного сборника собраны работы, относящиеся, с одной стороны, к разоблачению меньшевиствующего идеализма и механицизма по тем или другим отдельным конкретным историко-философским вопросам и проблемам материалистической диалектики, с другой стороны—к положительному изложению взглядов диалектического материализма на ряд актуальных вопросов философии.

Как и любой сборник отдельных работ, писавшихся на протяжении нескольких лет, данный сборник не свободен от ряда повторений, не имеет достаточной целостности. И если я все же решаюсь издать этот сборник, то руководствуюсь следующими соображениями: учитываю, во-первых, огромный интерес к проблемам марксистской философии, который имеется в нашей стране, во-вторых, то обстоятельство, что в сборнике освещен с большей или меньшей полнотой ряд актуальнейших вопросов, как, например, о философском развитии Маркса и Энгельса, о тождестве диалектики, логики и теории познания, о роли и значении работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», о роли и значении работ товарища Сталина для дальнейшего развития диалектического материализма и т. д.

Все работы этого сборника проникнуты одним стремлением, одной мыслью, одним желанием: как можно лучше осмыслить и воплотить в жизнь указания, которые были даны в известной исторической беседе товарища Сталина по философским вопросам. И в критической части, и в части положительного рассмотрения актуальных проблем марксистской философии я руководствовался одной идеей: как лучше понять каждое слово и каждую мысль нашего любимого и мудрого учителя товарища Сталина и как их претворить и применить к решению философских вопросов. И если хоть в какой-нибудь степени, в какой-нибудь мере мне это удалось, я буду считать свою задачу выполненной.

Август 1936 г. *Автор*

I

ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ РАЗРАБОТКУ ЛЕНИНСКОГО ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДСТВА

НАШИ ФИЛОСОФСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ

К ИТОГАМ ФИЛОСОФСКОЙ ДИСКУССИИ

АКСЕЛЬРОД, Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса, Соцэкгиз, 1934 г.

ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ РАЗРАБОТКУ ЛЕНИНСКОГО ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДСТВА

«Для *практического* материалиста, т. е. для *коммуниста*, все дело в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против существующего положения вещей и изменить его»[1].

Коммунизм—это *практический материализм*. Это гениальное положение Маркса и Энгельса представляет собой важнейшую характеристику существа марксистской философии, диалектического материализма. Это положение, характеризующее всю суть революционной силы, энергии, все действенное значение революционной теории марксизма, особенно уместно вспомнить на современном этапе развития пролетарской революции.

Перед нашей партией, перед рабочим классом стоят великие, всемирно-исторические по своему значению практические задачи построения социализма. В связи с этими практическими задачами особенно выросли требования, которые предъявляются ныне к революционной теории. Ни на одном из этапов развития революции не предъявлялись такие массовые запросы, такие большие требования к марксистско-ленинской теории.

В разрешении задач наступления на капиталистические элементы по всему фронту, превращения нашей страны в страну сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, поставленных XVI съездом нашей партии, далеко не последнюю роль должен сыграть философский участок теоретического фронта. В деле осмысливания социальных сдвигов, в деле вскрытия закономерностей развития, в деле понимания классовых взаимоотношений и форм классовой борьбы, схватывания и обобщения новых явлений для того, чтобы правильно освещать путь дальнейшего движения вперед,—особенно важна марксистско-ленинская философия, теория диалектического материализма.

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. IV, стр. 33.

Только при участии в разрешении этих задач, только при действительной связи философии и политики, теории и практики наша философская теория будет большевистской, коммунистической теорией. Ибо коммунизм—это практический материализм, ибо (перефразируем эти слова) большевик—это практический материалист. Положение же нашей теоретической мысли на философском участке настолько неблагополучно, что заставляет бить тревогу, заставляет привлечь к нему широкое общественное внимание, внимание всей партии, всего партийного актива. Прошло уже несколько месяцев после указания товарища Сталина на конференции аграрников об известном отставании нашей теории, о необходимости поворота на теоретическом фронте к актуальным проблемам действительности.

На философском же фронте до сих пор все еще приходится вести серьезнейшую борьбу за признание необходимости не на словах, а на деле, не формального, а действительного поворота. Пока еще всякое слово самокритики встречается так называемым философским руководством в штыки, встречается немедленным «отлучением» от марксизма, как будто теоретическая непогрешимость и марксистско-ленинская ортодоксия являются заранее данными, априорными свойствами самой «природы» Деборина, Стэна, Карева, Гессена и др. Об этой якобы теоретической непогрешимости и ортодоксии мы еще особо поговорим. Вышедший к XVI съезду партии № 5 журнала «Под знаменем марксизма» с ответом на статью в «Правде» от 7 июня «О новых задачах марксистско-ленинской философии» целой группы товарищей в составе Деборина, Карева, Стэна, Луппола, Подволоцкого, Гессена, Агола, Левина, Левита, Тележникова является лучшим свидетельством характеризуемого нами положения. Такое отношение философского руководства к самокритике на философском фронте, к необходимости поворота к актуальным проблемам и задачам социалистического строительства—не случайно. Оно внутренними корнями связано с тем *известным* отрывом философии от политики, от актуальных задач (это было отмечено в упомянутой статье в «Правде»), который прочно угнездился на философском участке теоретической борьбы.

Перед философской коммунистической мыслью стоят исключительно важные и ответственные задачи. Решать эти задачи она сможет только при условии, если будет давать беспощадный *отпор всяким попыткам притупить острие материалистической диалектики,* попыткам извратить существо марксистско-ленинской философии, откуда бы эти попытки ни исходили. *Механистическая ревизия марксизма, а также примиренчество к ней продолжает оставаться главной опасностью.* Вместе с тем никак нельзя упускать из виду, а, наоборот, необходимо со всей силой подчеркнуть то обстоятельство, что именно в свете

новых задач, которые стоят перед нашей теоретической мыслью, с особенной силой выявляется теперь опасность *формалистического, абстрактно-схоластического уклона в философии* марксизма с тенденцией *окончательного* отрыва от актуальных политических задач.

Стало уже общеизвестной истиной, что в настоящую эпоху нет и не может быть подлинного марксизма без ленинизма, так как «ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции»[1]. Это положение верно не только по отношению к какой-нибудь одной из сторон марксизма-ленинизма, скажем, к политике или тактике рабочего движения, или к экономической теории марксизма. Это положение верно и по отношению ко всем «составным частям» марксизма, оно в *особенности* верно по отношению к философской стороне марксизма, к теории диалектического материализма. Нет и не может быть в настоящее время подлинно марксистской философии без учета и понимания того нового, что внес в общую теорию материалистической диалектики *Ленин*, без понимания *ленинизма в философии*.

Именно в вопросах философии марксизма ленинизм представляет собой новую ступень, новую эпоху. Ленинская постановка вопросов о теории материалистической диалектики, разработка Лениным ряда категорий диалектики, его характеристика кризиса современного естествознания («рождающего диалектический материализм»), постановка вопроса о роли и значении Гегеля в подготовке марксизма, его борьба с махизмом, наконец, его мастерское применение диалектики и т. д.—все это открыло новую страницу в развитии марксистской философии.

Между тем одним из самых слабых мест философского руководства, в частности т. Деборина, накладывающего отпечаток на всю его «философскую продукцию», является как раз *недооценка и неправильное понимание действительной роли Ленина и ленинизма в развитии марксистской философии*.

Непонимание роли Ленина в развитии марксистской философии, непонимание того, что Ленин создал новую эпоху в развитии этой философии, есть не просто недооценка личности Ленина как мыслителя, как глубочайшего теоретика марксизма нашей эпохи, как творца замечательных философских произведений. Непонимание роли Ленина означает непонимание важнейших сторон *ленинизма в философии*, непонимание той теоретической высоты, на которую поднял Ленин марксистскую философию вообще и ряд важнейших вопросов материалистической диалектики в особенности. Непонимание роли Ленина в философии означает неумение подняться над обычными, принявшими уже тривиальный, шаблонный характер, трактовками ряда вопросов. Основное обвинение,

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 2, изд. 10-е.

которое бросал Ленин по адресу Суханова и вообще всех меньшевиков, состояло в том, что «марксизм они понимают до крайней степени шаблонно и педантски», что они не умеют схватить то новое, что дает жизнь, *и в практике и в теории*, а держатся по-начетнически книжных схем. Непонимание роли Ленина означает также и то, что совершенно не учитывается, какое различие существует между Лениным и Плехановым в философии, различие, связанное с тем, что именно ленинская трактовка философских проблем марксизма теснейшим образом увязана с его трактовкой новейшего этапа капитализма (империализма), эпохи пролетарских революций и социалистического строительства. Непонимание роли Ленина в философии означает непонимание того, что с точки зрения этого нового этапа в развитии марксистской философии, с точки зрения *этого* теоретического содержания и углубления марксистской теории необходимо *критически пересмотреть* ряд сторон плехановской трактовки основных вопросов марксистской философии.

Чтоб не быть голословным, обратимся к книге т. Деборина «Ленин как мыслитель», вышедшей в 1929 г. третьим изданием. Прежде чем переходить к собственно философским вопросам, посмотрим раньше всего, как т. Деборин определяет ленинизм и роль Ленина в развитии марксистской теории вообще.

«Ленин был в философии тоже материалистом и диалектиком»[1],—пишет т. Деборин, сравнивая Ленина с Марксом и Энгельсом. Удовлетворимся пока этим, весьма многознаменательным «тоже» и пойдем дальше.

«Он,—пишет далее т. Деборин,—был, главным образом, философом-практиком»[2]. «*Он учил практическому материализму;* он учил, что борьба за уничтожение классов, за осуществление коммунизма составляет основу коммунистической нравственности, образования, воспитания и учения»[3].

Где тут роль Ленина как величайшего теоретика эпохи империализма и пролетарских революций? Где роль Ленина, который поднял марксизм и практически и теоретически на новую, высшую ступень? Где, наконец, роль Ленина как философа-марксиста? Ведь теперь уже стало азбучной истиной, что философские работы Ленина, его «Материализм и эмпириокритицизм», его «Философские тетради», опубликованные в «Ленинских сборниках» (IX, XI, XII), представляют собою не только практический материализм, но важнейший этап в развитии диалектического материализма. Ведь теперь уже стало азбучной истиной, что Ленин не только как политик, но и как теоретик-философ головой выше

---

[1] *Деборин,* Ленин как мыслитель, стр. 6, 1929 г.
[2] *Там же,* стр. 7.
[3] *Там же,* стр. 8.

Плеханова. Деборин же этого совсем не понимает. Вот следующие места из его книги «Ленин как мыслитель», устанавливающие соотношение Ленина и Плеханова как марксистов:

«Ленин в философии, конечно, является «учеником» Плеханова, о чем он сам неоднократно заявлял. Но то обстоятельство, что он учился у Плеханова, не мешало Ленину самостоятельно подходить к целому ряду вопросов и в некоторых существенных пунктах исправить Плеханова. Оба эти мыслителя в известном смысле дополняют друг друга. *Плеханов прежде всего—теоретик, Ленин же прежде всего—практик, политик, вождь*»[1].

Тов. Деборин допускает в книге, вышедшей в 1929 г., такие грубые ошибки! Теперь совестно даже доказывать абсурдность положения, что «Ленин прежде всего практик, политик» и т. д., а «Плеханов прежде всего теоретик». Глубина ошибки т. Деборина здесь в том, что он недооценивает, вернее, не понимает действительной роли Ленина в развитии марксистской теории вообще. Это такая серьезная ошибка, которая не может не отражаться на общем понимании ленинизма, на понимании важнейших вопросов большевизма.

В самом деле, как определяет т. Деборин ленинизм в этой же книге? Он пишет:

«Марксизм превратил *политику в науку*. Ленин был гениальным *политиком* этой школы. Теоретическую базу научной политики составлял для него марксизм. Поэтому надлежит не противопоставлять ленинизм—марксистскую политику и тактику—марксизму, как философской, исторической и экономической теории, на которой политика и тактика Ленина строились, а видеть в нем применение и дальнейшее развитие марксизма»[2].

Итак, с точки зрения т. Деборина ленинизм—это политика и тактика, а марксизм—это «философская, историческая и экономическая теория».

В этой формулировке т. Деборина ряд неправильных моментов, ошибок. Прежде всего, неверно отрывать тактику и политику марксизма от его экономической, философской и исторической теории; далее само определение марксизма как «философской, исторической и экономической теории» надо признать крайне неудачным. Основная же ошибка т. Деборина в данном вопросе заключается в том, что он в своей постановке явно недоучитывает всего *теоретического* значения ленинизма, всей теоретической глубины работ Ленина, поднявшего на основе новой эпохи на высшую ступень весь марксизм, его экономическую теорию (на-

---

[1] *Деборин*, Ленин как мыслитель, стр. 26, примечание, 1929 г. Подчеркнуто мною.—*М. М.*

[2] *Там же*, стр. 12.

пример, работы об империализме, по аграрному вопросу), его историческую теорию и учение о социализме (например, работы Ленина о диктатуре пролетариата, о государстве, о строительстве социализма и т. д.) и его философскую теорию.

Такой разрыв между общей теорией марксизма и его тактикой и политикой, сведение ленинизма к тактике и политике, имеет много родственных черт с ошибками, допущенными в книге Ташкарова и Эльвова, которая отмечена печатью как одно из проявлений троцкизма в литературе. По существу мысль т. Деборина сводится к тому, что Ленин внес новое только в вопросы применения марксизма, что Ленин внес новое только в вопросы тактики и политики. Однако, если правильно, по-марксистски и по-ленински понимать вопрос о соотношении между теорией и практикой, то станет совершенно ясным, что и в вопросы политики и в вопросы тактики марксизма действительно новое можно вносить только в том случае, если с точки зрения марксизма понимать закономерности нового периода человеческой истории, если и сама теория марксизма поднята на новую, высшую ступень.

Известно, какое значение имеет для теории материалистической диалектики закон единства противоположностей. Ленин многократно подчеркивал, что это есть «*основная особенность*», суть диалектики, ее ядро. Ленин подчеркивал, что закон «единства противоположностей часто берется как сумма примеров», *а не как закон познания* (и закон объективного мира), что многие марксисты, вплоть до Плеханова, на эту сторону диалектики обращали недостаточно внимания. Имея в виду это, а также то совершенно неразработанное колоссальное идейное богатство, которое имеется в трудах Ленина о диалектике, в статье в «Правде» «О новых задачах марксистско-ленинской философии» от 7 июня 1930 г. было написано: «Актуальнейшей задачей теории в данный момент является *действительная разработка ленинского философского наследства*... Тормозит разработку ленинских работ по философии такая точка зрения, которая считает, что опубликованные работы Ленина по философии лишь подтверждают то, что было уже сказано и сделано...

Необходимо, однако, понять, что мы не поднялись еще до теоретического уровня того богатейшего содержания, которое имеется в этих работах Ленина».

О том, насколько верны эти положения, свидетельствует все приведенное нами выше. Об этом свидетельствует также следующее место из работ т. Деборина, которое, конечно, находится в тесной связи с общей недооценкой Ленина как теоретика-марксиста.

Тов. Деборин в книге «Диалектика и естествознание» пишет: «При всей своей скромности могу сказать, что как раз трактовка диалектики, не как суммы примеров, а как *теории, науки об*

общих законах познания и действительности, в нашей марксистской литературе была дана мною еще до появления «Диалектики природы» Энгельса и до появления заметок Ленина, так что работы Энгельса и Ленина только подтвердили (!!) то, что я считал правильным; единство противоположности, проблему синтеза, проблему конкретного понятия и т. п.—все это вы найдете в моих работах, которые появились раньше работ Энгельса и Ленина»[1].

Нам нет надобности входить в подробности, когда вышли эти работы Энгельса и Ленина, а также и того, когда и в какой статье было написано то, о чем здесь т. Деборин говорит. Стоит только несколько поразмыслить, чтобы понять, насколько «нескромной» оказалась данная формулировка. Трактовка диалектики как теории, как науки об общих законах познания и действительности дана Энгельсом в такой его работе, как «Анти-Дюринг», которая, как известно, вышла задолго до появления самых первых философских работ т. Деборина. Закон единства противоположностей как основной закон диалектики проходит красной нитью через все работы Маркса, Энгельса и Ленина.

Да, скромность—действительно великая добродетель, но что-то не видно ее в работах т. Деборина.

Кстати сказать, у нас на философском фронте развелось довольно много «скромников», которые считают, что Ленин их только подтвердил. Так, например, т. Луппол на II конференции марксистско-ленинских учреждений говорил: «Главное—это единство противоположностей, и если вы возьмете весь контекст той моей главы, где я говорил о связи, о движении связей, о переходе в противоположность, о единстве противоположностей, то будет совершенно ясно, что я был прав. Так в наших дискуссиях не раз бывало, что мы спорим, спорим с механистами, а потом нам, диалектикам... приходит на помощь Ленин со своими конспектами. Так *вышло и в этом скромном примере, со мной*»[2].

Опять «скромность», и опять в вопросе о единстве противоположностей! Мы должны признать, что этой скромности у «ученика» Луппола не меньше, чем у его «учителя» т. Деборина!

Можно было бы привести еще ряд подобных мест (например, из предисловия т. Деборина к IX «Ленинскому сборнику»), свидетельствующих о том, как т. Деборин оценивает теоретические работы Ленина по философии, по материалистической диалектике. Но, кажется, достаточно уже приведенного.

Вопрос о разработке философского наследства Ленина является важнейшей задачей философской коммунистической мысли. Только

---

[1] *Деборин,* Диалектика и естествознание, стр. 254—255, 1930 г.
[2] «Современные проблемы философии марксизма», стр. 117, 1929 г. Подчеркнуто мною.—*М. М.*

восстановление, разработка подлинного содержания ленинизма в философии может дать ответы и указания на то, как разрабатывать теорию материалистической диалектики, как уберечься от вульгарно-механистического и от формалистического искажения диалектики.

Только правильное понимание существа ленинской диалектики может дать оружие для окончательного преодоления той формалистической опасности, того формализма, который был «побочным продуктом» во время борьбы философов-коммунистов с механистами, но который грозит ныне стать уже не побочным, а основным продуктом творчества философского руководства, при известном застое в теоретической работе, который мы имели со времени II конференции марксистско-ленинских учреждений, при полном нежелании этого философского руководства пойти на развертывание самокритики.

Опасность формализма, абстрактно-схоластического извращения диалектики возрастает в связи с тем, что со стороны т. Деборина мы не имеем правильного понимания той новой ступени, на которую поднял Ленин марксистскую философию, и связанного с этим вопроса о соотношении в философии между Плехановым и Лениным. Это надо рассмотреть потому, что как раз отрицательное и ошибочное в философии Плеханова как философа, то, что подвергалось особой критике Ленина, наложило сильный отпечаток на работы т. Деборина и его ближайших учеников.

В самом деле, если дать сжатую характеристику Ленина и Плеханова как философов-марксистов, то мы получим следующую картину: Плеханов в общем понимании философии марксизма стоит главным образом на толковании ее *как теории познания*, в то время как Ленин, подобно Энгельсу, подчеркивает главным образом *методологическое* значение марксистской философии. У Плеханова общее понимание марксистской философии сводится к тому, что она есть гносеология, т. е. теория познания + диалектика. Ленин же в своих работах многократно подчеркивает, что сама материалистическая диалектика и есть теория познания. «Диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»[1].

Мы имеем у Плеханова безусловно *недооценку диалектики* как всеобщей научной методологии, недооценку теории диалектики.

Поэтому вполне понятно следующее замечание Ленина относительно философских работ Плеханова: «Разработать: Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов + против Богданова + против кантианцев + основные вопросы и т. д. и т. д.). Из них *о* большой логике, *по поводу*

[1] «Ленинский сборник» XII, стр. 325.

нее, *ее* мысли (т. е. *собственно* диалектика, как философская наука) ничего!!»[1].

Эта недооценка методологического существа марксистской философии приводила иногда Плеханова к неумению подняться над *обычной* гносеологической «теоретико-познавательной» трактовкой ряда философских проблем и лишала его критику врагов марксизма необходимой методологической диалектической заостренности, которая так характерна для Ленина. В связи именно с этим мы имеем у Ленина следующее место в IX «Ленинском сборнике»: «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, *поскольку* он лишь a limine[2] *отвергает* их рассуждения, а не *исправляет* (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая *связь* и *переходы* всех и всяких понятий»[3].

Далее. У Плеханова в его философских работах совершенно явственно сквозит прямая приверженность к логике. Особенно это показательно, если сравнить борьбу Плеханова и Ленина с эмпириокритицизмом. Плеханов метко бьет Богданова, однако основной прием борьбы—привести противника к логическому абсурду. Ленин в противовес такой «логистике» Плеханова требует конкретно-исторического подхода. Для Ленина важно вскрыть *классовую* сущность взглядов противника, для него важно подойти к врагу исторически, конкретно. Плеханов отрывает взгляды богдановщины от современного состояния естествознания, от классовой, партийной борьбы. Ленин рассматривает эмпириокритицизм в связи с кризисом современного естествознания и открывает *новую* страницу марксистской философии. Ленин устанавливает резко выраженный классовый и партийный характер философии, и под этим углом зрения он подходит к богдановщине.

Мы, наконец, можем еще в одном разрезе сравнить Ленина и Плеханова как философов. У Плеханова—*разрыв* между общей трактовкой диалектического материализма и применением его на практике, в политике. Слова и мысли Плеханова о диалектическом материализме не получают продолжения в виде практики. Несмотря на диалектический материализм, или, вернее сказать, в связи со своим недостаточным проникновением в глубины марксистской диалектики по сравнению с Лениным, Плеханов часто в политических, тактических вопросах приходил к меньшевизму, оппортунизму, а во время империалистической войны к социал-шовинизму, оборончеству. Ленин особенно жестоко в этот период

---

[1] «Ленинский сборник» XII, стр. 223—224.
[2] С порога.
[3] «Ленинский сборник», IX, стр. 179, изд. 2-е.

критиковал Плеханова, устанавливая связь между этими его воззрениями и общим отходом от марксизма и его извращением. Он писал в 1915 г. в статье «Честный голос французского социалиста» следующее: «И такая теория *выросла* со 2-й половины XIX века. Она называется марксизмом. Нельзя быть социалистом, нельзя быть революционным социал-демократом, не участвуя по мере сил в *разработке и применении этой теории*, а в наши дни в беспощадной борьбе против *уродования* ее Плехановым, Каутским и К°»[1].

Ленин в этом отношении дает подлинный синтез теории и практики, философии и политики. Ленинская трактовка марксистской диалектики находится в теснейшей связи с его большевизмом, и, наоборот, именно потому Ленин—творец, создатель, теоретик большевизма, что он является подлинным материалистом-диалектиком в духе Маркса и Энгельса.

О том, какое значение придавал Ленин такому синтезу теории и практики, какое значение имеет применение диалектики для самой теории диалектики,—обо всем этом философское руководство могло бы почерпнуть очень много полезных указаний в работах Ленина. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин писал: «Полезным уроком могло бы (и должно было бы) быть то, что произошло с такими высоко учеными марксистами и преданными социализму вождями II-го Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовской диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они *в применении* этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими *не* диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены формы и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Гэда и Плеханова»[2].

Далее Ленин продолжает: «Надо постараться, чтобы с коммунистами не повторилась та же ошибка»[3].

Вот в общих чертах сжатая характеристика Ленина и Плеханова как философов-марксистов. Эта тема требует специальной разработки, так как в небольшой статье подробнее на этом останавливаться невозможно. К этой общей характеристике Плеханова нужно добавить еще только упоминание об отдельных философских ошибках, которых у него довольно много и которые критиковал в свое время Ленин. Сюда относятся ошибки Плеханова в вопросе

---

[1] *Ленин*, Честный голос французского социалиста, Соч., т. XVIII, стр. 287. Подчеркнуто, кроме слова «выросла», мною.—*М. М.*

[2] *Ленин*, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. XXV, стр. 235.

[3] *Там же*, стр. 236.

об опыте, элементы кантианства, имеющиеся у него и в вопросах теории познания и в вопросах этики, его «иероглифическая» теория, от которой он по существу так и не отказался, его непонимание связи философии с естествознанием, извращение им перевода тезисов Маркса о Фейербахе, целый ряд ошибок в вопросах исторического материализма и т. д. и т. п. Но все эти проблемы—это проблемы для специального анализа и разработки.

Сказанное нами о Плеханове, подтвержденное выдержками Ленина, может привести в священный трепет тех, кто понимает марксизм-ленинизм как догму, кто понимает свою ортодоксальность как ортодоксию в букве, тех, кто совершенно не понимает, что важнейшее требование диалектики—это *историчность* подхода, что вопрос о нашем отношении к плехановскому наследству, в особенности к философскому наследству, должен быть наконец поставлен в поле зрения нашей теоретической работы.

Критические замечания об ошибках Плеханова как философа не противоречат тем *общим высоким оценкам*, которые давал Ленин Плеханову как философу-марксисту. Действительно, по сравнению с вульгарным материализмом, эмпиризмом, позитивизмом, который господствовал в официальной литературе II Интернационала, плехановские работы по философии представляют собой исключительно яркое полотно. Стоит только напомнить о работах в области общей теории марксизма таких «марксистов», какими были Каутский, Кунов, Отто Бауэр, Адлер, стоит только вспомнить, до какого разложения, до какого предельно низкого теоретического уровня пали они к настоящему времени, чтобы понять то громадное значение в развитии марксистской теории, которое имеют работы Плеханова по философии. По глубине содержания его работы стоят гораздо выше работ ряда талантливых марксистов, писавших специально по вопросам философии и исторического материализма.

«Мы отметим только,—писал Ленин в 1908 г.,—что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты (речь идет о философской области.—*М. М.*), с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провезти старый и реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова»[1].

Особенно надо обратить внимание на последнюю фразу этой цитаты, которую Ленин направлял против Богданова, Базарова и др. Ее уместно вспомнить и в настоящее время в связи с положением дел на фронте нашей философской теории, так как мы

[1] *Ленин,* Марксизм и ревизионизм, Соч., т. XII, стр. 185.

уже имеем попытки протаскивать «философский хлам» под флагом критики оппортунизма Плеханова. Нельзя сомневаться также и в том, что таких попыток и в дальнейшем будет немало. Эти положения Ленина приобретают важнейший интерес еще с одной стороны. Тут ставится проблема соотношения между политическим и тактическим оппортунизмом и ортодоксальностью в области методологии марксизма крупнейшего теоретика-марксиста, каким был Плеханов. Между политическими ошибками и философскими или, наоборот, между философскими ошибками и политическими не всегда существует *прямая и непосредственная* связь, между ними связь более сложная. Необходимо подчеркнуть то, что как раз многие на философском фронте начинают забывать, что такая связь все же существует *всегда*. Политические ошибки не частного порядка, а связанные с общими проблемами характера революции, с общим пониманием переходного периода, соотношения классов, не могут не быть связаны с большими «изъянами» в понимании общих вопросов марксистской методологии (например, у Бухарина). Наоборот, крупные ошибки в философии марксизма, становящиеся органическими, неизбежно в «конечном счете» (а у людей, не отличающихся особым политическим чутьем или не связанных корнями с практикой рабочего движения, и значительно раньше, даже иногда совершенно прямо и непосредственно) приводят к политическому и тактическому оппортунизму.

Разбирая вопрос о Плеханове, критикуя его ошибки в философии, нельзя не напомнить всем известные слова Ленина, написанные им во время дискуссии о профсоюзах, когда Бухарин и Троцкий путали совершенно элементарные вещи по диалектике.

«В скобках уместным мне кажется заметить для молодых членов партии,—писал Ленин,—что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать—именно *изучать*—все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма»[1].

Вместе с тем, с точки зрения общей теории марксизма-ленинизма, *нельзя ныне не добавить* к этому следующего: нельзя стать настоящим коммунистом, не изучая не только все написанное Плехановым по философии, но также не изучая всего того, что написано Лениным по философии, не изучая той *новой* ступени, на которую он поднял марксистскую философию, не изучая ленинской критики плехановских ошибок в области марксистской теории. Нельзя ныне стать марксистом-ленинцем в области философии, *ограничиваясь* Плехановым, не изучая и не осознавая того идейного богатства, которое в области философии марксизма дал Ленин.

---

[1] *Ленин*, Еще раз о профсоюзах, Соч., т. XXVI, стр. 135.

Ленинская диалектика, как и вся теория ленинизма вообще, прошла через горнило практических испытаний, была испробована в огне и буре войн и революций, проверена на опыте движения миллионов, испытана в жестоких теоретических боях.

Именно исходя из всего этого, мы считаем, что *борьба за действительную, а не мнимую разработку ленинского философского наследства* означает борьбу не за формальную диалектику и не за формалистическую теорию диалектики, а *за конкретную диалектику, которая выражает подлинное существо и дух всех работ Маркса и Энгельса.*

Это означает борьбу за установление наконец правильного соотношения философии и политики, когда ни «известного отрыва от актуальных политических задач», ни никакого разрыва в развитии философской коммунистической мысли наблюдаться не будет. Эта борьба должна привести к правильному пониманию партийности философии в духе Ленина и Сталина, к изменению того положения, когда о диалектике не только будет писаться много хороших слов, но когда она станет в руках наших философов также и «методом познания», когда она будет применяться.

Случайно ли такое непонимание роли Ленина в развитии марксистской философии у Деборина, Карева, Стэна, Луппола и др., подписавших «декларацию 10-ти» «о борьбе на два фронта в философии»? Случайно ли то обстоятельство, что эти товарищи не понимают необходимости сейчас во всю ширь поставить вопрос о Ленине и Плеханове как философах-марксистах? Конечно, не случайно! Ибо как раз наиболее неприемлемые ошибочные стороны Плеханова как философа оказали свое наибольшее влияние и наложили свой отпечаток на работы указанных товарищей: Приверженность к логическому, в противовес историческому, привержеиность к абстрактному, в противовес конкретному (конкретному не эмпирически, а диалектически-конкретному), разрыв между диалектикой и ее применением, разрыв между философией и политикой—ведь эти черты в той или иной степени присущи т. Деборину и его ближайшим ученикам.

Конечно, не случайно, потому что ряд важнейших его работ по философии страдает как раз *формалистическим* искажением марксистской теории. Возьмите, например, работу т. Деборина «Введение в философию диалектического материализма». Она представляет собой в общем довольно ценную работу. Однако основная черта этой книги состоит в том, что развитие новейшей философии представлено в ней как исключительно логический переход одних философских систем в другие, без достаточного анализа социальных корней и исторических условий, обусловивших как самые философские системы, так и их переход друга в друга. Правда, эта работа является ранней работой т. Деборина. В последних работах, особенно в работах против механистов, т. Деборин в

значительной степени освободился от этого недостатка, однако сильный элемент формализма остается и в них.

Борьба с механистической ревизией, или, вернее сказать, борьба с ревизионизмом Аксельрод (Ортодокс) и Сарабьянова, была безусловно одним из этапов борьбы за преодоление ряда ошибочных моментов плехановской трактовки вопросов марксистской философии. Ведь в работах Аксельрод, которая хотела быть «плехановкой больше, чем сам Плеханов», мы имеем односторонее «углубление» этих ошибочных моментов. Таково ее *полное* непонимание *методологического* существа марксистской философии, таков «иероглифический материализм» Аксельрод, таково кантианство в вопросах этики, таково непонимание важнейших вопросов диалектики и т. д. и т. п.

Во время борьбы с механистами были разоблачены и преодолены эти ошибки, это течение в ревизии марксизма. Однако другие моменты, указанные нами, не были преодолены, а наоборот, или были в «консервации», или даже получили усиление. Теперь, когда во всей глубине встает вопрос о разработке ленинского философского наследства, мы должны говорить о борьбе за преодоление и этих недостаточных, ошибочных моментов плехановской трактовки философских вопросов. Нужно повести борьбу с ошибками в области философии, сделанными рядом руководящих товарищей, с ошибками, вытекающими из недостаточно критического отношения к ошибкам Плеханова, из игнорирования ленинской критики этих неправильных моментов.

Мы обязаны, наконец, поставить теперь вопрос о подлинной большевизации всей теоретической работы на философском фронте.

«Правда» от 8 и 9 августа 1930 г.

НАШИ ФИЛОСОФСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ[1]

Тов. Деборин в своем содокладе был безусловно прав, когда заявил, что заседание президиума Комакадемии имеет большое историческое значение. В самом деле, вопросы, которые сейчас стоят на повестке дня философской дискуссии, чрезвычайно важны. Эти вопросы имеют кардинальное, принципиальное значение, они связаны с пониманием существа и характера марксистско-ленинской теории. Однако, прежде чем перейти к существу разногласий, необходимо остановиться на общей характеристике содоклада т. Деборина.

Давая общую оценку содоклада, нужно отметить непогрешимый, папский тон и *прямое третирование* партийной печати, которые допустил т. Деборин. В самом деле, предположим, что статьи, которые были в партийной печати—на страницах «Правды», на страницах «Большевика», на страницах «Комсомольской правды» и т. д.,—страдали большими промахами, недостатками и т. д. Предположим, что теоретический уровень этих статей (о котором говорил т. Деборин) значительно ниже по сравнению с выступлениями ряда других товарищей. Предположим, что в наших выступлениях есть целый ряд ошибок. Но тот факт, что именно *эти* статьи помещаются на страницах партийной печати, свидетельствует о том, что на философском теоретическом фронте, очевидно, что-то неладно. Это свидетельствует о том, что необходимо прислушаться к сигналу, который дает партийная печать,

[1] Стенограмма выступления на заседании президиума Комакадемии 20 октября 1930 г. при обсуждении разногласий на философском фронте.

необходимо тщательно просмотреть и проверить свои доспехи и т. д. Это первое, что нужно было бы сделать, если действительно по-большевистски подойти к выступлениям, которые были в партийной печати. В выступлении же т. Деборина мы этого не видели. Наоборот, его выступление—это полное игнорирование и третирование той печати, о которой я говорил, *полное* нежелание считаться с ней, желание стать и стоять выше, над нею. И это не случайно. Это связано глубокими корнями с теми принципиальными вопросами, принципиальными разногласиями, о которых я буду говорить дальше.

Второе, что необходимо отметить, это совершенно *недопустимое третирование*, которое позволил себе т. Деборин по отношению к Комакадемии. Как бы ни относиться к работе Комакадемии, к ее недостаткам, как бы ни критиковать ее работу, но заявлять на заседаниях президиума о том, что здесь «льется проповедь бернштейнианства», заявлять о том, что здесь «происходит всесторонняя ревизия ленинизма» и т. д.,—это, по-моему, т. Деборин, настолько «загнуть», что дальше итти некуда. В этой же связи стоит исключительная претензия на ленинскую ортодоксальность, которую здесь продемонстрировал т. Деборин. В самом деле, очень смешно и грустно, если хотите, звучит исключительная претензия на ленинскую ортодоксальность со стороны такого «старого» большевика, каким является т. Деборин, со стороны такого «испытанного ленинца», каким является Карев, и со стороны такого «непримиримого» к уклонам человека, каким является Стэн. *(Голоса:* «Правильно!» *Смех. Аплодисменты.)*

Что характерно для содоклада т. Деборина? Что проходит красной нитью через весь содоклад? Красной нитью через все выступление т. Деборина проходит следующее: «Мы первые сказали», «мы первые провозгласили поворот, а потом товарищ Сталин подтвердил», «мы первые говорили о необходимости изучения закономерностей переходного периода, а только потом это стало защищаться и проповедываться на страницах печати» и т. д. Как тут не вспомнить то, что я приводил в статье в «Правде» относительно того, что первый открыл закон единства противоположностей т. Деборин, а затем только Ленин его подтвердил... Как тут не вспомнить «скромность» подобного же порядка у т. Луппола и т. д. Все это, повторяю, не случайно и связано с основными принципиальными спорами, которые стоят в порядке дня философской дискуссии.

Наконец, должен еще отметить тот экивок в сторону молодежи, отличной от философских вождей, который сделал в своем докладе т. Деборин. Нужно однако сказать, что тут дело совсем не в вождях, ибо если уж употреблять это слово «вожди», то «вожди»—тоже малонадежные. Не в этом дело, т. Деборин. Дело в том, что вы никакими экивоками, никакими софизмами не смо-

жете смазать того факта, *что у вас произошел разрыв с партийной организацией (с места:* «Правильно!»), с такой организацией, какой является партийная организация Института красной профессуры. Никакими софизмами, никакими замечаниями этого факта вы не смажете. Это тоже не является случайным, это такое дело, над которым вам нужно было бы задуматься. Я бы предложил вам, действительно, серьезно вдуматься в это дело, «синтетически охватить смысл» такого разрыва. *(С места:* «Правильно!») Если бы вы его «синтетически охватили», это помогло бы вам найти правильную дорогу в тех спорах и вопросах, которые сейчас стоят перед марксистско-ленинской теорией.

Что же касается существа поднятых в философской дискуссии вопросов, то, давая общую оценку содоклада, необходимо отметить следующее. Во-первых, содоклад т. Деборина обнаружил *полное непонимание необходимости, существа, характера* и задач поворота. Тов. Деборин говорил: «поворот на основе старой линии». Я спрашиваю, что это за «поворот на основе старой линии» при тех громадных изменениях, которые произошли в соотношении классовых сил, при тех классовых сдвигах, которые имеются в стране, при тех новых теоретических задачах, которые встали, и, наконец, при той неправильной линии, которую вы ведете уже больше года?

Когда мы говорим о линии поведения, о линии работы—теоретической и практической—данного философского руководства, нам подсовывают генеральную линию развития марксистско-ленинской философии вообще. Получается такое впечатление, будто наша постановка вопроса об изменении линии означает изменение вообще генеральной линии развития философии марксизма-ленинизма. Не выйдет ничего у вас с такими «шибко умными» трюками! Сами же вы оскандалитесь на этом деле, ибо в своем зазнайстве вы отождествляете *свою работу* с генеральной линией развития марксистско-ленинской философии.

Нужно только немного вдуматься в деборинское положение «поворот на основе старой линии», чтобы раскусить весь смысл его, направленный по существу против поворота. Ленин учил нас на каждом данном историческом этапе при постановке теоретических и практических задач ухватываться за основное звено, при помощи которого можно вытащить всю цепь. Тем и характерен *новый* этап развития, *новая* обстановка, что выдвигаются *новые* теоретические задачи. Безусловно, основная задача всей нашей великой эпохи в области философии заключается в том, что необходимо разрабатывать теорию материалистической диалектики. Однако на каждом этапе развития нашей революции выдвигаются на первый план разные стороны этой работы. Тот, кто именно *этого* обстоятельства не учитывает, кто не понимает того, что и «восстановительный» период центр тяжести в работе над теорией

материалистической диалектики лежал в общей защите теории диалектики, в развертывании ее категорий в наиболее общей форме, а с переходом к реконструктивному периоду—помимо общей защиты диалектики—центр тяжести передвигается в сторону *конкретизации* этих категорий, в сторону *разработки проблем* переходного периода и т. д.,—тот действительно ничего не понимает.

Вот как раз такая «эпохальная» постановка вопроса, такая постановка вопроса, при которой не учитываются конкретные этапы нашей великой эпохи, и характерна для т. Деборина.

Второе, что необходимо отметить, это *полное нежелание по-большевистски признать допущенные ошибки*. Нельзя же в самом деле считать признанием ошибок то, что т. Деборин в конце своего содоклада, разводя руками, говорил: «Мы признаем ошибки в вопросах троцкизма и рубинщины, подсыпьте еще ошибки—оптом все признаем». Разве такое признание ошибок может иметь какое-нибудь значение в нашей дальнейшей теоретической работе? Что говорил Ленин по вопросу о признании ошибок? Когда он охарактеризовал один из важнейших и вернейших критериев серьезности большевистской партии, он говорил по вопросу о признании ошибок следующее: «Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку—вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это—воспитание и обучение *класса*, а затем и *массы*»[1].

Вот, товарищи, постановка вопроса о признании ошибок, которую давал Ленин по отношению к партии, но это, мы можем сказать, относится также и к теоретической работе и к теоретическим ошибкам. Вот только такой анализ ошибок, только такое обсуждение ошибок действительно направлено на то, чтобы воспитать и класс и массы. Этого-то в докладе т. Деборина совершенно не было. Формальным признанием ошибок, которое т. Деборин собрался сделать только в конце своего доклада, делу не поможешь. Такое формальное признание ошибок не нужно. Формальное признание ошибок не дает возможности решать те гигантские теоретические задачи, которые стоят перед нами.

Следующее, что необходимо отметить, характеризуя содоклад т. Деборина,—это то, что т. Деборин *совершенно не понимает задач борьбы на два фронта* в области философии, задач борьбы с механистической ревизией марксизма как с главной опасностью и задач борьбы с формализмом. В самом деле, как он характеризует современное создавшееся положение на философском фронте? Он охарактеризовал тот «блок», о котором он го-

---

[1] *Ленин*, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. XXV, стр. 200.

ворил, как рецидив механицизма, как рецидив ползучего эмпиризма. Следовательно, борьба с этим «блоком» в той или иной форме есть продолжение борьбы с механистами, следовательно, никакого другого фронта, с которым надо бороться, нет. В продолжение двух с половиной часов своего содоклада т. Деборин не нашел ни одного слова, чтобы сказать о *формализме*, о той формалистической литературе, которую мы в настоящее время имеем и которая идет, конечно, под флагом ленинской ортодоксии в области теории. Тов. Деборин обращался к нам: «Вы до сих пор не давали определения формализма. Дайте, пожалуйста, определение формализма». Как характерно такое обращение! Но, т. Деборин, если вы хотите знать, в чем суть формализма, прочтите внимательно ваши работы. *(С места:* «Правильно!»)

Давая общую характеристику содоклада, должен отметить последнее по счету, но не последнее по важности, обстоятельство. Тов. Деборин совершенно обошел конкретный исторический классовый анализ стоящих *на данном этапе задач*. Он ни слова не сказал о конкретной исторической обстановке, о той классовой борьбе, которую мы сейчас имеем, о тех новых фактах и явлениях, которые действительно характеризуют нынешнюю конкретную обстановку. Вместо этого—«эпохальная» постановка вопросов, задач и т. д. Ленин очень резко характеризовал такой уход от действительного, конкретного анализа конкретной обстановки, уход в сторону «эпохальной» постановки теоретических и вообще политических вопросов. Ленин называл такую постановку вопросов *оппортунизмом*.

Теперь я перейду к существу тех вопросов, которые ставились. Я хотел бы сказать два-три слова об истории разногласий. Об этом довольно много говорил в своем содокладе т. Деборин. Он много говорил относительно резолюции, которая была будто бы принята единогласно на заседании фракции общества воинствующих материалистов-диалектиков. Но он извратил историю дела, неправильно передал ее. На фракции общества воинствующих материалистов-диалектиков, при обсуждении вопроса о новых задачах на философском фронте, резолюция была принята *за основу*, только за основу. Правлению общества воинствующих материалистов-диалектиков было предложено обсудить резолюцию, принимая во внимание те поправки, которые были внесены в прениях и на фракции, и потом окончательно ее отработать и утвердить на очередном заседании фракции. Как раз по вопросу о поправках, которые мы внесли на правлении общества, определились у нас основные разногласия. Для того чтобы охарактеризовать обстановку, которая была на заседании правления общества, должен сказать следующее: там присутствовал и Деборин, и Карев, и Подволоцкий, и Стэн. Никто из них, конечно, не может отрицать того, что т. Деборин, характеризуя создавшееся положение, го-

ворил следующее: какая-то обстановка паники в связи с поворотом создалась вокруг меня, в панику ударился Подволоцкий, в панику ударился Карев и т. д. Вот как обстояло дело, вот какое паническое состояние создалось у философского руководства. Об этом говорил т. Деборин на заседании правления общества воинствующих материалистов-диалектиков. Это крайне характерно. Этим фактом можно объяснить то, что философское руководство проморгало новые вылазки механистов, которые имели место как раз в это время. Нужно отметить, что руководство никак не реагировало на страницах философской печати на новые вылазки механистов на философском фронте. И как раз та группа товарищей, которая философским руководством обвиняется в рецидивах механицизма, первая откликнулась на попытки реванша со стороны механистов. Сейчас наши товарищи уже написали вторую статью, которая пойдет в ближайшее время, содержащую дальнейшее разоблачение новых вылазок механистов. Вот, товарищи, какова действительная история. А теперь по вопросу о поправках. По каким вопросам определились у нас основные разногласия на заседании правления общества воинствующих материалистов-диалектиков? Мы внесли несколько поправок, из них некоторые очень важные. Некоторые поправки были приняты, некоторые нет. Три следующие поправки не были приняты.

Первая. Мы настаивали на том, чтобы подчеркнуть в резолюции, что в вопросах борьбы с троцкизмом философское руководство и вообще философский фронт ничего не сделал или сделал очень мало. Эта поправка была отвергнута.

Вторая. Мы настаивали на записи в декларации того, что отставание теории от практики относится не только к экономистам, историкам и правовикам, но также и к философскому фронту, что одним из следствий этого отставания является нереагирование, неучастие в целом ряде дискуссий и в частности нереагирование на ошибки, которые были сделаны по поводу рубинщины. Эта поправка была тоже отвергнута.

Третья. Мы настаивали на том, чтобы в декларации было заявлено, что на прошлом этапе не было борьбы с идеалистическими и формалистическими шатаниями. Это тоже было отвергнуто.

Ясное дело, что выдавать теперь резолюцию за принятую единогласно, ни словом не обмолвившись о поправках, которые были сделаны,—это я уже не знаю, как назвать, но во всяком случае это есть не что иное, как совершеннейшее извращение истории разногласий и истории борьбы. Вот по этим пунктам у нас произошли основные разногласия на правлении общества, и по этим пунктам товарищи из философского руководства давали нам бой, называя нас за эти поправки воинствующими эклектиками, примиренцами к механистам и т. д. Вот какова истинная история разногласий.

Теперь я перейду к основным вопросам, стоящим в порядке дня философской дискуссии. Для того чтобы понять эти вопросы, для того чтобы понять глубокий принципиальный смысл происходящей дискуссии, конечно, необходимо несколько остановиться на живой реальной связи, которая существует между философскими спорами и современным этапом развития нашей революции. Нельзя ни в коем случае рассматривать философскую дискуссию изолированно от дискуссии и борьбы, которая велась с рубинщиной, переверзевщиной. Именно сейчас, в свете новых фактов и явлений, нужно подойти к оценке итогов дискуссии и с рубинщиной и с переверзевщиной. Сейчас, после вскрытия новых фактов вредительства, после всех новых явлений того оголтелого сопротивления социалистическому наступлению и той борьбы, которая ведется против нас нашими классовыми врагами, становится совершенно ясным, кристально прозрачным весь объективный смысл борьбы, которая была в области политэкономии, литературоведения, а также и на других участках теоретического фронта.

Нужно сказать, что отрыв теории от практики, отрыв формы от содержания—это не только вредные вещи вообще, это не только нечто, что ревизует ленинизм или что не является ортодоксальным марксизмом,—эти вредные вещи в настоящих условиях суть не что иное, как факты отхода от марксизма. В настоящих условиях последнего боя с русским капитализмом вое это наполняется определенным классовым содержанием, приобретает определенный смысл. Уход от теоретических споров, от разработки конкретных проблем переходного периода, отрыв формы от содержания, отрыв теории от практики—все это приобретает прямой политический смысл. Только в этом свете нужно подойти к оценке той борьбы, которая была в области политэкономии, и только в этом свете нужно подойти к оценке той борьбы, которая происходит в области философии. Нужно сказать, что отрыв теории от практики, полет к абстрактным вершинам чистой теории, уход от конкретного содержания, от конкретного реального этапа нашей действительности—это есть одна из самых утонченных форм влияния классовой, буржуазной идеологии на наши ряды. *(С места:* «Правильно!») Кто этого не понимает или не хочет понять, тот действительно ничего не понимает в настоящей обстановке.

Нужно сказать в связи с этим о наших теоретических задачах следующее. Ни на одном из этапов революции к теории не предъявлялись такие громадные требования, какие предъявляются на настоящем этапе. Но вместе с тем никогда не было так вредно пустое теоретизирование, как теперь. Пустое теоретизирование является ныне прямым *препятствием* для социалистического строительства. Современная обстановка и условия требуют революционной теории, требуют широкого теоретического обоб-

щения, использования всей науки, всей совокупности человеческих знаний, опыта и практики. Но вместе с тем эта обстановка требует подлинно ленинской, конкретной, содержательной теории, требует осмысливания колоссальных классовых сдвигов, которые происходят, осмысливания того, что мы вступили в период социализма, осмысливания всего того нового, что этот период вносит, осмысливания закономерностей, смены формы, смены стихии планом, окончательного выкорчевывания классов и т. д. Все это требует подлинно ленинской, подлинно содержательной и подлинно конкретной диалектики. *(Голос:* «Правильно!»)

И тут перед нами две опасности, которые необходимо отметить. Первая—это *делячество, оппортунизм*, который не понимает роли и *значения теории*. Это—главная опасность, с которой нужно продолжать борьбу по той же линии, по которой она велась раньше. Но одновременно с этим нужно вести борьбу и со второй опасностью—с пустым формализмом, со словесной эквилибристикой, которая выдается за ортодоксальную ленинскую теорию; необходимо вести борьбу с «цитатным марксизмом». *(Голос:* «Правильно!»)

Вот что должно составлять содержание дальнейшего этапа развития. Кто этого не понимает, тот не понимает смысла борьбы, происходящей у нас. В самом деле, вопросы, которые сейчас стоят в области философии,—это вопросы партийности философии, вопросы ленинского теоретического наследства. Они не случайно поднялись теперь, они имеют связь со всем переживаемым нами этапом. Ведь вопросы о партийности философии, о партийности науки связаны со всеми теми процессами, которые происходят сейчас в стране. Кто этого не понимает, тот не может разобраться в конкретной обстановке, в которой мы сейчас находимся. Вопросы осмысливания теоретического ленинского наследства, вопросы соотношения между Лениным и Плехановым—разве это вопросы, которые ставятся только в области философии? Конечно, нет. И историки, и экономисты, и литераторы подтвердят, что об этом ведутся теоретические дискуссии, что в этом направлении работает теоретическая мысль.

Вопрос о соотношении между Лениным и Плехановым—это не «темка», как говорит т. Деборин, это вопрос, который связан с действительно широким синтетическим охватом проблем ленинизма, синтетическим охватом генезиса его развития, его своеобразия. Эта «темка» связана с преодолением разрыва теории и практики, этого вреднейшего наследства, которое осталось от эпохи II Интернационала. Вот что необходимо понять. Это—не «темка», это—серьезнейшие, важнейшие принципиальные, коренные вопросы.

Для того чтобы дать оценку вопросов, стоящих сейчас в повестке дня философской дискуссии, необходимо дать сжатую характеристику того положения, которое мы имели на прошлом этапе.

Подходя к оценке прошлого этапа развития, нужно прежде всего освободиться от совершенно неправильного представления, которое сквозит во всех выступлениях представителей так называемого философского руководства, которое выражено во всех их документах, в частности в той декларации, о которой говорил т. Деборин. Там отождествляются две вещи, которые не могут и не должны отождествляться: развитие философской коммунистической мысли вообще и работы данной группы товарищей. Это, товарищи, вещи разные, их нельзя отождествлять. В самом деле, что мы понимаем под развитием философской коммунистической мысли вообще? Говоря о развитии философской коммунистической мысли, мы имеем в виду в первую очередь труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Какое активное участие «принимали» Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин в прошлом этапе? За этот период вновь опубликованы работы Маркса, впервые опубликована работа Энгельса «Диалектика природы», которая представляет собой целую эпоху в развитии марксизма, опубликованы «Философские тетради» Ленина, «Вопросы ленинизма» Сталина и т. д. Все эти работы являются важнейшими моментами в развитии философской коммунистической мысли.

Нужно отметить и то, чего как раз не понимают товарищи из философского руководства. В развитие философской коммунистической мысли в качестве важнейшего составного элемента входит и то мастерское применение диалектики, которое проводит наша партия. Это и есть тот действительно *творческий марксизм*, образцы которого на протяжении всего этого этапа давала наша партия в работах своих вождей, те образцы решения кардинальнейших вопросов действительности, а вместе с тем теоретических вопросов, которые давал товарищ Сталин,—вопросов, связанных непосредственно с основными категориями материалистической диалектики, таких вопросов, как вопрос о возможности и действительности, как вопрос о сущности и явлении и т. д. Вот эти вопросы, разработку и применение которых давал товарищ Сталин, есть важнейшая составная часть развития философской коммунистической мысли. Поэтому, мне кажется, отождествлять развитие философской коммунистической мысли с работами Деборина, Карева и др. совершенно невозможно.

Вместе с тем, для того чтобы понять и оценить прошлый этап развития, нельзя обойти и прошлого т. Деборина и некоторых других из данного руководства. Нужно сказать, что после Октября т. Деборин проявил большие успехи, большой рост, большое развитие в сторону ленинизма. Но т. Деборин, придя в нашу партию, в течение всего прошлого этапа развития сохранил в себе много плехановских традиций, таких традиций и положений, которые критиковались Лениным. И это нельзя не вспомнить, когда мы говорим об оценке прошлого этапа, потому что это наклады-

вало определенный отпечаток на развитие товарищей, которые находились под значительным влиянием т. Деборина.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, проводя вот это различие, о котором я говорю, мы не можем вместе с тем при оценке работ этих товарищей, при оценке итогов, достижений и ошибок прошлого этапа, обойти все те большие достижения, которые были на прошлом этапе. Главной вехой, отправным пунктом, указавшим основные задачи теоретической работы на философском фронте, явилась статья Ленина «О значении воинствующего материализма». Если мы проследим итоги развития за прошлый этап, если мы посмотрим на те достижения, которые имеются, если мы оценим этот путь развития, то мы должны сказать, что в основном в ряде областей, о которых я сейчас скажу, работа велась в направлении, указанном Лениным. Но это никоим образом не означает, что мы должны замазывать те ошибки и недостатки, которые были на прошлом этапе развития.

По какой же линии, в каких областях работа велась в направлении, указанном Лениным? В направлении, указанном Лениным, работа велась в области пропаганды и защиты диалектического материализма как всеобщей методологии общественных и естественных наук. Работа велась также в области борьбы с ревизионистскими течениями механистов, в области пропаганды и первых попыток применения диалектического метода в естествознании, в области работы над генезисом марксизма, в области разработки истории материализма и т. д. Вот примерно те области, в которых шла работа по указаниям, данным Лениным в статье «О значении воинствующего материализма».

Наряду с этим нельзя не отметить коренные пороки и ошибки, которые были на прошлом этапе. Основная и главная ошибка, о которой я буду сейчас говорить,—это недостаточно полное понимание Ленина и ленинского теоретического наследства, недостаточно полное понимание и недооценка роли и значения Ленина и ленинизма в развитии диалектического материализма. Я не буду сейчас останавливаться на том, что уже стало общеизвестной истиной, что признается всеми,—на отрыве теории от практики, на троцкизме, рубинщине и т. д., а также на других ошибках, которые были на философском фронте. Перед нами встает другой вопрос. Нам нужно сейчас проанализировать *теоретические корни* этих ошибок, проанализировать, почему произошли такие явления, вскрыть, нет ли в самой постановке теоретических проблем на прошлом этапе оснований и корней, которые давали именно *такой* путь развития, а не другой, которые давали именно *такие* ошибки, а не другие. Вот это нужно сейчас проделать. Это работа чрезвычайно важная и необходимая; без нее сейчас не обойтись при оценке прошлого этапа развития.

Коренным пороком всего прежнего философского развития, кото-

рое находилось под эгидой философского руководства, *является недооценка и непонимание ленинского* философского наследства, несмотря на то движение к Ленину, которое мы имеем в ряде вопросов и областей. То, что мы слышали в содокладе т. Деборина по этому вопросу, является лучшим подтверждением выставляемого мною тезиса. На конкретные обвинения, достаточно подкрепленные и обоснованные, брошенные т. Деборину со страниц партийной печати, он не дал никакого ответа, а, наоборот, пытался отделаться мелкими софизмами. Однако мелкие софизмы в устах большого человека приобретают большое значение, становятся большими софизмами, а большой человек становится от этого меньше. *(Смех.)* И мы должны сказать, что именно это было характерно в выступлении т. Деборина. Со страниц партийной печати т. Деборину было брошено обвинение в том, что он неправильно понимает соотношение между Лениным и Плехановым. Ему было брошено обвинение в том, что теперь, в 1929 г., он дает неправильную формулировку по такому важному вопросу. Я должен эту формулировку зачитать, потому что т. Деборин на нее ссылается: «Плеханов прежде всего—теоретик, Ленин же прежде всего—практик, политик, вождь». Тов. Деборин не указал в своем содокладе на ту явную ошибку, которая в этом вопросе допущена. Наоборот, мелкими софизмами он попытался представить дело в таком смысле, что он хотел сказать о созерцательности Плеханова. Нужно, однако, внимательно прочитать другие места из работы т. Деборина «Ленин как мыслитель»... *(Новиков:* «Читайте, читайте!») ...чтобы понять, что софизмы Деборина—это не что иное, как извращение сути дела, что наводит тень на ясный день. Я, товарищи, буду читать и удовлетворю ваше любопытство, т. Новиков. Вопрос о понимании роли Ленина безусловно связан с общим вопросом о понимании ленинизма. Вот что по такому кардинальному вопросу говорит т. Деборин: «Марксизм превратил *политику в науку*. Ленин был гениальным *политиком* этой школы».

Совпадает ли это с мыслью, что Ленин только политик, вождь и т. д.? Конечно, совпадает. Следовательно, говорить, что первое положение случайно,—не приходится. Это явно замазывать ошибку. Далее. Как т. Деборин характеризует марксизм-ленинизм? Он пишет: «Поэтому надлежит не противопоставлять ленинизм—марксистскую политику и тактику—марксизму, как философской, исторической и экономической теории, на которой политика и тактика Ленина строилась». *(Голоса:* «Правильно!») Что правильно? Я не думаю, чтобы в этом зале был кто-нибудь, кто утверждал бы, что ленинизм есть *только политика и тактика. (С места:* «Где это сказано?») Думаю, что в этом зале нет никого, за исключением т. Деборина, кто бы так ставил вопрос. Это положение опять-таки тесно связано с другим, которое я приводил. Тут, т. Деборин, вам кланяется Ваганян. В этом вопросе есть много общего с той по-

становкой, которую мы имеем в целом ряде троцкистских произведений. Об этом нужно сказать открыто. Такая постановка вопроса о ленинизме—как о тактике и политике в противовес марксизму как философской теории—ошибочна.

Это *положение* т. Деборина является совершенно неправильным. Кто пытается выкриками здесь замазать эту явную ошибку т. Деборина в понимании того, что такое ленинизм,—сам впадает в ошибку. Эти ошибки, которые я указал в своей статье в «Правде», т. Деборин в своем содокладе не признал и сделал этим еще бо́льшую ошибку.

(С места: «Сказано «не в противовес». *Голоса:* «Из пальца высосано!»).

Я могу привести еще ряд мест, которые идут именно по этой линии. Что он пишет? «Несомненно, вся сила Ленина заключается, помимо его личной гениальности, в правильном применении марксизма на практике, в проведении его в жизнь». Только *применение* марксизма, только *практика*, только *политика*. Непонимание всего теоретического значения ленинизма—вот что характерно для т. Деборина. Ясно, что практика должна быть дополнена теорией.

Если вдуматься хорошо в цитату, которую я приводил, то смысл совершенно ясен. Они оба (Плеханов и Ленин), говорит т. Деборин, *дополняют* друг друга, теория дополняется практикой, Ленина дополняет Плеханов, Ленин как практик дополняет Плеханова как теоретика. Только так можно трактовать это место. Это показывает, что т. Деборин мелкими софизмами хотел отделаться от чрезвычайно важного и существенного вопроса.

Теперь я должен обратить ваше внимание на другие места, связанные с вопросом об оценке Ленина и Плеханова. Тов. Деборин в доказательство того, что он правильно понимает и правильно ставит вопрос о соотношении между Лениным и Плехановым, привел цитату из своего предисловия к IX «Ленинскому сборнику». Я тоже должен привести цитату из этого предисловия и зачитать соответствующее место, на которое ссылался т. Деборин, и соответствующим образом показать, что против этого же места выступает и Карев, хотя он и не говорит, против кого направлено его выступление. Характерно, что, трусливо критикуя т. Деборина, Карев в своем выступлении тоже делает ошибку, но об этом позже.

Итак, т. Деборин пишет: «Между Плехановым и Лениным существует различие, отражающее особенности исторических фаз в развитии революционного движения и классовой борьбы пролетариата»[1].

Итак, между Лениным и Плехановым—различие, отражающее различие исторических фаз. Это пока очень общая и мало содержательная фраза. Однако смысл у т. Деборина она имеет

[1] «Ленинский сборник» IX, стр. 3, изд. 1-е.

весьма определенный. Основной объективный смысл такой постановки вопроса состоит в том, чтобы прикрыть и замазать ошибки Плеханова, извратить действительное различие между Плехановым и Лениным. В самом деле, т. Деборин может представить дело таким образом: то, что писалось Плехановым, соответствовало одному периоду, то, что писалось Лениным, соответствовало другому периоду. И Плеханов и Ленин «удовлетворены», и «исторический подход» соблюден. Однако сам т. Деборин не может удовлетвориться такой постановкой вопроса, пытается ее кое-как конкретизировать. И вот что у него получается:

«Ленин в своих чисто философских работах опирался как на богатый опыт классовой борьбы в эпоху империализма, этого последнего этапа развития капитализма, так и на великие перевороты в области *естествознания*, стремясь в соответствии с этим углубить и чисто *теоретически* философию диалектического материализма, заостряя все вопросы вокруг *методологических* основ марксизма, вокруг *материалистической диалектики*»[1].

Если сопоставить это место с тем, которое я рассматривал выше, то картина получается следующая: у т. Деборина сквозит попытка представить Плеханова как философа, опирающегося на опыт классовой борьбы эпохи промышленного капитализма, Ленина же — как философа, опирающегося на опыт классовой борьбы эпохи империализма.

(Шум. С места: «Возьмите определение товарища Сталина, что такое ленинизм»[2].)

У т. Деборина помимо крайней схематичности этого построения необходимо отметить и крайне неудачное место, когда он подчеркивает, что «Ленин стремился», «Ленин углубил это», «Ленин дал бы толчок развитию диалектики» и т. д. Еще в 1924 г. товарищ Сталин дал совершенно ясную постановку этого во-

[1] «Ленинский сборник» IX, стр. 3—4, изд. 1-е.

[2] В связи с репликами, совершенно не относящимися к существу трактуемого мною вопроса, считаю все же нужным привести следующее определение ленинизма товарищем Сталиным: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции... Правильно ли это определение? Я думаю, что правильно. Оно правильно, во-первых, потому, что правильно указывает на исторические корни ленинизма, характеризуя его как марксизм *эпохи империализма*, в противовес некоторым критикам Ленина, неправильно думающим, что ленинизм возник после империалистической войны. Оно правильно, во-вторых, потому, что правильно отмечает международный характер ленинизма, в противовес социал-демократии, считающей ленинизм применимым лишь в национально-русской обстановке. Оно правильно, в-третьих, потому, что правильно отмечает органическую связь ленинизма с учением Маркса, характеризуя его как *марксизм* эпохи империализма, в противовес некоторым критикам ленинизма, считающим его не дальнейшим развитием марксизма, а лишь восстановлением марксизма и применением его к русской действительности» (*Сталин,* Вопросы ленинизма, стр. 102, изд. 10-е).

проса. Он писал: «На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и *дальнейшим развитием* критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики»[1].

Теперь я зачитаю, что пишет Карев по вопросу о различии между Плехановым и Лениным: «Плеханов и Ленин в этом отношении представляли не различные эпохи в рабочем движении, *а различные струи* в нем, в марксизме—различную глубину его понимания»[2].

Вот другая постановка вопроса о соотношении Ленина и Плеханова, которая направлена против т. Деборина, сама по себе не менее ошибочная. Нужно сказать, что постановка, которая имеется у т. Деборина, неполна, неточна и поэтому неправильна. Чего недостает в постановке вопроса т. Деборина? В постановке вопроса т. Деборина недостает весьма важного обстоятельства—*социального, классового анализа самих исторических фаз*, о которых он говорит. Чего недостает в постановке вопроса Карева? В постановке вопроса Карева недостает другое. Он полемизирует с т. Дебориным по этому вопросу, но у него все дело сводится к глубине понимания марксизма. Между тем, если подойти с правильной точки зрения к этому вопросу, то совершенно ясно, что глубина понимания марксизма зависит не только от личной гениальности или талантливости вождей рабочего класса, а представляет собой также продукт социально-экономической и политической обстановки. *(С места:* «Нужен синтез Карева с Дебориным».) Вот вы, т. Новиков, и занимайтесь таким синтезом. Как раз постановка вопроса Карева, его высказывания по этому вопросу показывают, что эта «темка» неправильно ставится, что необходимо действительно проанализировать все эти важные вопросы, что необходимо понять и посмотреть, *как* ошибки Плеханова в области методологии отразились в его политических работах, в вопросах истмата, в понимании классовой борьбы и т. д.

Нужно сказать, что действительно ортодоксальными, единственно последовательными, непосредственно примыкающими к высказываниям Энгельса и Маркса являются высказывания в области философии марксизма не кого другого, а Ленина и Сталина. Нужно сказать, что действительно решающими являются указания, которые по этому вопросу дал товарищ Сталин еще в 1924 г. Товарищ Сталин писал: «Иные думают, что ленинизм есть примат практики перед теорией в том смысле, что главное в нем—претворение марксистских положений в дело, «исполнение» этих положений, что же касается теории, то на этот счет ленинизм

---

[1] *Сталин,* Вопросы ленинизма, стр. 12, изд. 10-е. Подчеркнуто мною.—*М. М.*

[2] «Под знаменем марксизма» № 6 за 1930 г., стр. 35.

довольно, будто бы, беззаботен. Известно, что Плеханов не раз потешался над «беззаботностью» Ленина насчет теории и особенно философии»[1].

И дальше он пишет: «Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи»[2].

Вот единственно правильная постановка вопроса о соотношении между Лениным и Плехановым как теоретиками-марксистами.

Конечно, когда мы ставим вопрос о Плеханове, нужно видеть две опасности, которые реально наметились в этом вопросе. Нужно видеть опасность абсолютного отрицания роли и значения Плеханова для развития марксистской теории. Такая опасность уже начала проявляться в литературе и, вероятно, будет дальше проявляться. Мы знаем ленинские указания на то, что под флагом критики оппортунизма Плеханова протаскивался всякий философский хлам. С такой опасностью нужно вести борьбу. Но вместе с тем на нынешнем этапе развития, когда так остро стоит вопрос о ленинской теории, смазывать различие между Лениным и Плехановым ни в коем случае нельзя. Нужно соответствующим образом понять их соотношение, нужно раскритиковать ошибки, на которые указывал Ленин, и нужно вместе с тем дать правильную оценку того значения, которое имеет Ленин в развитии марксистско-ленинской теории. Нужно сказать, что т. Деборин шарахается от одной крайности в другую. В своем содокладе, наряду с защитой своих ошибок в этом вопросе, он впал в опасность первого типа, о которой я говорил. Что означает его термин «плехановизм», который он здесь бросил, что означает его положение, будто он когда-то давно, еще «до рождества христова», порвал с Плехановым и т. д.? Все это показывает, какие качания в целом ряде теоретических вопросов мы тут имеем.

Теперь о других вопросах, в которых сохранилась ошибочная плехановская традиция в произведениях т. Деборина и его ближайших учеников. Прежде всего надо сказать о плехановской теории иероглифов. Надо отметить, что т. Деборин в своем содокладе допустил и по этому вопросу ошибку. Тов. Деборин заявил, что тут им суют теорию иероглифов в то время как она давно умерла. Здесь т. Деборин явно недооценил рост махизма, неомахизма, который мы имеем в настоящее время. Тов. Деборин явно недооценил, забыл распространение агности-

---

[1] *Сталин,* Вопросы ленинизма, стр. 12—13, изд. 10-е.
[2] *Там же,* стр. 14.

цизма, иероглифических идей, которые имеют место среди естественников. Ленин дал уничтожающую критику этой теории. Однако недооценивать значение махизма и агностицизма, который мы имеем в современной науке, никоим образом нельзя, так же как нельзя забывать и о необходимости жестокой борьбы с ним. Тов. Гессен, который был на съезде физиков, сумеет нам рассказать много интересных вещей, в частности о роли теории иероглифов в современной физике. Тов. Деборин же авторитетно заявляет: «теория иероглифов умерла». Далее, надо сказать, что как раз в вопросе о иероглифах, в вопросе о смазывании этой ошибки Плеханова, мы имеем стык между тт. Дебориным и Сарабьяновым, как это ни покажется странным. В самом деле, т. Деборин в своей книжке «Ленин как мыслитель» заявляет следующее: «Ленин был совершенно прав в своем возражении против теории символов или иероглифов. Читатель знает, что Плеханов, вообще говоря, не стоит на иероглифической точке зрения и что он признал свою терминологию неправильной, ибо у Плеханова все дело сводилось только к *терминологии*, но не к *существу* вопроса»[1].

Это есть затемнение, замазывание существа дела. После того, как Плеханов в предисловии ко второму изданию *своего перевода* книги Энгельса «Людвиг Фейербах» заявил, что эта терминология была неправильной, что нельзя делать терминологические уступки своим врагам, после этого Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» счел нужным написать, что в этом вопросе мы имеем ошибку у Плеханова—в формулировке материализма, «отступление Плеханова от той формулировки материализма, которую давал Энгельс». Что это, в свете этих положений Ленина, как не замазывание ошибок Плеханова т. Дебориным. И как раз это замазывание ошибок Плеханова в вопросе об иероглифах характерно и для т. Сарабьянова. Тов. Сарабьянов говорит: «Я открыто признал, что стою на той гносеологической точке зрения, которую развивал Плеханов. Но и в этом вопросе я ошибался, и впоследствии в предисловии к своей книге, как и в главе «О проблеме физического и психического», я показал, что и Ленин и Плеханов проводят по существу одни и те же гносеологические взгляды»[2].

Итак, т. Сарабьянов заявляет, что в этом вопросе нет никакой разницы между взглядами Ленина и Плеханова. Тов. Сарабьянов, так же как и т. Деборин, замазывает ошибку Плеханова, ошибку, которая связана с тем, что Ленин стоял на точке зрения *отражения*, а Плеханов в основном принимал теорию иероглифов.

---

[1] *Деборин*, Ленин как мыслитель, стр. 52, 1929 г.
[2] «Антирелигиозник» № 7 за 1930 г., стр. 83.

Нужно сказать, что во время борьбы с механистами бывало так, что как раз т. Сарабьянов выходил *иногда* победителем в дискуссиях по этому вопросу. Это объясняется тем, что во всей дискуссии его неправильно, недостаточно последовательно критиковали с ленинской точки зрения. Если бы критика его позиции проходила с ленинской точки зрения, тогда, конечно, т. Сарабьянов не мог бы в этом вопросе иногда «поживиться», не мог бы выходить иногда победителем.

Теперь необходимо остановиться на вопросах, во-первых, о том, как сильно было влияние Плеханова на Деборина в ряде философских вопросов и, во-вторых, как философское руководство не желает прислушиваться к критике этих ошибок Лениным. Я имею в виду опубликованные в XII «Ленинском сборнике» замечания Ленина на статью т. Деборина «Диалектический материализм», вышедшую в свет в 1909 г. Прежде всего, вот характеристика стиля т. Деборина (а ведь «стиль—это человек»), какую дает Ленин: «Уф!», «эк его!», «верные истины изложены в дьявольски-вычурном темном виде. Отчего Энгельс не писал таким тарабарским языком?» [1] Далее Ленин дает характеристику взглядов т. Деборина на французских материалистов. Тов. Деборин в своей статье писал:

«Французские материалисты с Гольбахом во главе противопоставляли *природу*, как метафизическую сущность вещи, ее *свойствам*. Это противопоставление означает в известном смысле тот же дуализм, что между «вещью в себе» и «явлениями» у Канта...» [2]

По поводу этого места Ленин делает весьма замечательное примечание: «вранье!» Действительно, тут мы имеем очень существенную ошибку, ибо дуализм Канта в его понимании «вещи в себе» и «явления» находится у него в самой тесной связи с его агностицизмом. Между тем, несмотря на всю метафизичность французского материализма, обвинять его в агностицизме нельзя. Французский материализм стоял на точке зрения принципиальной познаваемости материи.

Тов. Деборин сам чувствует, что у него тут не все ладно. Он спешит дело поправить, и что же получается? Вот что: «Мы были бы, однако, несправедливы к французскому материализму, если бы отожествили его с кантианизмом. Материализм XVIII столетия все же признает *относительную познаваемость* даже сущности вещей» [3].

Ленин по поводу этого места дает следующее примечание: «до nec plus ultra (до самой крайней степени) неуклюже» [4].

---

[1] «Ленинский сборник» XII, стр. 355.
[2] *Там же.*
[3] *Там же.*
[4] *Там же.*

Тов. Деборин продолжает, далее, «поправляться». Он пишет: «Но французский материализм недостаточно последователен, поскольку он учит, что познаваемы лишь *некоторые* свойства вещей, между тем, как сама «сущность» или «природа» их скрыта от нас и не вполне познаваема»[1]. По поводу этого места, которое обнаруживает деборинскую путаницу в оценке французских материалистов, Ленин делает следующее замечание: «Это—каша».

Казалось бы, после выхода в свет XII «Ленинского сборника», после этих замечаний, т. Деборин в порядке самокритики должен был бы специально высказаться по этим вопросам, написать статью с анализом своих ошибок, проанализировать ленинские высказывания. Между тем прошло довольно много времени и ничего подобного мы не имеем. Наоборот, мы знаем, что распространялась такая «теория» среди ближайших учеников его, что надо замалчивать эти ленинские замечания. Карев опубликовал о XII «Ленинском сборнике» специальный доклад в № 6 «Под знаменем марксизма», однако он ни единым словом не счел нужным упомянуть об этих вопросах.

У меня нет времени подробно проанализировать эти высказывания т. Деборина о французских материалистах и ленинские замечания о них. Безусловно, здесь имеется повторение плехановской постановки этого вопроса, чувствуются некоторые элементы кантианства, которые есть у Плеханова. Критика, направленная Лениным против т. Деборина, заодно направлена и против Плеханова в этих вопросах. К этим вопросам, в частности ко всем ленинским замечаниям на статью т. Деборина, надо подойти особо, разобрать в специальной статье.

Теперь я перейду к вопросу об элементах фейербахианства, которые имеются у т. Деборина. Эти элементы фейербахианства опять-таки связаны—и не случайно—с теми плехановскими традициями, которые имеются у т. Деборина. Плеханов совершенно определенно переоценивал роль и значение фейербаховской философии в подготовке и формировании марксизма. Ряд важнейших вопросов в фейербаховской трактовке он выдавал за марксистские.

А что делает Деборин? В своей работе «Людвиг Фейербах» он всеми силами пытается доказать, что если Фейербах и не стопроцентный марксист, то около этого. Нужно определенно здесь заявить, что брошюра т. Деборина о Фейербахе по своей общей оценке философии Фейербаха значительно отличается от критической оценки Людвига Фейербаха, даваемой Энгельсом и Марксом в работах, опубликованных в I томе «Архива Маркса и Энгельса». Тов. Деборин, вероятно, скажет, что его статьи о Фейербахе написаны по случаю юбилея. С какого времени, однако, у нас юби-

[1] «Ленинский сборник» XII, стр. 355.

лейная оценка мыслителей начала отличаться от марксистской оценки, от подлинно исторической оценки?

У т. Деборина есть следующее место, которое характеризует его понимание Фейербаха: «Фейербаху приходилось отмежевываться от этого материализма, так как для него, помимо *естественной истории*, существовала еще *история человечества*. Материализм, опирающийся исключительно на естествознание, был для него неприемлем. Фейербах хорошо понимал, что «нас окружает не одна природа, но и человеческое общество, которое, подобно природе, имеет свою историю развития и свою науку» (Энгельс)» [1].

Если вы думаете, что это единственное такое место, вы ошибаетесь. У т. Деборина есть еще целый ряд подобных мест по этому поводу. Он пишет: «Материализм до него уделял внимание, главным образом, природе. Фейербах же распространяет «права» материализма на общественно-историческую жизнь» [2].

Эта оценка Фейербаха т. Дебориным противоречит взглядам Маркса. У Маркса есть совершенно ясная, сжатая характеристика философии Фейербаха: «Поскольку Фейербах является материалистом, он не имеет дело с историей, поскольку же он занимается историей, он вовсе не материалист. Материализм и история идут у него совершенно различными путями, что, впрочем, ясно уже из сказанного» [3].

Вот постановка вопроса о соотношении между материализмом в области природы и материализмом в области истории, которую мы имеем у Фейербаха, и постановка которую мы имеем у т. Деборина. Нужно сказать, что вопрос о Фейербахе сейчас имеет существенно важное значение, потому что отличие Маркса от Фейербаха заключается в том, что Маркс действительно распространил материализм на вопросы истории, создал исторический материализм и включил в виде составной части в теорию познания диалектическое понимание «революционной практически-критической деятельности». Прикрашивание философии Фейербаха полностью под исторический материализм, заявление т. Деборина о том, что нет никакой разницы в понимании практики между Фейербахом и Марксом,—все это свидетельствует о замазывании сути исторического материализма Маркса, о непонимании роли и значения *общественной* практически-критической деятельности в общей теории марксизма-ленинизма.

Теперь я коротенько остановлюсь на других ошибках т. Деборина и его учеников, на ошибках по вопросу об отношении к Гегелю.

---

[1] *Деборин*, Людвиг Фейербах, стр. 69.
[2] *Там же*, стр. 162.
[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 219.

У т. Деборина, безусловно, большая заслуга перед нашей теоретической мыслью в том, что он вслед за Лениным в своих работах выпятил роль и значение гегелевской диалектики. В прошлом этапе у нас была проделана большая работа по изучению Гегеля, по его популяризации. Однако мало Гегеля изучать, мало его популяризировать (хотя в скобках надо сказать, что многое, написанное о Гегеле, написано труднее и менее популярно, чем даже у самого «старика» Гегеля), надо также уметь *материалистически читать Гегеля*, *материалистически* его перерабатывать. Маркс и Энгельс в своих произведениях постоянно подчеркивали, когда они касались Гегеля, что логику Гегеля нельзя брать как данное, что ее надо очистить от мистики идей. В письмах к Кугельману Маркс, например, писал: «Он (Дюринг.—*М. М.*) знает очень хорошо, что мой метод исследования *не* тот, что у Гегеля, ибо я материалист, а Гегель—идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь *после* очищения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает от нее *мой* метод»[1]. В XII «Ленинском сборнике» мы имеем следующие указания Ленина по этому же вопросу: «Логику Гегеля нельзя *применять* в данном ее виде; нельзя *брать* как данное. Из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от *мистики идей:* это еще большая работа»[2].

Между тем во всей философской теоретической работе эти указания часто забывались, к гегелевскому идеализму стали подходить *некритически* и, понятно, наделали ряд существенных ошибок. Одним из самых важных теоретических *истоков* формалистического уклона у нашего философского руководства является недостаточно критическое отношение к гегелевской системе, к гегелевскому идеализму. Сюда относятся такие ошибки, которые делал Карев, когда он отождествлял материалистическую диалектику с идеалистической диалектикой, когда он писал, что марксизм составляется (вслушайтесь в этот термин!) из Гегеля и Фейербаха, из диалектики и материализма и т. д. Сюда относятся ошибки, допущенные т. Деборины, когда он пишет, что Гегель дал «всеисчерпывающую *реальную* картину всех форм движения». Сюда относится ряд ошибок, которые говорят о перегибах, сделанных на прошлом этапе развития в смысле недостаточной критики системы Гегеля и т. д., и ряд подобных ошибок, которые у меня сейчас нет времени анализировать. Отмахиваться от всего этого, проводить «поворот на основе старой линии», на основе имеющихся ошибок—это значит действительно ничего не пони-

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Письма, стр. 230, 1932 г.
[2] «Ленинский сборник» XII, стр. 205.

мать, совершенно не понимать тех новых задач, которые перед нами стоят.

Два слова теперь по вопросу о формализме. Тов. Деборин просил, чтобы мы дали определение формализма, рассказали бы, что, собственно, означает формализм. Сущность формализма состоит в том, что задачи теоретической работы над категориями диалектики превращаются в пустое схоластическое теоретизирование над ними. Формализм состоит в том, что диалектика из живого метода познания превращается в совокупность *абстрактных* формул, которые внешне накладываются или прикладываются к содержанию. Формализм состоит в том, что в теоретической работе происходит разрыв между формой и содержанием. Формализм состоит в том, что происходит отделение логического от исторического, что философская теоретическая работа, например, превращается в простую филиацию хода идей, оторванных полностью от конкретной исторической, классовой обстановки. Если бы мы имели у т. Деборина такой законченный формализм по всем перечисленным линиям, то ни о каком диалектическом материализме у т. Деборина и речи не могло бы быть. Это была бы законченная идеалистическая ревизия марксизма. Мы имеем значительные элементы формализма у т. Деборина. В его работах и работах его учеников мы имеем сейчас *формалистический уклон*, который, если ошибки не будут признаны, а, наоборот, будут умножаться, может привести к идеалистической ревизии марксизма. В связи с вопросом т. Деборина, что такое формализм, я хотел бы привести одну цитату из «Нищеты философии» Маркса, которая с абсолютной ясностью дает ответ на этот вопрос. Выступая против метафизики Прудона, Маркс говорил: «Но раз он поставил себя как тезу, эта теза, эта мысль, противополагаясь сама себе, разделяется на две мысли, противоречащие одна другой,—на положение и отрицание, на *да* и *нет*. Борьба этих двух заключающихся в антитезе противоположных элементов образует диалектическое движение. *Да* превращается в *нет*, *нет* превращается в *да*, *да* становится одновременно и *да* и *нет*, *нет* становится одновременно и *нет* и *да*. Таким путем противоположности взаимно уравновешиваются, нейтрализуются и парализуются. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль—их синтезис. Эта новая мысль опять разделяется на две противоположные мысли, которые, в свою очередь, сливаются в новом синтезисе. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению, как и простая категория, и имеет в качестве своей антитезы другую, противоположную ей группу. Из этих двух групп мыслей рождается новая группа мыслей—их синтезис.

Как из диалектического движения простых категорий рождается группа, так из диалектического движения групп возникает серия,

а диалектическое движение серий порождает всю совокупность системы»[1].

Вот как иронизирует над таким метафизическим шествием категорий Маркс. Вот что такое формализм в самом законченном чистом виде. Нужно сказать, что многие произведения т. Деборина написаны как раз в стиле этого замечания Маркса. Я мог бы зачитать целый ряд таких цитат. Я зачитаю только одно место. Возьмем, например, правильную в общем постановку вопроса о соотношении между внутренним и внешним, которая есть у т. Деборина. «Противоположность между внутренним и внешним имеет, разумеется, только относительный характер. Отношение между ними таково, что они взаимно переходят друг в друга. Возможность этого перехода объясняется их единством, их «действительностью», их взаимной связью. Внешнее есть проявление внутреннего, внутреннее есть вместе с тем и внешнее. Во внутреннем нет ничего, что бы не проявилось во внешнем, а во внешнем нет ничего, чего бы не было во внутреннем. Внешнее и внутреннее составляют лишь моменты одного и того же; внешнее лишь *относительно* внешнее, стало быть, одновременно и *внутреннее*, и наоборот»[2]. *(Смех. С места:* «Где это?») В работе «Диалектика и естествознание». Я бы мог привести десятки таких мест. Почему я критикую это место? Здесь дается в основном правильная диалектическая постановка взаимоотношения внутреннего и внешнего. Но суть формулировки, которая дана т. Дебориным, состоит в том, что мы имеем здесь полное отвлечение формы диалектического процесса от конкретного содержания; суть этого места состоит в том, что оно, может быть, правильно и *с материалистической* и *с идеалистической точек зрения*. Таких мест можно привести очень много, чтобы доказать, какие значительные моменты формализма имеются у т. Деборина. Должен сказать, что из подобного рода элементов формализма выросла целая *формалистическая литература* со стороны целого ряда непосредственных или бывших учеников т. Деборина. В самом деле, формалистические ошибки, которые были сделаны Гоникманом, Дмитриевым, Тымянским,—весь этот пустоцвет формализма, который мы имеем в области философии, все это отвлечение от реального содержания—все это *есть продукт той ориентировки в целом ряде вопросов, которую давал в своих трудах т. Деборин*. Вот что значит формализм, т. Деборин! Вот с таким формализмом нужно вести теперь серьезную борьбу. Нужно понять, что без преодоления этого формализма не может быть дальнейшего движения вперед, совершенно невозможна дальнейшая разработка материалистической диалектики. Без решительного

[1] *Маркс*, Нищета философии, стр. 102, 1931 г.
[2] *Деборин*, Диалектика и естествознание, стр. 127, изд. 4-е.

изменения существующего положения, без борьбы с формалистической литературой, для которой т. Деборин ни одного слова критики не нашел в своем докладе, без преодоления этого мы не сможем двигаться дальше вперед в развитии нашей теоретической работы. Многие пытаются нашу борьбу против формализма представить как борьбу со всякой теорией, со всякой теоретической работой. Этот номер не пройдет. Именно борьба за подлинную марксистско-ленинскую теорию и означает нашу борьбу с формалистическим уклоном.

Подводя итоги, нужно сказать: достижений прошлого этапа в борьбе с механистами *мы не отдадим*. Мы не отдадим завоеваний, которые имеются в этой работе. Всякие рецидивы механицизма будут встречать с нашей стороны резкий отпор. Всякие новые вылазки механистов будут нами критиковаться более резко, чем это делалось философским руководством. Об этом уже свидетельствуют наши выступления против них. Но вместе с тем, для того чтобы окончательно преодолеть механицизм, нужно повести решительную борьбу с пустым теоретизированием, которое имеется у нас в области философии, литературоведения, естествознания. Вот почему борьба на два фронта, борьба с механистической опасностью как главной опасностью и борьба с формалистическим уклоном, являются для нас важнейшей задачей, стоящей сейчас перед нами.

Нужно сказать, что в начале борьбы с механистами т. Деборин и другие нащупали пульс времени, нащупали те основные теоретические задачи, которые стояли тогда перед марксистско-ленинской теорией. Теперь, на новом этапе, они этого пульса времени *не сумели* нащупать. Вот как нужно охарактеризовать их поведение в вопросе о повороте на философском фронте. Чем скорее они это поймут, чем скорее они поймут сделанные ошибки, чем быстрее они от этого освободятся, тем лучше. Если же они этих ошибок не поймут, они будут все дальше и дальше откатываться от позиций диалектического материализма.

К ИТОГАМ ФИЛОСОФСКОЙ ДИСКУССИИ[1]

Подвести итоги философской дискуссии, которая длится уже около года, в одном докладе трудно, потому что эта дискуссия затронула чрезвычайно важные, можно сказать, основные проблемы марксистско-ленинской философии. Поэтому в своем докладе я постараюсь сжато охарактеризовать лишь *основные линии философских разногласий*, основные итоги прошедшей дискуссионной борьбы и те задачи, которые сейчас стоят перед нами на философском фронте. Мы сейчас, бесспорно, вступили в важнейший этап философской дискуссии—в этап, когда с наибольшей ясностью определились содержание, смысл и характер поворота, который происходит на философском фронте. Недавно мы отмечали годовщину выступления товарища Сталина на конференции аграрников-марксистов. В этом выступлении товарищ Сталин подчеркнул отставание нашей теории от успехов практики социалистического строительства. Теперь, подводя итоги этого года, мы можем сказать не только в отношении философии, но, пожалуй, и в отношении всех участков теоретического фронта, что за этот период практика социалистического строительства сделала гигантские шаги вперед. Происходит движение бурными темпами вперед, в то время как теория не только на философском участке, но и на остальных важнейших участках теоретического фронта продолжает отставать. В связи с этим встает очень серьезная задача: проанализировать положение, которое имеется на идеологическом фронте, выяснить причины отставания, а также смысл и значение тех процессов,

[1] Стенограмма доклада, прочитанного на заседании фракции ОВМД в Комакадемии 1 января 1931 г.

которые происходят на идеологическом участке, и в свете этого анализа подойти к вопросу о положении на философском фронте, вскрыть значение философской дискуссии и выяснить те задачи, которые стоят перед нами на этом участке.

В самом деле, если мы посмотрим, что мы имеем за последние полтора-два года на важнейших участках теоретического фронта, то мы должны будем отметить чрезвычайно важные и интересные процессы. Я сейчас не буду говорить относительно разоблачения открытых и прямых контрреволюционных теорий кондратьевщины, сухановщины, богдановщины и т. д. Я буду говорить о той борьбе, которая происходила на различных участках теоретического фронта и в которой принимали участие значительные кадры коммунистов—теоретических работников, о тех теориях, которые защищались иногда значительными группами коммунистов в целом ряде областей. Надо отметить, что за последние полтора-два года мы имели ряд таких явлений, которые бесспорно должны привлечь к себе внимание и анализ которых для нас обязателен. Я имею в виду то, что у нас было в области политэкономии, литературоведения, то, что у нас было и есть на философском фронте—на этих основных и важнейших теоретических участках. Примерно год назад мы имели очень острую борьбу с рубинщиной и свержение этого «теоретического бога», который занимал, бесспорно, если не полностью, то в значительной степени, господствующее положение в области теории политэкономии. Мы имели очень серьезную борьбу, которая, пожалуй, до сих пор продолжается, со струвистско-переверзевской концепцией в области литературоведения. Мы имели такое положение, что известная группа коммунистов защищала эту теорию. Отрыжки этой теории имеют место и до настоящего времени, и с ними приходится вести борьбу. Наконец, мы все были свидетелями, а многие из нас непосредственными участниками той жестокой «драки», которая идет на философском фронте и в конце концов приводит к тому, что и здесь по существу мы стоим перед «свержением» еще одного «теоретического бога». Если сопоставить все эти явления, они выстраиваются в *определенный исторический ряд*. При всем существующем различии между этими явлениями можно установить определенное единство и внутреннюю органическую связь их. Между Рубиным и Переверзевым, между Рубиным и Дебориным имеется определенное различие, не видеть его, не понимать его никоим образом нельзя. Вместе с тем надо видеть и то *единство*, которое проявляется во всех этих процессах, надо видеть и понимать ту волну, которая прокатывается по всем участкам теоретического фронта.

В первую очередь, необходимо отметить, что теоретические, дискуссионные бои на указанных участках теоретического фронта теснейшим образом связаны с современным этапом пролетарской

революции, с реконструктивным периодом, переживаемым нашей страной. Они связаны, с одной стороны, с гигантскими успехами социалистического строительства у нас, а, с другой стороны, с той обостренной классовой борьбой, которую мы имеем в нашей стране в результате развернутого наступления социализма.

Первый период нэпа, восстановительный период, характеризуется известным ростом и укреплением капиталистических элементов в нашей стране. Все, вероятно, помнят, что при введении нэпа Владимир Ильич предсказывал известное развитие и укрепление капиталистических элементов. Но не все помнят, что наряду с этим Владимир Ильич тогда же говорил, что в связи с ростом капиталистических элементов, в связи с ростом мелкобуржуазной стихии будет происходить возрождение и «химическое выделение» различных меньшевистских теорий, теорий II Интернационала. Эти меньшевистские теории принимали подчас чрезвычайно завуалированную, чрезвычайно тонкую приспособленческую форму, которая в наибольшей степени соответствовала условиям диктатуры пролетариата. Такое приспособление к условиям диктатуры пролетариата заставляло эти теории рядиться в марксистско-ленинские одежды, прикрывать свое существо, проявлять его в различных формах и т. д.

Успехи социалистического строительства и обострение классовой борьбы, которое происходит в связи с ростом социализма, бесспорно, вызывают и не могут не вызывать соответствующего отклика, соответствующего отражения и на всех участках теоретического фронта. В реконструктивный период, в период обостренной классовой борьбы в нашей стране важнейшие политические и теоретические вопросы ставятся ребром. Партия разоблачает, обнажает до корня все немарксистское, все неленинское, все небольшевистское как в теории, так и в практике. Это разоблачение происходит настолько глубоко, что затрагиваются и такие теории, взгляды и идеи, которые, как я отмечал, носят подчас чрезвычайно завуалированный характер. Это первое, что необходимо отметить, когда мы подходим к оценке положения на идеологическом фронте.

Второе, что необходимо отметить и что бесспорно связано с гигантскими успехами социалистического строительства в нашей стране,—это рост и подготовка крепких, выдержанных, большевистских партийных кадров, которые «приходят в теорию»; кадров, которые прошли за эти годы школу борьбы со всякими антиленинскими, троцкистскими, правоуклонистскими и тому подобными теориями. Не только к различным участкам хозяйственного строительства, но и к области самых различных теоретических дисциплин, к вопросам самой абстрактной теории подходят настоящие, подлинно большевистские кадры, крепкие кадры, которые сейчас серьезно ставят вопросы большевизации работы на всех этих тео-

ретических участках. Это, безусловно, факт крупнейшего исторического значения.

Наконец, наряду и в соответствии с гигантскими успехами социализма в области экономики и во всех областях неизбежен *рост, подъем и наступление марксистско-ленинской теории, большевистской теории на всех участках теоретического фронта*. Это есть основное и характерное, что необходимо отметить при анализе явлений, о которых я говорю.

Основная характерная черта всей прошедшей дискуссии на философском фронте состоит в том, что положение дел в области разработки философской теории было взято основной массой коммунистов материалистов-диалектиков под жестокую самокритику, под *политический* обстрел. На философском участке теоретической работы обнаружилось громадное отставание теории от практики, разрыв между философией и политикой. Оказалось, что теоретическая работа руководящей деборинской группы в области философии (Деборин, Карев, Стэн, Подволоцкий, Луппол, Гессен и др.) не была проникнута большевистской партийностью, не ставилась на службу партии в ее борьбе за генеральную линию, а, наоборот, частично даже ставилась на службу врагам партии. Не могли пройти и не прошли бесследно для теоретической работы троцкизм Карева, его борьба против партии. Не могло не оказать своего влияния на теоретическую работу и ее характер и то обстоятельство, что Стэн за последние годы находился в «разладе» с партийной линией, теоретически обосновывая «левацкие» загибы, а затем и право-«левацкий» блок. Обнаружилось, что руководящая группа на философском фронте, так называемое философское руководство, представляет собой замкнутую группку, оторванную от партийных коллективов, подготовляющих основные кадры философов-коммунистов, не терпящую никакой самокритики, беспринципно прикрывающую и защищающую взаимно свои ошибки. Оказалось, что никакой борьбы на два фронта на философском участке нет, что в течение всего прошлого периода велась борьба только на один фронт—против механистов, причем эта борьба велась не с ортодоксально-марксистских позиций.

Вот почему такое крупное значение во всей философской дискуссии приобрели вопросы партийности философии, самокритики и борьбы на два фронта. *Можно сказать, что проблема большевистской партийности философии была центральным стержнем всей «драки» на философском теоретическом участке.*

В процессе философской дискуссии обнаружились крупнейшие принципиальные разногласия по основным вопросам марксистской философии. Оказалось, что деборинская группа игнорирует ленинское философское наследство, не понимая того, что ленинизм представляет новую ступень в развитии диалектического материализма.

Переломным и решающим моментом во всей философской дискус-

сии являются высказывания товарища Сталина по вопросам философской дискуссии в беседе с товарищами из бюро ячейки ИКП философии и естествознания. В этих высказываниях впервые были поставлены со всей четкостью вопросы квалификации взглядов деборинской группы как взглядов меньшевиствующего идеализма, вопросы борьбы на два фронта: с механистической ревизией как с главной опасностью современного периода и с меньшевиствующим идеализмом; было указано на необходимость «разворошить», критически пересмотреть все, что накопилось на философском фронте, и, наконец, со всей остротой были поставлены вопросы о необходимости освоения и разработки ленинского теоретического наследства.

Высказывания товарища Сталина подняли всю дискуссию на высшую ступень. Содержание и характер поворота на философском фронте были определены с исчерпывающей ясностью. Указания товарища Сталина должны быть положены в основу всей дальнейшей теоретической работы на философском фронте.

О ЛЕНИНСКОМ ЭТАПЕ КАК НОВОЙ СТУПЕНИ В РАЗВИТИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Вопрос о ленинском этапе в развитии диалектического материализма являлся центральной проблемой всей философской дискуссии и основным моментом, определяющим путь всей нашей дальнейшей теоретической работы в области диалектического и исторического материализма. При рассмотрении этого вопроса надо в связи с ходом и итогами философской дискуссии осветить следующие проблемы: 1) правомерно ли вообще говорить о ленинизме в философии, 2) каковы основные черты, характеризующие этот новый и высший этап развития философии марксизма, и 3) о Ленине и Плеханове как философах-марксистах.

Можно и должно ли вообще говорить о ленинизме в философии, можно ли вообще говорить о новом и высшем этапе в развитии диалектического материализма Маркса—Энгельса; не ведет ли такая постановка вопроса к противопоставлению Ленина Марксу и Энгельсу, к известной недооценке того, что дали Маркс и Энгельс в развитии философии? Такие вопросы надо ставить потому, что до настоящего времени, например, со стороны даже наших весьма маститых ученых—академиков вроде Рязанова—мы имеем взгляды, сводящиеся к тому, что ни о каком новом этапе в развитии диалектического материализма не может быть и речи. Рязанов выступает в настоящее время даже с отрицанием самой правомерности постановки этого вопроса, он прямо «впадает в раж», когда ему приходится говорить на эти темы. Это неудивительно,

если вспомнить, как Рязанов в свое время писал о ленинизме. Ведь именно ему принадлежат «известные» слова: «Я не большевик, я не меньшевик и не ленинист. Я только марксист и, как марксист,—я коммунист». Неизвестно только—продолжает ли до настоящего времени Рязанов считать себя «только марксистом», коммунистом, но не большевиком, коммунистом, но не ленинистом [1].

Взгляды Рязанова по вопросу о ленинизме в философии отнюдь не являются только его взглядами. Наоборот. Эти взгляды красной нитью проходят в работах Деборина, Карева, Стэна (кстати, у Стэна никаких работ нет, имеются только устные высказывания).

Однако в этом вопросе и наше бывшее философское руководство не является одиноким. Этих взглядов на вопрос о ленинизме в философии придерживаются такие «теоретики», как Троцкий, Зиновьев, Преображенский, Бухарин и «иже с ними».

Начнем с Карева. Еще в 1924 г. он сформулировал свой ответ на вопрос о том, можно ли говорить о ленинизме вообще, в частности о ленинизме в философии. Он следующим образом определял ленинизм: «Это марксизм,—писал он,—на практике пролетарской революции, для которой не было еще достаточных материальных предпосылок в марксовском Интернационале. Больше всего Ленин был бы удивлен, если бы ему сказали, что он открывает новую эру (?!) в марксизме» [2]. Нельзя сказать, чтоб аргументация, идущая от «удивления» Ленина, была тут сильной. Важно здесь другое: Карев считает ленинизм только марксизмом на практике. Тут уже звучат весьма знакомые ноты, в достаточной степени разоблаченные в современной философской дискуссии. В соответствии с таким пониманием ленинизма Карев в этой же статье высказывается и по интересующему нас вопросу. Он пишет: пролетариат «единственный законный наследник немецкой идеалистической философии, один лишь ставит себе целью всерьез разработать это наследство. *Метод Гегеля принадлежит ему со времени Маркса. Но никакой «новой эры»* в марксизме разработка этого метода открыть не может. Она дает лишь более глубокое понимание и применение *старой теории*... В этом смысле всякие разговоры о «новой эре» в марксизме вредны и *идеологически, и политически*» [3].

Совершенно ясная, определенная и решительная постановка вопроса! Вот эта постановка вопроса по существу и являлась ру-

---

[1] Оказывается, эту свою «формулу» Рязанов претворял в действие. Последние события показали, что он скатился к прямой помощи контрреволюционной меньшевистской организации, за что и исключен из партии.

[2] «Под знаменем марксизма» № 4—5 за 1924 г., стр. 241.

[3] *Там же*, стр. 256.

ководящей нитью в работе журнала «Под знаменем марксизма», в работах философского руководства, приведшая к недооценке и полному непониманию ленинского философского наследства, ленинских работ по вопросам диалектического материализма. Как выше было сказано, такое понимание ленинизма, с теми или другими вариациями, характерно для всей плеяды «теоретиков», которые выше перечислены. В сборнике «Воинствующий материалист» напечатана статья Преображенского «Ленин и Маркс как теоретики», в которой ставится вопрос о ленинском теоретическом наследстве. Помимо ряда грубых ошибок,—на которых нет времени останавливаться,—Преображенский в этой статье развивает механистическую схему, отмечая в марксизме различные элементы, «имеющие разную степень долговечности»: во-первых, такие элементы, которые должны остаться целиком, во-вторых, такие, которые должны быть развиты и дополнены, и, в-третьих, такие элементы, которые должны быть замещены новыми построениями. И вот, с точки зрения этой своей схемы, Преображенский приходит к выводу (и это его основная мысль), что методология марксизма, диалектический материализм, как раз и есть тот элемент марксовского учения, который не терпит никакого развития. Он пишет: «Что касается общефилософского метода, то Ленин взял его целиком у Маркса, защищал от нападений противников и блестяще применил (вместе с методом исторического материализма) на конкретной философской работе «Материализм и эмпириокритицизм» и т. д. Поскольку Ленин писал о методе диалектического материализма, он писал, как сторонник этого метода, писал в защиту того понимания метода Маркса и Энгельса, какое он считал правильным и «с подлинным верным»[1]. Продолжая развивать свои мысли, Преображенский находит, что в единстве метода диалектического материализма заключается тождество теоретических основ Маркса и Ленина.

Теперь перейдем к т. Бухарину. В своей брошюре «Ленин как марксист» т. Бухарин также ставит вопрос о диалектическом материализме в работах Ленина. Подходит он к этой проблеме следующим образом. Он различает в марксизме «две вещи»: во-первых, сумму идей, положений, теоретических взглядов и т. д., и, во-вторых, *метод* марксизма, его методологию, с помощью которых добыта эта сумма идей, взглядов, теоретических положений и проанализирована определенная историческая эпоха и т. п. В этой связи он пишет: «Но если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собою разумеется, что ленинизм не есть нечто видоизменяющее или ревизующее методологию Марксова учения. Наоборот,

[1] «Воинствующий материалист», кн. II, стр. 44, 1925 г.

в этом смысле ленинизм—есть полный *возврат* к тому марксизму, который был сформулирован самим Марксом и Энгельсом»[1].

Итак, с точки зрения т. Бухарина, ленинизм по своей методологии есть полный возврат, и *только возврат*, к марксизму, сформулированному самими Марксом и Энгельсом.

Таким образом, мы видим, что в поднятом нами вопросе намечается трогательное единство взглядов у Рязанова, Троцкого, Зиновьева, Преображенского, Бухарина, Деборина, Карева и т. д.

В противовес всем этим ошибочным положениям и неправильным установкам в этом вопросе товарищ Сталин еще в 1924 г. в «Основах ленинизма» писал: «То, что дано в методе Ленина, в основном уже имелось в учении Маркса, являющемся, по словам Маркса, «в существе своем критическим и революционным». Именно этот критический и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики»[2].

Здесь дана единственно правильная постановка и решение вопроса о ленинизме в философии. Работы Ленина по вопросам теории диалектического материализма, его гениальное применение метода материалистической диалектики представляет собой не только возврат (после всех извращений и отступлений от диалектического материализма, которые мы имели в эпоху II Интернационала) *к диалектическому* материализму, но и дальнейшее развитие, углубление и конкретизацию диалектического материализма. Ленинизм в философии представляет собой новый, высший этап в развитии философии марксизма. Ясно и понятно должно быть для всех, что такая постановка вопроса ни в коей мере не может означать какого бы то ни было противопоставления ленинизма марксизму, или какого бы то ни было непонимания или недооценки наследства Маркса и Энгельса. Наоборот, если быть верным духу марксизма, а не его букве, если правильно понимать соотношение между методом и мировоззрением, между теорией и практикой, если понимать, что марксизм не застывшая догма, а живое, развивающееся учение, то возможен только тот ответ, который дан товарищем Сталиным по вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма.

Совершенно не случайно то обстоятельство, что правильное разрешение этого вопроса было дано товарищем Сталиным еще в 1924 г. Мы знаем, что как раз в эти годы появился ряд чу-

---

[1] *Бухарин*, Атака, стр. 255.
[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 12, изд. 10-е.

ждых марксизму-ленинизму работ Зиновьева, Бухарина. В лекциях товарища Сталина «Об основах ленинизма» дано классическое изложение ленинизма и разоблачение «теории» контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма. Только товарищ Сталин и дал правильное, классическое решение вопроса о соотношении между марксизмом и ленинизмом, выяснение вопроса о том, что такое ленинизм.

Постановка вопроса о методе диалектического материализма, данная Преображенским, Бухариным,—взгляды которых исходят из того, что в области содержания марксизма, богатства его идей, может быть крупное движение вперед, а в области методологии марксизма никакого движения вперед и углубления быть не может,—базируется на полном непонимании соотношения метода марксизма и других его составных частей, на непонимании по существу соотношения между теорией и практикой, на непонимании самого метода диалектического материализма. В самом деле, может ли быть *новое* содержание в работах Ленина об империализме, о государстве и революции, о советской форме диктатуры пролетариата и т. д. и т. п.—без развития, конкретизации, углубления самого метода материалистической диалектики? Эпоха империализма и пролетарских революций дает новые формы связи, новые закономерности, новые типы отношений, чрезвычайно сложные формы отношений классов, разнообразные формы классовой борьбы, гигантское развитие техники, естественных наук, своеобразие противоречия этого развития и т. д. и т. п. Понять все это можно только на основе углубления и конкретизации самой марксистской методологии. Поскольку диалектический материализм является всеобщей научной методологией, постольку углубление и конкретизация его должна базироваться на всей совокупности знания, науки своего времени. И именно как раз во всех этих отношениях Ленин гениален и велик.

В связи со всем этим перед нами встает проблема: чем же характеризуется ленинский этап в развитии философии марксизма, что в нем своеобразного? Иначе говоря, что *нового и своеобразного* внес Ленин в развитие диалектического материализма по сравнению с тем, какое выражение получил диалектический материализм в работах Маркса и Энгельса. Думать, что при современном состоянии нашей «философской науки», при том положении, когда к таким проблемам совершенно не было привлечено внимание, когда по существу вся философская работа строилась и шла по установке т. Деборина, что «Ленин практик», и по установке Карева, которая приведена выше,—думать, что можно теперь давать полную и развернутую картину ленинизма в философии,—по крайней мере смешно. Это проблема, которая поставлена в ходе философской дискуссии, это программа нашей дальнейшей теоретической работы в области философии.

Работы Ленина в области диалектического материализма, главным образом его «Материализм и эмпириокритицизм», представляют собой новое явление *в том смысле, что они суть обобщение результатов развития естествознания после Маркса и Энгельса, анализ состояния естественных наук, в особенности физики, вскрытие существа и смысла глубокого кризиса, переживаемого современной наукой, и объяснение этих процессов с точки зрения материалистической диалектики.*

Маркс и Энгельс занимались естествознанием. «Диалектика природы» Энгельса представляет собой исключительное явление в литературе марксизма, образец применения диалектики в естествознании. Однако ни Маркс, ни Энгельс, естественно, не в состоянии были обобщать на базе диалектического материализма состояние естествознания последующей эпохи. Вот эту работу для эпохи империализма последовательно в духе работ Маркса и Энгельса выполнил Ленин. Товарищ Сталин в «Вопросах ленинизма» характеризует роль Ленина в этом отношении следующими словами: «Может быть, наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм»[1].

Не случайно то обстоятельство, что обобщение на основе диалектического материализма новейших достижений естествознания эпохи империализма, вскрытие смысла кризиса современной науки дано Лениным, дано тем, кто глубоко проанализировал всю эпоху империализма, кто вскрыл значение и смысл кризиса всей общественно-экономической формации капитализма. Капиталистическая общественная формация в эпоху империализма переживает глубочайший кризис всей системы. Этот кризис охватывает всю систему капитализма, начиная с базиса и кончая идеологическими надстройками. Кризис, переживаемый естествознанием,—это одна из форм выражения кризиса всей капиталистической системы.

В чем же сущность кризиса, который переживает буржуазная наука в эпоху империализма и пролетарских революций? Суть этого кризиса состоит в противоречии между богатейшими достижениями, фактическим материалом, знаниями, накопленными на-

[1] *Сталин,* Вопросы ленинизма, стр. 13—14, изд. 10-е.

укой, и методологическими рамками буржуазной науки. Суть кризиса состоит в том, что колоссальное развитие науки не умещается в идеалистических, мистических, механистических рамках, которыми ограничена наука и которыми она не может не быть ограничена в силу своего буржуазно-классового характера.

В области экономики и политики Ленин не только проанализировал империалистическую эпоху, не только вскрыл глубочайшие внутренние противоречия, которые делают империалистическую стадию капитализма канупом пролетарской революции, но и указал выход из этого кризиса, политические и организационные пути, по которым должна вестись классовая борьба для создания нового общества. Точно так же и в области естествознания Ленин не ограничился вскрытием сущности кризиса, но также указал пути и выходы из этого кризиса в виде создания материалистическо-диалектического естествознания. Существует глубокая внутренняя связь между работами Ленина «Империализм как новейший этап капитализма» и «Материализм и эмпириокритицизм».

Под этим углом зрения необходимо вести дальнейшую разработку ленинского философского наследства. Под этим углом зрения надо изучать «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина и все трактуемые там философские проблемы. О том, какое важное значение придавал Ленин связи философии с современным естествознанием, свидетельствует следующая характеристика, данная им плехановской борьбе с эмпириокритицизмом, махизмом и богдановщиной. В пятой главе «Материализма и эмпириокритицизма» он пишет: «Разбирать махизм, игнорируя эту связь (т. е. связь с естествознанием.—*М. М.*),—как делает Плеханов,—значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса»[1]. Вот какую резкую характеристику, жестокую критику дает Ленин Плеханову по этому вопросу, поскольку Плеханов оторвал критику богдановщины и махизма от современного естествознания.

Следующий момент, который необходимо отметить, когда мы говорим о ленинском этапе в развитии диалектического материализма,—это то, что из всех марксистов современной эпохи не кто иной, как Ленин, *дал наиболее полную, развернутую критику новейших антиматериалистических течений*, с которыми приходится бороться и до настоящего времени. Новейшие формы кантианства, неокантианства, махизма, субъективного идеализма, богдановщина, наконец, физический идеализм—все это подвергнуто Лениным беспощадной критике и разоблачению. Ленинская критика и разоблачение этих антиматериалистических, антидиалектических течений является наиболее сильной, ибо это не есть критика их с позиций вульгарного материализма, на что иногда

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 206.

сбивался даже Плеханов. Ленин в своей критике этих учений диалектически сочетает логическую критику с историческо-классовым подходом, рассмотрение связи данных течений—с состоянием современного естествознания. Лениным также дана развернутая критика агностических ошибок даже у такого представителя диалектического материализма, каким является Плеханов.

Таким образом, работы Ленина являются наиболее правильным, ортодоксальным продолжением марксовских и энгельсовских положений. Они, как правильно говорит товарищ Сталин, есть дальнейшее углубление и конкретизация диалектического материализма.

Следующий вопрос, по которому мы можем и должны отметить новое и своеобразное, связанное с именем Ленина,—это вопрос об отношении марксизма к Гегелю. Надо сказать, что вопрос об отношении марксизма к Гегелю и гегелевской диалектике является в известном смысле пробным камнем для всякого вида ревизионистского отступления от марксистской философии. В этом отношении крайне характерна вся плеяда ревизионистов, начиная с Бернштейна, Кунова, Каутского и кончая нашими механистами. Вся эта плеяда ревизионистов, не понимающая революционной материалистической диалектики, отрицающая или извращающая ее, исходит по существу из положения, что на работах Маркса—Энгельса лежит пятно гегелевского идеализма. Даже т. Бухарин в своей книге «Теория исторического материализма» в главе «К постановке проблем исторического материализма»—хотя и в довольно завуалированной форме—считает, что марксизм заражен в той или иной степени гегельянщиной. Это связано с механистической концепцией т. Бухарина, с его непониманием действительного соотношения, существующего между Марксом, Энгельсом и Гегелем.

У Ленина по этому вопросу мы имеем прежде всего восстановление, возврат к правильному пониманию этой проблемы после всех извращений в этом вопросе, допущенных теоретиками эпохи II Интернационала. Однако, если бы мы ограничились только этим, мы не смогли бы полно выразить суть ленинского решения этой проблемы. У Ленина не только возврат, но дальнейшее развитие и конкретизация этой проблемы, поскольку у Ленина развернутая постановка вопроса о систематически развитой теории диалектического материализма. Конкретизация и дальнейшее развитие марксизма в этом вопросе у Ленина состоит в том, что он (например в своих «Философских тетрадях») дает блестящие образцы материалистической переработки диалектики Гегеля по всем важнейшим основным категориям. *Работы Ленина дают такой богатый теоретический материал, который углубляет понимание основных вопросов марксистской теории познания, материалистической диалектики,* всех основных

ее категорий, и являются наилучшим противоядием против всех видов ревизии марксистской философии и в частности идеалистическо-гегельянского ее извращения (от Лукача до деборинской группы). Разработка Лениным материалистической диалектики как «философской науки» бесспорно представляет собой *новую эпоху* в развитии диалектического материализма. Ленинская постановка и разрешение вопроса о соотношении диалектики, логики, теории познания, его разработка закона единства противоположностей как ядра материалистической диалектики, его глубочайшие замечания по вопросам о соотношении абстрактного и конкретного, логического и исторического, теории и практики, ощущения и мышления и т. д. и т. п.—представляют собой движение вперед, развитие и конкретизацию того гениального содержания, которое имеется в учении творцов диалектического материализма Маркса и Энгельса. Работы Ленина представляют собой в этом отношении исключительное явление в марксистской литературе. Ленин критикует Плеханова за то, что тот в своей богатой философской деятельности не уделяет совершенно никакого внимания вопросам диалектики как философской науке, за то, что он скатывается к упрощенному пониманию диалектики как суммы примеров, в то время как она есть «закон познания (и закон объективного мира)». Все это вместе взятое говорит о том, какое большое значение Ленин придает теории, насколько серьезной, важной и глубокой считает он задачу систематической разработки диалектики.

Характерным фактом, вскрывающим *непонимание, извращение, игнорирование* всех этих вопросов со стороны деборинской группы, является то, что т. Деборин в своем предисловии к I тому сочинений Гегеля (к «Малой логике») совершенно не использует этот богатейший ленинский материал.

Далее, говоря о новой ступени в развитии диалектического материализма, надо с особой силой подчеркнуть *ленинский принцип партийности философии, естествознания и науки вообще*. Этот принцип является дальнейшим развитием марксистских положений о классовом характере науки, философии. Этот принцип является конкретизацией марксистских положений о действенном характере нашей философии, ибо в эпоху империализма и пролетарских революций наивысший вид «революционной, практическо-критической деятельности»—это деятельность пролетарских коммунистических партий. Не случайно то, что именно Ленин, а никто иной из марксистов нашей эпохи, смог так заострить проблему партийности философии, так прекрасно претворить ее во всей своей практической и теоретической деятельности. Это связано с ролью, которую сыграл творец международного большевизма в деле создания пролетарской партии, штурмовавшей капиталистическое общество.

Мы не исчерпали еще и десятой доли тех вопросов, которые разработаны Лениным в области диалектического материализма и которые должны быть теперь поставлены во главу угла всей нашей теоретической работы. Однако из сказанного видно, насколько правильно решение ЦК о ленинизме в философии, насколько неправильную, оппортунистическую, антиленинскую и, следовательно, антимарксистскую позицию занимало «философское руководство» в философской дискуссии. Только сильным влиянием меньшевизма, сильным влиянием старых традиций, недооценкой Ленина как теоретика, как марксиста-философа может быть объяснен этот факт.

То, что дано Лениным в вопросах исторического материализма, несомненно, представляет собой *новую ступень и в развитии исторического материализма*. Эта составная часть марксизма, эта область теоретической работы не была «в почете» у философского руководства. И это опять-таки не случайно, ибо как раз во всех этих вопросах с наибольшей силой сказался гений Ленина. Я хочу ограничиться тут только одним примером. Я имею в виду ленинские заметки «О нашей революции» по поводу «Записок» Суханова. Ленинские заметки о Суханове по глубине своего содержания, по насыщенности разрешаемых в них проблем, по гениальности своих положений могут быть поставлены в один ряд с такими историческими работами Маркса, как предисловие к «Критике политической экономии». Ленинские заметки о Суханове представляют собой гениальную работу по углублению и конкретизации марксистского учения о революции. Нельзя теперь всерьез ставить ни одной теоретической и практической проблемы пролетарских, национально-колониальных революций, не усвоив, не осознав теоретического богатства этой ленинской статьи. Статья Ленина о Суханове представляет собой наиболее сокрушительную и убийственную критику всего современного международного меньшевизма, «дубоватого» марксизма, шаблона и педантизма меньшевиков.

Стоит только поставить вопрос о богатейшем теоретическом содержании ленинских работ по вопросу о диалектике в политике, чтобы уяснить себе, какой крупный прорыв мы имеем в теоретической работе на философском фронте, обусловленный в значительной степени позициями меньшевиствующего идеализма так называемого философского руководства.

Мы набросали тут только некоторые основные вехи, по которым должна итти сейчас теоретическая работа по выяснению ленинского этапа в развитии диалектического материализма. То, что здесь сказано, никоим образом не может быть исчерпывающим ответом на вопрос, поставленный в начале,—это только известная попытка выдвинуть эти проблемы, чтобы они могли быть отправными вехами во всей дальнейшей работе. Если под этим углом

зрения подойти к работам Деборина, Карева, Луппола, то мы имеем здесь полное смазывание нового этапа в развитии диалектического материализма. В лучшем случае эти работы представляют собой «причесывание» Ленина под Плеханова, смазывание плехановских ошибок и т. д. и т. п. *Вот почему этот вопрос не мог не быть одним из центральных вопросов всей дискуссии, вот почему эта дискуссия носила такой острый характер. Речь шла о важнейших вопросах марксизма-ленинизма, речь шла о коренных проблемах большевистской теории.*

Теперь можно перейти к вопросу о соотношении Ленина и Плеханова как философов-марксистов. Это тоже один из важнейших вопросов современной дискуссии. Со стороны деборинской группы, со стороны представителей меньшевиствующего идеализма мы имеем полное непонимание этой проблемы, извращение и ревизию важнейших ленинских установок. Мы имеем совершенно неверную линию теоретической работы, особенно ярко сказавшуюся в журнале «Под знаменем марксизма». О «диком» непонимании соотношения Ленина и Плеханова свидетельствует доклад т. Деборина на президиуме Комакадемии. Он говорил там, примерно, следующее: нам надо разрабатывать ряд важнейших вопросов теории материалистической диалектики, перед нами стоят такие проблемы, как вопрос о спиралевидном движении[1], а вот нам тут суют «темку» (так и сказал: «темку») «Плеханов и Ленин», нас этим отвлекают в сторону от серьезной работы.

О том, что вопрос о спиралевидном движении как одной из форм общего диалектического движения и развития нужно изучать,— спора нет; но считать проблему «Ленин—Плеханов» ничего не стоящей «темкой»—это никуда не годится. Ведь эта проблема в известном смысле концентрирует в себе не более и не менее как следующие вопросы: о роли, значении и месте Плеханова в развитии философии марксизма, о соотношении между политическими ошибками, меньшевизмом Плеханова и его теоретическо-философскими позициями, об истории развития марксизма в России, о квазимарксизме II Интернационала и т. д. и т. п.

Сейчас нет смысла останавливаться на достаточно разоблаченной уже деборинской постановке вопроса о Плеханове как теоретике, дополняющем Ленина как практика. По этому вопросу можно взять не менее яркую установку его «ученика»—Карева. Мы имеем в виду статью Карева «Вместо статьи к пятилетию журнала», напечатанную в «Под знаменем марксизма» № 12 за 1926 г. В этой статье Карев писал:

---

[1] Некоторые ярые последователи и ученики Деборина настолько увлеклись этой проблемой спиралевидного движения, что даже «открыли» четвертый закон диалектики, «закон спиралевидного движения».

«В наше время делаются неоднократно попытки противопоставить Плеханова Ленину или Ленина Плеханову. Попытки никуда не годные! Всем известны политические ошибки Плеханова. Известно, что на закате своих дней, во время войны и в 1917 г., многие из политических ошибок у столь последовательного ума, каким был Плеханов, перерастали и в ошибки теоретические. И до войны у Плеханова было несколько неточных формулировок и неудачно поставленных ударений в области теории: известная история с иероглифами и понятием опыта (!), недостаточное подчеркивание включения у Маркса теории познания в диалектику (!), выпадение классов в схеме общественного целого (!?!), подготовившие ошибки Плеханова в «Истории русской общественной мысли», и т. п. Но все эти *частные* ошибки не могут устранить того общего, что неоднократно подчеркивал Ленин,—философские произведения Плеханова до сих пор остаются лучшим из того, что написано на эти темы в мировой литературе марксизма»[1].

Здесь Каревым дана целая концепция в понимании Плеханова. Ни грана большевизма нет в этой концепции. Тут что ни строка—то грубейшие ошибки, причем ошибки как политического, так и теоретического характера. Общий смысл этих ошибок: апологетическое отношение ко *всему* Плеханову, к Плеханову—меньшевику, к Плеханову—автору «Истории русской общественной мысли» и т. д. и т. п. Кареву невдомек (или очень хорошо вдомек), что Ленина-большевика *надо* противопоставлять Плеханову-меньшевику, что ленинскую теорию отражения *надо* противопоставлять иероглифической теории Плеханова и т. д. и т. п.

Карев считает, что «выпадение классов в схеме общественного целого»—это «неудачно поставленное ударение». Это место ярким прожектором освещает всю антимарксистскую сущность меньшевиствующего идеализма.

Таковы установки деборинской группы по вопросу о соотношении между Лениным и Плехановым. Между тем задача заключается в том, чтобы дать ясный, четкий марксистский ответ на вопрос: какова роль Плеханова в развитии диалектического материализма, какое место в этом развитии занимает Ленин? Вместо этого у деборинской группы неустанное повторение одного и того же: Ленин и Плеханов друг друга дополняют, противопоставлять их никоим образом нельзя.

Не имеет смысла разбирать сейчас установки Деборина по этому вопросу, данные им в «Предисловии» к «Ленинскому сборнику» IX, а также установки Карева в статье о «Ленинском сборнике» XII в журнале «Под знаменем марксизма», поскольку в ходе философской дискуссии они в достаточной степени были разоблачены. Необходимо разобрать другую разновидность ошибочных положе-

[1] «Под знаменем марксизма» № 12 за 1926 г., стр. 25.

ний о Ленине и Плеханове, которая представлена на Украине Семковским. Семковский выступал со смешной претензией на то, что ему первому (ну, конечно, после товарища Сталина) принадлежит честь правильной постановки вопроса о Ленине и Плеханове как философах-марксистах,—на том основании, что еще в 1927 г. он выступил со статьей: «Что внес Ленин в материализм». Когда мы внимательно ознакомились с этой статьей, то оказалось, что решение им этого вопроса есть *ухудшенное издание деборинщины, да еще с сильной примесью механицизма.* Оказалось, что оппортунистическо-меньшевистское прошлое Семковского наложило очень серьезный отпечаток на решение этого «щекотливого» вопроса. Основная мысль Семковского в этой статье сводится к тому, что Плеханов творчески расширил марксизм в области общественных наук, в то время как заслуга Ленина состоит-де в том, что он творчески расширил диалектический материализм в применении к естествознанию. Эта постановка вопроса является чудовищным непониманием ленинизма, роли Ленина в развитии марксизма. В другой статье, написанной уже в момент поворота, в сборнике «Философия и политика», выпущенном на Украине к XVI партсъезду, т. Семковский дает следующую схему: в развитии рабочего движения мы имеем три эпохи, представленные тремя Интернационалами: адекватным выражением для эпохи I Интернационала является диалектический материализм Маркса—Энгельса, для эпохи II Интернационала—Плеханов и для эпохи III Интернационала—Ленин. Ясно, что эта схема ошибочна. Она неправильна потому, что, бесспорно, суживает эпоху Ленина. Эпоха Ленина—это эпоха империализма и пролетарских революций. Семковский вместе с тем непомерно преувеличивает роль и значение Плеханова в развитии философии марксизма, считая *его и только его* адекватным выражением всей эпохи II Интернационала.

Вообще надо сказать, что пора положить конец такой «философии истории», которая исходит из того, что развитие марксизма идет от Маркса—Энгельса через Плеханова к Ленину, что Ленин «ученик» и «продолжатель» марксиста Плеханова. Такая «философия истории» недоучитывает того, что после Маркса—Энгельса *единственным, до конца последовательным, ортодоксальным в лучшем смысле этого слова, самостоятельным марксистом уже с самых первых своих работ был Ленин.* Подлинная история развития марксизма идет от Маркса—Энгельса к Ленину и отнюдь не через Плеханова.

Какова же должна быть правильная постановка вопроса о соотношении Ленина и Плеханова как философов-марксистов? Плеханов по всей совокупности своих философских и политических работ не выходит за пределы марксизма эпохи II Интернационала. В своих собственно политических, а также и теоретических рабо-

тах Плеханов во время войны скатился на самые правые, социал-шовинистические, социал-империалистические позиции.

Что касается собственно философских работ Плеханова, то они представляют лучшее, что есть в марксизме всей эпохи II Интернационала, если не считать большевизм. В своих философских работах Плеханов лучшим образом выражает ортодоксальный марксизм в вопросах философии по сравнению с теоретиками II Интернационала типа Каутского и т. д. Об этом говорят ленинские характеристики Плеханова как марксиста-философа.

Поскольку, однако, марксизм эпохи II Интернационала, за исключением крыла, из которого развился ленинизм, представляет собой шаг назад, отступление от ортодоксального марксизма, и поскольку Плеханов во всех своих работах в основном не выходит за пределы марксизма этой эпохи, *постольку и его философские работы, хотя они являются лучшими из всех его произведений, мы можем рассматривать с точки зрения ряда отступлений от последовательного марксизма.*

Бесспорно ошибочным является мнение, будто у Плеханова в области философии имеется только ряд отдельных, случайных ошибочных формулировок. Отдельных ошибок с точки зрения ленинского понимания проблем марксистской философии у Плеханова очень много. Для понимания этих ошибок, для критического их преодоления необходимо искать и раскрыть *внутреннюю логику* этих ошибок, а также органическую связь, существующую между этими ошибками и политической, в основном меньшевистской, линией Плеханова.

Подходя к оценке всей совокупности теоретических работ Плеханова, необходимо прежде всего отметить, что «основная традиция и догма II Интернационала»—разрыв между теорией и практикой, разрыв между теоретическими писаниями о диалектическом материализме и неумением его применять, получили у него очень яркое выражение. В области общей теоретической трактовки важнейших вопросов диалектического материализма Плеханов силен, но в области применения диалектики совершенно беспомощен. Стоит только напомнить ленинские характеристики этой плехановской «диалектики» («догматика»—«вреднейшая софистика», «извращение», «издевательство над духом марксизма» и т. д. и т. п.), чтобы понять, какой сильный разрыв между теорией и практикой существует у Плеханова.

Если взять собственно философские работы Плеханова и проанализировать всю совокупность имеющихся у него ошибок, главные из которых раскритикованы Лениным, то в общем можно наметить примерно четыре стержня, вокруг которых концентрируются эти ошибки:

1) непонимание «сути дела», а именно «диалектики, как теории познания»,

2) приверженность к формализму и логистике,

3) сильный налет агностицизма,

4) несомненно весьма значительное влияние Чернышевского и Фейербаха на его философские работы.

В этом докладе нет никакой возможности хотя бы кратко рассмотреть эти пункты. Это темы для специальных работ. Хочется только здесь указать на ленинскую критику Плеханова по линии его приверженности к формализму и логистике уже в первых работах. Я имею в виду замечания Ленина на плехановский проект программы партии, опубликованные в «Ленинском сборнике» II. Ленин в своих замечаниях о «втором проекте» Плеханова писал следующее:

«1) По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект дает не программу пролетариата, *борющегося* против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического *учебника*, посвященного капитализму вообще.

2) В особенности не пригодна программа для партии *русского* пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще...

Отделаться же тем, что капитализм «в развитом своем виде» отличается *вообще* такими-то свойствами,—а в России капитализм «становится преобладающим», значит *уклониться* от того конкретного обвинения и объявления войны, которое для практически борющейся партии всего важнее»[1].

Эти полные глубокого смысла ленинские замечания бросают яркий свет на все различие между ленинской материалистической диалектикой и плехановским формализмом при решении крупнейших вопросов.

У Ленина—требование конкретного анализа капитализма в России и указание конкретных задач для партии пролетариата, у Плеханова—общая характеристика капитализма, абстрактность и выведение «свойств» русского капитализма из дефиниции понятия капитализма вообще. Эта «система характеризовать капитализм вообще» крайне характерна, как отмечает Ленин, для всей программы. Вместо конкретного анализа на основе диалектического материализма—выведение из понятий. Логическая дефиниция понятий—вот характерная черта формализма и логистики.

В июле 1907 г.—в предисловии ко 2-му изданию «Развития капитализма в России»—Ленин возвращается к этой же характеристике плехановской методологии, но уже по другим вопросам. Он писал: «Конкретный анализ положения и интересов различных

[1] «Ленинский сборник» II, стр. 88—89.

классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их,—т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»[1].

Намеченные здесь проблемы по вопросу о соотношении Ленина и Плеханова подлежат дальнейшей теоретической разработке. Во всей работе деборинской группы имелось полное игнорирование важнейших проблем марксистской методологии. В последнее время, уже в период дискуссии, когда был поставлен вопрос об известном критическом отношении к плехановскому наследству, мы могли слышать со стороны Карева совершенно никчемный аргумент: «Нельзя отдавать Плеханова международному меньшевизму». Этот все покрывающий аргумент Карева страдает одним небольшим недостатком—это не марксистский аргумент. Если Плеханова (какого Плеханова? всего Плеханова?) нельзя отдавать международному меньшевизму, то очевидно, что меньшевизм, социал-шовинизм, социал-империализм в работах Плеханова можно выдавать за зародыш большевизма или может быть просто за большевизм. Ведь недаром Ваганян писал в свое время в «Под знаменем марксизма», что международный большевизм—продолжение плехановских традиций. Ведь Ваганян великолепно проиллюстрировал этим, что значит формула «не отдавать Плеханова» и т. д. Нет, плехановские меньшевизм, оппортунизм, извращения диалектического материализма и т. д. и т. п. мы отдадим международному меньшевизму. Работы же Плеханова по философии представляют собой лучшее, что дает марксизм II Интернационала, и по ним, следуя совету Ильича, будут учиться философии марксизма, но с тем дополнением, что одновременно будет изучаться все то, в чем Ленин как материалист-диалектик превосходит Плеханова.

Огромной заслугой современной философской дискуссии является то, что все эти важнейшие проблемы поставлены, что открываются широчайшие перспективы для творческой теоретической работы по философии марксизма.

МЕНЬШЕВИСТВУЮЩИЙ ИДЕАЛИЗМ ДЕБОРИНСКОЙ ГРУППЫ

Когда мы говорим о меньшевиствующем идеализме деборинской группы, то необходимо уяснить себе, что речь идет не о простом, обычном идеализме, как ясный, последовательный идеализм, скажем,

[1] *Ленин*, Развитие капитализма в России, Соч., т. III, стр. 12.

типа Лосева, Рубинштейна и т. д. и т. п. Речь идет о чрезвычайно тонкой, чрезвычайно завуалированной форме идеалистической ревизии материалистической диалектики, выступающей под всевозможной маскировкой, под флагом марксизма-ленинизма. Речь идет о трусливом идеализме. Речь идет о такой ревизии философии марксизма, которая прикрыта марксистско-ленинской терминологией, которая выступает под флагом воинствующей марксистской ортодоксии, которая сама часто бомбардирует открытый поповский контрреволюционный идеализм типа Лосева или даже идеализм типа Лукача. И вместе с тем по своему нутру, по своему существу—это есть идеалистическая ревизия марксизма. Характеристика товарищем Сталиным взглядов деборинской группы как взглядов меньшевиствующего идеализма—это есть характеристика, синтезирующая в себе политическую и теоретическую оценку. Из вопросов, рассмотренных выше, уже видно, насколько такая характеристика передает самое существенное в теоретической работе деборинской группы. В самом деле—непонимание, игнорирование ленинского философского наследства, борьба против ленинизма в философии, борьба против поворота на философском фронте, против самокритики и большевистской партийности философии есть меньшевиствующий идеализм.

В самом деле, отрыв теории от практики, философии от политики, от актуальных задач социалистического строительства—разве это не есть воскрешение, как говорится в резолюции Центрального комитета ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма», одной из самых вреднейших традиций и догм II Интернационала? Разве мы не обязаны рассмотреть эти «грехи» собственно философской работы деборинской группы в связи и в совокупности с политическими ошибками представителей этой группы? Разве внутренняя сущность всей совокупности этих ошибок не является социал-демократической? Однако, когда мы подходим к анализу взглядов меньшевиствующего идеализма, мы сталкиваемся с двоякого рода упрощенческими постановками.

Одна вульгарная, упрощенческая установка заключается в том, что всю *суть* меньшевиствующего идеализма деборинской группы пытаются вывести исключительно и только из того обстоятельства, что т. Деборин—бывший меньшевик и, следовательно, мог давать только меньшевиствующую философию. Упрощенство такой «точки зрения» состоит в том, что деборинская группа сводится только к т. Деборину, упускается из виду то обстоятельство, что в период диктатуры пролетариата существовали и существуют такие социальные условия, которые порождали, воскрешали меньшевиствующие взгляды в философии, точно так же, как этот период, с его гигантскими успехами социализма, порождает условия для выкорчевывания таких взглядов и идей. Вредность такой вульгаризации состоит в том, что по существу снимается задача критики

разоблачения идей, ошибок идеалистической ревизии марксизма, ибо простая ссылка на меньшевизм сама по себе, с этой точки зрения, уже «самый убийственный аргумент».

Другого типа вульгаризация, вредная точка зрения состоит в том, что забывают, упускают прошлое представителей деборинской группы, в особенности самого т. Деборина, забывают об исключительно сильном влиянии меньшевистско-плехановского прошлого и общую линию т. Деборина на работы его философских работ в послеоктябрьский период.

Только подлинно диалектическое сочетание логического и классового анализа дадут нам возможность разоблачать и критиковать меньшевиствующий идеализм, в который впадала деборинская группа.

Подходя к анализу взглядов этой идеалистической ревизии марксизма, необходимо остановиться на следующих основных моментах: 1) на гегельянстве деборинской группы в вопросах разработки теории материалистической диалектики, 2) на ряде антимарксистских установок в вопросах истории философии и естествознания и 3) на совокупности политических ошибок деборинской группы.

Переходим к первому вопросу. Общий характер философских писаний Деборина, Карева, Луппола состоит в том, что их работы представляют собой крайне причудливое сочетание элементов материализма с гегелевской идеалистической диалектикой, элементов материализма с целым рядом кантианских моментов. Общая окраска этого сочетания состоит в исключительно сильном «гегелизировании» материализма, марксизма. То, что эта идеалистическая ревизия марксизма выступает как «гегельянщина», как «гегелевское» извращение материализма, отнюдь не случайно. Это, бесспорно, связано с тем, что в условиях революционной эпохи, диктатуры пролетариата, в условиях, когда материалистическая диалектика Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина пользуется исключительной популярностью, революционная диалектика Гегеля привлекает к себе огромное внимание.

Весьма характерно то обстоятельство, что на Западе в основном ревизия марксистской философии идет, главным образом, под флагом кантианства или различных видов неокантианства. В условиях же диктатуры пролетариата, в условиях глубочайшей революции, происходящей в нашей стране, революционного преобразования всех старых отношений и социальных форм—меньшевиствующая ревизия диалектического материализма, помимо кантианско-позитивистского характера, который она имела у Аксельрода и механистов, не могла не принять формы «гегелевского» извращения марксизма. Изучение и материалистическая переработка гегелевской диалектики, необходимость чего так категорически подчеркивал Ленин, в руках деборинской группы превратились в идеалистическое выхолащивание всякого конкретного материального содер-

жания из теории диалектики. Комментирование Гегеля на основе богатейшего материала, который дают сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, который дает нам эпоха империализма и пролетарских революций, превратилось в совершенно некритическое усвоение гегелевских формул. «Гегелизирование» марксизма зашло настолько далеко, что вся работа в течение 3—4 лет в Институте красной профессуры, на философском отделении, вращалась исключительно вокруг «Науки логики» Гегеля, причем ни разу в течение 3—4 выпусков не успевали подходить к изучению не только Маркса или Ленина, но даже и Фейербаха.

Такое направление работы базировалось на мысли, которая многократно повторяется в работах представителей деборинской группы, а именно, что исходным пунктом для разработки теории материалистической диалектики в настоящее время—даже после того, как мы имеем работы Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина,—остается все же гегелевская логика.

Эта линия настолько укоренилась, что, например, Карев и Стэн всю суть поворота на философском фронте поняли в том смысле, что надо повернуться теперь от изучения «Науки логики» к изучению «Феноменологии духа». Мы отнюдь не против изучения «Феноменологии духа», наоборот, мы считаем, что программы ИКП должны быть так построены, чтоб слушатели изучали всего Гегеля, мы считаем, что необходимо ускорить выход в свет других томов Гегеля, его «Философии права», «Философии истории» и т. д. и т. п.; однако мы категорически оспаривали предложение Стэна и т. Деборина так «актуализировать» работу, чтоб повернуться к изучению «Феноменологии духа» или к изучению «Первобытного мышления».

Теперь перейдем к вопросу о соотношении между Гегелем и Марксом. В процессе дискуссии в этом вопросе был вскрыт ряд крупнейших ошибок у тт. Деборина, Карева, Луппола и т. д. Здесь мне хочется привести одно местечко из работы т. Деборина «Диалектика у Канта», которое, мне кажется, дает как бы в концентрированном виде итог и резюме всех ошибок т. Деборина, дает как бы своеобразную «философию теории и практики» деборинской группы. Формулировка т. Деборина проливает яркий свет на всю линию теоретических исследований по вопросу о соотношении марксизма и Гегеля. Тов. Деборин писал: «Диалектический материализм представляет собой синтез диалектического метода Гегеля с материалистическим пониманием природы и истории»[1]. Он ничего здесь не говорит о том, что метод Гегеля, будучи диалектическим, является вместе с тем и идеалистическим. Диалектика и идеализм у Гегеля не разорваны и не лежат в разных ящичках, они органически сплетены, связаны. У Гегеля—система

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 14.

диалектического идеализма, или, наоборот, система идеалистической диалектики. Обо всем этом т. Деборин ничего здесь не говорит. Кто считает, что диалектический материализм—это синтез метода Гегеля с материалистическим пониманием природы и истории, не говоря о том, что речь должна итти о материалистическом истолковании метода Гегеля, тот явно протаскивает идеализм в наше мировоззрение. В этой формуле великолепно выражена вся суть той разработки теории диалектики, которая велась Деборинym на протяжении нескольких лет, а именно: он синтезировал без критического преодоления, без материалистической переработки основные категории гегелевского метода с материалистическим пониманием природы и истории и в результате... мы получили развернутую идеалистическую ревизию марксизма. Это некритическое «синтезирование» и восприятие метода Гегеля зашло настолько далеко, что, начиная с понимания самого предмета диалектики, с вопросов о соотношении между теорией познания и диалектикой, и кончая пониманием категорий диалектики, т. Деборин по существу становился на идеалистическую точку зрения.

Обратимся к статье т. Деборина «Материалистическая диалектика и естествознание». Разбирая вопрос о предмете диалектики, т. Деборин пишет: «Материалистическая диалектика как всеобщая методология должна проникать собою все конкретные и эмпирические науки, ибо она является, так сказать, алгеброй наук, вносящей внутреннюю связь в конкретное содержание»[1]. Такая постановка вопроса явно идеалистическая, ибо материалистическая диалектика трактуется как наука, которая вносит связь в конкретное содержание. Правда, на этой же странице т. Деборин спешит оговориться, что не нужно это понимать в том смысле, что связь привносится извне и т. д., что связь в природе объективна и т. д. и т. п. Но эти оговорки не могут иметь существенного значения потому, что в этой же статье т. Деборин дает развернутую картину своего понимания этого вопроса. Вот что он, например, пишет, переходя к вопросу о категориях диалектики: «Общая диалектика занимается исследованием тех категорий, которые лежат в основании всякого знания вообще. Каждая же отдельная область действительности—природа и общество,—базируясь на общих законах и формах движения, имея их своим фундаментом, в то же время покоится на специфических, частных категориях, присущих именно данной области. Одна и та же *абстрактная* категория, которая составляет предмет общей диалектики, принимает также *различные конкретные* формы в зависимости от того, где она встречается или применяется: в естествознании или в обществознании»[2]. Кто хоть немного знаком

[1] *Деборин*, Диалектика и естествознание, стр. 31, изд. 4-е.
[2] *Там же*, стр. 27.

с Гегелем, тот скажет, что здесь развернута явно гегелевская идеалистическая точка зрения. В самом деле, т. Деборин, трактуя вопрос о законах диалектики, ни разу не дает ясной формулировки того, что законы материалистической диалектики суть отражение объективных законов, суть «ступеньки нашего углубления» в познание объективной, материальной природы. Далее, говоря о категориях диалектики, т. Деборин не говорит нам ничего о том, что он собственно понимает под категорией. Если под категориями диалектики он понимает понятия, выражающие объективные закономерности, то ясно, что эти понятия не могут быть фундаментом для отдельных форм движения материи и отдельных законов этого движения. Если же под категориями он понимает объективные материальные законы, то ясно, что эти законы не могут «применяться», а могут только «встречаться» в природе. Всей этой минимально необходимой материалистической ясности в важнейших вопросах диалектики у т. Деборина нет. Вместо этого—явно идеалистическая концепция: «абстрактные категории принимают различные конкретные формы» и т. д. и т. п. Тов. Деборин совершенно не понимает материалистической теории отражения, дающей возможность правильно, материалистически трактовать все законы диалектики.

Для того чтобы показать, что эти места не являются отдельным исключением, что речь идет об «органическом пороке», о системе идеалистического извращения марксизма, обратимся к статье т. Деборина «Маркс и Гегель» и посмотрим, как он здесь ставит вопрос о категориях диалектики. Он пишет: «Необходимо отдать себе отчет в том, что в основе всякого научного познания лежат *основные понятия*, имеющие характер категорий. Они в одинаковой степени присущи бытию, как и мышлению»[1]. Что значит «в одинаковой степени присущи бытию и мышлению»? Разве это материалистическая постановка вопроса? Разве категория или понятие не суть отражение объективных закономерностей? Разве диалектика понятий не должна быть понимаема как отражение объективной диалектики? Это все азбука материализма, азбука марксизма. А у т. Деборина это чистейший идеализм. Гегель подпишется здесь под каждым словом т. Деборина, ибо именно с точки зрения Гегеля основные категории диалектики суть ступеньки развития абсолютного духа, суть понятия, присущие в одинаковой степени бытию и мышлению.

Далее мы узнаем здесь, что диалектика рассматривает бытие и мышление, не отрывая их друг от друга. Вместо того, чтобы, разбирая вопрос о категориях диалектики, давать четкую материалистическую установку, т. Деборин ограничивается этой, ничего не говорящей фразой.

---

[1] *Деборин*, Философия и марксизм, стр. 259, 1930 г.

Остановимся еще на одном вопросе—о соотношении между диалектикой и теорией познания. Это соотношение, как отмечал Ленин, является существенным. А т. Деборин в этой же статье «Маркс и Гегель» пишет по этому поводу:

«Значение диалектики как *методологии*, противопоставляемой теории познания, сознавалось в полной мере основоположниками марксизма и наиболее крупными его представителями»[1].

Итак, т. Деборин находит, что между диалектикой и теорией познания существует глубокая пропасть и будто это есть единственно марксистская точка зрения. Как видно дальше из цитируемого текста, т. Деборин совершенно некритически воспринимает представление идеалистической философии о трех важнейших этапах в истории философии: метафизике, теории познания и методологии. Он считает, что «теория познания выполнила определенную историческую роль» и что она «может уйти». Однако у т. Деборина нет даже и попытки проанализировать, не является ли гегелевская диалектика одновременно и теорией познания. Гегель дает как раз именно такое разрешение вопроса, он стоит на точке зрения единства диалектики, логики и теории познания,— вся суть только в том, что это единство дано у него на идеалистической основе. Диалектический материализм также стоит на точке зрения единства диалектики, логики и теории познания. Вся суть и все отличие от гегелевского решения этого вопроса в том, что это единство дано на материалистической основе. Ведь диалектика как методология, оторванная от теории познания, превращается в совершенно «чистую методологию». Ведь то, что в марксистской литературе понимается как теория познания,— это вопрос о соотношении субъекта и объекта, это вопрос о материальном происхождении и материальном источнике нашего познания. Во что превращается методология, если она противопоставлена этой проблеме? Конечно, в «чистое методологизирование». Именно такое методологизирование и является как раз крайне характерной чертой для той «теоретической разработки» диалектики как философской науки, которую давала нам деборинская группа.

Высказывания деборинцев, приведенные здесь, свидетельствуют с неоспоримой ясностью, что гегелевский идеализм оказал исключительно сильное влияние на их взгляды, что вместо материалистической переработки Гегеля кое-кто из них поддался идеалистической обработке «старика Гегеля».

Здесь нет никакой возможности подвергнуть более или менее развернутому рассмотрению все эти крупнейшие вопросы. Задача доклада заключается в том, чтобы в кратких чертах показать идеалистическую ревизию марксизма представителями деборинщины,

---

[1] *Деборин*, Философия и марксизм, стр. 234, 1930 г.

наметить проблемы, которые подлежат специальной разработке и специальной критике.

Надо поставить перед собой вопрос: в чем ядро всех ошибок деборинской группы в вопросах разработки теории диалектики? Разрыв между теорией и практикой, между философией и политикой, который был у деборинской группы, не мог пройти бесследно для ее теоретических изысканий, и, наоборот, пороки собственно философской работы оказали огромное влияние на политические взгляды этой группы.

Ядро всех этих идеалистических шатаний состоит в том, что, оказавшись «в плену» у Гегеля, деборинщина не сумела найти правильное, т. е. материалистическое, разрешение вопросов о соотношении общего и особенного, рационального и эмпирического в познании, мышления и ощущения, логического и исторического, абстрактного и конкретного.

Все эти вопросы разрешаются на основе единства противоположностей. Однако кто останавливается только на этом, тот еще очень далек от истины. Деборинская группа не смогла уяснить себе разницы между гегелевским и материалистическим разрешением всех важнейших проблем философии. Между Гегелем и марксизмом формальное сходство в разрешении этих вопросов, но глубокое различие по существу. Это—различие двух основных линий в философии. Деборинская группа от этого основного критерия отвлекалась и брала «только диалектическое» разрешение этих проблем. Но «только диалектического» разрешения вопросов философии быть не может; может быть или материалистическо-диалектическое или идеалистическо-диалектическое разрешение.

Выходит, что деборинская группа неправильно понимала и самое ядро материалистической диалектики—закон единства противоположностей. Но этому вопросу надо посвятить специальные работы и на основе критики взглядов деборинской группы подойти к правильной постановке этой важнейшей проблемы диалектического материализма. Мы здесь дадим только самую общую характеристику. У т. Деборина часто этот закон встречается и применяется как примирение противоположностей. Не надо много времени тратить на то, чтоб доказать, что такая трактовка этого закона представляет собою явно оппортунистическое извращение материалистической диалектики. Ленин в известной статье «К вопросу о диалектике» писал, характеризуя закон единства противоположностей: «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»[1].

Далее, закон единства противоположностей понимается у дебо-

[1] «Ленинский сборник» XII, стр. 324.

рищев (и это красной нитью проходит во всех их работах) как простое взаимодействие противоположных моментов: одна противоположная сторона действует на другую и обратно. Вот до какого уровня доходила разработка теории диалектики со стороны тех, кто претендовал быть единственным носителем теоретической мысли на советской земле! Подлинную «философию» такого понимания единства противоположностей дал т. Луппол в своей книге «Ленин и философия» на конкретном вопросе о соотношении теории и практики. Луппол характеризует диалектический материализм как «методологию знания на основе действия» и «методологию действия на основе знания». Что же все-таки является основой этого единства противоположностей—знания и действия, теории и практики? У т. Луппола получается полное равноправие между теорией и практикой. Практика действует на теорию, теория действует на практику, без практики нет теории, без теории нет практики и т. д. и т. п. Ясно, что в лучшем случае мы тут имеем эклектическое разрешение вопроса, а не материалистическо-диалектическое разрешение его. Тов. Лупполу невдомек, что еще Плеханову удалось выяснить вред такого взаимодействия. Во взаимодействии теории и практики, в этом единстве противоположностей, практика, с точки зрения марксизма, играет решающую роль, является основой. У Ленина есть чрезвычайно меткая характеристика соотношения теории и практики: «*Практика выше (теоретического) познания*, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»[1].

Итак, мы видим, что разработка теории диалектики деборинцами была настолько неправильна, неудачна, была настолько не в духе диалектического материализма, что мы имеем теперь развернутую систему идеалистической ревизии марксизма, начиная с общих вопросов определения материи и предмета диалектики и кончая важнейшими ее категориями. Теперь требуется большая, серьезная теоретическая работа, чтоб все эти взгляды преодолеть и действительно всерьез, в духе Маркса и Энгельса, на основе указаний Ленина и Сталина подойти к вопросам разработки теории материалистической диалектики.

Перейдем теперь к другому вопросу—к вопросу о том, как велась работа по проблемам марксистской истории философии. Мы можем и здесь констатировать у т. Деборина, а также у его «ближайших» учеников целый ряд антимарксистских установок. Основные изъяны в работе по историко-философским темам могут быть сведены к следующим трем важнейшим моментам: 1) отсутствовал глубокий, систематический классовый анализ философских школ, направлений, 2) господствовал выработавшийся и получивший широкое распространение какой-то «юбилейный»

[1] «Ленинский сборник» IX, стр. 243, изд. 2-е.

подход и 3) происходило совершенно некритическое, совершенно огульное причесывание под марксизм, под материалистическую диалектику всех и всяческих философских систем и направлений. Для характеристики того, насколько правильно первое замечание, можно сослаться на работу, которая шла вокруг гегелевской философии. Сотни страниц посвящены в нашей литературе Гегелю, десятки докладов ставились на семинарах ИКП по вопросу о Гегеле. Гегель всесторонне изучался, разрабатывался, трактовался и т. д., между тем нельзя будет, пожалуй, указать ни одной статьи, ни одной страницы, посвященной анализу классовых корней гегелевской философии. Нельзя будет указать ни одной статьи, которая выдержала бы важнейшее требование марксизма—исторический подход к этой историко-философской проблеме. Гегель стал надисторической, надклассовой проблемой в нашей «марксистско-философской» историографии. Несомненно, сказалась та тенденция, которая в очень сильной степени проявлена уже в деборинском «Введении в философию диалектического материализма», где проведен в основном логистический анализ философских систем и направлений при отсутствии классового, исторического анализа. Между тем правильный подход и правильная постановка марксистской истории философии возможны только при условии единства логического и исторического анализа и притом единства подлинно диалектического. В работах деборинской группы господствует «юбилейный тон» в подходе к важнейшим вопросам истории философии. Но с какого времени «юбилейное славословие» стало вытеснять у нас необходимость анализировать с точки зрения исторического материализма вопросы развития идеологических надстроек? С какого времени «юбилейное чествование» того или иного мыслителя стало заменять у нас необходимое марксистское правило анализа ограниченности или недостатков его? Ведь подлинно научная оценка—это есть оценка того или иного идеологического явления с точки зрения его классовой значимости, с точки зрения его исторических корней, одним словом, с точки зрения исторического материализма. Примеров такого «юбилейного славословия» и совершенно некритического причесывания под марксизм очень много. Мы остановимся кратко только на вопросе о философии Фейербаха. После энгельсовской работы «Людвиг Фейербах», после работ Маркса и Энгельса о Фейербахе, опубликованных в первом томе «Архива Маркса и Энгельса», наконец, после тезисов Маркса о Фейербахе, казалось, трудно напутать по такому вопросу. Между тем работа т. Деборина «Людвиг Фейербах» представляет собой яркий образец охарактеризованного выше подхода к философским вопросам. Под «удачливой» рукой т. Деборина Фейербах превращается в материалиста-диалектика, в исторического материалиста; марксизм становится не чем иным, как

разновидностью фейербахианства. Никто лучше Энгельса не сказал о той огромной роли, которую сыграл Фейербах в подготовке взглядов диалектического материализма, однако Энгельс не считал нужным замазывать недостатки материализма Фейербаха или же ряд его ограниченностей выдавать за диалектику.

В предисловии к своей книге «Людвиг Фейербах» т. Деборин писал: «Ф. Энгельс в своей превосходной брошюре «Людвиг Фейербах» дает не столько изложение взглядов Фейербаха, сколько изложение мировоззрения Маркса на почве *критики идей* Фейербаха. Энгельс, в соответствии с поставленной им себе задачей, иначе поступить не мог. Мы же, в связи с пятидесятой годовщиной смерти мыслителя, считали необходимым дать *историческую* оценку деятельности Фейербаха и представить его мировоззрение в *систематическом* изложении»[1]. Задача, которую поставил себе т. Деборин,—весьма почтенная, только он не объяснил нам, почему историческая оценка роли Фейербаха исключает критическую оценку с точки зрения высшей ступени развития философии, с точки зрения диалектического материализма; почему задача *систематического* изложения не должна быть задачей одновременно и критики ограниченности и недостаточности идей Фейербаха.

Этот пример, несомненно, не единичен (Бэкон, Гоббс, Спиноза, Кант и т. д.); он говорит нам о тех немарксистских установках, которые мы имели в важнейших вопросах истории философии и истории подготовки марксизма. Перед нами теперь стоит серьезная задача—критический пересмотр всего, что написано деборинской группой, преодоление ошибок и создание предпосылок для подлинно марксистской истории философии.

В этой же связи необходимо остановиться на некритическом отношении преимущественно к идеалистическим представителям современного естествознания, которое красной нитью проходит во всех работах Деборина, в журнале «Под знаменем марксизма» в отношении к махисту-физику Ми. Требуется еще разоблачение ошибок т. Деборина в его отношении к Палагию и т. д. Мне хочется остановиться коротенько на ошибках, совершенных уже в 1930 г. по отношению к такому крупному ученому, каким является Планк. Планк совершает за последнее время весьма основательную эволюцию от материализма к агностицизму и идеализму. В своей последней, лейденской речи он различает, как об этом пишет т. Деборин, три мира: чувственный, физический и метафизический. Ясно, что это различение трех миров отводит Планка далеко от материализма. Рассматривая далее взгляды Планка, т. Деборин пишет: «Таким образом,—продолжает Планк вполне в духе материализма Ленина,—мы вынуждены предполо-

[1] *Деборин*, Людвиг Фейербах, стр. 2.

жить за чувственным миром еще второй, реальный мир, имеющий самостоятельное, независимое от человека существование, которое мы, правда, никогда не можем воспринять прямо, а всегда лишь через посредство чувственного мира, с помощью известных знаков, сообщаемых нам последним». Вот это место из речи Планка, полное агностицизма и иероглифизма, т. Деборин признает написанным в духе материализма, да еще в духе материализма Ленина. Тут допущена прямо вопиющая ошибка, идущая по той же линии идеалистического извращения марксизма, некритического отношения к идеалистическим предрассудкам современного естествознания. В «Материализме и эмпириокритицизме», говоря о нашем отношении к буржуазным ученым, Ленин писал следующее: «Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков),—и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»[1].

Представители деборинской группы повторяли тут ошибки механистов, против которых они вели жестокую борьбу, но с другого конца. Механисты по-хвостистски относились к современному естествознанию, растворяя в нем философию марксизма. Деборинская группа хвостистски относилась к современному естествознанию, к его идеалистическим предрассудкам потому, что в любом крупном ученом они обязательно хотели видеть материалиста-диалектика.

Теперь перехожу к последнему вопросу—о меньшевиствующем идеализме деборинской группы: к постановке целого ряда политических вопросов и проблем со стороны т. Деборина и его группы. Я хочу еще раз показать, что характеристика «меньшевиствующий идеализм» совершенно правильна. Конечно, мы здесь не имеем стопроцентного меньшевизма—тогда все было бы совершенно ясно,—речь идет о меньшевиствующей постановке целого ряда вопросов и проблем. В этом отношении чрезвычайно характерна книга т. Деборина «Ленин как мыслитель». Как, например, т. Деборин трактует империализм? Если вы внимательно вдумаетесь в то, как трактуются проблемы соотношения между экономикой и политикой в условиях империализма, вы увидите, что каутскианская точка зрения механически сочетается с ленинскими цитатами и целым рядом ленинских положений, что ошибки каутскианского типа крайне характерны для деборинской трактовки целого ряда проблем империализма. Если вы возьмете страницы, которые у Деборина посвящены диктатуре пролетариата, вы в самой поста-

[1] *Ленин,* Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 280.

новке проблемы увидите крайнюю абстрактность, оторванность от актуальных вопросов.

Проблема диктатуры пролетариата, постановка всех важнейших вопросов, связанных с этой проблемой,—все это крайне актуальные, жизненные вопросы, которые по существу не могут быть толкуемы абстрактно. Если они толкуются абстрактно, т. е. оторванно от действительной диктатуры пролетариата, от действительных имеющихся классовых взаимоотношений, то это по существу есть меньшевиствующее извращение этих проблем. Это, конечно, не прямой меньшевизм, который открыто отрицает диктатуру пролетариата и выступает против диктатуры пролетариата. Нет, это такой меньшевизм, который «признает и как бы исходит из диктатуры пролетариата», но выхолащивает самое нутро, основное классовое содержание и смысл из всех этих важнейших вопросов. По этому поводу можно было бы привести ряд цитат, подтверждающих правильность того, что я говорю. Если вы возьмете оппортунистические ошибки Карева, Луппола, Бобровникова, по вопросу о культурной революции и сопоставите их, то вы увидите, какой получается букет по целому ряду политических вопросов и проблем. Но я не могу подробно останавливаться сейчас на этих вопросах. Я хочу указать на ошибки по существу меньшевистского порядка, базаровско-богдановского типа, которые имеются уже в самой последней статье т. Деборина «Строительство социализма и наши задачи», опубликованной в так называемом «философском подарке XVI съезду партии»—в журнале «Под знаменем марксизма» № 5. До сих пор эта статья не подвергалась критике, но она должна быть подвергнута очень серьезной, основательной критике. Во-первых, хотя эта статья написана на чрезвычайно актуальную тему—«Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте»,—тем не менее она написана в необычайно абстрактном духе, не ставит ни одной из актуальных теоретических задач, стоящих перед нами в свете политики нашей партии, в свете генеральной линии партии. Тов. Деборин писал эту статью тогда, когда широко развивалась коллективизация, когда на этом фронте были уже крупные успехи. Очевидно, под впечатлением коллективизации деревни т. Деборин выдвигает вообще проблему коллектива и коллективизма, причем эта проблема ставится им в значительной степени в богдановском духе, в духе абстрактного противопоставления коллективизма и индивидуализма. Вместо конкретного анализа действительных форм коммунистического труда, действительных проявлений его в виде ударничества, соцсоревнования, встречного промфинплана, вместо анализа всех этих действительно конкретных форм коллективизма преподносятся совершенно абстрактные рассуждения о том, что такое коллективизм, причем дело доходит до того, что ставится даже вопрос о социализации, коллективизации чувств и т. д. Тов. Деборин буквально

пишет следующее: «Человеческие силы, чувства—физические и духовные—по мере освобождения от власти над ними *вещей, предметов, присвоивших* себе человеческие силы, будут все больше *очеловечиваться и социализироваться*»[1].

Тов. Деборин настолько увлечен этим делом, что спешит прокламировать новую, высшую ступень материалистической диалектики. В этой же статье он пишет: «*Диалектика коллективности* (Gemeinschaft) поднимает материалистическую диалектику на новую, более высокую ступень»[2]. Если сопоставить ряд мест, написанных здесь Дебориным, с «очерками по философии коллективизма», изданными в 1909 г. Н. Вернером, А. Богдановым, В. Базаровым, А. Луначарским и др., то мы сможем констатировать у них чуть ли не дословное совпадение формулировок по целому ряду основных вопросов. У т. Деборина мы имеем воскрешение абстрактного, немарксистского, неисторического противопоставления индивидуализма и коллективизма, которое красной нитью проходит по этому сборнику. Ясно, что такое некритическое отношение к базаровско-богдановским теориям еще раз показывает, как трактовался целый ряд крупнейших вопросов, имеющих ныне кардинальное политическое значение. Нет необходимости говорить о буржуазной теории невозможности построения социализма в одной стране, которой придерживался Карев, о тех теориях, которых придерживался Стэн, и т. д.: они были в достаточной степени разоблачены на дискуссии. Если все это вместе сопоставить, то получается «интересный букет» и становится совершенно ясно, что характеристика взглядов деборинской группы как меньшевиствующего идеализма в полной мере соответствует действительности. Эта характеристика ставит перед нами сейчас ряд сложных задач: нужно действительно переворошить, действительно раскритиковать весь тот «навоз», который накопился на философском участке теоретического фронта.

ЗАДАЧИ БОРЬБЫ НА ДВА ФРОНТА В ФИЛОСОФИИ

Сейчас перед нами, как никогда, остро стоят задачи борьбы на два фронта в области философии. Механистическая ревизия марксизма продолжает оставаться главной опасностью, ибо она имеет широкую социальную базу в нашей стране. *В основном* механистическая методология является теоретической базой правого оппортунизма. О том, насколько важно, необходимо теоретическое разоблачение механистической ревизии марксизма, теоретическое разоблачение теории равновесия, свидетельствует следующее: Залкинд—

[1] «Под знаменем марксизма» № 5 за 1930 г., стр. 15.
[2] *Там же*, стр. 23.

член ЦК РСДРП, контрреволюционной организации, организовывавшей совместно с промпартией, со II Интернационалом интервенцию—таким образом отзывался о теории равновесия: «Она полностью может быть нами принята для защиты наших положений».

Настоящий этап пролетарской революции требует чтобы теоретическая работа была связана с социалистическим строительством. Практика пролетариата, проводящего гигантское строительство социализма, требует большой теоретической оснастки, требует развернутой теоретической работы, обслуживающей социалистическое строительство, дающей дальнейшие перспективы и освещающей наше продвижение вперед к коммунизму. Отсутствие органической связи между теорией и практикой, которая особенно нужна теперь, чревато тем, что у людей, недостаточно понимающих суть учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, не понимающих традиций большевизма, будут продолжаться в той или иной форме «антифилософские» уклоны, механическо-позитивистское понимание, а тем самым и отрицание роли теории, будут порождаться механистические шатания. Борьба с механистами как с главной опасностью требует к себе в настоящее время чрезвычайного внимания. Борьба с механической ревизией марксизма должна быть «политизирована»,—чего не в состоянии была сделать за все время своей борьбы деборинская группа. Вместе с тем требуется особая, исключительная бдительность по отношению к меньшевиствующему идеализму. Совершенно недостаточно разоблаченные взгляды идеалистической ревизии марксизма, меньшевиствующего идеализма получили свое отражение в целом ряде научных областей. Они сами питают главную опасность—механистическую.

Сейчас механисты хотят чувствовать себя чуть ли не «героями», чуть ли не «именинниками». Они считают, что все, что сейчас говорится о деборинской группе, о меньшевиствующем идеализме деборинской группы, подтверждает якобы взгляды, которые в свое время они высказывали. Но нужно сказать, что механисты очень глубоко ошибаются, напрасно чувствуют себя «именинниками». Эти «именины» они, вероятно, очень скоро почувствуют, потому что перед нами сейчас встает *задача проведения второго тура борьбы с механистической ревизией марксизма.* Этот тур должен быть проведен действительно на основе марксистско-ленинского подхода к философским вопросам. Если деборинская группа представляет антиленинские теории в области философии, то и механисты представляют собой антимарксистские, антиленинские теории. В этом отношении есть очень много родственных черт у механистов и меньшевиствующих идеалистов. В самом деле, с каких позиций били механистов представители деборинской группы? Они били механистов в основном с точки зрения гегельянских идеалистическо-диалектических установок, что давало возможность до известной степени разоблачать совершенно анти-

марксистские, метафизические установки механистов, их голое отрицание теории, их непонимание диалектики, полное извращение основных законов диалектики и т. д. На этот счет мы имеем чрезвычайно меткие, исключительно богатые своими мыслями, своим содержанием замечания Ленина в «Ленинском сборнике» XII. Он пишет: «Этим Гегель бьет всякий материализм, *кроме* диалектического»[1]. Гегельянские идеалистическо-диалектические установки, которые были у деборинской группы, до известной степени были положительным фактом в том отношении, что это давало возможность разоблачать метафизику механистов и бить механистов постольку, поскольку они становились совершенно на позитивистский путь, поскольку они отрицали всякую теорию. В том же «Ленинском сборнике» напечатано еще одно крайне интересное замечание Ленина: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм. Диалектический идеализм вместо умный; метафизический, неразвитой, мертвый, грубый, неподвижный вместо глупый»[2].

Применяя это ленинское замечание, можно сказать следующее: идеалистическая сущность взглядов деборинской группы в той мере и поскольку этот идеализм сочетался с диалектикой, он давал возможность раскрыть отдельные ошибки механистов. Вот почему мы можем говорить об известном положительном значении той борьбы, которая проведена со стороны деборинской группы с механистической ревизией марксизма. Но вместе с тем бесспорно, что деборинская группа со своих позиций, с позиций меньшевиствующего идеализма, не могла подойти к окончательному разоблачению механистов, их взглядов и теорий. Лучшей характеристикой того, как «спешно» была проведена борьба с механистами, является тот факт, что до настоящего времени, после нескольких лет борьбы с механистами, ни один из них не признает своих ошибок. Наоборот, они чувствуют себя правыми, до сих пор продолжают отстаивать свои позиции. Это является лучшей характеристикой того, как велась борьба с ними со стороны деборинской группы. Когда же к борьбе с механистами мы подойдем с действительно марксистско-ленинских позиций, когда мы будем давать не только абстрактно-теоретическую характеристику их взглядов, но и политическую, когда мы будем давать классовый анализ их взглядов, когда будем вскрывать их ошибки с марксистско-ленинской точки зрения, тогда механисты уже почувствуют свои «именины». Совершенно напрасно они радуются. Эта радость связана с тем, что они совершенно не представляют себе того, перед какими задачами сейчас встала наша теоретическая мысль. Надо разбить прочно угнездившийся в философской литературе предрассудок,

[1] «Ленинский сборник» XII, стр. 225.
[2] *Там же*, стр. 223.

будто борьба с механистами велась только деборинской группой. Борьба с механистами была проведена нашей партией, и эта борьба давала возможность разоблачить механистическую методологию правого оппортунизма, показать родство этой методологии с правым оппортунизмом и идеологией Базарова, Кондратьева, Суханова и т. д. Поэтому то, что сейчас происходит на философском фронте, никоим образом не может умалить значения дальнейшей борьбы с механистами, а, наоборот, поднимает эту *борьбу на новую ступень.*

Далее можно отметить целый ряд совершенно родственных моментов во взглядах механистов и представителей деборинской группы, в частности по вопросу об отношении к ленинизму в философии. У обоих течений мы имеем непонимание, отрицание, неприятие ленинизма в философии. В самом деле, стоит только поставить вопрос о том, в каком отношении находятся взгляды Аксельрод к ленинизму в философии, чтобы стал совершенно ясным антиленинский характер ее теории, антимарксистский характер ее писаний. Стоит только просто напомнить о том, как т. Сарабьянов ставит вопрос о Ленине и Плеханове, и мы увидим, что в этом пункте, в вопросе о понимании ленинизма как новой ступени в развитии диалектического материализма имеется трогательное совпадение взглядов Сарабьянова и Деборина, Аксельрод и Карева. На этот счет можно привести небольшую цитату из книжки т. Сарабьянова «В защиту философии марксизма».

Вот что он пишет: «Нечего и говорить, что по существу вопроса, по всем основным проблемам марксистской философии между Лениным и Плехановым, как и их учителями, нет ровно никаких разногласий». Тов. Сарабьянов считает, что по всем основным вопросам марксистской философии между Лениным и Плехановым нет никаких разногласий. Что это, как не наиболее яркое выражение проанализированных выше мыслей Деборина и Карева? Что это, как не полное непонимание ленинизма в философии? Что это, как не замазывание меньшевизма Плеханова и т. д. и т. п.?

Далее т. Сарабьянов в своей книге под флагом защиты философии марксизма развивает чудовищную, эклектическую смесь различных антимарксистских взглядов, становится на точку зрения пероглифического материализма с гораздо большей «последовательностью», чем это делал Плеханов. И все это выдается за якобы защиту якобы материализма. Нет возможности останавливаться на причудливой, эклектической смеси, которая имеется у т. Сарабьянова, начиная с вопроса о первичных и вторичных качествах и кончая абсолютной и относительной истиной. Стоит вспомнить основные установки Аксельрод (тоже Ортодокс!), чтобы понять, какое неправильное понимание основных вопросов философии марксизма распространялось у нас. *Основная родственная черта*

у механистов с меньшевиствующим идеализмом—это непонимание, невосприятие и отрицание ленинизма в философии.

Это невосприятие ленинизма и *исторически и логически* в целом ряде основных положений покоится на ошибках Плеханова, которые «уродливо продолжены», углублены как у механистов, так и у «горе-диалектиков» деборинской группы. Нужно сказать, что зерно истины было в заключительном слове т. Деборина на президиуме Комакадемии в его совершенно ошибочных положениях, когда он целиком превратил Плеханова в механиста, когда он целиком сдал его механистам.

Зерно истины заключается в том, что непонимание «диалектики как философской науки» у Плеханова, отдельные механистические его ошибки, будучи односторонне продолжены, развиты, превратились у механистов в целую систему взглядов, в мировоззрение. Однако т. Деборин забыл сказать, что разрыв теории и практики, приверженность к формализму и логистике у диалектического материалиста Плеханова, уродливо продолженные и углубленные у представителей деборинщины, дали в результате развернутую идеалистическую ревизию марксизма. Если Аксельрод углубляла ошибки Плеханова в сторону их дальнейшей «кантианизации», особенно в вопросах иероглифизма, если она развивала отдельные ошибки Плеханова в позитивистскую и механистическую систему взглядов, то т. Деборин и его ближайшие ученики углубляли и «развивали» плехановский разрыв между теорией и практикой, «гегельянизировали» марксизм.

Если у Аксельрод и «иже с ней» мы имеем меньшевистский механицизм и позитивизм, то у Деборина и «иже с ним» мы имеем меньшевиствующий идеализм.

Это два потока меньшевиствующего извращения марксистско-ленинской философии. Один меньшевиствующий поток ревизионизма идет по линии вульгарного практицизма, узколобного делячества, ползучего эмпиризма и отказа от революционной теории, без которой нет и не может быть революционного движения. Другой меньшевиствующий поток ревизионизма идет по линии идеалистического отрыва теории от практики, превращения теории в самоцель, абстрактно-схоластического методологизирования, отрыва от конкретного содержания, от практики революционного движения и социалистического строительства. Оба потока ревизионизма выступали под марксистским знаменем. Особенно завуалированной следует считать деборинщину, ибо она претендовала на марксистско-ленинскую ортодоксию. Верно ли, что механисты (Степанов, Сарабьянов, Аксельрод, Тимирязев) вели борьбу с гегельянщиной деборинской группы? По форме как бы совпадает то, что мы говорим о гегельянстве деборинской группы, с тем, о чем трубили механисты. Однако здесь *глубочайшее* различие по существу. Механисты, воюя с гегельянством деборинской группы, выступали по

существу и по форме *против материалистической диалектики*, против диалектического материализма Маркса, Энгельса, Ленина. Они вели борьбу с гегельянством (что особенно характерно для Аксельрод) по существу с кантианско-позитивистских позиций. Наша же борьба с гегельянством деборинской группы есть борьба за *материалистическую диалектику* Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Перед нами стоят исключительной сложности теоретические задачи на основе последовательной борьбы на два фронта, с двумя потоками ревизии философии марксизма. Сейчас вплотную поставлены задачи *действительной разработки теории материалистической диалектики*. Всем ходом философской дискуссии поставлена грандиозная задача освоения, изучения, разработки и популяризации ленинского философского наследства, ликвидации разрыва философии и политики, теории и практики социалистического строительства. Не может быть и речи о снижении теоретического уровня философской работы. Речь идет о поднятии теоретического уровня нашей работы на новую высоту. Поскольку теперь в дело включается большой партийный коллектив, большевистски подготовленные кадры, надо думать, что эти основные теоретические задачи будут удовлетворительно разрешаться.

АКСЕЛЬРОД

Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса. Соцэкгиз, 1934 г.

Выход в свет книги Аксельрод «Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса» отнюдь не является маловажным обстоятельством на нашем участке теоретической работы, во-первых, потому, что автор этой книги—весьма почтенный и известный работник в области философии, и, во-вторых, потому, что тема книги крайне актуальна. Вопросы, освещающиеся в этой книге, являются весьма важными и острыми. Естественно, что в связи с этим к книге проявляется большой интерес как со стороны преподавательских кадров, научных работников, так и со стороны других работников философского участка.

Вопрос о Гегеле, о роли и значении его философии как одного из источников философии марксизма является острым вопросом. Можно сказать, что вопрос о Гегеле, об отношении к гегелевской философии и к гегелевской диалектике, является пробным камнем всякого философского ревизионизма и всякого неправильного понимания и искажения марксистской философии.

Почему это так? Философия Гегеля является одним из высших пунктов, которого достигла в своем развитии буржуазная философия. Все то, что мы имеем в развитии буржуазной философии после Гегеля, стоит на уровне, значительно отстающем от того, что дал великий идеалист-диалектик Гегель.

Вместе с тем Гегель является одним из величайших представителей диалектического метода в истории философии до Маркса и Энгельса. По вопросу об отношении марксизма к гегелевской философии мы имеем огромную классическую марксистскую литературу (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин).

Далее, одним из важнейших пунктов философской борьбы последних лет как с механистами, так и с меньшевиствующими идеалистами был вопрос об отношении к Гегелю. Эта борьба, которая была проведена в Советском Союзе, продолжалась в течение нескольких лет. Опубликование ряда работ классиков марксизма («Диалектика природы» Энгельса, «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса, «Философские тетради» Ленина, которые раньше не были известны) привело к тому, что вопросы марксистской трактовки гегелевской философии подняты на огромную теоретическую и принципиальную высоту. Требования, которые предъявляются теперь у нас к каждой книге, посвященной гегелевской философии, чрезвычайно высоки. Требуется глубокое освещение гегелевской философии с точки зрения марксизма, требуется, говоря словами Ленина, «материалистическое чтение» Гегеля. Требуется, чтобы каждая книга о Гегеле глубоко и содержательно раскрывала сущность его философии и его идеалистической диалектики. Требуется, чтобы каждая такая книга давала очень серьезную и глубокую критику гегелевского идеализма и вместе с тем раскрывала, следуя Марксу—Ленину, рациональное зерно его диалектики. А дать такую критику, вообще говоря,— вещь не совсем простая, так как гегелевский идеализм является несомненно наиболее глубоким и высшим пунктом развития идеалистической философии вообще.

Энгельс, касаясь гегелевской философии, говорил, что в области логики, философии природы, философии истории, права и религии—одним словом, в целом ряде областей, в которых Гегель работал, по которым он писал крупнейшие произведения, он стремился найти «проходящую здесь нить развития». Он разрабатывал исторический подход, историческую точку зрения во всех этих областях. А так как Гегель, указывал далее Энгельс, обладал не только творческим гением, но и всесторонней ученостью и стоял на вершине знаний своего времени, то его появление во всех этих областях составляло везде новую эпоху. Правда, во всех этих областях потребности идеалистической системы приводили к целому ряду произвольных заключений, произвольных переходов и т. д. «Но,—говорит Энгельс,—эти построения служат у него только рамками работы, лесами возводимого им здания. Кто, не останавливаясь без надобности около них, глубже проникает в грандиозное здание, тот находит там бесчисленные сокровища, до настоящего времени сохранившие свою полную ценность»[1].

Такова общая характеристика гегелевской философии, данная Энгельсом.

В связи с тем, что Гегелю удалось найти в целом ряде научных

---

[1] *Энгельс,* Людвиг Фейербах, стр. 11, 1936 г.

областей проходящую нить развития, провести исторический (хотя бы и идеалистический) подход в целом ряде проблем, которые он затрагивал, поэтому вопрос о специфическом характере решений которые он давал, имеет для нас исключительное значение.

Если с точки зрения этих требований (а иначе и быть не может) подойти к той работе, которую представила нам Аксельрод, то надо отметить, что, прочитав эту книгу, получаешь глубокое разочарование. Прежде всего потому, что эта книга написана крайне скучно и по всему своему стилю значительно отличается от стиля автора «Философских очерков», «Против идеализма» и целого ряда других статей Аксельрод-Ортодокс.

Но это внешняя, формальная сторона дела. Что же касается содержания, то оно нас глубоко разочаровывает потому, что в книге имеются такие крупнейшие недостатки, которые говорят о том, что у Аксельрод не только нет учета того, что дают классики марксизма, а в особенности Ленин, по вопросу о гегелевской философии, но и нет достаточно глубокого знания самой философии Гегеля.

Сформулируем вкратце основные положения и выводы, которые напрашиваются после прочтения этой книги.

Прежде всего подход к Гегелю в этой книге дан без изучения и понимания ленинского материала по вопросу о Гегеле вообще и в особенности о гегелевской диалектике.

Можно приводить ряд цитат из IX «Ленинского сборника» и из статьи «Карл Маркс» Ленина (как это и делает автор книги), но разве этим вопрос исчерпывается? Вопрос состоит в том, насколько во всем ходе изложения и развертывания проблем действительно реализуется то глубокое содержание, которое дано у Ленина по этим вопросам.

А ведь давно известно, что *без* изучения и выяснения *ленинского материала*, без опоры на него в любых вопросах, в том числе и в вопросе об отношении к Гегелю, *нет марксизма*.

Другой недостаток, который с этим связан и из него вытекает, состоит в том, что Аксельрод подходит к гегелевскому идеализму, к гегелевской идеалистической диалектике по известному принципу, раскритикованному Лениным, что идеализм—«только чепуха». Ленин неоднократно указывал, что нельзя критиковать идеализм так вульгарно.

Наконец, третий по счету, но важнейший по существу недостаток, тесно связанный с первыми двумя, состоит в том, что Аксельрод не понимает роли и значения *материалистической диалектики как философской науки* марксизма, что она остается целиком в этом вопросе на своих старых, механистических позициях.

Вот основные недостатки, которые присущи данной книге и которые делают ее в целом ошибочной, антимарксистской книгой.

В свое время, критикуя схоластическую работу над гегелевской диалектикой, которую проводили деборинцы, Аксельрод очень остроумно характеризовала эту работу словами, которые она советовала Деборину взять эпиграфом к его статьям о диалектике: «Свищу, свищу, но не еду».

К сожалению, надо признать, что эти слова она может теперь смело поставить также в качестве эпиграфа и к своей работе «Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса».

Прежде всего, отметим, что Аксельрод до настоящего времени продолжает путаться в основном вопросе философии, разделяющем философские системы на две линии: материализм и идеализм. Чтобы не быть голословным, приведем ее утверждения. Она пишет: «Как материалисты и диалектики Маркс и Энгельс берут за исходное положение в познании *единый* мир опыта и его непрерывное диалектическое развитие»[1]. Вряд ли надо специально критиковать это положение Аксельрод. Вся беда состоит в том, что это—не единичное положение, а повторяется с разными вариациями на протяжении всей книги. Так например: «Как известно, одна из коренных проблем философии—это проблема отношения единства к множеству, постоянства к изменчивости или, выражая это же старым метафизическим языком, проблема отношения субстанции к ее акциденциям, проще, отношения сущности мироздания к отдельным вещам»[2].

О том, что эту проблему Аксельрод рассматривает далее не как одну из коренных проблем, а как коренную проблему философии, свидетельствует утверждение автора, что дуализм получается в результате неуменья многих философов решить этот вопрос—о соотношении множества и единства, субстанции и акциденции[3].

Такого рода положения, подменяющие основной марксистский критерий определения философских систем—вопрос об отношении мышления и бытия—вопросом об опыте, о множестве и единстве и т. д., пестрят по всей книге. Никакого шага вперед в этом отношении по сравнению со своими прежними книжками (например «В защиту диалектического материализма») Аксельрод в последней своей работе не сделала.

Далее, для всей книжки Аксельрод характерен *антиисторизм* при подходе к вопросам философии. Аксельрод всячески «углубляет» этот кантианского порядка недостаток, который довольно сильно, как мы знаем, отразился в философских работах Плеханова. В связи с этим Аксельрод нечетко, неясно, ошибочно ставит

---

[1] *Аксельрод (Ортодокс)*, Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса, стр. 63, 1934 г.

[2] *Там же*, стр. 27.

[3] См. *там же*, стр. 27—28.

целый ряд вопросов, в частности вопрос об отношении Гегеля к предшествовавшей ему философии.

Она буквально пишет: «Гегель приступает к созданию своей системы с безусловным убеждением в том, что им найден истинно критический путь, следуя которому возможно создать настоящую философию или, иначе, найти абсолютную философскую истину. Подлинно критическим он считает отыскание исходного философского начала путем критики методов предшествующих философских систем и анализа сознания. Вся предшествующая ему философия была, по его убеждению, формальной, догматической или, что одно и то же для него, метафизической»[1].

Сказать это про Гегеля—значит совершенно не понять Гегеля, в частности его истории философии. Свой антиисторизм т. Аксельрод приписывает Гегелю. Вкратце нам надо на этой проблеме остановиться.

Постановка вопроса, что якобы, по Гегелю, вся предшествующая ему философия является метафизической (в смысле антидиалектики), является глубоко ошибочной. Такая точка зрения совершенно не историческая, метафизическая от начала до конца. Не кто иной, как именно Гегель, впервые сделал попытку рассмотреть всю историю философии с точки зрения развития в ней диалектического метода мышления. Гегель и в «Истории философии» и в «Феноменологии духа» дает замечательную постановку вопроса с точки зрения историзма о ложности и об истинности, развертывает с точки зрения диалектики прекрасные мысли о том, что означают ложь и истина в развитии науки и философии.

Так, например, в «Феноменологии духа» Гегель говорит следующее: «Установилось мнение, что истинное и ложное принадлежат к определенным идеям, имеющим значение неподвижных особых сущностей; одна из них изолированно и твердо стоит по сю сторону, а другая—по ту сторону, вне связи друг с другом. Наоборот, необходимо признать, что истина не является отчеканенной монетой, которая может быть дана готовой и в таком виде взята»[2].

Гегель, как видим, дает не метафизическое представление о ложном и истинном, а берет ложное и истинное в историческом развитии, в исторической связи и показывает, как то, что на определенном этапе было истинным, становится ложным, и т. д.

Укажу еще на одно важное место книги Гегеля «Феноменология духа». В этой книге он говорит следующее: «Дело не исчерпывается его *целью*, но также состоит и в *раскрытии ее; результат* не есть действительное целое, но является таковым

---

[1] *Аксельрод (Ортодокс)*, Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса, стр. 14.

[2] *Гегель*, Феноменология духа, стр. 17.

совместно с процессом его *возникновения;* цель для себя есть безжизненное всеобщее, как тенденция есть простое стремление, лишенное еще своей действительности, и чистый результат есть труп, оставивший тенденцию позади себя»[1].

Вот замечательные места, говорящие о действительно историческом подходе Гегеля к определению результата. Каждый результат Гегелем рассматривается не только с точки зрения того, как он дан, а как он получается в итоге предшествующего развития. Каждая философская система рассматривается им с точки зрения того, как она развивалась, какое место занимает в историческом развитии философии в целом.

Очень легко, конечно, приписать Гегелю и затем критиковать положение, что вся предшествующая ему философия была, по его мнению, метафизической. Но такая критика равна по своей ценности холостому выстрелу. Такая критика ничего, кроме недоумения, у читателей вызвать не может.

Приписывание Гегелю такой точки зрения, будто вся предшествующая философия является метафизической философией,— это неправильная точка зрения, расходящаяся с материалом, который дается самим Гегелем.

Читатель, знакомый с «Историей философии» Гегеля, знает, как последний, например, оценивал диалектику Гераклита и древнегреческой философии вообще. «Нет ни одного положения в философии Гераклита, которое не вошло бы в мою систему»,—указывал он, например, в своей «Истории философии». Известно, как он раскрывал развитие диалектического метода в философии Аристотеля, Лейбница, Канта, Фихте и т. д. После всего этого кто же поверит Аксельрод, что Гегель считал всю предшествующую ему философию метафизической и не находил в ней диалектики?

Гегель устанавливает следующие основные *принципы* своего подхода к прежним философским системам и ко всей истории философии в целом. Гегель, прежде всего, выдвигает свое знаменитое положение, что всякая философская система есть философия своей эпохи, что она является звеном в цепи развития и выражает общие интересы, которые данная эпоха ставит.

Конечно, Гегель, исходя из своей идеалистической концепции, не мог дойти до раскрытия действительных исторических корней каждой философской системы, до раскрытия производственных отношений, классовых отношений, лежащих в основе идеологических надстроек. Гегель этого сделать не смог, но его постановка вопроса о том, что каждая философия есть философия своей эпохи, что она устанавливается определенной потребностью данной эпохи,—эта точка зрения является чрезвычайно важной.

Гегель рассматривает далее историю философии не как слу-

---

[1] *Гегель,* Феноменология духа, стр. 2.

чайное нагромождение различного рода философских систем. Самая история философии в целом есть, по его мнению, развивающаяся система. В связи с этим Гегель приводит чрезвычайно образное сравнение по этому вопросу. Авторы многотомных историй философии, говорил он, в которых излагаются последовательно одни философские системы за другими, похожи на животных, которые могут прослушать все звуки музыкального произведения, но до чувств которых не доходит одно, а именно, гармония этих звуков. И Гегель ставит своей задачей в истории философии — раскрыть гармонию этих звуков.

Далее Гегель говорит о том, что история философии представляет собой все время поступательное движение.

Каждая философская система является необходимой и продолжает существовать до настоящего времени. С точки зрения Гегеля, ни одна философская система прошлого не исчезает полностью, а сохраняется как момент целого.

В каком смысле она сохраняется как момент целого и не исчезает полностью? Каждая философская система сохраняется в историческом развитии и не исчезает полностью потому, что ни одна философская система не опровергается другой системой полностью. Опровергаются лишь принципы, лежащие в основе каждой философской системы, как принципы абсолютные, как принципы, которые рассматриваются самими авторами этих систем как абсолютные. Каждая крупная философская система, теряя свой абсолютный характер, становится определенным звеном, узловым пунктом в развитии логической идеи. Такова концепция Гегеля. Однако он сам не был последовательным и не применял этой точки зрения к своей собственной философской системе. Если бы он применил ее, то увидел бы, что вся его система, вся его философия есть только философия определенной эпохи, что и она также должна быть преодолена в целом и сохранена как один из моментов в истории философии. Эта непоследовательность как раз и есть выражение внутреннего противоречия между методом и системой, которое характерно для всей гегелевской философии. Гегель не смог применить этой диалектики и к своей, также исторически ограниченной, философии. Гегель прослеживает по всей своей истории философии, как развивается диалектический метод мышления, пока он не достигает своего абсолютного выражения в его философии. Несмотря на то, что вся история философии должна быть, по его мнению, доказательством развития абсолютной идеи, Гегель дает богатейший материал, основанный на анализе фактического содержания самой истории философии, по вопросу о диалектике греков, Аристотеля, Декарта, Спинозы, Лейбница и т. д. и т. п.

Как видим, все это коренным образом отличается от той трактовки вопросов, которую дает нам в своей книжке Аксельрод.

Перейдем теперь к другому вопросу, который красной нитью проходит по всей книге Аксельрод, а именно: *является ли диалектика Гегеля формальной?* Посмотрим, прежде всего, что говорит по этому вопросу Аксельрод. Она пишет: «Диалектика Гегеля сохраняет, следовательно, для Маркса силу как учение *об общих формах* движения. Диалектика Гегеля, таким образом (!!), *формальная*»[1].

О том, что это положение является основной установкой автора, можно судить по тому, что эта установка в различных вариантах развивается на протяжении всей книги.

Далее Аксельрод пишет: «Результатом этой глубокой критики было создание диалектической логики. Но благодаря идеалистической сущности системы, благодаря тому, что вся становящаяся, развивающаяся и видоизменяющаяся действительность есть не что иное, как движение понятия, вся диалектика Гегеля свелась к формально-диалектической логике. Маркс принял все формальные принципы диалектической логики и естественно возвратил ее к ее истинному источнику—к различным формам движения действительного, материального мира»[2].

Относительно последней части последнего пункта о том, что Маркс воспринял формальные принципы гегелевской философии, должен быть разговор особый, ибо здесь сказывается у Аксельрод полное непонимание существа и значения материалистической диалектики как философской науки марксизма.

Прежде всего, отметим совершенно «изумительный» вывод Аксельрод, что диалектика Гегеля является формальной, поскольку Гегель занимается общими формами движения.

Этот «вывод» настолько замечателен, что должен быть записан в анналы истории. Дело все в том, что он не случаен, а глубоко связан с общим непониманием Аксельрод проблемы значения «общих форм движения», задачи разработки *общих форм мышления*, отражающих общие формы движения материи.

Аксельрод типично позитивистски, как огня, боится «общих форм движения». Ей кажется, что повсюду, где речь идет об «общих формах движения», там обязательно идеализм, формализм и т. п. А ведь еще Энгельс говорил, что общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный «конкретный» пример. Энгельс писал, что взаимоотношение между сознанием и предметом было исследовано и со стороны содержания и со стороны формы. Со стороны содержания этот вопрос был изучен французскими материалистами, а со стороны формы—преимущественно такими мыслителями, как Аристо-

---

[1] *Аксельрод*, Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса, стр. 10, 1934 г.

[2] *Там же*, стр. 76.

тель и Гегель. Энгельс, критикуя идеалистический характер этого гегелевского исследования, вместе с тем указывал на огромное значение этого вопроса. Наконец, неверно, что только Гегель занимался общими формами движения. Материалистическая диалектика есть учение об общих формах движения материи и мышления. Поэтому с таким же успехом Аксельрод может объявить и философию марксизма, материалистическую диалектику, формальной. Собственно говоря, это и является внутренней исходной позицией Аксельрод. Ленинские замечания по адресу Плеханова об игнорировании им материалистической диалектики как философской науки ею совершенно не поняты.

Итак, основное утверждение Аксельрод касательно диалектики Гегеля, многократно повторяющееся и красной нитью проходящее по всей книге,—это утверждение, что диалектика Гегеля формальна и что она формальна потому, что занимается общими формами движения.

Несомненно, что эта установка неправильна от начала до конца.

Подлинно *содержательной* логикой может быть *только* материалистическая логика. Гегель в силу своего идеализма до такой действительной и подлинно содержательной логики не добрался. Однако сказать только это—значит сказать еще очень мало. Вопрос гораздо глубже и сложнее, чем кажется Аксельрод. Логика Гегеля не только идеалистична, но и диалектична. Гегель пытался создать *идеалистическо-содержательную логику*. Идеалистическо-содержательная логика есть противоречие, но ведь это и есть выражение основного противоречия всей гегелевской философии. Ведь в этом-то и вся проблема, в этом-то и гвоздь вопроса.

Вспомним основные указания Ленина по вопросу о содержательности диалектики и логики Гегеля.

Ленин неоднократно в «Философских тетрадях» отмечает, что учение Гегеля требует абстракции, которая соответствует сути дела. Ленин указывает: «Гегель же требует логики, в коей формы были бы содержательными формами, формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием»[1].

По поводу положения Гегеля, где им ставится вопрос об абстракции и говорится, что абстракция не есть нечто всеобщее, принципиально оторванное от особого, индивидуального, что всеобщее включает в себя все богатство единичного и особенного, Ленин бросает следующее замечание: «Великолепно», «Прекрасная формула». Ленин указывает, что Гегель берет саморазвитие понятий в связи со всей историей философии и что в этом новая, чрезвычайно интересная сторона его логики. Ленин отмечает, что мысль Гегеля—включить жизнь в логику—понятна и гениальна. Эта

[1] *Ленин*, Философские тетради, стр. 93.

мысль особенно плодотворной оказывается, если подойти к этому вопросу с точки зрения материалистической теории отражения. Такие характеристики логики Гегеля можно было бы увеличить во много раз. Такова именно *позиция* Ленина по вопросу о гегелевской логике, которую совершенно не поняла Аксельрод и против которой она на протяжении всей книги борется.

Что собственно означает положение Аксельрод, что диалектика Гегеля формальна? Если она хочет сказать, что эта диалектика — идеалистическая диалектика, то здесь и спору нет и никаких открытий в этом нет. Повторяя на страницах своей книги мысль, что диалектика Гегеля является формальной, Аксельрод, очевидно, хочет сказать нечто большее.

Формализм представлен, например, в истории философии кантовской философией. Там имеется *принципиальный* разрыв между формой и содержанием.

У Гегеля же другое дело: он стремился дать единство формы и содержания. Все дело в том, что у него *содержание мистифицировано*. Он не может в силу идеалистического существа своих принципов добраться до действительного содержания. У Гегеля содержание извращенное, мистифицированное и поставленное с ног на голову. Вот за что нужно критиковать Гегеля.

У Гегеля в любом вопросе, который он рассматривает, скрывается основное противоречие его философии, противоречие метода и системы.

Задача как раз состоит в том, чтобы это противоречие везде и всюду вскрывать, вместо того чтобы отвергать от начала до конца его постановку вопроса только на том основании, что она идеалистическая.

Изучая формы движения понятий, Гегель, как говорил Ленин, «гениально угадал» формы движения вещей, диалектику самых вещей.

В силу того обстоятельства, что содержание у Гегеля мистифицированное, извращенное, поставленное на голову,—в силу этого обстоятельства у него есть «большая дань мистицизму», дань, по выражению Ленина, формальной логике.

Говоря словами Маркса, у Гегеля получается форма, которая должна считаться действительной формой действительного содержания, но которая не имеет своим содержанием действительное содержание. У Гегеля вместо действительного содержания получается извращенное содержание, перевернутое на голову. Гегель стремился к единству формы и содержания. Его критика формальной логики, его критика формализма Канта имеет огромное значение в истории философии. Однако, несмотря на это, действительно разрешить эту проблему ему не было дано, ибо разрешить эту проблему на почве идеализма невозможно. Гегеля надо критиковать за то, что он мистифицировал содержание. Полу-

чается несколько более сложная картина, чем это рисует Аксельрод.

Мы в свое время крепко били Деборина и его школу за то, что они некритически подходили к гегелевской философии, за то, что они переписывали гегелевский материал по вопросу о категориях диалектики и выдавали это за материалистическую диалектику. Деборинский подход приводил к схоластизированию нашего острейшего идейного оружия, революционной души марксизма—диалектики, к тому, что действительная разработка категорий диалектики—на базе изучения и анализа конкретного материала из истории науки и техники по вопросу о развитии форм мышления, на базе изучения огромного диалектического материала эпохи империализма и пролетарской революции, на базе анализа богатейшей сокровищницы диалектики как со стороны ее применения, так и со стороны ее дальнейшего теоретического развития в работах Ленина, Сталина—подменялась пустыми упражнениями по вопросу о порядке категорий, пустословием о взаимном переходе категорий друг в друга и т. д. и т. п.

По существу, несмотря на то, что Аксельрод раньше яростно выступала против деборинской группы, она в силу своего механицизма с другого бока подходит к тем же выводам, к каким приходил в свое время Деборин, когда она утверждает, что Маркс воспринял у Гегеля его формальные принципы. Этот вывод нужен Аксельрод для того, чтобы вообще затем отказаться от необходимости разработки диалектики как науки об общих формах движения материи и мышления.

Утверждение автора рецензируемой книги, что Маркс берет у Гегеля формальные принципы и наполняет их затем содержанием, свидетельствует, что Аксельрод не понимает всего *принципиального* отличия, существующего между идеалистической теорией диалектики Гегеля и материалистической диалектикой Маркса. Категории материалистической логики отнюдь не суть формальные принципы, к которым прикладывается содержание или которые наполняются содержанием. Так может представлять себе дело только человек, не освободившийся от влияния кантианства.

Категории нашей логики суть «итог, сумма, вывод *истории* познания мира»[1].

Мы били меньшевиствующий идеализм за то, что он занимался реставрацией Гегеля и не понимал, что материалистическая диалектика Маркса именно как *материалистическая* в корне противоположна идеалистической диалектике Гегеля. Однако наша критика меньшевиствующего идеализма никоим образом не означала, что мы вообще выбрасываем диалектику Гегеля, отвергаем ее с порога только потому, что это *идеалистическая* диалектика.

---

[1] *Ленин,* Философские тетради, стр. 94.

Это означало бы полный отход от Маркса—Энгельса—Ленина. Наша задача—вести борьбу на два фронта. Мы должны теперь выступить решительно «в защиту» гегелевской диалектики, против механистической, позитивистской концепции Аксельрод, отвергающей диалектику Гегеля начисто потому, что эта диалектика идеалистическая.

Книжка Аксельрод по всем своим основным установкам является ошибочной; в целом она не является марксистской книгой. Аксельрод не дала нам ни понимания, ни изложения ленинского материала по вопросу о Гегеле.

В своем последнем выступлении на сессии Института философии Комакадемии Аксельрод сделала первую маленькую попытку стать на почву самокритики. Правда, в вопросах теории отражения, как мне пришлось в заключительном слове на сессии показать, эта попытка не привела ни к чему. Книжка Аксельрод о диалектике Гегеля свидетельствует, что ее старые, ошибочные воззрения очень сильны. Эта книга обнаруживает, что Аксельрод стоит на своих старых позициях позитивизма, механицизма. Серьезная теоретическая критика по существу должна помочь ей стать в области философии на марксистско-ленинские позиции, если только она обнаружит доброе желание, уменье понять все происшедшее, серьезную самокритику по отношению к самой себе.

Новая книжка Аксельрод, независимо от субъективных намерений автора, представляет собой своеобразный документ механицизма на данном этапе. Это особенно наглядно видно в важнейшем вопросе, характерном для всей механистической концепции в целом,—в вопросе об отрицании ими материалистической диалектики как философской науки марксизма. Существует внутреннее родство между прямой, грубой, вульгарной точкой зрения Минина, предлагавшего в порядке кавалерийского наскока на философию «выбросить ее за борт», несколько более тонкой и завуалированной концепцией Степанова-Скворцова о том, что философия марксизма и есть не что иное, как синтез последних данных естествознания, и весьма тонкой, философски отшлифованной позицией Аксельрод, сводящей диалектику как науку к некоей сумме формальных принципов. Аксельрод на протяжении всей своей книги тщательно обходит важнейшие места из «Философских тетрадей» Ленина, в которых гениальный продолжатель марксизма, поднявший марксистскую философию на новую, высшую ступень, критикует Плеханова за сведение диалектики к сумме примеров, за то, что он, написавший, по выражению Ленина, больше тысячи страниц по философии, не посвятил ничего «Науке логики» Гегеля, диалектике как философской науке. Аксельрод ни единым словом не упоминает в связи с разбираемыми вопросами, что «диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) мар-

ксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»[1].

Писать теперь целую книжку о диалектике Гегеля «и не обратить внимания», «не заметить» важнейших пунктов ленинской трактовки данных философских проблем да еще затем претендовать, чтобы эту книжку считали марксистской книжкой,—для этого надо обладать той долей «самоуверенности», какой обладает Аксельрод, тем упорством и нежеланием заняться самокритикой, которые так характерны для людей, не двигающихся вперед. Мы этим вовсе не хотим сказать, что Аксельрод в области философии ничего дать уже не в состоянии. Наоборот, мы уверены в обратном. Однако новый творческий период может и должен наступить только при одном условии—при условии преодоления своих старых, ошибочных позиций под углом зрения ленинского этапа в развитии философии марксизма. Только при этом условии острое перо и остроумная мысль Аксельрод, некогда наносившие весьма крепкие удары по идеализму, по Бердяеву, по мистикам и т. д., смогут послужить еще на пользу социализму, на пользу марксизму-ленинизму, на пользу нашему мировоззрению, нашему идейному оружию. А что может быть выше и прекраснее этого!

«Под знаменем марксизма» № 6 за 1934 г.

---

[1] *Ленин*, Философские тетради, стр. 327.

II

СПИНОЗА И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ГЕГЕЛЬ И ТЕОРИЯ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

«ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ» ГЕГЕЛЯ

«ФИЛОСОФИЯ ПРАВА» ГЕГЕЛЯ

СПИНОЗА И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

I

В настоящий исторический период нет ни одного вопроса, ни экономического, ни политического, нет ни одной проблемы из области идеологии, искусства, естествознания, философии, в которой в яркой степени не отражалась бы борьба классов, борьба двух систем—социализма и капитализма. В области идеологии отражение классовой борьбы очень ярко сказывается в вопросе об отношении к прежним мыслителям, об отношении к представителям классической науки и философии. Напомним здесь о фактах отражения классовой борьбы в области оценки философии Гегеля. Известно, как представители фашистской философии пытаются в настоящее время использовать гегелевское учение в своих целях—в целях укрепления господства буржуазии.

Примерно то же самое происходит сейчас на фронте философии в широком смысле этого слова в связи с юбилеем Спинозы. Нет почти ни одной крупной газеты на Западе, которая не уделила бы Спинозе внимания на своих страницах. Те же самые черты, которые были особенно характерны при проведении юбилея Гегеля, проявились также в очень яркой степени и в отношении к Спинозе.

Буржуазная наука и философия, особенно в настоящее время, в общем уже не способны к дальнейшему развитию. Буржуазия и ее идеологи воскрешают наиболее реакционные стороны старых классических учений, теорий, всячески искажают то, что было исторически прогрессивным в этих философских теориях и направлениях. Буржуазная наука, культура, идеология современности находятся в такой стадии своего разложения, упадка и деградации, когда ее представители в силу своего классового

положения не только не в состоянии понять современные отношения, процессы и закономерности, но когда они потеряли способность понимать даже своих старых классиков, классиков буржуазной науки того периода, когда буржуазия была еще революционной в своей борьбе с феодализмом. Это обстоятельство ярко сказывается по отношению к спинозовской философии.

Для характеристики существа и смысла такого состояния можно с известными ограничениями сослаться на самого «старика» Гегеля. В своей «Истории философии» при анализе различных эпох он нередко сталкивался с такими обстоятельствами, когда «передовые» представители науки и философии возвращались в своих учениях вспять, в глубь веков, восстанавливали, пытались реставрировать старые учения, оживлять их. Как идеалист, но одновременно и как диалектик подходит Гегель к таким случаям. Вот что он пишет: «С другой стороны, возвращение развитого, обогащенного духа к такого рода простоте, т. е. к абстракции, к абстрактному состоянию мысли, мы можем рассматривать лишь как прибежище бессилия, чувствующего, что оно не может справиться с богатым материалом развития, которое оно видит перед собою и которое представляет собою предъявляемое мышлению требование овладеть им, объединить и углубить его; это бессилие ищет спасения в скудости и бегстве от богатства этого материала»[1].

Эта гегелевская характеристика очень хорошо подходит ко всякого рода «нео»-неогегельянству, неокантианству, неоспинозизму, неоплатонизму и т. д. и т. д., которые так пышно цветут в настоящее время в буржуазных философских садах. Бессилие и скудость мысли в области философии, бегство от богатства материалов новой исторической эпохи—эпохи развала и гибели капитализма, эпохи мощного роста социализма у нас—сочетаются у представителей современной буржуазной культуры с требованиями возврата от современной передовой техники к низшим ступеням развития, с призывами в фашистской литературе о возвращении к варварству, в прямом смысле этого слова. Примеры таких выступлений виднейших представителей науки, техники, литературы и искусства можно приводить без конца. Они показывают, в каком состоянии разложения и маразма находится современная так называемая «цивилизация» и культура буржуазии.

За последний период времени в Германии подвизается плодовитый писатель Куденгове-Калерги, один из идеологов пан-Европы. За последние два-три года он выпустил ряд книг. Это очень плодовитый писатель, но весьма низкопробный философ, пишущий к тому же в тоне бульварной литературы. Однако нельзя не понимать и не видеть, что его писания оказывают известное

[1] *Гегель*, Соч., т. IX, стр. 49.

влияние, особенно на широкие слои мелкой буржуазии, которую буржуазия стремится вести в своем фарватере.

Куденгове-Калерги в своей последней книге «Прочь от материализма» следующим образом характеризует состояние и обострение классовой борьбы, которая происходит между двумя системами. «Действительная борьба культур,—пишет он,—это борьба между идеализмом и материализмом. Эта борьба ведется на различных фронтах: в философии, в этике, в политике, в искусстве, везде и всюду стоят друг против друга непримиримые враги».

И дальше очень интересное признание: «Все оружие и все орудия власти Европы не смогут спасти ее культуру, если бы она осталась материалистической. Коммунистический материализм открыл бы ворота Красной Армии, поэтому борьба вокруг коммунистического материализма есть борьба вокруг нашего будущего, вокруг нашей культуры. Это борьба культур в полном смысле слова».

Этот своеобразный немецкий Пуришкевич, бульварный философ и журналист, этот классовый враг очень хорошо подметил, вокруг чего идет борьба в области мировоззрения. Он пишет далее: «Европа переживает сейчас самый колоссальный моральный и духовный кризис со времени переселения народов. Европа погибнет, если ей не удастся уничтожить материализм».

Если иметь в виду, что представителями буржуазной философии и идеологии материализм обычно отождествляется с марксизмом, если иметь в виду, что Куденгове-Калерги считает, что «материализм приобрел в лице Советской России необычайно крупную силу», если принять все эти обстоятельства во внимание, мы поймем, как классовый враг в общем правильно характеризует главные линии идеологической борьбы, борьбы мировоззрений двух основных классов современности: один класс имеет за собой будущее, выражает прогрессивное развитие, выражает наиболее передовые устремления и интересы, борется против капиталистического рабства, и другой класс—класс отживший, выполнивший свою историческую роль и стоящий накануне своей окончательной гибели. Борьба этих двух классов, из которых один стоит у власти на одной шестой части земного шара, а другой хотя и располагает остальными пятью шестыми, но внутренне раздирается неимоверным кризисом,—определяет весь ход современной истории.

Лучшие буржуазные философы, наиболее крупные представители буржуазной философии и ее идеологи проникнуты скептицизмом; они занимаются выискиванием различных панацей для сохранения капиталистического способа производства. Последние произведения крупного представителя буржуазной философии Германии Рихарда Кронера, председателя Международного гегелевского союза, проникнуты насквозь пессимизмом и упадочностью.

Тем не менее Рихард Кронер все же мечтает об идейном реванше со стороны Германии. Он считает, что «мир Гегеля, мир Гёте безвозвратно погиб, движение, которое началось после их смерти, подымало все более и более высокие волны и наконец потрясло всю Европу, подмывало основы старой культуры и поколебало их так, что не осталось камня на камне»[1].

Далее он пишет: «После того как трагический рок похитил у Германии все внешние средства, немецкий дух должен углубиться вовнутрь себя». Он имеет в виду поражение, которое потерпела Германия в империалистической войне, и считает, что единственная надежда на спасение состоит в том, чтобы немецкий дух углубился в самого себя.

В обстановке, когда нет ни одного вопроса—будь то из области экономики, политики или искусства, философии, естественных наук,—в котором в резкой степени не сталкивались бы два класса, две системы—капитализм и коммунизм,—приобретает особенно большое значение наше отношение к старому наследству в области науки, наше отношение к классикам в области философии.

Под этим углом зрения, *под углом зрения борьбы за материализм, за диалектический материализм*, которая является одним из важнейших моментов общей классовой борьбы, для нас имеет важное значение вопрос об отношении к философии Спинозы, крупнейшего мыслителя XVII столетия, поскольку мы сейчас отмечаем 300-летие со дня его рождения.

Ленин писал о Марксе: «Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы развития человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания»[2].

Подчеркивая это обстоятельство, Ленин неоднократно заострял и другой вопрос, а именно, что марксизм представляет собой не просто усвоение старой науки, старых знаний, не простое механическое овладение всем человеческим знанием, которое добыто на протяжении истории его развития. Ленин подчеркивает все время, что марксизм означает *критическое* усвоение старых знаний, критическую переработку этих материалов.

Ленин неоднократно разъяснял, в чем собственно состоит сущ-

---

[1] «Verhandlungen des zweiten Hegelskongresses».

[2] *Ленин*, Речь на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г., Соч., т. XXV, стр. 387.

ность критического усвоения прежних знаний, накопленных человечеством. Маркс, овладев прежними знаниями, прежней наукой, подверг их критической переработке *с точки зрения интересов рабочего класса*, проверил их *на практике рабочего движения* и тем самым смог сделать соответствующие выводы, смог внести новое, так далеко пойти вперед в своих результатах, до каких, конечно, не в состоянии был подняться ни один представитель буржуазной науки и философии.

Марксизм не есть простая сумма старых знаний. Марксистская философия—диалектический материализм—не есть сумма ручейков, как некоторые себе представляют, куда «втекают» и Гегель, и Спиноза, и Фейербах. Марксизм есть критическая переработка старых знаний, проверенных на практике рабочего движения, проверенных с точки зрения создания бесклассового коммунистического общества.

Давая единственно правильную, подлинно историческую оценку старых философских учений, старых философских систем, вскрывая все то глубокое историческое значение, которое каждая классическая философская система имела, марксизм вместе с тем вскрывает и их недостатки, которые были исторически обусловлены, которые определяются и объясняются условиями классовой борьбы той или иной эпохи.

Наш подход к прежним философским системам должен показать, что единственно научный, единственно последовательный до конца ответ на все вопросы философии дают только Маркс и Энгельс и что дальнейшее развитие их учения дано в работах Ленина и Сталина. Только под этим углом зрения мы можем дать правильную оценку философии Спинозы, и только это может освободить нас от ошибочной трактовки его философии.

II

Спиноза—идеолог революционной буржуазии XVII столетия, идеолог класса, который переживал свою первую молодость, который был полон сил и который идеологически на своем знамени, характеризующем его общественный идеал, начертал идеал «общего блага». Этот класс выступил против средневековой магии, против сверхестественных сил, против дворянства, феодализма и т. д. Спиноза не мог оказаться вне влияния этой эпохи и этого класса. Эти черты наложили печать на все его мировоззрение, на всю его философию. Мир Спинозы—это уже не замкнутый средневековый мир, мир ангелов и чудес, мир мистики и божества. Это мир вещей, мир, раздвинутый в своих границах орудиями, которые были приобретены к тому времени наукой, знанием; это мир, необычайно раздвинутый телескопом, открытием Америки и т. д. Мир Спинозы—это не старый, замкнутый феодальный мир,

в котором господствуют господь-бог и ангелы; мир Спинозы— это мир буржуазии, который управляется своими внутренне необходимыми законами, причем человек—часть этого мира,—который ставит перед собою задачу овладеть природой, подчиняясь ее законам.

Эти черты буржуазной идеологии и буржуазного мировоззрения эпохи, которые выразил Спиноза в своей философии, в своем мировоззрении, совершенно неприемлемы для современной буржуазии. Современные представители буржуазии идеалистически интерпретируют Спинозу. Все великое, что есть в его произведениях, всячески затушевывается, и, наоборот, раздуваются все реакционные черты.

Летом 1932 г. в Гааге происходил международный спинозовский конгресс. Журнал «Die Stimme der Vernunft» в ноябрьском номере поместил статью Ганса Гартмана, посвященную конгрессу. Вот что он писал:

«На конгрессе присутствовал ряд католических теологов, отнюдь не враждебно настроенных по отношению к Спинозе. Один голландский профессор провел интересную параллель между Спинозой и Паскалем и попробовал с этой стороны проникнуть в проблему отношения между религией и философией. А известный немецкий исследователь Спинозы, только что выпустивший свой второй труд о Спинозе,—патер граф Дунин-Борковский говорил о физике Спинозы, которая целиком выросла из тогдашней эпохи, столь необычайно затронутой интересом к физике и математике, и которая (физика Спинозы) вместе с тем ведет к таким постановкам проблем, которые вполне современны. Его доклад служил как бы дополнением к докладу экспериментального физика профессора Клайя из Амстердама, который на основе новейших исследований о строении атома и на основе критики современной физической картины мира подверг исследованию причинность и сумел с выдающейся ясностью провести границу между физикой и метафизикой». Далее этот автор статьи сообщает нам, что «Гебхардт, заслуженный немецкий издатель сочинений Спинозы и духовный вождь теперешнего спинозовского движения, показал, с какой силой Спиноза взорвал границы унаследованного у отцов иудейства и как он поднялся в область общерелигиозного».

Атмосфера, которая господствовала на конгрессе, для нас совершенно ясна. Иезуиты, католические попы присутствуют на конгрессе, который целиком и полностью проходит под флагом идеалистического религиозного истолкования философии Спинозы, под флагом примирения науки и религии, физики и метафизики. Профессора, физики-экспериментаторы, философы-идеалисты, католические теологи совместно «стремятся к тому, чтобы спинозовским глубокомысленным, возвышенным, проникнутым внутренним

спокойствием интеллектуальной любви к богу образом познавать мир и объяснять его»,—сообщает нам далее этот Ганс Гартман.

Дунин-Борковский выпустил специально к юбилею Спинозы книжку «Спиноза по прошествии трехсот лет». Этот «ученый» исследователь Спинозы делает все, чтобы запутать коренной вопрос философии, чтобы отвлечь внимание от того обстоятельства, что Спиноза был материалистом. Дунин-Борковский пытается выступать в роли представителя полнейшей беспартийности и объективности. «Надежнее всех,—пишет он,—шагают великолепно беспартийные. Они трактуют философа в полном соответствии с его желаниями, спокойно, без аффектов, как геометрическую фигуру... влекомые не интересом к нему, а единственно только любовью к объективной действительности, как таковой». С точки зрения этой «великолепной беспартийности» он стремится всячески доказать, что, хотя Спиноза и заблуждался, отрицая личного бога, отличающегося от мира и действующего по своему произволу,—однако он все же никоим образом не был материалистом и атеистом, как это «утверждают в своих политических и партийных интересах такие мало сведущие люди, как Фейербах, или современные русские интерпретаторы спинозизма».

Для того чтобы показать, насколько широко распространено в настоящее время среди буржуазных ученых и философов идеалистическое извращение философии Спинозы, мы сошлемся на ряд источников, появившихся за последние годы. Венцель в своей книге «Мировоззрение Спинозы»[1] считает, что «спинозизм может стать ферментом религиозной жизни». Он хочет распропагандировать взгляды Спинозы «в широких массах» в качестве идей нового религиозного миросозерцания. «Страшная мысль,—восклицает Венцель,—что религия среди народа представляет из себя гниющий труп». Говоря о системе Спинозы, он пишет: «Этически религиозный интерес, так сказать, есть логическая пружина мыслей этой системы» (стр. 30). Французский философ Эмиль Лазбакс, последователь философии Бергсона, «метода жизненной интуиции», в своей книге «Иерархия во вселенной у Спинозы»[2] ссылается на Бергсона, который таким образом характеризует «интуицию Спинозы»: эта интуиция не укладывается ни в какую формулу, может быть до известной степени описана «как чувство совпадения между актом, в котором дух познает в совершенстве истину, и действием, в силу которого бог ее порождает...» Мистицизм, поповщина чистейшей воды, интуитивизм—все что угодно подсовывается Спинозе этим бергсонианцем.

Специальный номер «Kantstudien» XXXII за 1927 г., посвященный 250-летию со дня смерти Спинозы, дает богатейший

---

[1] *Alfred Wenzel,* Die Weltanschaung Spinozas.
[2] *Emil Lasbax,* La hiérarchie dans l'univers Spinoza.

материал, характеризующий трактовку философии Спинозы со стороны современного неокантианства. Так, например, Циген в своей статье «Бенедикт Спиноза» ставит своей задачей «до известной степени спасти Спинозу, *приблизив его к Канту*». Циген сначала указывает на ряд современных неокантианцев, которые видели только противоположность между Спинозой и Кантом. Особенно четко это противопоставление получило выражение в книге Б. Келлермана «Этика Спинозы». Либерт писал о Спинозе: «Едва ли можно найти еще другого западного философа, который мыслил бы понятие бытия так первично, так абсолютно, так недедуктивно, так некритически, так не по-кантовски, так совершенно наивно, так в себе замкнуто, как Спиноза». Известно, что означают все эти эпитеты: «некритично», «первично», «наивно», «абсолютно» в устах неокантианца. Они обозначают не что иное, как материализм Спинозы. Так вот Циген не согласен с этим и всячески стремится причесать Спинозу под кантианца. Он устанавливает внутреннюю близость, существующую якобы между «Критикой чистого разума» и «Трактатом об очищении интеллекта». Камнем преткновения для сближения Канта и Спинозы, по его мнению, является, правда, учение Спинозы о протяжении, ибо последнее не является, подобно времени, «модусом мышления», а атрибутом субстанции. Но в этом вопросе, полагает Циген, Спиноза не достиг ясного и непротиворечивого понимания.

В другой статье этого юбилейного номера—«Религиозно-философское значение Спинозы» Альберт Левкович пытается объяснить «тайну» его системы, выражающейся в дуализме, «с одной стороны, универсального и всеохватывающего правила, включающего в себя всякую частную характеристику бытия», и с другой стороны, «вещью всех вещей», несущей и сохраняющей в себе «бесконечную полноту всех свойств».

Левкович объясняет эту тайну «религиозно-философским характером спинозовской системы» (стр. 153). Бог у Спинозы не только «причина себя»,—он «суверенность и бесконечная полнота бытия» (стр. 153). Современное естествознание, правда, уничтожило «теологическую картину» мира, бога как высочайшую causa finalis, но тем не менее Спиноза обосновывает все вещи в боге как «модусы в бесконечной субстанции».

Далее он пишет:

«Из великой антиномии еврейского сознания бога, бога-творца и бога человеческой души, Спиноза сделал только бога-творца фундаментом своей метафизики (стр. 155)... Спиноза истолковывает бога лишь в физическом смысле—natura naturans—с исключением нравственно-религиозных мотивов религиозного сознания» (стр. 160).

«Из признания нового познания природы вытекает для Спинозы натурализация понятия бога, отклонение всяческой теологии; из религиозного сознания Спинозы, однако, следует удержание им

ens realissimum схоластики и его истолкование через учение о бесконечных атрибутах и через понятие субстанции и модуса» (стр. 154).

Вот ряд примеров, характеризующих отношение различных кругов современной философии к Спинозе. Возня буржуазных профессоров вокруг Спинозы, выражающаяся, с одной стороны, в превращении Спинозы то в кантианца, то в бергсонианца, то в платоника, то в махиста, а с другой стороны, в исключительно религиозно-мистическом истолковании его философии, является подтверждением высказанных выше соображений о состоянии современной буржуазной философии.

В мою тему не входит задача дать подробную характеристику исторических условий возникновения философии Спинозы и ее социальных корней. Это как раз задача следующего доклада. Поэтому я очень кратко остановлюсь на этих вопросах.

Ко времени вступления Спинозы на литературно-философскую арену феодальный строй в Европе был уже основательно подточен благодаря росту городов, благодаря росту буржуазии. Так называемые крестовые походы, которые по существу представляли собой вооруженные торговые экспедиции, явились провозвестниками эпохи первоначального капиталистического накопления.

Буржуазный мир, его объем, если можно так выразиться, значительно расширился. На протяжении двух-трех столетий до того, как выступил Спиноза, был совершен целый ряд крупнейших открытий: открытие Америки, открытие морского пути вокруг Африки и пр., открытие ост-индского и китайского рынков, колонизация Америки,—все это подтачивало узкие рамки феодальных устоев. Происходил перенос центров культуры из средиземноморских стран на побережье Атлантического океана.

Ко времени выступления Спинозы после средневековой спячки имелись огромные достижения и в области науки: открытия Галилея, исследования Коперника, в области химии—работы Бойля, открытия Ньютона, Декарта и т. д.

Все это свидетельствует, что на базе экономического расцвета, на базе роста буржуазии, ее городского могущества происходил и расцвет науки, культуры и искусства. Вот общая обстановка, характерная для всего европейского мира того периода.

В XVI в. в Германии, отчасти также и в Голландии, происходило большое революционно-коммунистическое крестьянское движение. Во главе этого движения в Средней Германии стоял Томас Мюнцер. В Тюрингии, как отмечает Меринг, он был душой крестьянской войны. Мюнцер под облачением мистических выражений проповедывал учение, которое было глубоко враждебно не только католицизму, но и христианству вообще. Движение перекрещенцев получило в Голландии большое отражение.

Голландия в 1566—1588 гг. пережила свою буржуазную ре-

волюцию, которая окончилась победой буржуазии. Еще в 1648 г. Голландии приходилось воевать, бороться за свою самостоятельность с феодально-католической Испанией. Голландия представляла ко второй половине XVII столетия образцовую капиталистическую страну. Она была наиболее развитой страной того времени, это была типичная страна капиталистической мануфактуры с отдельными моментами перехода к машинному производству.

Нужно сказать, что Голландия к тому времени подчинила своему торговому могуществу всю Индию. Голландия всюду имела свои фактории. Вся торговля с Азией была сосредоточена в руках знаменитых голландских Ост- и Вест-Индской компаний. В 1630 г. Ост- и Вест-Индская торговые компании Голландии завоевали всю Бразилию. Правда, они не смогли долго ее удержать, но все же это показывает, какова была мощность этих компаний. Такой расцвет торговли сопровождался подлогами, грабежами, насилием и т. д. Маркс характеризует Голландию XVII в. следующими штрихами: «История голландского колониального хозяйства—а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия—развертывает бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей. Нет ничего более характерного, как практиковавшаяся голландцами система кражи людей на Целебесе для пополнения кадров рабов на острове Ява. С этой целью подготовлялись особые воры людей... Чтобы овладеть Малаккой, голландцы подкупили португальского губернатора. В 1641 г. он впустил их в город. Они тотчас же поспешили к его дому и убили его, чтобы иметь возможность «воздержаться» от уплаты условленной суммы подкупа»[1].

И далее он пишет, говоря о возникновении капиталистической налоговой системы: «Чрезмерное обложение—не случайное уклонение, а скорее самый ее принцип. В Голландии, где эта система укрепилась прежде всего, великий патриот де-Витт прославляет ее в своих «Максимах», как наилучший способ развить в наемном рабочем покорность, умеренность, прилежание и... готовность переносить чрезмерный труд»[2].

В III томе «Капитала» Маркс указывает: «Голландия в XVII столетии, подобно теперешней Англии, считалась страной наиболее передовой в смысле экономического развития»[3].

Спиноза—идеолог буржуазии своей эпохи. В своих философских взглядах он отобразил передовые устремления и чаяния буржуазии расцвета Голландии. Спиноза стоял на вершине науки своего времени. Буржуазия Голландии была в то время прогрессивным классом в том смысле, что она двигала вперед развитие производи-

---

[1] *Маркс*, Капитал, т. I, стр. 603—604, 1932 г.
[2] *Там же*, стр. 607.
[3] *Маркс*, Капитал, т. III, стр. 433, 1932 г.

тельных сил, создавала экономический расцвет. И вот на основе этого экономического расцвета в Голландии происходило процветание и искусства и литературы: известна голландская живопись, известны картины Рембрандта, которые представляют собой важную ступень в развитии голландского искусства. Известно также и развитие философии в этот период. Несомненно, что Спиноза как один из крупных представителей идеологии буржуазии этой эпохи в своем философском мировоззрении выразил с наибольшей яркостью для того периода идеологию радикальных устремлений буржуазии того времени.

В Голландии в период жизни Спинозы происходила борьба между двумя партиями: между партией реакционно-монархической—партией герцога Оранского, и республиканской партией де-Витта. Де-Витт погиб в 1672 г. К власти пришла партия герцога Оранского. Спиноза был ближе связан с партией де-Витта. Его политические устремления шли по этой линии. Он был идеологом наиболее радикальных слоев буржуазии этой эпохи.

Основная установка всей философской системы Спинозы, отправной пункт его философствования—это этические проблемы, это проблемы, как он выражался, «общего блага», проблемы индивидуального и социального поведения людей. Задача его философствования, как ее ставит себе Спиноза, состоит в том, что надо найти, не существует ли чего-нибудь, что было бы истинным благом, благом, доступным всем. Раз оно будет найдено, оно доставит возможность пользоваться постоянной радостью.

Спиноза ставит перед собой задачу дать глубокое философское обоснование условий, при которых можно добиться этого «общего блага».

Спиноза как истый идеолог буржуазии своей эпохи выступает против знания ради знания. Он ставит перед собою практическую задачу—дать обоснование стремления к «личной пользе», к «личному благу» и к «личной свободе». Однако все эти категории суть только частный случай того всеобщего естественного закона, закона самосохранения, который, по мнению Спинозы, характерен для всей природы в целом и для человека как части природы. Под этим углом зрения Спиноза переходит дальше—к проблемам онтологического порядка и к проблемам теоретико-познавательным. Под этим углом зрения он подходит к учению о закономерностях всей природы, к основной проблеме его философии—к вопросу о субстанции, атрибутах и модусах. Для разрешения этической проблемы Спинозе, как мы видим, необходимо было предварительно разрешить онтологические проблемы, проблемы сущности универсальной природы, которая во всех своих частях и в целом подчинена одним и тем же законам. Таким образом, мы видим, что исходный пункт его философской системы как бы передвигается из той области, с которой он хочет начать

свою философскую систему, в область онтологических проблем. Из учения о человеке его учение как бы расширяется, становится учением о субстанции, атрибутах и модусах, учением о природе, которую он называет богом.

Под этим углом зрения построено основное произведение Спинозы, его «Этика». В ней он идет от бесконечной субстанции, природы, к модусам, к конечным выводам—к человеку, к его действиям и т. д. Человек, с точки зрения Спинозы,—часть природы, и законы его существования, его необходимость и его свобода должны быть выведены из общих законов существования всей природы, из общих законов необходимости.

Для характеристики философских произведений Спинозы необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство, а именно: математический метод, характерный для главного труда Спинозы. Математический метод Спинозы стал у него руководящей нитью не только познания, но и для изложения своей системы, ибо, с его точки зрения, дедуктивный, математический ход мышления—это единственный путь к действительному познанию вещей, единственный источник правильного познания. Спиноза в одном месте говорит: «Если бы люди понимали весь порядок природы с полной ясностью, они нашли бы в нем все столь же необходимым, как и положения математики». И вот он сооружает свою философскую систему, построенную по математическому методу. Она вооружена дефинициями, теоремами, аксиомами, которые иногда затрудняют понимание основных линий его учения. Математический метод, который он применяет, мотивируется им, исходя из основной идеи его учения. Что в природе вещей, с точки зрения Спинозы, должно совершаться необходимо, то в познании вещей доказуемо математическим путем. И наоборот, в действительности вещи не могут существовать, они фиктивны, если не могут быть доказаны с точки зрения математической необходимости. Высший закон, с точки зрения Спинозы, совпадает с математической необходимостью.

В «Очерках по истории философии и религии в Германии» Гейне следующим образом охарактеризовал систему и форму спинозовской философии:

«*Математическая форма придает Спинозе жесткую оболочку. Но это то же, что миндальная кожица; ядро оказывается тем вкуснее.*

При чтении Спинозы охватывает нас такое чувство, как при созерцании великой природы в ее оживленнейшем спокойствии. Это лес мыслей высоких, как небеса, мыслей, цветущие вершины которых колышутся, словно волны, между тем как непоколебимые стволы их внедряют корни в вечную землю».

В этой математической стройности системы Спинозы, несомненно, получил свое выражение его рационализм. Все положения его

философии, все положения мышления и мировоззрения—все это должно быть, по мнению Спинозы, подвергнуто суду математического доказательства. И только с этой точки зрения они оказываются правильными, реальными, необходимыми.

По вопросу о математическом методе Спинозы буржуазная философия чрезвычайно много писала—и писала, как вообще о всей философской системе Спинозы, неправильно. Виндельбанд очень много внимания посвящает математическому методу Спинозы. Он считает, что спинозизм—это математический пантеизм, не просто пантеизм, а именно математический пантеизм. Он говорит, что спинозовская философия, как и вообще спинозовский метод, является методом, который логически ведет к мистицизму и т. д. Но это идет по той же линии—по линии общей идеалистической интерпретации философской системы Спинозы, о которой я говорил вначале.

Итак, математический метод познания и метод изложения системы принят Спинозой из очень глубоких побуждений и стремлений. Он считает, что все, что ни совершается в природе, есть необходимость, что никакой случайности ни в природе, ни в обществе, ни в жизни отдельных людей нет. Необходимость же наилучшим образом выражается математическими законами. В природе, с точки зрения Спинозы, не может ничего существовать, что не могло бы быть математическим образом доказано. Спиноза был крупнейшим рационалистом своего времени. Он все отдает на суд разума, на суд *разумного, математического выведения*, и все, что не выдерживает этого разумного выведения, все, что не отвечает этой математической необходимости,—все это, по мнению Спинозы, не обладает истинностью существования.

III

Прежде чем перейти к характеристике основных вопросов философии Спинозы с точки зрения диалектического материализма, я хочу поставить перед собой задачу следующего порядка: посмотреть, как интерпретируют и вместе с тем критикуют философию Спинозы, с одной стороны, идеалист-диалектик Гегель, а с другой—Фейербах. Диалектика Гегеля и материализм Фейербаха являются ближайшими истоками марксистской философии. Поэтому для того, чтобы понять всю глубину, с которой Маркс и Энгельс выясняли сущность философских воззрений Спинозы, для нас представляет чрезвычайный интерес посмотреть, как рассматривали и оценивали философию Спинозы Гегель и Фейербах,—это дает нам возможность понять ту качественно новую постановку вопроса, ту высоту, на которую поднимает все проблемы философии диалектический материализм.

Гегель подошел к оценке и критике философии Спинозы не

только как идеалист, но и как диалектик. Именно это обстоятельство представляет для нас большой интерес, так как оно обусловило, с одной стороны, отношение со стороны идеалиста к материалистической философской системе, с другой стороны—раскрытие элементов диалектики в философской системе Спинозы. Наоборот, Фейербах имеет большую заслугу в истории материализма, поскольку он со всей четкостью и остротой выявил материализм Спинозы, всю его ограниченность и непоследовательность. Именно поэтому рассмотрение поставленного вопроса должно быть введением к разрешению основных вопросов настоящей темы.

Гегель написал довольно много о философии Спинозы. В «Истории философии» имеется специальный раздел о философии Спинозы. В «Науке логики», в «Малой логике» и в целом ряде других произведений Гегель неоднократно касается спинозовской системы.

Нужно сказать, что в критике Гегелем философии Спинозы вскрываются до известной степени, с одной стороны, основные проблемы философии Спинозы, а с другой стороны, выясняется сущность самой гегелевской философии. Несомненно, что из всех произведений идеалистических историков философии «История философии» Гегеля является наиболее ценным произведением. Это неоднократно подчеркивали Маркс, Энгельс и Ленин. Но несомненно, однако, и другое,—что Гегель писал свою «Историю философии» как идеалист; как идеалист он извращал историю материализма в идеалистическом духе, борясь с материализмом, выдвигал на первый план те или другие непоследовательности старых материалистических систем. И с этой же точки зрения он подходит также и к выяснению основных проблем спинозовской философии. Гегель не называет Спинозу материалистом и не считает его материалистом, но по существу он его критикует в целом ряде мест как идеалист, критикует его так, как последовательный идеалист критикует материалиста.

Вот что в своей «Истории философии» Гегель пишет по поводу спинозовской системы. Он говорит: «Но в этой философии заслуживает упрека то, что она понимает бога лишь как субстанцию, а не как дух, не как *конкретного*. Этим спинозовская философия отрицает также и самостоятельность человеческой души, между тем как в христианской религии каждый отдельный человек признается предназначенным к блаженству. Здесь же, напротив, духовное и индивидуальное есть лишь некоторый модус, некоторая акциденция, а не субстанциальное существо»[1].

По какой линии идет здесь критика спинозовской философии? Гегель хочет подчеркнуть то обстоятельство, что спинозовская философия осталась на почве субстанции, что этой субстанции не хватает, как выражается Гегель, *самосознания*, что эта субстан-

[1] *Гегель*, Соч., т. XI, стр. 303.

ция не учитывает самостоятельности человеческой души,—иначе говоря, что эта субстанция недостаточно идеализирована, что эта субстанция по существу является такой субстанцией, которая может быть принята материализмом. И вот против такой субстанции Гегель как идеалист возражает. Гегель критикует Спинозу с точки зрения христианской религии, т. е. за то, что бог понимается Спинозой не как дух, а отождествляется с природой. Гегель никак не может согласиться с тем, что «духовная индивидуальность» у Спинозы есть лишь модус, между тем как это, с его точки зрения,—субстанциональное существо.

В «Малой логике» Гегель, продолжая критику философии Спинозы, пишет: «Бог... есть необходимость, или, как это можно также сказать иначе, *абсолютный предмет*, но бог есть вместе с тем абсолютное *лицо*, и это именно тот пункт, которого Спиноза не достиг и по отношению к которому следует признать, что спинозовская философия осталась позади истинного понятия бога,—понятия, которое образует содержание христианского религиозного сознания»[1].

Это положение, которое я только что процитировал, особенно ясно показывает гегелевский подход к критике Спинозы. Гегель как идеалист, как представитель рационально-философского выражения христианской религии считает, что Спиноза не добрался до истинной философии именно потому, что его субстанция хотя и отождествляется с богом, однако, вместе с тем есть такое понятие, которое подрывает в корне понятие бога в христианской религии. Спинозовской субстанции нехватает самосознания, индивидуальности.

Хотя Гегель не называет и не признает Спинозу материалистом по существу, он все же подходит к критике его определенным образом. Он критикует Спинозу, как абсолютный идеалист критикует материалиста. Мы видели выше, какие недостатки спинозовской субстанции отмечает Гегель. Дальнейшее обвинение идет по той линии, что мышление у Спинозы взято в единстве с протяжением, что благодаря этому нет у него свободного логического развития понятий.

Вот первая линия критики Спинозы Гегелем. Это есть критика, идущая со стороны идеалистов, со стороны последовательного до конца идеалиста. Эта критика своим содержанием напоминает критику, которая развернулась в свое время по адресу Спинозы со стороны теологов, со стороны представителей христианской религии.

Однако, если бы мы на этом остановились, мы, конечно, не выразили бы всего существа, которое характерно для гегелевского подхода к философии Спинозы. Мы знаем, что Гегель не просто идеалист, а также один из величайших диалектиков. Его

---

[1] *Гегель*, Соч., т. I, стр. 253.

«История философии», несмотря на то, что она написана с точки зрения ложного исходного пункта,—вместе с тем такое произведение, которое его выдвигает далеко вперед перед другими произведениями буржуазно-философской мысли.

Гегель построил свою «Историю философии» *с исторической точки зрения*. Правда, тут же надо добавить, что *историзм Гегеля не есть историзм материалистический*. Историзм Гегеля—это *идеалистический историзм*. Но даже и такой историзм означал громадное преимущество перед всякого рода метафизическими концепциями в истории философии. Даже и этот историзм Гегеля, выразившийся в подходе к истории философии как к *процессу необходимого логического развития идеи*, поднимал все же историю философии на степень науки по сравнению со всеми предшествующими историками философии. И вот с точки зрения своего идеалистического историзма Гегель подходит к философии Спинозы. Этот момент представляет для нас большой интерес.

Гегель рассматривает философию Спинозы с точки зрения того места, которое она занимает в «логическом развитии идеи». Он считает, как мы уже видели раньше, что Спиноза не добрался еще до истинной философии. Он пишет: «Какое место субстанция занимает в системе логической идеи? Субстанция представляет собою существенную ступень в процессе развития идеи; она, однако, сама не есть абсолютная идея, а есть идея в еще ограниченной форме необходимости»[1]. Ей недостает «духовности», «свободы личности» и т. д. Гегель рассматривает эту философию как неспособную быть абсолютной философией, каковой он считал свою философию. Но вместе с тем Гегель вскрывает элементы диалектики у Спинозы, их место и роль с точки зрения подготовки развитой диалектики. Мы знаем известное высказывание Энгельса относительно того, что и Декарт и Спиноза были крупными представителями диалектики в философии той эпохи.

Переходя к гегелевскому раскрытию элементов диалектики в философии Спинозы, надо прежде всего отметить его отношение к спинозовскому causa sui. В «Истории философии» Гегель пишет: «Причина самого себя» является очень важным выражением, ибо в то время, как мы себе представляем, что причина противоположна действию, *причина самого себя* есть такая причина, которая, действуя и отделяя некое другое, вместе с тем порождает лишь само себя, снимает, следовательно, в акте порождения это различие. Полагание этой причиной себя как некоего другого есть *отпадение* и вместе с тем *отрицание* этой потери; это—совершенно спекулятивное понятие, и даже, скажем больше, основное понятие во всем спекулятивном»[2].

---

[1] *Гегель*, Соч., т. I, стр. 253.
[2] *Там же*, стр. 286.

И далее: «Если бы Спиноза развил дальше то, что заключается в понятии causa sui, то его субстанция не была бы чем-то неподвижным» [1].

Эти положения Гегеля представляют для нас—материалистов-диалектиков—большой интерес. Гегель вскрывает диалектическое содержание важнейшего понятия философии Спинозы. В своих замечаниях на «Науку логики» Гегеля Ленин бросает одно замечание по поводу понятия спекулятивного. Ленин указывает, что Гегель употребляет часто понятие «спекулятивный» в хорошем смысле слова, т. е. в смысле диалектическом. Вот с этой точки зрения важно установить, что causa sui спинозовской философии есть «основное понятие во всем спекулятивном», т. е. во всем диалектическом.

Действительно, Спиноза сделал гигантский шаг по сравнению с прежней философией, установив, что субстанция (=природе) имеет причину в самой себе и не нуждается ни в каком внешнем толчке.

Этим своим положением он нанес сокрушающий удар по всякой религиозной точке зрения, по всякому принципу «божественного прародителя» природы и т. д. и т. п. Это положение Спинозы по своему существу глубоко материалистическое и вместе с тем содержащее элемент диалектики. Оно получает в диалектическом материализме свое дальнейшее развитие, поскольку у Спинозы оно развито недостаточно. Диалектический материализм устанавливает не только то, что материя, природа, имеет причину в самой себе, но и то, что в силу внутренних, присущих ей противоречий материя, природа, объективный мир обладает *самодвижением*. В этой связи мы можем понять гениальное замечание Гегеля, приведенное выше, относительно недостаточно развитого характера causa sui у Спинозы.

Другой важнейший момент диалектики, который отмечает Гегель у Спинозы,—это преодоление дуализма Декарта и понимание субстанции как единства противоположностей. В «Истории философии» он пишет: «У Декарта телесное и мыслящее «я», взятые каждое отдельно, представляют собою самостоятельные существа. Эта самостоятельность двух крайностей снимается в спинозизме, так как они превращаются в моменты единого абсолютного существа. Мы видим, таким образом, что смысл этого выражения состоит в том, что должно понимать бытие как единство противоположностей. Здесь основное устремление не в том, чтобы откинуть и отодвинуть в сторону противоположность, а в том, чтобы опосредствовать и разрешить ее... Бытие здесь берется более определенно как протяжение» [2].

И это положение Гегеля представляет для нас огромный инте-

[1] *Гегель*, Соч., т. XI, стр. 286.
[2] *Там же*, стр. 284—285.

рес. Гегель отмечает, что спинозовское учение о субстанции с ее двумя атрибутами—мышлением и протяжением—подводит Спинозу к пониманию бытия как единства противоположностей. И действительно, учение Спинозы о субстанции с двумя атрибутами, учение о соотношении бытия и мышления,—это учение, проникнутое элементами диалектики.

Спиноза, по мнению Гегеля, ставит перед собой задачу не просто связать оба эти атрибута—протяженность и мышление, не просто внешне сочетать эти атрибуты. Он ставит перед собой задачу, с точки зрения Гегеля, опосредствовать эти атрибуты и действительно разрешить это противоречие. И вот в этом смысле Гегель считает, что у Спинозы мы имеем подход к проблеме единства противоположностей.

И, наконец, еще один момент, который чрезвычайно важен и которым Гегель подчеркивает элемент диалектики в философии Спинозы,—это вопрос о соотношении между субстанцией, атрибутами и модусами. Гегель считает, что здесь мы имеем у Спинозы по существу постановку вопроса о соотношении между всеобщим, особенным и единичным. Но раз это так,—а мы знаем, что, с точки зрения гегелевской философии, проблема соотношения всеобщего, особенного и единичного—это есть важнейшая проблема его учения о понятии, важнейшая проблема его философской системы,—то, с точки зрения Гегеля, здесь Спиноза поднимается на большую диалектическую высоту и ставит целый ряд крупных вопросов и проблем диалектики.

Гегель по этому вопросу писал: «Следовательно, *субстанция* постигается сама через себя; *атрибут* же не есть то, что постигается само через себя, а находится в отношении к постигающему интеллекту, но поскольку он постигает *сущность;* модус же, наконец, есть то, что постигается не как *сущность*, а в другом и через другое. Только Спиноза должен был бы не давать этих трех последних моментов лишь как понятия, а дедуцировать их. Они особенно важны и соответствуют тому, что *мы* различаем как *всеобщее*, *особенное* и *единичное*»[1].

Отмечая это, Гегель вместе с тем указывает, что у Спинозы мы имеем все же соотношение между этими категориями не в истинно конкретном смысле, т. е. не в истинно диалектическом смысле, а чисто внешнюю связь между ними, механическое отношение между этими моментами.

Итак, выясняя диалектические моменты в философии Спинозы, Гегель вместе с тем вскрывает и недостаточность этих элементов диалектики, общий механистический характер всей спинозовской философии. Спиноза не добрался до подлинной или, как Гегель выражается, до спекулятивной диалектики.

---

[1] *Гегель*, Соч., т. XI, стр. 287.

В чем же Гегель видит недостатки спинозовской диалектики, недостатки его философии? Он считает, что у Спинозы *нет самодвижения, нет развития, нет действенности, активности, нет принципа личности, нет конкретности.* Как мы увидим дальше, марксова характеристика спинозовской субстанции в целом ряде пунктов развивает на материалистической основе рациональные зерна, которые мы имеем по этому вопросу у Гегеля.

Надо еще отметить следующий момент—гегелевскую критику математического метода Спинозы, математического «характера» его основного труда. Гегель подходит к этому вопросу с точки зрения своего понимания математики, математического метода. Он считает, что вообще математические положения, математические доказательства—формальны. В философии же, т. е. в той науке, которая занимается изучением содержания процесса развития в целом, метод формальный недопустим, потому что содержанием философии должно быть познание самого в себе развивающегося понятия.

Гегель по этому вопросу пишет: «Спинозовский математический метод доказательства представляется поэтому лишь недостатком внешней формы; однако на самом деле этот метод является основным недостатком всей спинозовской точки зрения. В этом методе совершенно неправильно поняты природа философского знания и его предмет, ибо математическое познание и метод есть лишь *формальное* познание и, следовательно, совершенно неподходящи для философии»[1].

С этой точки зрения Гегель считает, что математический метод, который отнюдь не есть что-то внешнее во всей философской системе Спинозы, является одним из крупнейших недостатков его философского мировоззрения.

Вот основные черты гегелевской критики философии Спинозы. Я дальше буду говорить о том, как подходят Маркс и Энгельс к оценке спинозовской философии. Мы увидим, какая принципиальная, коренная разница существует между подходом с точки зрения диалектического материализма к философии Спинозы и подходом, который характерен для Гегеля как идеалиста. Но вместе с тем мы видим, что Гегель как диалектик в своей критике вскрывает целый ряд чрезвычайно важных моментов спинозовской философии, целый ряд элементов диалектики. Все это помогает понять то действительное место, которое занимает Спиноза в развитии философии.

Основная характеристика спинозовской философии со стороны Фейербаха широко известна. Я здесь ее повторять не буду. Нужно отметить только следующее: как и в критике спинозовской философии Гегелем вскрывалось не только существо фило-

[1] *Гегель,* Соч., т. XI, стр. 305.

софии Спинозы, но и существо взглядов самого Гегеля, точно так же и в критике спинозизма Фейербахом вскрывается не только система взглядов Спинозы, но также и система взглядов самого Фейербаха. Фейербах считает основной посылкой спинозовской философии разрешение вопроса о субстанции и о соотношении между атрибутами и субстанцией. Эту посылку Спинозы Фейербах сам принял и придал ей только несколько иное выражение или, вернее, выражение в соответствующих терминах своей эпохи. Знаменитое фейербаховское положение, которое лежит в основе его философской концепции и характеризует фейербаховский материализм,—положение о единстве субъекта и объекта, есть по существу то же самое, что в терминах, характерных для своей исторической полосы, для своего времени выражает философия Спинозы. Однако мы вправе задать вопрос: в чем же различие между Фейербахом как материалистом и Спинозой как материалистом? Различие тут действительно большое.

Фейербах—сенсуалист, его природа—чувственная природа. Спиноза—рационалист, его природа, тождественная субстанции, абстрактна, метафизична. Она метафизична не только в смысле антидиалектики, но она метафизична и в том смысле, что она рационально, спекулятивно выведена. Различие между природой Фейербаха и природой Спинозы заключается в том, что у Фейербаха природа как бы играет всеми цветами радуги, а у Спинозы она как бы бесцветный, безжизненный акт. Природа Фейербаха—это чувственная природа, наделенная различными свойствами, в то время как у Спинозы мир закован в холодный геометрический панцырь его системы. Фейербах о своей природе говорит: «Природа в собственном смысле слова есть чувственная действительная природа, как ее нам непосредственно представляют и обнаруживают чувства»[1]. Характеризуя мир Спинозы, Фейербах писал: «Мир—бесцветное стекло божества, среда, через которую мы не видим ничего, кроме ничем не окрашенного цвета единой субстанции»[2].

Абстрактность материализма Фейербаха состоит в том, что Фейербах не добрался до подлинного понимания исторического взаимоотношения между субъектом и объектом. Прослеживая ход развития истории философии, мы видим, какие разнообразные формы принимает материализм, какие разнообразные формы принимает абстрактный материализм, прежде чем Маркс и Энгельс не дали окончательного решения всем этим вопросам философии, создав систему диалектического материализма.

Фейербах резко критикует теологический привесок философской системы Спинозы. Фейербах говорит: «Тайной и истинным смыслом

---

[1] *Фейербах*, Сочинения.
[2] *Там же.*

спинозовской философии является природа. Но природа существует для него не как природа; чувственная антитеологическая сущность природы является для него предметом лишь как отвлеченная метафизическая теологическая сущность, как бог»[1].

Фейербах считает, что слово «бог» у Спинозы является лишь мешающим, путающим словоупотреблением. Он обращается к Спинозе со следующими словами: «То, что ты называешь субстанцией и одновременно с этим называешь богом, этим ты выражаешь только свою собственную неопределенность и неясность мысли, а не свободу»[2].

И дальше, обращаясь к Спинозе, говорит ему: «Зачем ты хочешь быть одновременно и натуралистом и вместе с тем теистом?»[3] И дальше, вскрывая это противоречие в философии Спинозы, он считает, что нужно это противоречие отбросить. Не бог или природа, а либо бог, либо природа. Фейербах очень зло потешается над теми положениями Спинозы, которые характеризуют его непоследовательность. Он говорит: «Там, где бог отождествляется или смешивается с природой или природа отождествляется или смешивается с богом, там нет ни бога, ни природы, а есть какое-то мистическое, двусмысленное, двуполое существо. В этом основной недостаток Спинозы»[4].

Вот основные положения, которые характерны для фейербаховской критики Спинозы.

Мы сейчас рассмотрели, как подходил к Спинозе идеалист-диалектик Гегель, рассмотрели, как подошел к Спинозе, к трактовке основных его категорий—субстанции, атрибутов, модусов—материалист Фейербах. Несомненно, большая заслуга Фейербаха состоит в том, что он высоко поднял в развитии немецкой философии знамя материализма. Большая заслуга в частности в отношении истории философии, в отношении к Спинозе заключается в том, что он поставил вопрос о характеристике спинозовской философии как философии материалистической. Одновременно с этим еще большая заслуга Фейербаха состоит в том, что он вместе с тем показал всю непоследовательность спинозовского материализма, вскрыл то различие, которое существует между пониманием материализма в его смысле и пониманием материализма в смысле Спинозы.

IV

В начале доклада уже подчеркивалось, что марксизм не есть сумма предшествовавших учений. Учение Маркса—диалектический

[1] *Фейербах*, Сочинения.
[2] *Там же.*
[3] *Там же.*
[4] *Там же.*

материализм—не есть простая сумма, состоящая из диалектики Гегеля и материализма Фейербаха, как об этом говорили механисты и меньшевиствующие идеалисты. Точно так же и трактовка философии Спинозы, с точки зрения диалектического материализма, не есть просто сумма того, что говорили о Спинозе Гегель и Фейербах. Но для того чтобы понять, как исторически подготовлялась та новая ступень, на которую подняли вопросы философии Маркс и Энгельс, и в частности как марксизм трактует философию Спинозы, для этого необходимо проанализировать взгляды их ближайших предшественников. Это дает, как видим, возможность более глубоко понять сущность взглядов Маркса и Энгельса.

Возьмем основное положение Маркса и Энгельса, в котором дается характеристика спинозовской философии. В «Святом семействе» Маркс и Энгельс писали:

«В системе *Гегеля* существуют *три* элемента: *спинозовская субстанция, фихтевское самосознание* и *гегелевское* необходимо-противоречивое *единство* обоих—*абсолютный дух*. Первый элемент есть метафизически перевернутая *природа* в ее *оторванности* от человека, второй—метафизически перевернутый *дух* в его *оторванности* от природы, третий—метафизически перевернутое *единство* обоих, *действительный человек* и действительный *человеческий род*»[1].

Маркс характеризует спинозовскую субстанцию как «метафизически перевернутую природу в ее оторванности от человека». Интересно первую половину этой характеристики сравнить с фейербаховской характеристикой субстанции Спинозы, о которой мы уже говорили, а вторую половину («в ее оторванности от человека»)—с гегелевским замечанием о том, что в системе Спинозы человек выступает «лишь *наряду* с субстанцией».

В марксовой характеристике спинозовской субстанции имеются следующие два чрезвычайно важных момента. Прежде всего тот момент, который показывает, что Маркс принимал в основном характеристику, которую давал Фейербах спинозовской субстанции. А именно то, что спинозовская субстанция есть природа и притом природа метафизически перевернутая, и второй момент—момент чрезвычайно важный, указывающий на то отличие, которое существует уже в «Святом семействе» между Марксом и Фейербахом. Мы имеем в виду положение Маркса о том, что природа Спинозы—это природа в ее оторванности от человека. Что означает это марксово положение относительно природы в ее оторванности от человека? В своих тезисах о Фейербахе Маркс характеризует весь предшествующий ему материализм. Маркс говорит, что весь материализм, в том числе и фейербаховский,—это созерцательный материализм, который подходил к природе объективно, а не субъ-

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. III, стр. 168.

ективно и т. д. Недавно вышла «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса. Выход в свет этой книги, в которой впервые был изложен Марксом и Энгельсом диалектический материализм и материалистическое понимание истории, представляет, несомненно, огромнейшее событие на фронте революционной теории. «Немецкая идеология» является коллективным трудом Маркса и Энгельса в подлинном смысле этого слова. В ней дана критика послегегелевской философии. «Немецкая идеология»—это произведение, которое вскрывает основные положения диалектического материализма и дает их в более или менее развернутом виде. Для понимания диалектического материализма, для понимания исторического материализма «Немецкая идеология» имеет исключительно большое значение. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» специально разбирают вопрос о созерцательном характере фейербаховского материализма и, пожалуй, не только фейербаховского, но и созерцательного материализма вообще. В этих положениях Маркс и Энгельс развивают целый ряд чрезвычайно глубоких мыслей, которые поясняют нам все то различие, какое существует между ними и Фейербахом. Маркс и Энгельс указывают, что с их точки зрения, с точки зрения диалектического материализма, материализм действенный рассматривает окружающий чувственный мир не как непосредственно от века данный, неизменный. Маркс и Энгельс указывают, что окружающий человека мир есть также продукт промышленности и общественного развития, продукт в том смысле, что он—результат деятельности целого ряда поколений. При этом сохраняется общий приоритет внешнего мира. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «Он (т. е. Фейербах.—*М. М.*) не замечает, что окружающий его чувственный мир—вовсе не некая, непосредственно от века данная, всегда себе равная вещь, а продукт промышленности и общественного состояния, притом в том смысле, что это—исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений, каждое из которых стояло на плечах предшествующего, продолжало развивать его промышленность и его способ общения и видоизменяло, в соответствии с изменившимися потребностями, его социальный строй»[1].

Маркс не только субъект, т. е. человека, рассматривает как результат исторического развития общества. Маркс и объект—природу—рассматривает в ее историческом развитии. И вот эта историческая точка зрения, которую применял Маркс к пониманию субъекта с точки зрения его революционной практической деятельности и вместе с тем к пониманию объекта как исторического объекта, который подвергается воздействию целого ряда поколений,—эта точка зрения является одним из чрезвычайно важных моментов, характеризующих существо действенного материализма,

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. IV, стр. 33.

материализма диалектического. Ясно, что в этом отношении Маркс преодолел недостатки Фейербаха.

И вот если мы сопоставим все эти высказывания с положениями первого тезиса Маркса о Фейербахе, если мы вдумаемся во всю глубину марксовой постановки вопроса о конкретной, практической деятельности и ее роли в теории познания, мы поймем, с какой точки зрения Маркс подходит к спинозовской философии. Мы поймем марксову характеристику спинозовской субстанции как природы, оторванной от человека. Между всеми этими высказываниями Маркса, начиная со «Святого семейства», «Тезисов о Фейербахе» и кончая «Немецкой идеологией», существует глубокая внутренняя связь.

Марксова критика философии Спинозы не есть простой механический синтез того, что дали по этому вопросу Фейербах и Гегель. Внешне тут есть много совпадающего. Маркс говорит о том, что спинозовская субстанция—переодетая природа; тут есть нечто совпадающее с тем, что есть у Фейербаха. Маркс, далее, говорит о том, что эта природа взята в ее оторванности от человека. Здесь есть нечто внешне напоминающее то, что говорил Гегель, когда он характеризовал спинозовскую субстанцию, говоря, что она не добралась до самосознания, что в ней нет личности, индивидуальности и т. д. Однако у Маркса подлинно новая точка зрения, точка зрения диалектического материализма, которая вскрывает, с одной стороны, *материализм Спинозы* и вместе с тем показывает всю его *ограниченность* не только в том смысле, что он имел теологический привесок, но также и в том смысле, что он был одним из видов *созерцательного материализма*. И Спиноза и Фейербах являются созерцательными материалистами. Это два вида абстрактного материализма. Материализм Маркса и Энгельса высоко поднялся над этими видами материализма, полностью преодолев их недостатки.

Абстрактный характер материализма Спинозы заключается в том, что он рассматривает мир с точки зрения своего рационалистического метода. Природа Спинозы—это какая-то абстрактная природа.

Фейербах в этом отношении поднялся над уровнем Спинозы и сделал шаг вперед.

Однако и материализм Фейербаха был абстрактным материализмом. Он рассматривал человека не как конкретно-историческое существо.

Только Маркс дал ответ на все эти философские проблемы. Маркс создал теорию материалистического понимания истории, создал диалектический материализм, ответил на вопрос о том, что собой представляет человек, какова его действительная сущность. Он указал, что сущность человека—есть совокупность общественных отношений. Маркс брал человека как конкретное суще-

ство, как результат исторического развития. Человек Маркса—это человек, который принадлежит определенной эпохе, принадлежит определенному классу, который живет в условиях классовой борьбы, который борется, который является сам продуктом определенного состояния и развития производительных сил. Ясно, что все это значительным образом перестраивало и теории познания предшествующего материализма.

Еще в одном отношении нужно отметить глубокое различие, существующее между диалектическим материализмом Маркса и материализмом Спинозы. Это различие должно проследить по двум направлениям: во-первых, по вопросу о понимании движения и, во-вторых, по вопросу о понимании мышления.

Движение у Спинозы рассматривается не как атрибут, а как модус. Правда, по мнению Спинозы, движение не простой, а бесконечный модус. Однако спинозовская философия, по существу, категории движения не знает, и это является основным и важнейшим недостатком ее. Заслуга Гегеля, Гегеля-диалектика, состоит в том, что он на это положение указал. Еще Толанд дал прекрасную критику Спинозы по этому вопросу. Дальнейший шаг вперед французских материалистов XVIII в. в развитии материализма состоял в том, что они стали рассматривать движение как атрибут материи. Однако их движение—движение механическое. Как ставит вопрос о движении диалектический материализм? Энгельс указывает, что *движение есть форма существования материи*, следовательно, *нечто большее, чем ее свойство*. Не существует и не может существовать материи без движения. Энгельс рассматривает различные формы движения материи, начиная от движения в мировом пространстве и кончая органическими формами движения материи и т. д. Маркс и Энгельс рассматривают движение как *необходимое свойство*, как необходимый атрибут материи. Такого понимания у Спинозы, конечно, не было.

Энгельс писал: «*Движение есть форма существования материи*, следовательно нечто большее, чем ее свойство»[1]. «Движение, как таковое, как существенное проявление, как форма существования материи, неразрушимо, как сама материя»[2].

Итак, с точки зрения диалектического материализма движение есть атрибут (если употреблять эту терминологию) материи. Однако диалектический материализм на этом не останавливается. Такое положение признавали и французские материалисты, это признают и современные механические материалисты. Диалектический материализм рассматривает движение *как диалектическое движение, как развитие*.

Только диалектический материализм Маркса и Энгельса по-

---

[1] *Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 259, 1934 г.
[2] *Энгельс*, Диалектика природы, стр. 12, 1934 г.

ставил со всей остротой эту проблему в философии. Это необходимо указать, ибо в этом вопросе выясняется важнейший недостаток спинозовской философии.

Критика философии Спинозы со стороны диалектического материализма идет еще и по другой линии, по линии критики понимания Спинозой одного из атрибутов субстанции, а именно—атрибута мышления. Марксизм не стоит на точке зрения всеобщей одушевленности материи, как это было у Спинозы. С точки зрения диалектического материализма, ощущение, мышление возникают только в процессе развития материи. Мышление есть свойство высокоорганизованной материи.

На этот счет мы имеем чрезвычайно интересные и глубокие высказывания Маркса, Энгельса и Ленина. В одном месте Энгельс употребляет слово атрибут, касаясь мышления. Но он употребляет этот термин в определенном смысле слова.

У Энгельса это сформулировано следующим образом:

«Материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же... ни один из ее атрибутов не может погибнуть и... поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она некогда истребит на земле свой высший цвет—мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время»[1].

В каком смысле употребляет Энгельс слово атрибут? В том смысле, что это необходимое свойство материи. Свойство мышления заложено в самом существе материи *как возможность*, но эта возможность проявляется только при определенных условиях. Эта точка зрения Энгельса, марксизма—нечто другое, чем точка зрения Спинозы, говорившего о мышлении как об атрибуте субстанции. У марксизма в этом вопросе имеется *исторический* подход к этой проблеме. Энгельс в другом месте, касаясь этого вопроса, писал: «В действительности же в природе материи заключено то, что она приходит к развитию мыслящих существ, и поэтому такое развитие совершается необходимым образом всегда, когда имеются налицо соответствующие условия (поэтому не необходимо повсюду и всегда)»[2].

Выражая точку зрения Энгельса на этот вопрос, Ленин указывал, что сознание связано в более определенной форме с органической материей и что «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением»[3].

Здесь уместно будет сказать об извращении т. Деборина вышеприведенного места из «Диалектики природы». Деборин пишет:

---

[1] *Энгельс*, Диалектика природы, стр. 99, 1934 г.
[2] *Там же*, стр. 46.
[3] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 37.

«Для всякого очевидно, что точка зрения Энгельса в основном совпадает с точкой зрения Спинозы»[1]. Вот именно! Для всякого очевидно как раз обратное: точка зрения Энгельса есть высшая точка зрения, преодолевающая ограниченность и метафизичность спинозизма. Вместо того чтобы обнаружить, в чем недостаточность Спинозы, в чем диалектический материализм превосходит Спинозу, вместо этого Деборин стремится снизить уровень диалектического материализма до предшествовавших ему философских систем.

Вот основные положения, по которым идет критика недостаточности мировоззрения Спинозы со стороны диалектического материализма. Целиком и полностью присоединяясь к критике теологического привеска, которую давал Фейербах, Маркс и Энгельс подняли критику философии Спинозы на большую высоту в соответствии с той высотой, на которой стоит диалектический материализм. Маркс и Энгельс наряду с критикой теологического характера спинозовской философии одновременно с этим обнаруживают недостатки философии Спинозы и по тем линиям, о которых я сейчас говорил: по линии *абстрактности и созерцательности спинозовского материализма, по линии непонимания мышления, движения и т. д. и т. д.*

Вот основные положения, которые мне в кратких чертах хотелось здесь развить, для того чтобы показать, как диалектический материализм относится к философии Спинозы.

Итак, философия Спинозы является крупнейшим этапом в развитии материализма в новое время. Будучи идеологическим продуктом своей эпохи, высшим философским обобщением науки своего времени, она страдала крупнейшими недостатками, обусловленными этой же эпохой.

Ограниченность материализма Спинозы сводится к следующему:

1) Материализм Спинозы одет в теологический костюм, имеет теологическую оболочку. Это отнюдь не есть нечто совершенно внешнее по отношению ко всей системе взглядов Спинозы, но выражает непоследовательность его философии,—то, что он не добрался еще до последовательного материализма. Это прямое смешение материализма и теологии.

2) Спинозовский материализм—абстрактный и созерцательный материализм. Абстрактный, ибо и мир конечных вещей природы (natura naturata) не есть чувственная природа, данная во всей своей живой, конкретной форме; созерцательный в том смысле, что Спинозе недостает в его философии понимания субъекта как действенного, активного, конкретно-исторического субъекта. Фейербах хоть и преодолел ряд недостатков и ограниченностей спинозовского материализма, создал, однако, другой вид абстрактного, созерцательного материализма.

---

[1] *Деборин*, Очерки по истории материализма, стр. 84, 1929 г.

3) Движение, по мнению Спинозы, есть один из бесконечных модусов, однако оно не является атрибутом субстанции. Это обстоятельство придает субстанции Спинозы безжизненный, неподвижный характер, несмотря на целый ряд элементов диалектики, имеющихся в его философии.

4) Из спинозовской трактовки мышления как атрибута субстанции вытекает теория о всеобщей одушевленности материи. Эта теория означает *материалистический взгляд* на вопрос об отношении мышления к бытию, поскольку основой единства считается бытие. Однако только диалектический материализм Маркса, Энгельса, Ленина, применивший *исторический взгляд на природу в целом, в том числе и к вопросу о возникновении и развитии мышления* и его взаимоотношении с бытием, дает подлинно научное разрешение этих проблем.

5) В общих вопросах познания Спиноза был рационалистом. Достоверным он считал лишь знание, добытое посредством разума. Разум, по мнению Спинозы,—источник знания и критерий истинности.

V

После того как нами дана характеристика ограниченностей материализма Спинозы, необходимо еще рассмотреть, опять-таки в крайне сжатой форме, ошибки, какие имеются в оценке, в понимании философии Спинозы у Плеханова, у Деборина и у Аксельрод (Ортодокс).

У Плеханова мы имеем целый ряд высказываний о Спинозе. В целом ряде его статей—и против Бернштейна, и против Петцольда, и в «Основных вопросах марксизма», и в «Очерках по истории материализма» и т. д.—Плеханов писал о философии Спинозы. Это свидетельствует о громадном интересе, который проявлял Плеханов к Спинозе. Подробное рассмотрение его взглядов могло бы явиться темой для специальной большой работы. Здесь, естественно, нет возможности на этом подробно останавливаться. Рассмотрим здесь только те высказывания Плеханова, которые имеют значение для нас с точки зрения того, как они получили дальнейшее продолжение и «углубление» в работах представителей механицизма и меньшевиствующего идеализма.

Вот, например, одно из положений, которое высказывает Плеханов по вопросу о спинозовской философии. Он говорит: «Гуманизм» Фейербаха сам оказывается не чем иным, как спинозизмом, освобожденным от его теологической привески. И именно на точку зрения этого спинозизма, освобожденного Фейербахом от его теологической привески, перешли Маркс и Энгельс, когда разорвали с идеализмом. Но освободить спинозизм от его теологической привески значило обнаружить его истинное, *материали-*

стическое содержание. Стало быть, *спинозизм Маркса—Энгельса и был новейшим материализмом»*[1].

Дальше, в другом месте, продолжая эту мысль, Плеханов указывает, что Маркс и Энгельс со времени перехода на позиции материализма никогда не покидали точки зрения Спинозы. Разберем эти плехановские положения о философии Спинозы. В чем тут ошибочность плехановского подхода к вопросу? Во-первых, в том, что он сводит весь недостаток спинозовского материализма только к его теологическому привеску. Выше уже говорилось о значении, которое имеет для понимания недостаточности спинозовского материализма проблема движения. Я уже говорил о том значении, которое имеет для понимания недостаточности спинозовского материализма спинозовская трактовка мышления как одного из атрибутов субстанции. Плеханов на этих вопросах не останавливается. *Плеханов видит у Спинозы только один недостаток—его теологическую привеску.* Плеханов отождествляет по существу материализм Маркса с материализмом Фейербаха. Плеханов указывает, что материализм Фейербаха—это и есть современный материализм. Следовательно, Плеханов не подчеркнул здесь того нового, что внесено Марксом в развитие материализма, того, о чем говорилось выше. Плеханов не подчеркнул, что материализм Маркса есть высший итог и новая ступень развития всей философии на основе критической переработки также и старого материализма. Вот почему здесь, в этом высказывании Плеханова, мы имеем такие положения, которые всецело подходят под ту характеристику, которую давал философии Плеханова Ленин в одном из своих сборников, говоря, что Плеханов больше критикует старые философские системы с вульгарно-материалистической точки зрения, больше с точки зрения Фейербаха, чем с точки зрения диалектического материализма. Красной нитью через все работы Ленина проходит мысль, что *только* диалектический материализм Маркса и Энгельса дает ответ на все теоретические, философские проблемы, разрешает и выводит нас за пределы ограниченностей предшествовавшего философского материализма.

Плеханов подчеркивает в ряде своих статей, что он целиком и полностью принимает спинозовское учение о субстанции и ее двух атрибутах: протяженности и мышлении. Плеханов в целом ряде мест говорит о том, что эта точка зрения и именно так, как она была развернута Спинозой, была той точкой зрения, которую принял Фейербах, которую безоговорочно принял Маркс. Наконец, в статье «От идеализма к материализму» имеется одно чрезвычайно важное, пожалуй, даже знаменательное место, которое в значительной степени подводит итог всем его высказываниям о Спинозе.

---

[1] *Плеханов,* Соч., т. XVIII, стр. 189.

Там говорится следующее: «Противники материализма возражают, что сознание не может быть объяснено материальными явлениями. Предшествующее изложение взглядов Фейербаха показало, я надеюсь, читателю, что это возражение совсем не затрагивает основы материалистического учения Фейербаха, состоящей в том, что мир *субъективных* явлений есть лишь другая сторона мира явлений объективных. Кто захотел бы *объяснить* субъективный мир *посредством* объективного, *вывести* первый из второго, тот показал бы, что в материализме Фейербаха он ровно ничего не понял. Это учение,—как и учение Спинозы,—не *выводит* одной указанной стороны из другой, а только устанавливает их сопринадлежность к единому целому. Впрочем, в этом отношении с материализмом Фейербаха совсем не расходились и другие главнейшие разновидности, по крайней мере, материализма нового времени»[1].

Это положение Плеханова как бы подводит итог, является резюме всех его высказываний по вопросу об отношении к спинозовской и фейербаховской философии. Это положение связано со всей концепцией Плеханова о всеобщей одушевленности материи. Несомненно, это положение в корне ошибочно. Недостаток спинозовского материализма, так же как и фейербаховского, состоял в том, что у них не было исторического подхода к вопросу о соотношении между субъектом и объектом. Недостаток спинозовского и фейербаховского материализма состоял в том, что они не понимали того обстоятельства, что *мышление* возникает только в материи высокоорганизованной. Этого важнейшего пункта марксистской философии Плеханов не замечает, не концентрирует на нем своего внимания. Плеханов говорит, что субъективный мир нельзя выводить или объяснять из объективного мира, что между ними существует только сопринадлежность к единому целому. В признании всеобщей одушевленности материи Плеханов примыкает к Спинозе. Плеханов не понимает, что гносеология «должна рассматривать свой предмет исторически» *(Ленин)*. Это, несомненно, одно из ошибочных мест Плеханова, которое связано с целым рядом других его ошибок в непонимании той ступени, на которую подняли материализм Маркс и Энгельс.

В связи с этим совершенно ясно становится, насколько ошибочным является и другое положение Плеханова о том, что материализм Маркса и Энгельса есть род спинозизма. Это сугубо ошибочное положение, оно не проводит границы между диалектическим материализмом и низшими формами материализма. *Это положение, которое снижает уровень материализма Маркса к уровню материализма Спинозы, Фейербаха.*

Таковы в основных и главных чертах недостатки плехановского подхода к философии Спинозы.

---

[1] *Плеханов,* Соч., т. XVIII, стр. 168.

Надо сказать, что все недостатки плехановской трактовки философии Спинозы целиком и полностью, да еще при этом в «углубленном» виде, воспроизведены Дебориным. Правда, в ряде мест Деборин подходит к критике точки зрения всеобщей одушевленности материи, в этом надо отдать ему справедливость, однако это критика непоследовательная, поскольку он целиком и полностью базируется на плехановской точке зрения. Поэтому у Деборина нет преодоления этой точки зрения. «Углубление», которое проведено Дебориным в этом вопросе плехановской позиции, заключается в том, что в пылу полемики с Аксельрод Деборин забывает то, на что даже Плеханов указывает, а именно, что у Спинозы мы имеем *смешение материализма и теологии*. Он считает учение Спинозы «чисто материалистическим учением». В «Очерках по истории материализма» он прямо так и говорит: «Действительно, уже то, что было нами приведено, достаточно характеризует мировоззрение нашего философа, как чисто материалистическое и атеистическое мировоззрение»[1].

Мы видим, что Деборин забывает указание Плеханова о том, что у Спинозы мы имеем смешение материализма с теологией. Неудивительно, что ученик Деборина т. Маньковский в своей брошюре, которую он, правда, сам признал ошибочной, писал, что Спиноза—вполне последовательный материалист.

Посмотрим теперь, как расценивает Деборин *общественные идеалы Спинозы*.

В своей работе о Спинозе, опубликованной в «Летописях марксизма», Деборин писал:

«Мы знаем, что Спиноза был идеологом демократических элементов класса буржуазии; исходным пунктом для него является индивидуум с его стремлением к самосохранению и личной пользе. Возможно, что Спиноза считал возможным достижение «наивысшего счастья» человека в условиях буржуазного общества. Но нет сомнения, что требование его организовать такие связи и такое общение, которые «могли бы сделать из всех людей одного», гармонически согласовать коллективные силы человечества для счастливой жизни на земле,—что это требование выходит за пределы буржуазного общества и пророчески предвосхищает наступление нового *социалистического общества*. Стало быть, общественный идеал Спинозы сближает его ныне с самым передовым классом современного общества—с пролетариатом»[2].

Здесь Деборин допускает уже не только теоретические ошибки в оценке философии Спинозы, но и ошибку сугубо политического порядка. Расплывчатые положения Спинозы, характерные для него как идеолога революционной буржуазии определенной эпохи, его

---

[1] *Деборин*, Очерки по истории материализма, стр. 63, 1929 г.
[2] «Летописи марксизма», кн. III, стр. 9, 1927 г.

положения о «всеобщем и высшем счастье», о необходимости согласования души и тела, как говорил Спиноза, о необходимости взаимопомощи для удовлетворения нужд и для спасения от опасностей, о необходимости гармонически согласовать коллективные силы человечества—это типично буржуазные идеалы, которые были вызваны определенными историческими, классовыми условиями эпохи. Это идеалы, которые были затем написаны на знамени Французской буржуазной революции в виде идеалов—«свобода, равенство и братство» и т. д. Все эти идеалы Деборин выдает за чисто социалистические идеалы. Это только показывает, *на каком уровне стояло понимание действительно социалистических идеалов у самого Деборина, когда он писал статью в «Летописях марксизма»*.

Вот вкратце основные черты, которые характерны для деборинского подхода к философии Спинозы. У меня нет здесь возможности останавливаться на «писаниях» Карева о Спинозе, на ошибках, которые имеются в прежних работах т. Луппола. Приведенного здесь материала из статей самого Деборина вполне достаточно, для того чтобы сделать общие выводы. Меньшевиствующий идеализм, развивая свой *некритический* подход к различным представителям старых философских учений, выдавал Спинозу за вполне последовательного материалиста, сближал его с идеологией пролетариата. Не придавая никакого значения теологическому привеску Спинозы, он протаскивал идеалистические моменты в наше мировоззрение. Ясно, что с такой точкой зрения должна быть развернута решительная борьба.

Перехожу теперь к рассмотрению ошибочных позиций по вопросу о философии Спинозы, которые выявились у механистов, в особенности у Аксельрод (Ортодокс).

Между механистами и меньшевиствующим идеализмом на протяжении нескольких лет шла ожесточенная дискуссия о философии Спинозы. В то время как меньшевиствующий идеализм подкрашивал некритически Спинозу под последовательного материалиста, чуть ли не под диалектического материалиста, механисты—Аксельрод, Варьяш—отмечали у Спинозы только и исключительно одни его непоследовательности, скатываясь тем самым на идеалистическую трактовку спинозовской философии, характерную для всей буржуазной истории философии.

Особенно ясно формулировала эти взгляды Аксельрод (Ортодокс). В этом вопросе наиболее преданная последовательница Плеханова отступила от взглядов своего учителя. Она занимает диаметрально противоположную позицию в этом вопросе по сравнению с точкой зрения Деборина. Аксельрод в своей оценке философии Спинозы отступала от важнейших вопросов материалистического мировоззрения вообще. Вот что она писала: «Я не признаю субстанцию Спинозы материальной сущностью и в то же время

причисляю Спинозу к материалистической линии развития философии»[1]. Встает немедленно вопрос: в чем же тогда материализм Спинозы, в чем суть его субстанции? На эти вопросы она отвечала следующим образом: «*Спиноза же, несомненно, стоит в ряду материалистов по своему учению об единстве мира, по своей исчерпывающей критике трансцендентной телеологии и отрицанию акта творения, короче, по своему общему механическому пониманию мира*»[2].

Нужно сказать, что в этом действительно совершенно чудовищном положении Аксельрод нет *ни грана марксизма, ни грана материализма*. Аксельрод, во-первых, допускает, как мы видели, материализм у Спинозы, но допускает его без материальной субстанции, короче говоря, допускает материализм без материи. Далее, материализмом Спинозы она называет учение о единстве мира, или монизм Спинозы. Но мы знаем хорошо, что монизмом не характеризуется еще учение материализма. Монизм еще не означает сам по себе материализма. Мы знаем, например, идеалистические монистические системы. Поэтому под данным положением Аксельрод может подписаться и любой идеалист, если он только стоит на монистической точке зрения «единства мира».

Аксельрод, далее, говорит о том, что отрицание трансцендентной телеологии является характерным моментом для материалистической точки зрения. И в этом вопросе Аксельрод ошибается. Я не могу сейчас заниматься подробным разбором этого ее положения. Могу лишь сказать, что есть такие идеалистические философские системы, которые, отрицая *трансцендентную телеологию*, вместе с тем стоят на точке зрения *имманентной телеологии*. Поэтому считать признаком материализма отрицание трансцендентной телеологии является сугубо ошибочным. Материализм есть отрицание как трансцендентной, так и имманентной телеологии. Однако отрицание трансцендентной телеологии не есть еще материализм. Выдвигать это положение—отрицание трансцендентной телеологии—в качестве признака, характеризующего якобы материализм, является, несомненно, полным непониманием самой материалистической точки зрения.

Наконец, отметим еще последний признак, который выдвигает Аксельрод при характеристике материализма Спинозы. Она говорит: «Этот признак состоит в том, что Спиноза дает картину механического понимания мира, общую механическую картину мира»[3]. Однако и здесь в положении Аксельрод, надо сказать, нет ни грана материализма, ибо механическую картину мира мы имеем у целого ряда идеалистов. Как раз сама Аксельрод в этих своих

---

[1] *Аксельрод*, В защиту диалектического материализма, стр. 151, 1928 г.
[2] *Там же*, стр. 114.
[3] *Там же*.

положениях является очень характерным примером, показывающим срастание между механицизмом и идеализмом.

Итак, мы рассмотрели одно небольшое положение, одну фразу у Аксельрод по вопросу о философии Спинозы, положение, в котором, правда, затрагивается самая суть вопроса. Это рассмотрение показывает, что в ее подходе к философии Спинозы, в ее трактовке спинозовской философии мы не имеем ни грана марксизма, ни грана материализма, что она тут сочетает механицизм с идеалистической точкой зрения.

Ясно в связи с этим, почему Аксельрод становится в трактовке спинозовской субстанции, как она сама подчеркивает, на точку зрения буржуазного идеалиста Геффдинга. Она сама пишет: «Я вполне разделяю взгляд Геффдинга», который «определяет субстанцию Спинозы как «начало закономерности всего сущего»[1].

Деборин исходил из плехановских позиций в трактовке спинозовской философии, дальше «углублял» их. «Углубляя» эти позиции, он подходил с другого бока к идеалистической точке зрения. Аксельрод воюет с Дебориным по вопросу о всеобщей одушевленности материи, по вопросу о пониманни Дебориным атрибутов, по вопросу о понимании соотношения между субстанцией и атрибутом и т. д. Критикуя Деборина, она нападает по существу на точку зрения Плеханова. Тут ирония истории оказалась такой, что Аксельрод, критикуя эти положения Деборина, в пылу ожесточенной полемики с ним должна была выступать и против Плеханова. Аксельрод, несомненно, права, когда видит метафизический характер концепции двух атрибутов, как она развернута у Спинозы. Она не права постольку, поскольку видит тут только метафизику и не видит материализма. Плеханов, поскольку он рассматривал Спинозу как материалиста, стоял на голову выше Аксельрод в этом вопросе. Мы в данном случае должны выступать «в защиту» Плеханова от Аксельрод (Ортодокс).

«Под знаменем марксизма» № 11—12 за 1932 г.

---

[1] *Аксельрод*, В защиту диалектического материализма, примечание, стр. 24—25, 1928 г.

ГЕГЕЛЬ И ТЕОРИЯ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

(К 100-летней годовщине смерти Гегеля)

КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ НАУКИ И ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННОЕ НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВО

На основе глубочайшего кризиса, переживаемого всей капиталистической системой, мы имеем за последний период времени и крайнее обострение кризиса буржуазной науки и философии, кризиса, который был проанализирован Лениным еще в 1908 г. Обострение классовой борьбы между двумя основными классами современности, между двумя социально-экономическими системами—капиталистической и социалистической—получает свое идеологическое выражение в виде крайнего обострения классовой борьбы в науке. В статье «Три источника и три составных части марксизма» Ленин писал: «Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной, и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты». Иного отношения нельзя и ждать, ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе. Так или иначе, но *вся* казенная и либеральная наука *защищает* наемное рабство, а марксизм объявил беспощадную войну этому рабству»[1].

То оживление на буржуазном «философском фронте», которое происходит сейчас вообще и в особенности в связи со столетней годовщиной со дня смерти великого немецкого философа, идеалиста-диалектика Гегеля, является яркой иллюстрацией к приведенным здесь положениям Ленина, прекрасным подтверждением марксистско-ленинского учения о партийности философии. Борьба

[1] *Ленин,* Три источника и три составных части марксизма, Соч., т. XVI, стр. 349.

за диалектический материализм с буржуазной философией, поворачивающей к Гегелю,—один из участков классовой борьбы современной эпохи. Второй гегелевский конгресс, состоявшийся недавно в Берлине, как зеркало, отобразил процессы классовой борьбы в науке.

Этот философский конгресс крайне симптоматичен в том отношении, что он явился очень крупным звеном в процессе фашизации науки и философии, который происходит на Западе.

Борьба между марксизмом (диалектическим материализмом) и всякого рода идеализмом, борьба между большевизмом и фашизмом «вокруг Гегеля»—это одно из очень ярких проявлений классовой борьбы в науке, в философии, это одна из форм классовой борьбы.

Философия—арена ожесточенной классовой борьбы на идеологическом фронте. В философии резко обострилась борьба между двумя основными философскими направлениями—между материализмом и идеализмом. Очень хорошо характеризует классовый характер обоих этих мировоззрений (материализма и идеализма) известный католический писатель, которого никак нельзя заподозрить в марксизме,—Макс Шеллер в своей книге «Die Wissenformen und die Geselschaft» («Формы знания и общество»).

Он считает характерным для пролетарского мышления, или, как он выражается, для мышления «низших классов», следующие черты: реализм, материализм, эмпиризм, оптимизм и диалектический способ мышления. В противоположность этим «категориям» система мышления «высших классов», по Максу Шеллеру, складывается из таких элементов: бытие, телеология, идеализм, спиритуализм, априоризм, пессимизм и формализм.

Вряд ли надо, независимо от отношения к общей буржуазной концепции Шеллера, специально критиковать эти положения, которые в основном правильно характеризуют специфическую структуру мышления основных классов современного капиталистического общества.

Общеизвестно, что гегелевская идеалистическая философия имела реакционную, консервативную сторону в виде его (Гегеля) абсолютного, объективного идеализма и революционную сторону—в виде его диалектики. «Гегелевскую диалектику,—писал Ленин,—как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе»[1]. Однако гегелевская диалектика являлась

[1] *Ленин*, Карл Маркс, Соч., т. XVIII, стр. 10.

идеалистической диалектикой, причем диалектика и идеализм у него отнюдь не внешне были соединены друг с другом, а органически сплетены и спаяны. Вот почему Энгельс писал в своей рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии», что «Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в той простой форме, в которой он только и становится правильной формой развития мыслей»[1].

Наш интерес к Гегелю как к самому крупному представителю немецкой классической философии есть интерес к диалектическому методу Гегеля, материалистически переработанному, поставленному с «головы на ноги». Годовщина смерти Гегеля должна явиться для нас моментом, поводом для дальнейшего развертывания борьбы за *материалистическую диалектику*, которая, по выражению Ленина, является «коренным теоретическим основанием», «революционной душой» марксизма. Поворот буржуазии к Гегелю обязывает нас в новых условиях развернуть с точки зрения марксизма-ленинизма критику идеализма Гегеля. Годовщина смерти Гегеля должна быть для нас новым поводом к дальнейшему развертыванию широчайшей популяризации марксистско-ленинской философии, ленинского этапа в развитии материалистической диалектики и борьбы на два фронта—против механицизма, не понимающего и отрицающего диалектику, и против меньшевиствующего идеализма, извращающего марксистскую диалектику в основном в гегельянском духе.

Чем же вызывается в настоящее время особый интерес к Гегелю в буржуазной философской литературе? Что является причиной сильного оживления *гегельянского* или, точнее, неогегельянского движения в целом ряде стран Западной Европы, а особенно в Германии и Италии? Что служит основой того, что забытый Гегель вновь начинает занимать почетное место в буржуазных государственных университетах, что его произведения усиленно изучаются, комментируются и издаются?

На этот вопрос надо еще и потому ответить, что теперь положение радикальным образом изменилось по сравнению со второй половиной XIX в., когда теоретиками буржуазии была проведена большая критическая и разрушительная работа по отношению к гегелевской философии. Изменение отношения к Гегелю особенно разительно после критических работ Бахмана, Шопенгауэра, Тренделенбурга, Гайма, Гартмана, после характерного оплевывания Гегеля, обращения с ним, как с «мертвой собакой»,

---

[1] *Маркс,* К критике политической экономии. Рецензия Энгельса, стр. 207—208, 1933 г.

во второй половине XIX в., после поворота к Канту и беспредельного господства неокантианства в официальной философской литературе.

Не вычеркнуть насмешек и издевательств над Гегелем, например, «философа мещанства» Шопенгауэра, отнюдь не одинокого в этом деле, который величал Гегеля не иначе, как «пачкуном бессмыслиц и губителем умов». В своей работе «Об университетской философии» он писал: «Как худшее, что может случиться с государством,—это если бразды правления попадут в руки негоднейшего класса, подонков общества,—так и для философии и всего от нее зависящего, т. е. для всего знания и духовной жизни человечества, ничего не может быть хуже, чем если дюжинная голова, отличающаяся только, с одной стороны, своей уродливостью, с другой—своей наглостью в писании бессмыслиц,—словом, какой-нибудь Гегель с величайшей, прямо беспримерной настойчивостью провозглашает себя величайшим гением, в котором философия, наконец, навсегда достигла своей желанной цели».

И несмотря на это опять воскрес интерес буржуазии к Гегелю!

Буржуазная философия давно уже прошла тот исторический рубеж, который отделяет период восходящего развития этой философии от периода ее упадка и разложения.

Именно Гегелем заканчивается период восходящего развития буржуазной философии. В первый период после поражения гегелевской философии, нанесенного ей марксистской философией, философией революционного пролетариата, буржуазия питалась жалкими эклектическими философскими системами. Эпоха так называемого органического развития капитализма, наступившая после бурной революционной середины прошлого века, сделала наиболее модной среди буржуазного философского лагеря философию Канта. Буржуазии казалось, что с Кантом, вернее, с неокантианством, она переживает свою вторую философскую молодость, что начинается новая полоса восходящего развития буржуазной философии, как в свое время с философии Канта началась эпоха классической немецкой идеалистической философии. Однако начавшаяся эпоха империализма, эпоха загнивания капитализма, эпоха пролетарских революций внесла новую растерянность в ряды буржуазной философии. Разразившийся в самом начале XX в. кризис естествознания еще более обострил растерянность и разложение буржуазной философии. Лучшие представители естествознания стихийно потянулись к диалектическому материализму. Другая же часть естествоиспытателей вместе с буржуазной философией тщетно искала ответов на новые вопросы, выдвинутые новой эпохой, в покрытых плесенью философских системах Юма, Беркли и др.

Всемирная империалистическая война 1914—1918 гг. «потрясла всю систему мирового капитализма и положила начало периоду

его *общего кризиса*»[1]. Этот кризис глубоко захватил и буржуазную философию и науку. Нынешний экономический кризис, развернувшийся на базе общего кризиса капитализма и являющийся «самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов»[2], наиболее ярко обнаружил и обострил те процессы в развитии буржуазной философии, которые наметились в ней с началом эпохи империализма и особенно с началом периода общего кризиса капитализма.

Направление в развитии буржуазной философии в современный период коротко может быть определено как поворот к философии Гегеля в ее модернизированных формах.

Шумиха, поднятая в буржуазном философском лагере в связи со столетней годовщиной со дня смерти Гегеля, является лишь одним из внешних проявлений поворота буржуазной философии к Гегелю.

В модернизировании философии Гегеля буржуазия пытается найти себе еще раз философское оружие.

Можно отметить две основных причины современного интереса и поворота к Гегелю в буржуазной философской литературе.

Основная причина оживления интереса к Гегелю состоит в том, что в связи с мировым кризисом капитализма и обострением всех его противоречий мы имеем известный рост, усиление, развитие фашизма в главных европейских странах, в частности в Германии. Реакционная, консервативная, идеалистически-мистическая система гегелевской философии очень привлекательна для фашизма, может быть использована в качестве теоретической базы для него, может вызвать и действительно вызывает к себе с его стороны особый интерес.

Абсолютный идеализм Гегеля служит базой для самых диких современных мистических, идеалистически-религиозных воззрений фашиствующего буржуа. Активная черта немецкого классического идеализма—действенность гегелевской философии—является очень привлекательной для активистического, наступательного, действенного характера современного фашистского движения. Освящение со стороны Гегеля абсолютным духом его философии современной ему прусской монархии, национализм и шовинизм, характерные для произведений Гегеля,—все это крайне симпатично уму и сердцу, империалистическо-захватническим, националистическо-фашистским настроениям буржуазии.

Современное неогегельянское движение, в некоторой своей части переплетающееся с фашизмом, имеет глубокие социальные корни, глубокую внутреннюю социальную подоснову.

---

[1] Программа Коминтерна, стр. 32, 1936 г.
[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 352, изд. 10-е.

Материалы первого международного гегелевского конгресса, который происходил в прошлом году в Гааге, дают более или менее исчерпывающую характеристику современного неогегельянства.

Так, например, один из докладчиков на прошлогоднем гегелевском конгрессе—Биндер по вопросу «Свобода как право» (о гегелевской «философии права») говорил о том, что либерализм не в состоянии в настоящее время побороть марксистскую теорию государства, что он беспомощен перед «сумасбродными требованиями социализма», что только крепкая государственность, опираясь теоретически на гегелевское учение о государстве, может справиться с марксизмом.

Он писал: «Вполне последовательно, что социализм не играет никакой роли у Гегеля: это происходит не вследствие того, что Гегель был философом сытой буржуазии, как это часто утверждали в нежелательном для него смысле, но вследствие того, что Гегель впервые нашел правильное понятие государства, в котором снят эгоизм как движущий принцип гражданского общества».

Так Биндер, опираясь на Гегеля, используя его философию права, борется с «требованиями социализма», с марксизмом. Сам он следующим образом интерпретирует сущность учения Гегеля о государстве, о свободе и необходимости:

«Так как дух бога и божественная воля действительны только в нашем сознании и через наше сознание и так как история развития человеческого духа есть вместе с тем история осуществления божественного духа в мире, то наша свобода становится тем более действительной, чем более мы поднимаемся к сознанию нашей зависимости от воли бога, чем более наша индивидуальная воля умерщвляется в пользу божественной воли... Мы тем более свободны, чем более мы осознаем себя марионетками в руках бога».

Так борется в настоящее время с коммунизмом «марионетка в руках бога» и действительная марионетка в руках современного фашизма—буржуазный профессор Биндер.

Особенно изощряются фашистские неогегельянцы в вопросе о нации и государстве. В центре философских и социологических воззрений фашистских «теоретиков» стоит вопрос о нации. Гегелевские категории «целое и часть», «общее, особенное и единичное», «единство», «целостность» и т. д. и т. п. всячески эксплоатируются фашистами для оправдания своего террористического господства. Нация—это целостность; нация—это общность, которая высоко стоит над единичным—личностью. Вся история вопреки ненавистному марксизму есть не история классовой борьбы, а история *борьбы наций*, история борьбы «национальных духов», «народных духов» и т. п. Национализм против коммунизма, против марксизма—вот основной лейтмотив фашистских «теоретиков» и фашистских политиков; национализм—вечная ка-

тегория—вот излюбленные выводы фашистских философов. Гегелевская «Философия истории», его же «Философия права»—основные произведения, от которых они отправляются. Прусский госфилософ первой четверти XIX в. Гегель—знамя современного фашизма.

В тесной связи с проблемой нации находится проблема государства. Целая плеяда фашистских «теоретиков» занимается теоретической разработкой этого вопроса (Геллер, Шпан, Биндер, Моро и др.). Оказывается, что «национальный дух»—нация—получает свое высшее воплощение в государстве. Оно становится превыше всего, выше культуры, религии; оно высшее воплощение нравственности. Гегель делается отцом современного фашистского корпоративного государства (Джентиле). Совершенно понятно то обстоятельство, что Гегель превращается даже в духовного прародителя *современного империализма* (Иоганн Пленге, Брунович).

Наряду с этим интерес к Гегелю, несомненно, связан с современным кризисом буржуазной науки. Этот кризис, ставший *всеобщим*, характеризуется полным распадом старых форм и методов мышления. Все чаще и чаще раздаются голоса ученых различных областей науки, голоса философов, естественников, социологов о назревшей потребности в *логической, методологической* революции. Все чаще можно слышать указания о необходимости «*новой логики*», «*новой философии*», или, как некоторые говорят, «*новой таблицы категорий*». Жгучую потребность современной науки в новой методологии по-своему выразил и Виерсма на первом гегелевском конгрессе в Гааге, когда он характеризовал «трагизм современной культуры» и «тоску по единой науке наук».

Единственный выход из *всеобщего* кризиса науки возможен только на пути *диалектического материализма*, на пути методологии и мировоззрения единственного прогрессивного, революционного класса современной эпохи—пролетариата. Это является теоретическим выражением того, что единственно возможный выход из *всеобщего* кризиса всей капиталистической системы только на пути диктатуры пролетариата и строительства социалистического общества.

Однако проникнутые классовыми предрассудками представители буржуазной философии и науки, преисполненные страхом перед материализмом и материалистической диалектикой «ученые мужи», не удосуживающиеся даже познакомиться с богатейшей литературой по марксистской философии, полные ненависти к коммунизму и смертного ужаса перед пролетарской революцией, ищут выхода из кризиса науки в самых крайних и разнообразных выражениях идеализма, мистики и религиозного мировоззрения. Все это определяет интерес к *идеалистической методологии и идеалисти-*

ческой диалектике, великим творцом и гениальным мастером которой был абсолютный, объективный идеалист Гегель.

Пора разделаться с довольно вульгарным представлением, которое встречается на страницах нашей печати, будто буржуазная философия обращается только к идеалистической системе Гегеля, оставляя якобы совершенно в стороне диалектический метод. Современное неогегельянство характерно также тем, что оно не проходит мимо диалектики Гегеля. В условиях империализма, в обстановке исключительного обострения классовых противоречий и классовой борьбы проходить мимо логики противоречий буржуазным фашистским «ученым» трудно.

Мы имеем очень много «трудов», посвященных гегелевской диалектике, диалектике вообще. Однако «внимание» современных буржуазных философов к диалектике характерно тем, что она истолковывается ими *исключительно мистически*. Диалектика Гегеля извращается в том смысле, что всякое революционное содержание из нее выхолащивается. «Божественное» истолкование диалектики, превращение ее в софистику, превращение ее в орудие для оправдания господства капитализма, завоевания власти фашизмом, для борьбы с марксистской диалектикой—вот классовый, политический эквивалент этого «внимания» к диалектике.

Для нас поэтому большой интерес представляет современная трактовка вопросов диалектики, диалектического метода в философии фашизма.

Остановимся здесь на следующих четырех основных видах буржуазного мистического истолкования гегелевской диалектики за последние годы в литературе, посвященной вопросам гегелевской философии: 1) на спекулятивной диалектике, главным представителем которой является Кронер—глава международного гегелевского союза; 2) на субъективно-идеалистической трактовке Гегеля и его диалектики; главный представитель этого направления—бывший министр народного просвещения у Муссолини, известный итальянский философ-фашист Джентиле; 3) на критической диалектике, представленной, главным образом, Ионасом Коном и «левым» социал-демократом, бреславльским профессором Зигфридом Марком, и наконец 4) на трагической диалектике, представленной Артуром Либертом.

Кронер—наиболее правоверный гегельянец. Кронер ярко выраженный идеалист, мистик. Путь Кронера—путь превращения неокантианца в неогегельянца. В своем главном двухтомном произведении «Von Kant bis Hegel» («От Канта до Гегеля») он прямо заявляет, что понять Гегеля—это значит усмотреть, что выйти за его пределы абсолютно никуда нельзя. Кронер очень много говорит «об идеалистической миссии немецкого народа». Его философские работы носят ярко выраженный националистическо-шовинистический оттенок.

«Великий и возвышенный путь немецкого идеализма» изображается Кронером в его работе «Von Kant bis Hegel» следующим образом:

«В Канте мышление сосредоточивается на себе самом, чтоб найти в себе, в Я основу мира. В Фихте оно открывает бога в глубинах Я. В Шеллинге оно склоняется к тому, чтоб искать бога непосредственно в мире (приближение к Спинозе и к Бруно). В Гегеле оно заканчивает тем, что строит миры из абсолютного или божественного Я. На этом пути нет нигде остановки движения: кто начинает этот путь, тот втягивается в движение и уносится дальше вплоть до конца».

Кронер считает поворот к Гегелю необходимым для того, чтобы утвердить в философии господство *спекулятивной метафизики* вместо кантовского критицизма, господствовавшего до самого последнего времени. Кронер много раз подчеркивает, что изучение Гегеля, даже независимо от общего отношения к нему, необходимо потому, что это высокая школа, «которая открывает духу научный доступ к проблемам метафизики».

Если гегелевская система абсолютного идеализма была такой системой, которая базировалась, как это неоднократно указывалось Марксом, Энгельсом, Лениным, на богатом конкретно-историческом материале, то у этого эпигона Гегеля совершенно выхолощенная умозрительная спекуляция. У него очень сильно звучит интуитивистическое, иррационалистическое толкование Гегеля. Вот как он определяет, что такое диалектика: «Гегель—иррационалист, потому что он *диалектик*, потому что *диалектика* есть превращенный в метод, сделанный рациональным иррационализм, потому что диалектическое мышление есть рационально-иррациональное мышление».

Развивая свое «иррационалистическое» истолкование Гегеля, он пишет: «Мышление Гегеля в такой же степени рационально, в какой оно иррационально, сверхрационально или антирационально». Смысл этого иррационализма в вопросах диалектики у Кронера очень хорошо раскрывается следующим его соображением. Он пишет: «Диалектика не есть рациональное, рассудочное мышление, или она является не только им, но вместе с тем и самодвижением абсолютного духа».

Посмотрим теперь, как Кронер истолковывает закон единства противоположностей, закон противоречий. Он проводит различие между «эмпирическим противоречием» и «противоречием спекулятивным». Вот как характеризует он оба вида противоречий, связанные с двумя видами познания. «Эмпирическое познание,—пишет он,—не имеет права противоречить себе: оно должно избегать противоречия». Тут, по Кронеру, господствует формальная логика. Совсем другое дело спекулятивное познание, спекулятивное противоречие. «Спекулятивное противоречие результирует

из спекулятивной рефлексии, подобно тому как эмпирическое противоречие результирует из эмпирической рефлексии. Но в то время как эмпирическое противоречие (так же как и эмпирическое отрицание) возникает через ложное эмпирическое суждение и потому в двояком смысле должно быть избегаемо (во-первых, потому, что утвердительное и отрицательное эмпирическое суждение не могут быть оба истинны, и, во-вторых, потому, что отрицание вообще является здесь лишь следствием эмпирического заблуждения, которое надо избегать, или, другими словами, следствием ложного суждения, являющегося объективным коррелатом эмпирического заблуждения),—спекулятивное противоречие совершенно неизбежно, ибо спекулятивная рефлексия (и спекулятивное отрицание) обязана своим происхождением не отклонению от положительного спекулятивного познания и строится не на заблуждении и ложном суждении, но является необходимым моментом спекулятивного познания.

Спекулятивное познание не есть эмпирическое познание, ибо оно есть познание Себя (самопознание)».

Вот как характеризует Зигфрид Марк основную идею гегельянства по Кронеру. Он пишет: «Путь бесконечного божественного духа к самому себе через мир и через конечного духа—вот основной мотив гегелевской философии».

Итак, кронеровская интерпретация гегелевской философии и диалектики сводится к следующим моментам: 1) взамен критицизма Канта—требование возврата к спекулятивной метафизике; 2) сплошной идеализм, поповщина, мистицизм и иррационализм; 3) сведение диалектики исключительно к спекулятивной диалектике; 4) истолкование самой диалектики как выражение иррационализма. Такова в общем спекулятивная диалектика Кронера.

Общая основа итальянской, фашистской интерпретации Гегеля—это полное перенесение диалектики в «лоно духовной деятельности». Субъективно-идеалистическая диалектика, диалектика активного мыслящего субъекта—вот основа «реформы гегелевской диалектики» со стороны фашиста Джентиле. Крайне характерная черта для итальянского неогегельянства—это его строжайший активизм, обоснование крайней действенности, крайней активности субъекта.

Фашистская действенность и активность в борьбе с рабочим движением получает довольно яркое идеологическое выражение в актуализме Джентиле. Основной смысл этой «активности» представителей обреченного класса состоит не в чем ином, как в остром противодействии объективной исторической необходимости, не в чем ином, как в попытке субъективным активизмом задержать неумолимый ход истории, неизбежную победу пролетариата. Поэтому философия Джентиле есть яркое выражение крайнего субъективизма. Он видит единственную опору творчества и деятельности

в деятельности самого духа. История, по мнению Джентиле, оказывается исключительно продуктом этого свободного творческого духа. Историческая необходимость оказывается только необходимостью этого духа. Так как познание действительной исторической необходимости, действительных исторических закономерностей для представителей буржуазии было бы способно посеять только отчаяние, то поэтому—долой эту необходимость! Действительность, по Джентиле,—это абсолютная, чистая субъективность. Он различает *мыслящее* мышление и *мыслимое* мышление. Не только вещи, предметный материальный мир растворяется Джентиле в мышлении, но и мысли растворяются в мышлении. В этом смысл его мыслимого мышления. Диалектика, по Джентиле, присуща только духу. Вещи, природа, мир—косные продукты диалектики духа. Джентиле недоволен диалектикой Гегеля. Он «реформирует» ее. Диалектика Гегеля, с его точки зрения, слишком «объективна», слишком «предметна». Диалектика же, по Джентиле, есть абсолютная свобода «я».

Таков другой вид современной неогегельянской фашистской интерпретации диалектики Гегеля.

Наиболее распространенный, особенно в Германии, вид интереса к гегельянской философии—это попытки сочетать Гегеля с Кантом. Зигфрид Марк, представитель так называемой «критической диалектики», и является как раз одним из характерных философов, проводящих такое сочетание.

До настоящего времени, можно сказать, официальной философией II Интернационала, наряду с сильным махистским течением, является неокантианство. Всем известны подобного рода работы Форлендера, Макса Адлера и т. д. Однако фашизирующаяся буржуазия поворачивается к Гегелю. Неокантианство, махизм, феноменологизм у буржуазных философов сменяется неогегельянством, которое органически срастается с фашизмом. И философы современной социал-демократии в соответствии с общим процессом фашизации социал-демократии спешат объединить Канта с Гегелем.

Зигфрид Марк в этом отношении—крайне характерная фигура. Зигфрид Марк крайне эклектичен. Этот «левый» социал-фашист—типичный буржуазный профессор старой немецкой школы. Никаких элементов *марксистской терминологии* у него нет. Зато в его двухтомнике «Диалектика в философии современности» есть ряд страниц, специально посвященных критике ленинских философских взглядов. О них мы скажем дальше.

Зигфрид Марк является представителем «критической диалектики». «Критическая диалектика», по его мнению, является тем «типом философствования», который проявляется в целом ряде философских направлений современной Германии («Теория диалектики» Ионаса Кона, «Психология мышления» Хенигсвальда, «Учение об идеях» Б. Бауха, «Учение о значимости» П. Гофмана,

«Феноменология познания» Кассирера, «Диалектическая феноменология» Литта). «Критической диалектике», по мнению З. Марка, принадлежит будущее. В чем же суть этой «критической диалектики»?—В идее соединения диалектики Гегеля с кантианским критицизмом. Эту идею наиболее полно и обстоятельно разработал И. Кон в своей книге «Theorie der Dialectik». Зигфрид Марк неоднократно заявляет о своем согласии с Коном. Он противопоставляет «критическую диалектику» диалектике спекулятивной, или метафизической, классическим представителем которой он считает самого Гегеля, а среди современных философов—неогегельянца Кронера.

Ионас Кон, с которым согласен Марк, считает, что «надо освободить основную идею его (т. е. Гегеля) диалектики от рационалистического заблуждения и его последствий: одномерности, финитизма и творческого отрицания». Под «одномерностью» Кон разумеет монистический характер философии Гегеля, его попытку вывести всю свою систему из одного—единого философского принципа. Под «финитизмом» Кон понимает абсолютно законченный характер, с претензией на который выступала гегелевская философия. Наконец, отрицая «творческий характер» отрицания, Кон выступает против гегелевского закона отрицания. Мы видим, таким образом, что критика Кона, относящаяся к Гегелю, указывая на реакционный характер гегелевского идеализма («абсолютно законченный характер системы»), вместе с тем направлена также против важнейших моментов гегелевской диалектики. Критика Гегеля со стороны Ионаса Кона—это критика с точки зрения идеализма более непоследовательного, с точки зрения позитивистского, эклектического идеализма.

Зигфрид Марк «углубляет» коновскую критику гегелевской диалектики. Он считает, что основной недостаток этой диалектики заключается в «основной метафизической предпосылке... в самодвижении». Критикуя гегелевский идеализм с точки зрения пошлого, вульгарного, эклектического идеализма, З. Марк одновременно с этим выступает против диалектики самодвижения, против диалектического закона борьбы противоположностей. Он старается выхолостить всякие революционные моменты из диалектики, особенно роль «творческого отрицания» и «самодвижение» как результат борьбы противоположностей.

Зигфрид Марк считает, что «критическая диалектика должна ограничить себя сферой нашего мышления». Переходя затем к марксистской диалектике, Зигфрид Марк изо всех сил старается доказать ее «ненаучность». Особенно ненавистна Марку глубокая внутренняя связь, которая существует между диалектикой и материализмом. Он направляет свою энергию против диалектического материализма, обнаруживая при этом типичное невежество

буржуазного профессора в вопросах, касающихся марксизма. Вот что он, например, пишет: «У Маркса мы находим сохранение гегелевской методики, ее оригинальное и глубокое преобразование и вместе с тем ее перенесение на такую почву, где она обречена на увядание или отмирание. Даже в сознании самого Маркса простое «кокетничанье» гегелевской терминологией стоит бок о бок с центральной важностью диалектики для всего исторического материализма. В перипетиях развития Маркса дело так и не дошло (между «критикой гегелевской философии права» и экономической системой) до построения самостоятельной методологии, которая проектировалась им, как всеохватывающая диалектика. Поэтому за марксистской диалектикой приходится обращаться к резюмирующей интерпретации Энгельса, которая отчасти сознательно популяризирует эти мысли, отчасти же непроизвольно опошляет их. Однако на основе этой интерпретации развилась *вульгарная диалектика*, которая была канонизирована официальным коммунизмом (Ленин, Бухарин, Деборин)».

Вряд ли придется для нашего читателя комментировать и подробно критиковать эту пошлятину, которую написал Зигфрид Марк против марксизма, обнаруживая исключительное невежество в основных проблемах марксистской философии.

Прежде всего характерно здесь противопоставление Энгельса и Маркса. Марк в этом не «оригинален», он повторяет избитый, заплесневелый, но довольно излюбленный «метод критики» марксизма со стороны буржуазных профессоров и всякого рода ревизионистов. Далее, чего стоит похабный выпад этого фашистского «профессора», этого верного пса капитализма, против «вульгарной диалектики» Ленина. Наконец, весьма симптоматично, что Марк взял за одну скобку Ленина, Деборина и Бухарина. Однако он и на этом не останавливается. Он продолжает «критиковать» «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина.

Вот одно из мест, направленных против Ленина: «Некоторые намеки Ленина (он имеет в виду ленинский «Материализм и эмпириокритицизм».—*М. М.*) идут в направлении реальной диалектики также и в критике познания (т. е. в области гносеологии); давая отпор субъективно-эмпирическому, следовательно, некритическому идеализму махистов, Ленин высказывает некоторые справедливые мысли. Но упрямое удерживание наивной основы и вытекающее из него спаривание (связывание, насильственное соединение—Verkoppelung) диалектики с материализмом отнюдь не есть почва для всеохватывающей философии марксизма, для развернутой философии марксизма, для развернутой марксистской диалектики».

Для идеалиста кантианского толка, эклектически сочетающего Канта с Гегелем, для врага материализма Марка совершенно неприемлемы *соединение, связь*, сплетение материализма и диалек-

тики. И сколько у него хватает сил, он борется против диалектического материализма. Таков этот третий вид «диалектики», так называемой «критической диалектики».

Перейдем теперь к следующему виду буржуазного истолкования диалектики, к так называемой «трагической диалектике».

Крайне интересной фигурой на буржуазном «философском фронте» является автор и творец так называемой *трагической диалектики*—Артур Либерт. Пожалуй, в области идеологии этот философ буржуазии с наибольшей яркостью, смелостью и последовательностью выразил всю безнадежность положения буржуазии и безвыходность ее противоречий.

В своей книге «Мир и дух диалектики» он обвиняет Гегеля в том, что его диалектика якобы носит гармонистический, гуманистический характер, потому Гегель «снимает», разрешает противоречия. С его точки зрения должен быть создан тип диалектики, «который не может быть больше для нас путем для «снимания» противоположностей». Диалектика должна, по его мнению, помогать нам с «неумолимостью» обнажать «неуничтожимые антагонизмы действительности», «диссонансы жизни», «наличные противоречия в сутолоке бытия».

Он пишет: «Так как, однако, философские, исторические, духовные и моральные условия, вызвавшие этот тип диалектики, решительным образом изменились, так как мы вступили, вместе с современностью, в новую духовную ситуацию, полную величайших кризисов и антиномий, то и та диалектика, которую мы защищаем, должна принять новые черты... Новый тип диалектики должен иметь *трагический характер*. Поэтому мы можем говорить о *трагическом типе диалектики*».

Развивая эти мысли, Либерт вскрывает далее, так сказать, «социальные корни» такого типа диалектики. Он пишет: «И вместе с тем только она (т. е. трагическая диалектика) отвечает той духовной ситуации, которая сложилась в последние десятилетия под непреодолимым давлением тяжелых внешних и внутренних переживаний...

Век техники и хозяйства, социальных битв и гигантских организаций торговли и промышленности вызвал такое мировоззрение и такое жизнепонимание, которое далеко увело нас от классического умонастроения и представления о бытии и которое не может сообщить непосредственно действенного значения тем идеалам, которые почитались в эпоху классицизма».

По мнению Либерта, Гегель «стоит ниже того понятия диалектики, которое было достигнуто Кантом», потому он, якобы, прикрывал и смягчал противоречия, что им не понят «тот глубокий трагизм, который лежит в существе диалектики».

В ряде мест продолжает он подчеркивать свою основную установку, что «диалектика является для нас наиболее плодотворным

средством, для того чтобы все больше и больше света пролить на диссонансы жизни, на ее неуничтожимые антиномии»... что «понятие диалектики для нас не является больше вспомогательным средством для выравнивания и улаживания противоречий, но является выражением вполне трагической установки (вот именно!—*М. М.*), которая нас снова и снова принуждает к признанию основной кантовской антиномии бытия и долженствования...»

Вряд ли требуются особые комментарии к этим местам из произведений Либерта. Несомненно, его философские работы являются прекрасным идеологическим выражением кризиса капиталистической системы и кризиса капиталистической идеологии.

«Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад,—писал Ленин.—Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли»[1].

Написанные в 1908 г., эти строки Ленина особенно свежи в настоящее время. Чем ближе капиталистическое общество к своей гибели, чем все явственней и явственней стучится в ворота пролетарская революция в капиталистических странах, тем все реакционней становится философия буржуазии, тем все более тонкие формы одурачивания масс изобретаются ее «учеными приказчиками и лакеями», тем придумываются все более утонченные формы «мерзкого, вонючего» *(Ленин)* фидеизма и протаскивания религиозного мировоззрения.

В настоящий период резкого обострения борьбы двух систем обострение классовой борьбы в области науки и философии приобретает все более явственные формы: у них—на Западе идет процесс разложения, кризиса идеологии, процесс фашизации науки и философии; у нас—в СССР мы имеем мощный расцвет науки и техники, глубокий процесс перестройки всей науки на базе диалектического материализма.

ВТОРОЙ ГЕГЕЛЕВСКИЙ КОНГРЕСС

В Берлине с 18 по 22 октября 1931 г. происходил второй гегелевский конгресс, созванный Hegelbund'ом. Характеризованное нами выше состояние современной буржуазной философии, в частности состояние современного неогегельянства, получило отчет-

[1] *Ленин,* Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 292.

ливое выражение в работах конгресса. Этот гегелевский конгресс явился зеркалом, отразившим кризис, разложение, маразм, старческую слабость и полную импотентность буржуазной науки. Вместе с этим конгресс прошел под знаком крайней воинственности против материализма, марксизма, большевизма, коммунизма. Руководители Hegelbund'a превратили этот конгресс в националистическо-фашистское торжество, в религиозно-фашистскую демонстрацию. Воспользуемся рядом отзывов буржуазных фашистских журналистов и литераторов о характере работы конгресса. Вряд ли их можно обвинить в «беспристрастном» подходе. Лучших свидетелей нам не найти.

Некий Людвиг Маркузе в «Берлинер Тагеблат» 22 октября 1931 г. напечатал статью «Профессора о Гегеле», в которой он дает общую оценку конгресса. Вот что он пишет:

«В Берлинском университете собрались последователи Гегеля из Германии, Голландии, Италии. Более чем в дюжине больших докладов изложили они основные части учения Гегеля: феноменологию, логику, философию государства, эстетику, философию религии. Выдающиеся знатоки сообщили с научной основательностью и с глубокой любовью к своему философу об исследованиях Гегеля в различных областях его универсального мышления... И все-таки мы получили немногим больше, чем основательное изложение учения Гегеля. Гегель не был связан с нашим живым сознанием, его мышление не было сопоставлено с духовной конъюнктурой нашего времени... В конце концов мы видели Гегеля под стеклянным колпачком философского семинария... его не вынули из футляра истории и специальной терминологии, чтобы показать, свободно толкуя его учение, какие ответы он дает на проблемы нашего времени. Язык конгресса был не немецкий, не итальянский, а гегельянский».

Заканчивает Маркузе свою оценку конгресса следующим образом: «Гегелевский конгресс закончился предложением пастора Лассона опять войти в его религиозную общину. Хорошее заключение воскресной проповеди—но неужели это все, что может дать Гегель нашему, находящемуся в перестройке, стремящемуся к духовному порядку, миру?»

Господин Маркузе в общем неплохо характеризует в своей статье беспомощность, идейную дряблость современной «профессорской» науки. Однако он напрасно обвиняет конгресс в полном отсутствии действенности, в отсутствии направленности его на современность в смысле защиты фашизма и борьбы с коммунизмом. Буржуазные профессора хорошо выполняют «социальный заказ» своих господ: они боялись, чтобы слово «марксизм» было упомянуто на конгрессе. Руководство конгрессом не допустило на конгресс советскую делегацию.

Только вышеупомянутый пастор Лассон сказал в двух словах

в своем заключительном слове о «секте», которая начертила на своем знамени имя Гегеля и вместе с тем смеет придерживаться лозунга: «религия—опиум для народа».

О том, насколько Маркузе либерально прикрывает фашистскую направленность конгресса, свидетельствует доклад Джентиле на тему «Гегель и государство». Надо отметить, что немецкая пресса особенно живописует Джентиле и его доклад. Так «Ганноверский курьер» писал, что «речь профессора Джентиле из Рима в отношении его исторического воздействия на наше время является темой неисчерпаемого содержания». Какие же «идеи» развивал этот «теоретик» чернорубашечников, специально приехавший из Рима прославлять фашистское государство, прикрываясь именем Гегеля? По Джентиле, государство (читай: фашистское государство Муссолини) есть осуществление мирового разума в нравственности. Не благосостояние является целью государства, а его существование как свобода высшей власти. У индивида не остается никакого права на государство, кроме права жертвоприношения для него. Из этого основного понятия о государстве Гегель сделал, по мнению Джентиле, больше, чем полководцы и политики. Даже налоговое законодательство основательным образом подвержено, по Джентиле, влиянию гегелевского духа, ибо современное учение о налогах признает за государством право требовать их от граждан как жертву и притом в неограниченном размере. Гегелевское учение о праве, по мнению «почтенного» Джентиле, преодолело рационалистическое учение о натуральном праве. Точно так же и в отношении частного права Гегель, по мнению Джентиле, преодолел взгляд, будто оно возникло и действует в силу заключенного индивидами договора.

Нужна ли более яркая и последовательная защита «сильного» фашистского государства, его террора по отношению к трудящимся, его выжимания всех соков из пролетариата! Нужна ли более ясная проповедь борьбы с рабочим движением, чем это проиллюстрировал в своем докладе «профессор» Джентиле!

Открытая проповедь фашизма сочеталась с проповедью религии, поповщины, мистики. Тот же «Ганноверский курьер» пишет: «Точно так же, как философия жизненного дела Гегеля нашла свой апогей в философии религии, точно так же настоящий конгресс достиг своей вершины в докладе председателя и руководителя конгресса Лассона о «Гегелевской философии религии». Другая газета пишет: «Это был возвышающий дух, заключительный момент конгресса, когда Лассон при искреннем сочувствии слушателей мог показать, что религиозность Гегеля отнюдь не была чем-то разыгранным им в целях его личных выгод, как это ему часто старались приписать, но что она соответствует глубокой, неоднократно выраженной им особенности его духа».

Для полноты картины необходимо остановиться на том обстоя-

тельстве, что на конгрессе выступал прусский министр народного просвещения с.-д. Гримме, приветствовавший конгресс от имени прусского правительства. Своим присутствием он освящает этот реакционнейший буржуазно-националистический конгресс. Этот с.-д. приветствует конгресс как представитель буржуазного государства, как верный лакей и активный защитник капитализма. После своего выступления на конгрессе он получает плевки от хозяев за то, что посмел в своей речи упомянуть имя Маркса, единственный раз упомянутое вообще на конгрессе. У нас нет стенограммы его выступления, но ее и не требуется. Он написал по поводу конгресса большую статью в «Форвертсе»—«Живой Гегель». Необходимо на этой статье несколько остановиться, поскольку она характерна для идеологии современной с.-д. Несколько раз в своей статье Гримме говорит об «отцах социал-демократического движения—Марксе, Энгельсе, Лассале». Лассальянство в худшем своем выражении получает ныне довольно широкое распространение в современной немецкой социал-демократии.

Мы не будем касаться пустой болтовни, характерной для всей статьи Гримме, шовинистическо-националистических моментов, которыми она проникнута, восхвалений Гегеля в духе буржуазной печати. Остановимся на вопросе, который непосредственно нас интересует,—на понимании Гримме взаимоотношения между Марксом и Гегелем. Вот что он пишет по этому вопросу: «Всем этим мы отнюдь не хотим сказать, что между Марксом и Гегелем нельзя найти никакой разницы. Имеется нечто, существенно отличающее их друг от друга... Оно заключается не в том, будто гегелевская диалектика Марксом ошибочно применяется к действительности, ибо даже и Гегель понимает диалектику как закон реальных процессов (!!). Отличие не заключается и в том, что Гегель позволяет историческому развитию достигать своей вершины в «абсолютном духе»; слово Маркса и Энгельса о скачке из необходимости в свободу оказывается при ближайшем рассмотрении весьма близким, если не тождественным по смыслу (!!!). И точно так же не в том кроется отличие, что Гегель будто бы не познал еще противоречия между буржуазным и пролетарским классом. Гегель видел его со всей отчетливостью (!!), однако он думал, что имеется возможность устранения этой основной для современного общества противоположности между тезисом «буржуазия» и антитезисом «пролетариат» внутри самого данного общества... И вот в этом месте и начинается разобщение в оценке отношений между Гегелем и Марксом... Напротив, для Маркса и Энгельса преодоление противоречий совершается только тогда, когда трудящийся класс завоевывает себе единственно соответствующее обобществлению труда *планомерное потребительное хозяйство как основу нового общества*».

Читатель не посетует на нас за то, что мы привели такую длин-

ную выписку из статьи Гримме. Идеология фашизма, в частности вопрос об отношении между Марксом и Гегелем, в его трактовке получает здесь свое отчетливое выражение. Гримме совсем в «деборинском» стиле отождествляет диалектику Гегеля и Маркса. Идеализм сквозит в каждой путанной строке этого министра народного просвещения. Что еще чрезвычайно любопытно—это мелкобуржуазное представление об «основе нового общества» как о «планомерном потребительном хозяйстве».

В заключение мы приведем еще отзыв некоего Пауля Фельдкеллера об общем характере гегелевского конгресса. Вот что он пишет: «Результатом конгресса было не углубление гегелевской мысли, но ее распространение среди более широких кругов и продолжение работы над нею. Один только Николай Гартман коснулся познавательной ценности гегелевской диалектики и поставил вопросы, которые касались философии в самом тесном смысле этого слова. В остальных случаях мы слышали преимущественно признания, а не мотивировки, пересказы, а не разъяснения. В этой связи не надо забывать, что, невзирая на всю школьную работу, наше время неблагоприятно для философии в том смысле, как ее понимало эллинское сознание и новое время. Люди примирились с миром и берут его таким, каков он есть. Но время фаустовского настроения, время того философского пафоса, который когда-то воодушевлял немецкий идеализм и последующую философию вплоть до Ницше,—это время явным образом теперь прошло».

Пессимизм, «отсутствие пафоса современной буржуазии», ее старческую немощность в области науки и философии Пауль Фельдкеллер выразил в этих заключительных строках неплохо. Буржуазная философия современного периода находится в глубоком кризисе, полнейшем разброде. Современная буржуазная философия *не способна* к какому бы то ни было серьезному творческому развитию. Исключительно, на что она способна,—это на восстановление тех или иных прошлых философских направлений, которые пригодны для оправдания капиталистического рабства. Разного рода неотечения, неонаправления—вот чем она пробавляется. Однако современные идеологи буржуазии не способны понять даже, не способны подняться до уровня своих классиков, не способны уразуметь то действительно ценное и исторически жизненное, что есть в произведениях классиков буржуазной идеологии. Это и неудивительно, ибо современный исторический этап в развитии буржуазии коренным образом отличается от того времени, когда она была революционным, восходящим, исторически прогрессивным классом.

Современная буржуазная философия находится полностью во власти мистики, неприкрытой поповщины, в плену самых диких религиозных предрассудков. Современное неогегельянство находится

целиком и полностью на службе фашизма. Внешняя ученость, школьная мишура, университетская позолота прикрывают полную идейную дряблость и бессилие ее. Второй гегелевский конгресс с отчетливостью продемонстрировал все эти процессы.

Пролетариат является единственным наследником не только материальных производительных сил буржуазного общества и ценностей, которые он создал. Он также единственный законный наследник всего лучшего, созданного буржуазной культурой, наукой, философией. Однако пролетариат не просто усваивает это наследство, он его перерабатывает на базе единственно последовательного революционного мировоззрения—на базе диалектического материализма, беспощадно выметая весь буржуазный хлам, отметая все вредные и реакционные черты, стороны, моменты.

ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ И ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ СИСТЕМОЙ И МЕТОДОМ

Гегелевская философия, как и всякая другая философия, является продуктом своей эпохи. Она продукт эпохи буржуазных революций, величественное теоретическое построение. Она отражение в идеологической сфере классовых конфликтов конца XVIII и первой четверти XIX в. Гегелевская философия—продукт эпохи Французской буржуазной революции конца XVIII в.

Гегелевская диалектика—революционная сторона его учения, эта «алгебра революции»—представляет собой теоретическое обобщение в абстрактных категориях логики революционных процессов этого исторического периода. На гегелевском хотя и идеалистическом, но все же революционном учении о единстве противоположностей, как основе всякого развития, на гегелевском учении о скачке, на его революционном учении об отрицании отрицания лежит печать революционной эпохи, эпохи буржуазных революций.

Непосредственное влияние революционных битв этого исторического периода особенно чувствуется в гегелевской «Феноменологии духа», в этом наиболее революционном его произведении.

Гегель всегда с большим восторгом отзывался о французской революции. В своей «Философии истории» он писал о ней следующее: «С тех пор как солнце находится на небе и планеты обращаются вокруг него, не было видано, чтобы человек стал на голову, т. е. опирался на свои мысли и строил действительность соответственно им. Анаксагор впервые сказал, что ум управляет миром, но лишь теперь человек признал, что мысль должна управлять духовной деятельностью. Таким образом это был великолепный восход солнца. Все мыслящие существа праздновали эту эпоху. В то время господствовало возвышенное, трогательное

чувство, мир был охвачен энтузиазмом, как будто лишь теперь наступило действительное примирение божественного с миром»[1].

В этой характеристике Французской буржуазной революции однако весь Гегель: Гегель-идеалист и одновременно Гегель-диалектик; Гегель—буржуазный революционер мысли, в котором чувствуются «взрывы революционного гнева», и Гегель-реакционер, Гегель-идеалист, Гегель—создатель системы, стоившей ему, по его же признанию, «более тяжелой работы мысли, чем метод», и направленной в конце концов на оправдание прусской монархии.

Маркс, характеризуя философию Канта, писал, что это была «немецкая теория французской революции». Эта характеристика может быть также отнесена ко всей немецкой классической философии, в особенности к Гегелю. В чем существо этой специфической характеристики, в чем существо немецкой теории революции, хорошо выясняет Энгельс в «Людвиге Фейербахе». Он пишет: «Подобно тому, как во Франции XVIII века, в Германии XIX века философская революция служила введением к политическому краху. Но как не похожи одна на другую эти философские революции! Французы ведут открытую войну со всей официальной наукой, с церковью, часто также с государством; их сочинения печатаются по ту сторону границы, в Голландии или в Англии, а сами они нередко переселяются в Бастилию. Напротив, немцы—профессора, государством назначенные наставники юношества; их сочинения— одобренные начальством руководства, а система Гегеля,—венец всего философского развития,—до известной степени даже возводится в чин королевско-прусской государственной философии. И за этими профессорами, в их педантически-темных словах, в их неуклюжих, скучных периодах скрывалась революция?!»[2]

Французская буржуазия штурмует твердыни феодализма, устраивает революционный террор против дворянства, воюет с феодальной реакцией всего мира; немецкая же буржуазия—дряблая и бессильная в борьбе с феодализмом, с прусским юнкерством—создает в лице своих идеологов революцию в области духа, в области мышления, чтоб на практике примириться с прусской монархией и даже это примирение теоретически обосновать. «Философия права» Гегеля—произведение, освящающее монархию Фридриха-Вильгельма абсолютным духом его философской системы.

Крупнейшие философские системы, накладывающие отпечаток на развитие философии, являющиеся определенными историческими ступенями в этом развитии, вроде, например, гегелевской философии, являются продуктом, отображением и выражением в области идео-

[1] *Гегель*, Соч., т. VIII, стр. 413—414.
[2] *Энгельс*, Л. Фейербах, стр. 5—6, 1936 г.

логии классовых отношений своей эпохи в целом. В этом смысле мы говорим о гегелевской философии как об идеологии и продукте всей эпохи буржуазных революций. Однако тот или другой идеолог вырастает из соотношения классов, из состояния классовой борьбы своей родины. Будучи продуктом всей эпохи буржуазных революций конца XVIII и начала XIX в. в целом, гегелевская философия одновременно с этим является продуктом немецких условий, немецких классовых отношений. Гегель—идеолог немецкой буржуазии первой половины XIX столетия. Этим объясняются специфические реакционные выводы его системы. Энгельс в «Людвиге Фейербахе» писал: «Итак, уже одни внутренние нужды системы достаточно объясняют, почему в высшей степени революционный метод мышления привел к очень мирному политическому выводу. Впрочем, специфической формой этого вывода мы обязаны тому обстоятельству, что Гегель был немец и, подобно своему современнику Гёте, порядочный филистер. Гегель, как и Гёте, был в своей области настоящий Зевс-олимпиец, но ни тот, ни другой не могли вполне отделаться от духа немецкого филистерства»[1].

Такова в общих чертах социальная подоплека основного противоречия, проникающего от начала и до конца гегелевскую философию,—противоречия метода и системы его. «Но это значило провозгласить абсолютной истиной,—пишет Энгельс,—все догматическое содержание системы Гегеля и тем стать в противоречие с его диалектическим методом, разрушающим все догматическое»[2].

Гегелевская диалектика как самое всестороннее, как самое богатое содержанием, как самое глубокое учение о развитии,—считает Ленин,—является величайшим приобретением немецкой классической философии. Гегелевская диалектика была Марксом—Энгельсом перевернута с головы на ноги, была материалистически переработана. Материалистическая диалектика является «коренным теоретическим основанием марксизма». В мою задачу не входит сейчас давать подробную характеристику всей системы Гегеля; я остановлюсь только на некоторых основных моментах, характеризующих гегелевское учение как теорию идеалистической диалектики, с тем чтобы на анализе и раскрытии ограниченностей и внутренних противоречий этой теории показать, как Маркс и Энгельс преодолевают эти противоречия, как Маркс и Энгельс *создают теорию материалистической диалектики* и как Ленин ее дальше развивает.

Несомненно, гегелевская «Наука логики», которая есть развернутая идеалистическая теория диалектики, представляет собой крупнейшее произведение во всей мировой философской литературе после блестящей плеяды французских материалистов.

---

[1] *Энгельс*, Л. Фейербах, стр. 10—11, 1936 г.
[2] *Там же*, стр. 10.

В чем состоят основные характерные черты гегелевской идеалистической теории диалектики? Нам придется здесь из всей суммы этих проблем отметить только те, которые необходимы для того, чтобы понять существо этой теории, а также основные проблемы теории материалистической диалектики. Это следующие проблемы: 1) *абсолютный, объективный идеализм Гегеля,* 2) *единство, тожество логики и теории познания у Гегеля на идеалистической основе,* 3) всесторонняя картина диалектических законов на идеалистической основе, 4) основные, внутренние противоречия гегелевской системы в целом и гегелевской «Логики» в особенности.

Гегель—абсолютный идеалист. Абсолютность его идеализма заключается в том, что в центре всей его философской системы, в центре всей его логики в особенности, находится развитие абсолютной идеи. Можно сказать так: гегелевская философия, вся его система в целом имеют по существу *один-единственный предмет—это развитие абсолютной идеи в различных ее формах и видах проявления и осуществления.*

Гегель—объективный идеалист. Гегель понимает субъект совершенно иначе, чем понимается субъект в других философских системах, в частности у Канта и т. д. Гегелевский субъект—это не конкретный эмпирический человек, это не индивидуум с ограниченным и индивидуальным сознанием, это не конечный человеческий дух. Субъект его философии—это *объективированное сознание,* это бесконечный мыслящий дух, мысль в себе и для себя; гегелевский субъект—это абсолютная идея, проявляющаяся между прочим и в конечном человеческом духе. Вот что является основным предметом всей его «Логики». В этом смысле Гегель—абсолютный объективный идеалист.

Как он на основе своего тожества субъекта и объекта, на основе своего объективного и абсолютного идеализма рассматривает логику?

В «Науке логики» он следующим образом определяет, что является предметом логики и что она представляет собой:

«Тем самым чистая наука предполагает освобождение от противоположения сознания. Она содержит в себе *мысль, поскольку последняя есть также вещь в себе самой,* или вещь *в себе самой,* поскольку она есть *также чистая мысль.* Как *наука,* истина есть чистое саморазвивающееся самосознание и имеет образ самости, которая есть *в себе и для себя сущее познаваемое понятие, понятие же, как таковое, есть сущее в себе и для себя.* Это объективное мышление есть *содержание* чистой науки. Последняя поэтому в такой малой мере формальна, столь мало лишена материи для действительного и истинного познания, что ее содержание, напротив, есть единственно абсолютно-истинное, или, если тут еще можно употребить слово «материя», истин-

ная материя,—но такая материя, форма которой не есть нечто внешнее, так как эта материя есть собственно чистая мысль, стало быть, абсолютная форма. Логику следует поэтому понимать, как систему чистого разума, как царство чистой мысли. *Это царство есть истина, как она без покрова есть сама в себе и для себя.* Можно поэтому выразиться так, что это содержание и есть *изображение бога, каков он есть в своей вечной сущности до сотворения мира и конечного духа*»[1].

В этой довольно длинной выписке дана сущность гегелевской трактовки логики. Здесь очень ярко выражен абсолютный, объективный идеализм его философии, выражена также его диалектика и внутреннее органическое противоречие его системы. Из этой характеристики гегелевской логики можно сделать прежде всего следующий вывод: Гегель на идеалистической основе *пытается* разрешить проблему *содержания и формы в логике*, проблему *исторического и логического, абстрактного и конкретного и т. д.* Из этого определения логики получается, что логика сама по себе истина и является содержанием самого по себе и в самом себе развивающегося мышления. Окружающий внешний мир, по Гегелю, есть по существу только прикладная логика. История есть также прикладная логика. Природа и общество—то же самое. Везде и всюду он пытается находить определения логики, вместо того чтобы постигнуть «своеобразную логику своеобразного предмета», как говорил Маркс. Приведем некоторые характеристики Маркса из его «Критики философии права», в которых дана исключительная по глубине критика гегелевского идеализма. Характеризуя систему и метод Гегеля, Маркс пишет: «Интерес направлен только на то, чтобы в каждом элементе, будь то элемент государства, будь то элемент природы, снова найти «чистую идею», «логическую идею», действительные же субъекты, как, например, здесь «политическое устройство», становятся простыми *названиями идеи*, и мы в результате имеем только видимость действительного познания. Эти субъекты суть и остаются непонятными, не постигнутыми в их специфической особенности, определениями»[2].

Маркс обнаруживает пустоту построений Гегеля, которая получается в результате его идеализма, и *произвольность многих его построений*, проистекающих—вопреки его диалектическому методу—из его идеалистической системы, из его стремления к законченной, замкнутой системе.

Маркс и Энгельс были единственными мыслителями, которые дали наиболее глубокое истолкование «живого» в гегелевской философии, гениально раскрыв внутреннюю борьбу «живого»

---

[1] *Гегель*, Наука логики, стр. 6, 1929 г.
[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. III, стр. 149.

и «мертвого» в системе великого немецкого идеалиста-диалектика. Вот еще одно место из марксовой «Критики философии права», характеризующее слабости гегелевского идеализма, как и идеализма в целом. «Конкретное содержание,—пишет Маркс,—действительное определение, выступает как формальный момент; совершенно абстрактное же определение формы выступает как конкретное содержание. Сущность определений государства состоит не в том, что они являются определениями государства, а в том, что они в своей наиболее абстрактной форме могут быть рассматриваемы как логико-метафизические определения. Центр тяжести интереса лежит не в сфере философии права, а в сфере логики»[1].

Из вышеприведенного гегелевского определения логики мы видели, что Гегель на почве своего идеализма хотел разрешить проблему формы и содержания в «Логике». Этот момент Ленин неоднократно отмечает, характеризуя гегелевскую логику. Так, по поводу гегелевского положения, в котором он критикует Канта: «неверно... что они «внешние формы», «формы, кои суть лишь формы *на* содержании, а не само содержание», Ленин отмечает: «Гегель же требует логики, в коей формы были бы содержательными формами, формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием»[2]. Приводя далее гегелевскую мысль о том, что «к мысленному рассмотрению» должны быть привлечены не только «внешняя форма», но и «содержание», что «с этим введением содержания в соображения логики» предметом становятся не вещи, а суть, понятие вещей», Ленин, отмечая важность этих моментов, дает одновременно чрезвычайно глубокую материалистическую трактовку этой проблемы: «не вещи, а законы их движения, материалистически»[3].

Ставя так вопрос о форме и содержании, Гегель дает чрезвычайно интересную и глубокую критику формальной логики. Страницы Гегеля, посвященные критике формальной логики, особенно в 3-й части, где он разбирает формальное суждение, умозаключение и формальное понятие, и во 2-й части, в главе о единстве противоположностей,—это замечательные страницы.

По какой линии идет у него эта критика формальной логики? Он критикует *пустоту* формальной логики, *отрыв формы от содержания*, он говорит, что формальная логика есть *только пустое перечисление форм мышления, что формальная* логика *не* знает *перехода* одной формы в другую, не знает движения этих форм. Он показывает безжизненность и застывшую мертвенность формальной логики и выдвигает в противовес этому свое понимание понятия, связанное со всей его системой в целом.

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. III, стр. 153.
[2] «Ленинский сборник» IX, стр. 39, изд. 1-е.
[3] *Там же*, стр. 43.

Гегелевское понятие—антипод формально-логическому понятию. Однако это антипод идеалистический. Понятие у Гегеля—это тождество формы и содержания, субъекта и объекта, полное сведение бытия к мышлению. Гегелевское понятие—демиург действительности. Его понятие—идеалистическое единство противоположностей.

Чтобы преодолеть безжизненность, мертвую пустоту формальной логики, «достойную презрения и насмешки», как он выражается, Гегель придал понятию жизненность, внутреннюю борьбу противоречий, самодвижение. Чтобы преодолеть формализм, Гегель в своей философии, в своем учении о понятии срастил мыслительную форму с содержанием. *Однако это сращение, отождествление оказалось таким, что понятие преодолевало, пожирало предметный, объективный мир.*

Чтобы нанести удар по статическим, пустым, мертвым формам формальной логики, Гегель придал им самодвижение. Однако это есть самодвижение понятия как демиурга действительности. Чтобы раскритиковать и преодолеть дуализм формы и содержания, характерный для Канта, чтобы отказаться от «внешности» форм, Гегель вводит содержание в рассмотрение логики; однако это содержание не есть содержание объективного материального процесса,—это мыслительное содержание, это духовное содержание.

Таким образом, единство формы и содержания, которое дает в своей «Науке логики» Гегель, есть единство на почве идеализма. Являясь шагом вперед по сравнению с пустой формалистикой формальной логики, по сравнению с априорными формами Канта, Гегель все же дает только видимость разрешения проблемы. Только диалектико-материалистическая точка зрения, только логика в марксистском ее понимании, последовательно и до конца проведенная, только такая точка зрения единства противоположностей действительно разрешает проблему формы и содержания. В этой связи становится понятным глубокое содержание ленинского определения логики. «Логика,—пишет он,—есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира»[1].

В своей статье «К вопросу о диалектике» Ленин указывает: «Диалектика *и е с т ь* теория познания (Гегеля и) марксизма»[2]. На основании этого указания меньшевиствующие идеалисты *отождествляли* разрешение этого вопроса у Гегеля и в марксизме. Между тем такое отождествление сугубо неправильно, оно представляет собой идеалистическую ревизию марксизма. Диалектика как теория познания у Гегеля дана на почве идеализма. У Ге-

---

[1] «Ленинский сборник» IX, стр. 41, изд. 1-е.
[2] *Ленин*, К вопросу о диалектике, Соч., т. XIII, стр. 303.

геля—идеалистическое разрешение этого важнейшего вопроса, в марксизме—материалистическое разрешение его. Дело в том, что для Гегеля диалектика и есть теория познания идеализма, а для марксизма диалектика есть теория познания материализма. При этой коренной противоположности общность заключается в том, что и Гегель и марксизм не разрывают и не противопоставляют диалектику и теорию познания,—и Гегель и марксизм дают образец историчности при подходе к этой проблеме. Однако у Гегеля историчность идеалистическая, в марксизме же подлинная историчность—историчность на базе материализма.

В чем смысл разрешения этого вопроса у Гегеля? Гегель первый в истории новой философии нанес жесточайший удар *по антиисторической, метафизической*, так сказать, *критической* теории познания Канта. Поскольку вся плеяда неокантианцев вплоть до Макса Адлера целиком стоит на кантовских позициях в этом вопросе, постольку гегелевская критика направляется также и против них.

Кант предполагал, что в трактовке основных проблем философии, в трактовке вопросов познания он сделал такое историческое дело, такой переворот, который может быть сравним с переворотом, совершенным Коперником в области астрономии. Суть этого переворота, по мнению самого Канта, состоит в том, что он создал *априорную*, заранее данную до всякого процесса познания теорию познания; что он создал сверх- и надисторическую, обоснованную *вне* процесса познания теорию познания. Кант исходил при этом из совершенно ложной предпосылки, что для того, чтоб обосновать знание, познание, надо выйти за пределы его, надо отвлечься от процесса познания, надо заранее указать его границы. Одним словом, по меткому выражению Гегеля, он хотел научиться плавать, не входя в воду.

Гегель в этом отношении делает по сравнению с Кантом гигантский шаг вперед. На базе своего абсолютного, объективного идеализма он хочет дать *теорию* познания, которая учитывает исторический процесс, исторический путь познания. На базе своего идеализма он пытается дать логическую картину всемирно-исторического опыта и исторического познания человечества. Эту сторону гегелевской «Науки логики» Ленин отмечает многократно в своих конспектах: «Видимо, Гегель берет свое саморазвитие понятий, категорий в связи со всей историей философии. Это дает еще *новую* сторону всей Логики»[1]. Особенно надо обратить внимание на следующее место у Ленина: «понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождество, различие etc.)—таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще.

[1] «Ленинский сборник» IX, стр. 79, изд. 1-е.

Таков ход и *естествознания и политической экономии* (и истории). Диалектика Гегеля есть, постольку, обобщение истории мысли»[1].

Отмечая эту важнейшую сторону гегелевского понимания логики, диалектики и теории познания, мы не должны обходить ограниченности Гегеля в этом вопросе, поскольку решение этого вопроса у него идеалистическое. Действительная история действительного процесса познания на основе практики не является, по его мнению, базой для логических законов и категорий, которые и представляют собой мыслительные формы, отражающие этот процесс, а, наоборот: базой, основой исторического является у него логическое.

Гегелевская «Феноменология духа» и «Наука логики»—это два произведения, которые дополняют друг друга, находясь между собой в органической связи. Трудно понять одно из этих произведений без другого.

Для интересующего нас вопроса «Феноменология духа» имеет исключительно большое значение. Энгельс в «Людвиге Фейербахе» следующим образом охарактеризовал это произведение Гегеля: ее «можно было бы назвать параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, развитием индивидуального сознания на различных его ступенях, рассматриваемых как сокращенное воспроизведение ступеней, исторически пройденных человеческим сознанием»[2]. «Феноменология духа» благодаря своему *историзму*, благодаря огромному историческому чутью и материалу, который проработан у автора, благодаря глубокой революционной насыщенности, которая содержится в этой книге, стоит значительно выше так называемых «критических» кантовских работ, посвященных вопросам теории познания. Однако и здесь идеализм Гегеля, которым от начала и до конца проникнута эта книга, не дает Гегелю возможности полностью разрешить поставленные вопросы. Результат всей его «Феноменологии духа»—это тождество субъекта и объекта, сознания и предмета, чистая мысль, чистое самосознание, абсолютная идея.

Историзм—величайшая идея теории познания, проводимая Гегелем в трактовке логики. Однако действительная история подчинена у Гегеля логике: действительная история, по Гегелю, есть история саморазвития духа, вернее, действительная история есть осуществление развития абсолютного духа. Практика вводится Гегелем в теорию познания, в логику. Об этом мы также находим целый ряд указаний у Ленина. Однако и здесь практика Гегелем понимается в идеалистическом духе, практика суть только практика духовная, мыслительная.

---

[1] «Ленинский сборник» XII, стр. 290—291.
[2] *Энгельс*, Л. Фейербах, стр. 11, 1936 г.

Итак, Гегель дает постановку важнейших вопросов, высоко подымающих его над Кантом. Он дает нам тождество диалектики, логики, теории познания, однако, тождество на идеалистической основе. Именно идеализм Гегеля обусловливает всю ограниченность его и те противоречия, которые характерны для его философии.

Основное внутреннее противоречие гегелевской философии—это, как мы уже видели, противоречие между методом и системой, противоречие между абсолютным идеализмом и диалектическим методом. Для диалектического метода нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, абсолютного. Диалектика видит на всем печать неизбежного падения, и «ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса становления и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему»[1]. Между тем, сам Гегель строил всеохватывающую, абсолютную, законченную и замкнутую в себе самой систему: «И тот же Гегель, который в своей «Логике» указывал, что вечная истина на деле есть не что иное, как сам логический, т. е., значит, и исторический процесс,—тот же самый Гегель видит себя вынужденным положить конец этому процессу, так как надо же было ему на чем-то закончить свою систему... Но это значило провозгласить абсолютной истиной все догматическое содержание системы Гегеля и тем стать в противоречие с его диалектическим методом, разрушающим все догматическое»[2].

Это противоречие проходит красной нитью по всем философским произведениям Гегеля. Метод требует конкретного анализа конкретного материала, действительного исторического пути развития—идет ли речь о природе, об обществе, о различных формах общественного сознания, о праве и государстве и т. д., между тем система требует уложить все в прокрустово ложе категорий, абсолютной идеи, чистой мысли и т. д. и т. п. Отсюда удивительные иногда по своей наивности выкрутасы, произвольность в построении и конструкции системы, мистика в понимании переходов и т. д., насилование действительности, лишь бы не пострадала честь системы.

Однако не надо понимать *вульгарно* противоречие между методом и системой у Гегеля. Иногда представляют себе дело таким образом, что диалектика и идеализм Гегеля расположены на разных полках, что они исключительно внешне друг с другом связаны, что очень просто взять диалектику и отбросить систему.

Между диалектическим методом Гегеля и его идеалистической системой существует не только противоречие, но также и внутреннее единство. У Гегеля—диалектический идеализм или идеалисти-

---

[1] *Энгельс,* Л. Фейербах, стр. 9, 1936 г.
[2] *Там же,* стр. 9—10.

ческая диалектика. Диалектика и идеализм, метод и система у него не только противоречат друг другу, но также внутренне друг с другом согласованы. Это исторический факт, вызванный определенными историческими условиями, обусловленный определенной исторической обстановкой. В условиях Германии конца XVIII и первой половины XIX в. *диалектический метод мог развиваться только в идеалистической форме.* Однако эта же историческая обстановка с внутренним противоречием, с определенным соотношением классов *обусловливала* также и в идеологических отражениях (одним из таких наиболее мощных и является гегелевская философия) глубокие внутренние противоречия.

Сама философская система Гегеля—лучший пример диалектического единства и борьбы противоположностей, лучший пример правоты метода его перед системой.

Великолепную материалистическую критику идеалистической системы Гегеля, ее исходного идеалистического пункта давал уже Фейербах. Он писал: «Учение Гегеля о том, что *идея* полагается перед реальностью и природой, является лишь рациональным выражением теологического учения о том, что природа—материальная сущность,—сотворена богом, нематериальным, т. е. абстрактным существом. В конце Логики это даже приводит абсолютную идею к «фантастическому *решению*» собственноручно и документально подтвердить ее происхождение из теологического неба»[1]. Правильно отмечает Фейербах, что благодаря идеализму «сущность гегелевской логики есть сущность природы и человека, однако, *без сущности, без природы, без человека*»[2].

Надо сказать, что даже идеалисты-философы правильно нащупывают внутреннее противоречие системы Гегеля. Особенно интересен в этом отношении Тренделенбург. В своей критике Гегеля он обрушивается на предметный, содержательный характер его логики с точки зрения чистого формалиста.

Критика Тренделенбурга, которая кажется ему самому сокрушительной критикой диалектики, для нас интересна как раз в том отношении, что она бьет по исходному идеалистическому пункту Гегеля и показывает только правоту материалистической диалектики. «Когда *один* идеалист критикует основы идеализма *другого* идеалиста, от этого всегда выигрывает материализм»[3].

Тренделенбург не согласен с революционной *диалектикой* Гегеля, он хочет бить именно ее, а попадает (не в бровь, а в глаз) в идеалистический исходный пункт Гегеля, в *идеалистический* характер диалектики.

---

[1] *Фейербах*, Соч., т. I. стр. 71.
[2] *Там же*, стр. 68.
[3] «Ленинский сборник» XII, стр. 235.

Исключительно большое значение для критики идеализма Гегеля, для раскрытия внутренних противоречий его философского учения имеет работа Маркса «Критика гегелевской философии права». Эта работа в недостаточной степени изучена и использована. Это и неудивительно, ибо меньшевиствующий идеализм в своей прежней работе даже и не видел задачи критики идеализма Гегеля. Маркс в упомянутой работе показывает, как в силу своего абсолютного идеализма Гегель впадает в дуализм в своем учении. Это дуализм, конечно, совсем иного типа, чем у Канта. Гегелевский дуализм есть результат, следствие всей его идеалистической концепции, есть выражение ограниченности его идеализма, как и идеализма вообще. Маркс следующим образом характеризует эти противоречия у Гегеля: «Действительным субъектом у Гегеля становится мистическая субстанция, а реальный субъект представляется как нечто другое, как момент мистической субстанции. Именно потому, что Гегель, вместо того, чтобы исходить из реального существа... исходит из предикатов, из всеобщих определений, а между тем все же должен быть какой-нибудь носитель этих определений,—этим носителем становится мистическая идея. Тут-то и сказывается гегелевский дуализм, в силу которого Гегель всеобщее не рассматривает как действительную сущность действительно конечного, т. е. существующего, определенного, или действительное существо не считает *подлинным субъектом* бесконечного»[1].

Маркс указывает, что это есть один из основных недостатков гегелевской концепции. Он показывает, как проявляется этот дуализм у Гегеля в разных формах, как пренебрежение у Гегеля к эмпирической реальности вообще, вытекающей из его оценки сферы развития абсолютного духа, вызывает обращение к первой попавшейся эмпирической реальности вследствие неизбежной «тоски по содержанию». Маркс пишет: «Это превращение субъективного в объективное и объективного в субъективное (которое является следствием того, что Гегель хочет писать историю жизни абстрактной субстанции, идеи, следствием того, что, согласно его концепции, таким образом, человеческая деятельность должна выступать как деятельность и результат чего-то другого, следствием того, что Гегель хочет заставить действовать, как некую воображаемую *единичность*, существо человека, взятое само по себе, вместо того, чтобы заставить его действовать в его *действительном человеческом* существовании) имеет своим необходимым результатом, что *эмпирическая реальность* некритически принимается за действительную истину идеи, ибо речь идет не о том, чтобы эмпирическую реальность свести к ее истине, а о том, чтобы истину свести к какой-нибудь эмпирической реальности, и в таком случае

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. III, стр. 159.

первая попавшаяся эмпирическая реальность развивается как реальный момент идеи»[1].

Марксова критика гегелевской философии права требует специального разбора. Мы не можем здесь на этом вопросе более подробно останавливаться, нам хотелось на двух примерах показать, как велики внутренние противоречия гегелевской философской системы, его идеалистической теории диалектики. Ленин, говоря о противоречиях гегелевского идеализма, дает очень глубокую их характеристику. Он писал: «Абсолютная идея» Гегеля собрала вместе все противоречия кантовского идеализма, все слабости фихтеанства»[2]. Идеализм Гегеля, являясь высшим видом идеализма, обнаруживает в «снятом» виде все противоречия всякого типа идеализма, предшествовавшего ему, все нелепости идеализма. Идеализм Гегеля, «подошел *вплотную* к материализму, частью даже *превратился в него*»[3], вместе с тем он дает картину наиболее глубоких противоречий, в которые впадает идеализм вообще. Умея критиковать и разоблачать гегелевский идеализм, мы должны по указаниям и примерам Ленина уметь обнаруживать рациональные зерна в гегелевской философии, материалистически их перерабатывая. Никоим образом нельзя забывать высоких оценок гегелевской диалектики, имеющихся в работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, которые показали, что подлинная диалектика может быть только материалистической диалектикой, что действительная диалектика совместима только с материализмом, что действительное преодоление противоречий, указанных выше, происходит только на почве диалектического материализма.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, ЛЕНИНА, СТАЛИНА

Диалектический материализм Маркса и Энгельса—гениальный продукт новой исторической эпохи, когда на историческую сцену вышел рабочий класс, когда со всей явственностью раскрылось противоречие, антагонизм наемного труда и капитала, антагонизм между пролетариатом и буржуазией, когда четко определилась историческая миссия пролетариата в современном обществе. В своей ранней работе «Святое семейство» Маркс и Энгельс следующим образом характеризуют эту историческую роль пролетариата:

«Но он не может освободить себя, не упразднив своих собственных жизненных условий. Он не может упразднить своих собственных жизненных условий, не упразднив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сосредоточившихся

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. III, стр. 172.
[2] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 190.
[3] *Ленин*, Философские тетради, стр. 284.

в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, закаляющую школу *труда*. Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель отдельный пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое* пролетариат и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать»[1].

Диалектический материализм Маркса и Энгельса—продукт эпохи, когда анархия и кризисы капиталистического общества обнаружились уже в высокой степени, когда они поставили пролетариат перед необходимостью бороться не только за *частичные* улучшения, но против самого капиталистического общества в целом; продукт той эпохи, когда начинаются первые рабочие восстания, например июньское восстание 1848 г. в Париже, когда рабочее движение начинает делать первые успехи, прорывать свои локальные национальные рамки, приобретать мировой характер; продукт той исторической эпохи, когда на горизонте появляются грозные признаки пролетарской революции, когда «призрак коммунизма» уже «бродит по Европе».

Являясь гениальным детищем этой революционной эпохи, научным революционным методом и мировоззрением пролетариата, материалистическая диалектика Маркса и Энгельса внушает злобу и ужас теоретикам и идеологам буржуазии. Диалектический материализм Маркса и Энгельса, являясь идеологией и мировоззрением пролетариата, вырастает из предшествующего развития немецкой классической философии, в особенности из гегелевской диалектики. Однако он не есть *прямое* и непосредственное продолжение диалектики Гегеля, как это думают меньшевиствующие идеалисты; он не есть также простое заимствование диалектики Гегеля; он не есть также механический «синтез» диалектики Гегеля и материализма Фейербаха, как это представляют себе и Аксельрод, и Деборин, и механисты, и меньшевиствующие идеалисты.

Диалектический материализм Маркса и Энгельса представляет собой результат преодоления идеалистической диалектики Гегеля и одновременно ограниченного характера материализма Фейербаха; он есть результат материалистической переработки диалектики Гегеля, основанный на богатейшем материале классовой борьбы и изучении исторических задач пролетариата со стороны Маркса и Энгельса; он одновременно есть преодоление созерцательного характера материализма Фейербаха, не понимавшего исторического пути развития человечества и «практически критической революционной деятельности».

Материалистическая диалектика Маркса—Энгельса явилась «революционной душой» марксизма в целом, его «коренным теоретическим основанием». При помощи метода материалистической диалек-

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. III, стр. 56.

тики Маркс создает свой «Капитал». При помощи этого метода Маркс и Энгельс создают свои гениальные исторические, свои стратегические и тактические работы и т. д. «Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее,—к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,—вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли»[1]—писал Ленин, характеризуя переписку Маркса и Энгельса.

Ленин развивает марксизм в новую историческую эпоху, в эпоху империализма и пролетарских революций. Он вносит новое и конкретизирует марксистское учение во всех его составных частях применительно к условиям новой эпохи. «Ленин был и остается самым верным и последовательным учеником Маркса и Энгельса,—говорил товарищ Сталин,—целиком и полностью опирающимся на принципы марксизма. Но Ленин не был только лишь исполнителем учения Маркса—Энгельса. Он был вместе с тем продолжателем учения Маркса и Энгельса. Что это значит? Это значит, что он развил дальше учение Маркса—Энгельса применительно к новым условиям развития, применительно к новой фазе капитализма, применительно к империализму. Это значит, что, развивая дальше учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, Ленин внес в общую сокровищницу марксизма нечто новое в сравнении с тем, что дано Марксом и Энгельсом, в сравнении с тем, что могло быть дано в период доимпериалистического капитализма, причем это новое, внесенное Лениным в сокровищницу марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом. В этом смысле и говорится у нас о ленинизме, как марксизме эпохи империализма и пролетарских революций»[2].

Ленинский этап в развитии диалектического материализма, представляя собой органическую составную часть ленинизма в целом, есть продукт развития материалистической диалектики применительно к той эпохе, «когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма»[3].

Ленинский этап в развитии материалистической диалектики, являясь продуктом новой, в высшей степени революционной эпохи, представляет собой конкретизацию и дальнейшее развитие метода Маркса и Энгельса, его материалистической диалектики.

---

[1] *Ленин,* Переписка Маркса с Энгельсом, Соч., т. XVII, стр. 30.
[2] *Сталин,* Вопросы ленинизма, стр. 169, изд. 10-е.
[3] *Там же,* стр. 3.

Товарищ Сталин писал: «В самом деле, если ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции, а основным содержанием пролетарской революции является диктатура пролетариата,— то ясно, что главное в ленинизме состоит в вопросе о диктатуре пролетариата, в разработке этого вопроса, в обосновании и конкретизации этого вопроса»[1]. Это положение должно быть отправным пунктом для понимания того обстоятельства, что было определяющим моментом для развития всех составных частей марксизма, данных Лениным применительно к новой эпохе, в том числе к философской основе марксизма. Однако отсюда вовсе не вытекает прямое отождествление философской основы марксизма-ленинизма с теорией диктатуры пролетариата, с теорией пролетарской революции.

Лениным дано дальнейшее развитие материалистической диалектики как «философской науки». В основном то новое, что внесено Лениным в понимание материалистической диалектики как «философской науки», состоит в дальнейшем развитии теории материалистической диалектики как логики, как теории познания. Тождество диалектики, логики, теории познания—вот то важнейшее звено в понимании диалектического материализма, что дальше развито, конкретизировано Лениным по сравнению с Марксом и Энгельсом.

В своем отрывке «К вопросу о диалектике» Ленин пишет: «Диалектика *и е с т ь* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»[2]. Придавая этому вопросу исключительно большое значение, Ленин возвращается к нему много раз в своих «Философских тетрадях». Так, например, в «Сборнике» IX он пишет: «Итак, не только описание *форм* мышления и не только *е с т е с т в е н н о - и с т о р и ч е с к о е о п и с а н и е я в л е н и й* мышления (чем это отличается от описания *форм??*), но и *соответствие* с истиной, т. е.?? квинт-эссенция или, проще, результаты и итоги истории мысли??» На полях по поводу этой фразы Ленин делает следующую приписку: «В таком понимании логика совпадает *с т е о р и е й п о з н а н и я*. Это вообще очень важный вопрос»[3].

Дальше Ленин пишет: «Логика есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования понятий, законов и т. д., каковые понятия, законы и т. д. (мышление, наука=«логическая идея») и *охватывают* условно, приблизи-

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 104, изд. 10-е.
[2] *Ленин*, К вопросу о диалектике, Соч., т. XIII, стр. 303.
[3] «Ленинский сборник» IX, стр. 191, изд. 1-е.

тельно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы»[1].

К этому же вопросу Ленин возвращался снова в «Сборнике» XII, когда он писал: «Логика, диалектика и теория познания материализма (не надо 3-х слов: это одно и то же)»[2].

Итак, как же понимать эту ленинскую трактовку *сути* марксистской философии, т. е. единство, тождество диалектики и теории познания? Для того чтобы разобраться в этом вопросе, надо прежде всего посмотреть, как разрешается в материалистической диалектике вопрос о соотношении и единстве логического и исторического. Обратимся к Энгельсу, который дает классическую формулировку этого вопроса. В рецензии на «Критику политической экономии» Маркса он писал: «Превосходство способа мышления Гегеля над способом мышления всех других философов было в том огромном историческом чутье, которое лежало в его основе. Хотя форма была крайне абстрактна и идеалистична, все же развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию мировой истории, а последняя, собственно, должна была служить только проверкой для первого»[3].

В этой же статье Энгельс развивает ряд мыслей о соотношении исторического и логического, которые крайне важны в связи с рассмотрением ленинских заметок. Он указывает, что всякое историческое развитие идет скачками, зигзагообразно, с большими уклонениями в стороны, с возвращением назад. Если теоретику какой-либо науки пришлось бы использовать *весь* этот материал, то ему часто приходилось бы уделять весьма значительное внимание малоценному материалу, прерывать ход мыслей и т. д. «Таким образом, единственно уместным был логический метод. Но в сущности это тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих случайностей»[4].

Энгельс развивает вопрос о единстве логического и исторического метода исследования, который положен Марксом в основу его «Критики политической экономии». Ленин в своих «Философских тетрадях», особенно при рассмотрении вопроса о диалектике и теории познания, исходит из этих положений.

Как мы видели выше, Гегель сделал шаг вперед по сравнению с Кантом при подходе к этим вопросам. Гегель в своей системе категорий хотел на идеалистической основе дать теорию познания, разрешающую проблему логического и исторического, дать теоретическую картину всемирно-исторического опыта и позна-

---

[1] «Ленинский сборник» IX, стр. 203, изд. 1-е.
[2] «Ленинский сборник» XII, стр. 292.
[3] *Маркс*, К критике политической экономии. Рецензия Энгельса, стр. 207, 1933 г.
[4] *Там же*, стр. 208.

ния человечества, понимая этот опыт и познание и само историческое развитие человечества идеалистически. История, однако, оказалась подчиненной логическому развитию абсолютного духа. Историческое, действительное движение оказалось производным следствием логического движения. Ленин за схоластической, темной «гегельянщиной» раскрывает то содержание, которое имеется по этим вопросам у Гегеля, и вместе с тем дает замечательное материалистическое истолкование этих проблем, развивая тем самым важнейшие проблемы теории материалистической диалектики.

Гегель в одном из своих определений логики в первой строке пишет: «Логика есть чистая наука, т. е. чистое», а в другой строке: «знание в ***полном*** объеме своего ***развития***». Замечания Ленина по этому поводу следующие: «1-я строка ахинея, 2-я гениальна»[1]. Знание в полном объеме своего *развития*— вот суть нашей диалектики как теории познания. На этот вопрос Ленин обращает главное внимание в своих «Философских тетрадях». Он дает следующие определения: «*движение* научного познания—вот суть»[2], «сам себя конструирующий путь»=***путь*** (тут гвоздь, по-моему) действительного познания, познавания, движения»[3]. Ленин неустанно подчеркивает в разных вариациях эту мысль: «*новое шествие* движения нашего знания о вещах *все глубже и глубже*», «категории суть ступеньки выделения, т. е. познания, мира», «итог опыта наук» и т. д. и т. п.

Однако материалистическая логика, диалектика—не есть просто эмпирическая история познания, описательная история наук, идеологий, истории философии и т. д. Тут мы имеем единство логического и исторического в том смысле, как об этом писал Энгельс. В нашей теории материалистической диалектики мы имеем такую *историю познания*, которая изложена в отвлечении от исторических случайностей, которая дана в обобщающих эту историю познания законах, в категориях.

«История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий Логики—вот что нужно!»[4].

Весь практический, теоретический, научный опыт человечества, изученный в процессе исторического развития,—вот основа материалистической диалектики, логики, материалистической теории познания. Ленин вскрыл это содержание, выяснив, что история, путь познания всемирно-исторического опыта человечества, данный в обобщающих этот путь развития категориях, в их взаимной переплетенности, связи, в их необходимых переходах,—что это и есть наша логика, диалектика, теория познания.

---

[1] «Ленинский сборник» IX, стр. 57, изд. 1-е.
[2] *Там же*, стр. 29.
[3] *Там же*, стр. 31.
[4] *Там же*, стр. 195.

В самом деле, может ли быть теория познания, претендующая на научное значение, не базирующаяся на процессе человеческого познания в полном объеме его развития? Может ли быть какая-нибудь теория познания, стоящая вне исторического процесса познания?

В соответствии с таким пониманием диалектики и теории познания можно перейти к выяснению того, что собой представляют категории диалектики, как они развиваются Лениным в его «Философских тетрадях». Категории и понятия суть «моменты познания (=«идеи») человеком природы»[1]. «*Практикой* своей доказывает человек объективную правильность своих идей, понятий, знаний, науки»[2]. Повторяясь и подтверждаясь в практической деятельности людей, миллиарды раз определенные связи между этими понятиями приобретают характер логических законов, признаются нами отражением общих форм движения материальных явлений.

И для пояснения этого Ленин рисует следующую картину: «Река и *капли* в этой реке. Положение *каждой* капли, ее отношение к другим; ее связь с другими; направление ее движения; скорость; линия движения—прямая, кривая, круглая и т. д.—вверх, вниз. Сумма движения. Понятия, как *учеты* отдельных сторон движения, отдельных капель (=«вещей»), отдельных «струй» и т. д. Вот приблизительно картина мира по Логике Гегеля,—конечно минус боженька и абсолют»[3]. Логика, теория материалистической диалектики изучает наиболее общие формы связи, переходов, взаимозависимости природы, общества и мышления. В соответствии с этим Ленин дает следующее определение логики:

«Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира»[4].

Таким образом, отличие диалектико-материалистической логики как теории познания заключается в том, что она рассматривает свои законы и категории не как пустые, независимые от содержания, равнодушные к нему формы, как это имеет место в формальной логике, и не как моменты саморазвивающейся независимо от материального мира идеи, как это имеет место у Гегеля, а как выражение отраженного в нашем мозгу, переведенного и переработанного в человеческой голове материального движения.

Чем же отличается по своему существу диалектическая логика от формальной, метафизической? Энгельс указывал, что метафизика рассматривает мир как совокупность *готовых вещей*, в то

---

[1] «Ленинский сборник» IX, стр. 231, изд. 1-е.
[2] *Там же*, стр. 219.
[3] *Там же*, стр. 139.
[4] *Там же*, стр. 41.

время как диалектика рассматривает его как совокупность *процессов*. А для того чтобы правильно выразить движение, наши понятия тоже должны быть подвижны, должны быть связаны друг с другом и переходить друг в друга. «Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов»[1].

Таковы некоторые важнейшие положения, которые необходимы для понимания теории материалистической диалектики и всего ее отличия от теории идеалистической диалектики, развернутой и созданной Гегелем. В показанной нами здесь разработке вопросов теории материалистической диалектики, которую дает Ленин, мы имеем последовательный ответ на важнейшие вопросы философии. Материалистическая диалектика дает единственно последовательное до конца материалистическое разрешение проблемы единства—формы и содержания, абстрактного и конкретного, логического и исторического, чувствования и мышления, вопросов о характере, систематической связи категорий и их переходов. Перед нами стоит серьезная задача широко развернуть и показать теоретическое богатство марксизма по всем этим проблемам.

Особое внимание надо обратить на «ядро диалектики», на закон единства противоположностей. Этот основной и важнейший закон диалектики получает особое развитие в работах Ленина. В «Сборнике IX» Ленин, говоря об этом законе, пишет: «*Диалектика* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположности*,—при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга,—почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»[2].

Ленин, применяя этот закон диалектики к анализу сложных процессов действительности эпохи империализма и пролетарских революций, одновременно с этим теоретически его развивает и уточняет. Возьмем, например, важнейшие лозунги и трактовки коренных политических проблем большевизмом: *перерастание* буржуазно-демократической революции в социалистическую, *превращение* империалистической войны в гражданскую, *диктатура* пролетариата как пролетарская *демократия*, уничтожение классов в процессе ожесточенной классовой борьбы,—мы увидим, что они представляют собой «сгустки диалектики», применение и дальнейшее теоретическое развитие закона единства противоположностей.

---

[1] «Ленинский сборник» XII, стр. 181—183.
[2] «Ленинский сборник» IX, стр. 69, изд. 1-е.

ИЗУЧАТЬ ГЕГЕЛЯ, СЛЕДУЯ УКАЗАНИЯМ МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, ЛЕНИНА И СТАЛИНА

В своем выступлении на собрании, посвященном X годовщине Института красной профессуры, т. Каганович говорил: «Нужно по-большевистски подходить к учебе и суметь взять от Гегеля например то, что нужно для нас, для нашей борьбы. В особенности нужно по-большевистски, по-ленински подойти к истории прошлого, к истории вчерашнего дня и подойти так, чтобы историю этого вчерашнего дня увязать с генеральной линией партии, с теми грандиозными новыми задачами, которые стоят перед нами сегодня и которые будут еще стоять завтра»[1].

Здесь с большой четкостью выражен тезис о партийности науки, о партийности нашего подхода к учебе, к марксистско-ленинскому воспитанию кадров. Наш интерес к Гегелю заключается в том, чтобы взять от него то, что нужно для нас, для большевиков. Наш интерес к Гегелю—это интерес к его диалектическому методу, который был материалистически переработан Марксом и Энгельсом и дальше развит Лениным. Наш интерес к Гегелю—это интерес к революционной диалектике, хоть и развитой им, исходя из ложного идеалистического пункта, но дававшей вместе с тем полную, наиболее всестороннюю картину диалектического развития. Наш интерес к Гегелю—это интерес к диалектическому методу, который, будучи материалистически переработан, представляет собой оружие для познания объективных закономерностей и революционного изменения окружающей действительности.

Материалистическая диалектика—теоретическая основа всей практики борьбы рабочего класса; материалистическая диалектика Маркса, Энгельса, Ленина является теоретической основой генеральной линии нашей партии. Вождь мирового коммунизма товарищ *Сталин*, лучший ученик Ленина, является величайшим материалистом-диалектиком нашей эпохи, разрабатывающим и применяющим к сложной обстановке развернутого наступления социализма по всему фронту ленинскую диалектику.

Особое место получает в работах товарища Сталина разработка вопроса о единстве теории и практики, о действенном, творческом характере нашего мировоззрения и метода в противоположность догматическому характеру «марксизма» у представителей II Интернационала и у всякого рода оппортунистов и уклонистов. Красной нитью по всем его работам проходит это противопоставление действенности марксистского метода метафизике, софистике, «цитатному марксизму»—оппортунизму. И именно по-

[1] *Каганович*, За большевистское изучение истории партии, стр. 12, 1932 г.

тому, что товарищ Сталин дает нам образец такого действенного понимания и применения марксизма, именно поэтому он дает нам и образцы дальнейшей теоретической разработки вопросов материалистической диалектики. В самом деле, стоит только напомнить работы товарища Сталина по вопросу о звене, о субъективном и объективном факторах исторического развития, о категориях возможности и действительности, его критику теории равновесия и теории самотека, для того чтобы стало ясно, какое теоретическое развитие вопросов материалистической диалектики он нам дает. Именно товарищ Сталин подлинно в духе ленинского завещания, данного в статье «О значении воинствующего материализма», «разрабатывает эту диалектику со всех сторон», пользуясь «теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много»[1].

Диалектика есть душа марксизма, говорит вслед за Лениным товарищ Сталин. На XVI съезде партии товарищ Сталин следующим образом характеризовал диалектику марксизма: «Эта «противоречивая» формула отражает ту жизненную правду марксовой диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости»[2]. «Кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма. Беда наших уклонистов состоит в том, что они не понимают и не хотят понять марксовой диалектики»[3].

Мы хотим здесь привести два-три образца диалектики товарища Сталина, которая дала и дает возможность большевикам брать самые неприступные крепости. Возьмем анализ природы колхозов, данный товарищем Сталиным в его выступлении на конференции аграрников-марксистов. Определяя тип колхозного хозяйства как одну из форм социалистического хозяйства, товарищ Сталин к этому определению подходит с точки зрения анализа отношения людей в процессе производства, т. е. с точки зрения единственно последовательного марксистского критерия для определения социальной природы хозяйства. И вот с этой единственно правильной точки зрения—«Разве колхоз не представляет обобществления основных орудий производства на земле, принадлежащей, к тому же, государству? Какое имеется основание утверждать, что колхозы как тип хозяйства не представляют одну из форм социалистического хозяйства?»[4] Устанавливая социалистическую природу колхозов как типа хозяйства, товарищ Сталин переходит к

---

[1] *Ленин,* О значении воинствующего материализма, Соч., т. XXVII, стр. 187.
[2] *Сталин,* Вопросы ленинизма, стр. 427, изд. 10-е.
[3] *Там же.*
[4] *Там же,* стр. 311.

анализу внутренних противоречий колхоза, отличающих его от последовательно-социалистического типа хозяйств предприятий. Особенно интересен анализ элементов классовой борьбы в колхозах. Он пишет: «В том-то и состоит ошибка наших «левых» фразеров, что они не видят этой разницы. Что значит классовая борьба *вне* колхозов, *до* образования колхозов? Это значит—борьба с кулаком, *владеющим* орудиями и средствами производства и *закабаляющим* себе бедноту при помощи этих орудий и средств производства. Эта борьба представляет борьбу не на жизнь, а на смерть. А что значит классовая борьба *на базе* колхозов? Это значит, прежде всего, что кулак разбит и лишен орудий и средств производства. Это значит, во-вторых, что бедняки и середняки объединены в колхозы, на базе обобществления основных орудий и средств производства. Это значит, наконец, что дело идет о борьбе между членами колхозов, из коих одни не освободились еще от индивидуалистических и кулацких пережитков и пытаются использовать некоторое неравенство в колхозах в свою выгоду, а другие желают изгнать из колхозов эти пережитки и это неравенство»[1].

Мы видим, таким образом, как товарищ Сталин вскрывает *качественную* разницу, которая имеется между классовой борьбой в деревне *до* колхоза и элементами классовой борьбы в колхозе. Только владея в совершенстве методом материалистической диалектики, методом подлинно конкретного анализа сложной конкретной действительности, только умея по-ленински применять важнейшие законы диалектики, законы качества, количества, меры, закон единства противоположностей, можно дать такой четкий анализ социальной природы колхозов. Одно дело—противоречия в деревне *вне колхозов* на качественно иной основе, другое дело—имеющиеся противоречия в колхозах уже на другой качественной основе, в другом типе хозяйства. Одно дело—борьба с кулаком, с владельцем орудий и средств производства, борьба не на жизнь, а на смерть, другое дело—борьба с кулацкими, индивидуалистическими пережитками на базе колхозов. Одно дело—первый тип противоречий, другое дело—противоречия второго порядка.

Все работы товарища Сталина представляют собой неисчерпаемое количество таких образцов материалистической диалектики. Мы здесь отметим только еще следующий вопрос о национальной и социалистической культуре. Всем известен сталинский анализ характера и лозунгов национальной культуры в условиях господства буржуазии и в условиях диктатуры пролетариата,—вот *два типа* разрешения единства формы и содержания, которые дает нам живая действительность и которые с таким мастерством вскрыты товарищем Сталиным. Вот что говорил товарищ Сталин

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 313, изд. 10-е.

на XVI съезде партии: «Что такое национальная культура при господстве национальной буржуазии? *Буржуазная* по своему содержанию и национальная по своей форме культура, имеющая своей целью отравить массы ядом национализма и укрепить господство буржуазии. Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? *Социалистическая* по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата. Как можно смешивать эти два принципиально различных явления, не разрывая с марксизмом?»[1]

Основное при подходе товарища Сталина к анализу этих явлений—это различие классовой структуры и классовой природы двоякого типа господства: господство национальной буржуазии и господство социалистического пролетариата, его диктатуры. Чрезвычайно характерным в этом анализе является материалистический примат содержания в диалектическом единстве формы и содержания. Товарищ Сталин не исходит из раз навсегда данного единства формы и содержания,—он анализирует историческую, классовую подоплеку этого единства. Чрезвычайно характерно применение теории развития к вопросу о культуре. Приведем это классическое место из работ товарища Сталина. Он говорит: «Может показаться странным, что мы, сторонники *слияния* в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками *расцвета* национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране *для* слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт,—в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре»[2].

Вот яркие образцы материалистической диалектики. Глубоко ошибся бы тот, кто посчитал бы, что мы здесь имеем только *применение* диалектики, а не ее развитие, не разработку теории материалистической диалектики. Надо понять, что действительное творческое применение метода материалистической диалектики есть одновременно и действительное его теоретическое развитие. В данном случае на примере единства формы и содержания видно, какое

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 425—426, изд. 10-е.
[2] *Там же*, стр. 426—427.

теоретическое богатство мы здесь получаем. Помимо двух типов единства формы и содержания—теория развития, примененная к национальному вопросу, дает новый тип единства противоположностей: единую и по форме и по содержанию культуру коммунистического общества.

Мы привели здесь два образца применения и развития материалистической диалектики, для того чтобы показать, как партия и товарищ Сталин, выполняя директивы и указания Ленина, разрабатывают со всех сторон материалистическую диалектику, без которой марксизм является, по выражению Ленина, не сражающимся, а сражаемым. В свете творческого понимания марксизма, действенного понимания диалектического материализма, совершенно ясной выглядит схоластическая разработка диалектики, которая «велась» меньшевиствующим идеализмом в отрыве от практики социалистического строительства.

Наша партия придает исключительное значение революционной теории, без которой немыслима революционная практика. Материалистическая диалектика является революционной душой марксизма-ленинизма. Вот почему в связи со столетней годовщиной смерти идеалиста-диалектика Гегеля мы вновь подчеркиваем задачи усиления изучения и разработки материалистической диалектики, следуя указаниям Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

«ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ» ГЕГЕЛЯ [1]

(К выходу в свет III тома «Истории философии»)

I

Выход в свет III тома «Лекций по истории философии» Гегеля завершает, наконец, издание на русском языке полностью всей гегелевской «Истории философии». Эта книга должна способствовать как глубокому изучению истории философии, так и самой гегелевской системы в целом.

Среди многочисленных трудов по истории философии, написанных буржуазными учеными, нельзя указать ни на одно из произведений, которое могло бы быть поставлено рядом с «Историей философии» Гегеля как по глубине содержания, так и по методу своего исследования. Гений Гегеля, его историческое чутье, глубокое конкретное знание всей истории философии, а также идеалистическо-диалектический метод сказались в этом произведении в полной мере. Нет ни одной проблемы во всей истории философии, начиная с античной и кончая новой, нет ни одного мыслителя, крупного или мелкого, во всей истории философии, которого Гегель не рассматривал бы с точки зрения своего метода и не поставил бы в связь со всей своей концепцией. Все, что мы имеем в области буржуазной историографии по философии после Гегеля, представляет собой огромный шаг назад от идей этого великого мыслителя и обнаруживает глубокий кризис, в котором пребывает буржуазная историография философии. И Целлер, несмотря на то, что Гегель оказал на него весьма значительное влияние со своим анализом «Das Geschehen», и Дильтей

[1] Данная работа представляет собой вступительную статью к вышедшему в издании Соцэкгиза XI тому собрания сочинений Гегеля, подготовленному Институтом философии Комакадемии.

со своей «Критикой исторического разума», и Куно Фишер, написавший немало по истории философии, и Риккерт и Виндельбанд, противопоставляющие с точки зрения кантовских позиций естественные и исторические науки,—все они настоящие пигмеи при трактовке историко-философских проблем по сравнению с Гегелем. Только пролетариат и его идеологи смогли критически преодолеть и впитать все ценное и рациональное, что есть у Гегеля во всей его системе и в том числе в его «Истории философии».

Наш интерес к «Лекциям по истории философии» Гегеля связан с тем, что «историческое чутье», проявленное им, замечательный анализ конкретного исторического материала по истории философии, произведенный им хотя и с ложных, идеалистических позиций, дают огромный материал для «материалистического чтения» его, для построения систематической истории философии с точки зрения материалистического понимания истории.

Гегелевские «Лекции по истории философии» представляют собой первое *историческое* произведение, посвященное истории философии. Этот гегелевский трехтомник составил настоящую эпоху в *развитии истории философии*. Именно поэтому классики марксизма давали такую высокую оценку этому произведению. Маркс еще в своей самой ранней работе, в докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и Эпикура», писал о гегелевской «Истории философии» следующее:

«Хотя Гегель в основном правильно определил общие черты названных систем (речь идет о системах Эпикура и Демокрита.—*М. М.*), но при изумительно грандиозном и смелом плане его истории философии, с которой вообще только и начинается история философии, он не мог вдаваться в детали. С другой стороны, этому колоссальному мыслителю мешал признать за этими системами высокое значение их для истории греческой философии и для греческого ума вообще его взгляд на то, что он называл спекулятивным par excellence»[1].

Маркс, как известно, в этом произведении стоял еще, по выражению Ленина, на вполне гегельянско-идеалистической точке зрения. Однако его оценка гегелевской «Истории философии» сохраняет, несомненно, свое значение по настоящее время. Правда, тут же мы должны отметить, что молодой Маркс высказывает некоторые критические замечания по адресу Гегеля, причем, несмотря на то, что он стоял на идеалистических позициях, он своим ясным умом и гениальной мыслью *нащупал* основную ограниченность гегелевской философии вообще и в частности его «Истории философии». Эту ограниченность Маркс видит в том, что *действительно* является величайшей ограниченностью «Истории философии» Гегеля, как и всей его системы в целом, а именно его

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. I, стр. 25.

(Гегеля) взгляд на то, что он называл спекулятивным. Дальше мы подробно остановимся на этом вопросе, и нам станет ясно, насколько глубоко был прав Маркс в этом своем замечании.

Целый ряд замечаний, посвященных «Истории философии», мы имеем в дальнейших произведениях Маркса и Энгельса, в частности в «Святом семействе». Так, например, Маркс и Энгельс противопоставляют гегелевскую «Историю философии» вообще и в особенности его трактовку французского материализма той трактовке его, которую дают младогегельянцы—братья Бауэр. В связи с этим они пишут:

«*История* философии *Гегеля* изображает французский материализм как *реализацию* субстанции Спинозы, что, во всяком случае, несравненно вразумительнее, чем «французская школа Спинозы»[1].

Мы имеем в «Переписке Маркса и Энгельса» ряд оценок и характеристик гегелевской «Истории философии». Приведем здесь некоторые из этих характеристик. В своем письме от 1 июля 1891 г. Энгельс пишет Конраду Шмидту:

«Книга Барта меня очень разочаровала. Я ожидал найти в ней гораздо меньше ошибок и поспешных выводов. Человек, который судит о каждом философе не по тому ценному, прогрессивному, что было в его деятельности, но по тому, что было необходимо переходящим, реакционным, судит по *системе*,—такой человек лучше бы молчал»[2].

По мнению Барта, «вся история философии—это просто куча развалин (Trümmerhaufen) разрушенных систем». И в связи с этим Энгельс восклицает: «Как высоко стоит Гегель над мнимым этим своим критиком!» Мы здесь имеем у Энгельса не только высокую оценку гегелевской «Истории философии», но и ряд исключительных по своему содержанию замечаний по вопросу о том, как нам нужно судить в истории философии о различных философских системах. Энгельс указывает, что о каждом философе нужно судить по тому *ценному и прогрессивному*, что было в его деятельности, отбрасывая *преходящее и реакционное*.

В этих гениальных мыслях Энгельса мы имеем материалистическое истолкование и дальнейшее углубление ряда соображений по вопросам методологии истории, которые уже высказал Гегель. Отсюда понятна та высокая оценка, которую дает Энгельс в своем письме по поводу книги Барта гегелевской «Истории философии». В письме к тому же Конраду Шмидту от 1 ноября 1891 г. Энгельс, касаясь специально вопроса о том, как надо изучать Гегеля, и давая в этом отношении советы Шмидту, пишет:

«Но вы не должны читать Гегеля так, как читал его П. Барт,

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. III, стр. 161.
[2] *Маркс* и *Энгельс*, Письма, стр. 386, 1932 г.

именно для того, чтобы открывать в нем паралогизмы и передержки, которые ему служили рычагами для построений. Это — работа школьника. Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи справедливое и гениальное... Так как каждая категория у Гегеля представляет собой ступень в истории философии (как он по большей части ее приводит)... то вы сделаете хорошо, если просмотрите лекции по истории философии (одно из гениальнейших произведений)»[1].

Мы видим, что каждый раз, когда Марксу или Энгельсу приходится касаться «Истории философии», они не перестают оценивать это произведение Гегеля как гениальное произведение.

Приведем еще одну характеристику Энгельса гегелевской системы и в частности его «Истории философии», ибо каждая из этих характеристик не является просто повторением предшествующих, а выявляет, подчеркивает еще некоторые новые стороны этих произведений. Так, Энгельс в «Людвиге Фейербахе» указывает, что Гегель написал много произведений о целом ряде областей, и в том числе по истории философии. И вот, пишет дальше Энгельс, «в каждой из этих различных исторических областей Гегель старается найти и указать проходящую через нее нить развития. А так как он обладал не только творческим гением, но и всесторонней ученостью, то его появление везде составило эпоху»[2].

Эта характеристика Энгельса относится и к «Истории философии» Гегеля. Мы видим, что здесь Энгельс подчеркивает еще один момент в характеристике этого произведения, а именно, что Гегель старается найти и провести во всех своих исследованиях и во всех областях «проходящую нить развития», т. е. что Гегель *исторически* рассматривает каждую область вопросов, которой он занимается. Именно в этом одна из важнейших черт гегелевской «Истории философии», и именно поэтому «Лекции по истории философии» Гегеля составили эпоху в истории философии.

Таковы некоторые оценки и характеристики данного произведения, которые мы имеем у Маркса и Энгельса.

Ленин, гениальный продолжатель марксизма в новую историческую эпоху, в эпоху империализма и пролетарских революций, *поднявший марксизм во всех его составных частях* на новую ступень, написал, как известно, ряд специально философских произведений. Ленин с большой тщательностью, с присущей ему научной добросовестностью и величайшим знанием дела изучал целый ряд гегелевских произведений, в том числе и такие произведения Гегеля, как «Наука логики» и «История философии». В знаменитых «Философских тетрадях» Ленина мы имеем кон-

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Письма, стр. 393, 1932 г.
[2] *Энгельс*, Л. Фейербах, стр. 11, 1936 г.

спекты всех трех томов гегелевской «Истории философии». Эти конспекты Ленина настолько богаты по своему содержанию, настолько глубоко трактуют *конкретные* вопросы всей истории философии, а также и вопросы *метода построения* истории философии, что они буквально представляют собой настоящий компендиум для работы над систематическим изложением марксистской истории философии.

В нашу задачу в данной статье не входит оценка всего огромного содержания, которое дает Ленин в своем конспекте «Истории философии» Гегеля (да это и невозможно сделать в пределах одной статьи). Мы здесь остановимся только на некоторых *наиболее важных* вопросах при рассмотрении нашей темы и в первую очередь обратимся к тем характеристикам гегелевского метода по истории философии в целом, которые мы имеем в гениальных «Философских тетрадях» Ленина.

Прежде всего Ленин отмечает *строгую историчность* Гегеля в «Истории философии». Он пишет следующее:

«Превосходно за строгую историчность в истории философии, чтобы не приписывать древним такого «развития» их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних»[1].

И действительно, как мы уже отмечали выше, исторический подход ко всей истории философии в целом и к каждому отдельному мыслителю является важнейшей чертой данного гегелевского произведения. Может быть, это и звучит парадоксально, но это, безусловно, является фактом: Гегель велик тем, что он впервые в «Истории философии» поставил вопрос о необходимости подхода к истории философии исторически. Гегель велик тем, что в противовес целому ряду предшествовавших ему философов, писавших огромные и многотомные труды по истории философии, впервые поставил перед собой задачу—рассмотреть историю философии как некую *единую цепь развития*. Уже самая постановка такой гигантской задачи, не говоря о конкретном выполнении той или другой стороны ее, представляла собой *замечательное научное открытие*. Естественно, что Ленин, изучая данное произведение и конспектируя его, не смог пройти мимо этой важнейшей черты гегелевских «Лекций по истории философии».

Ленин, далее, конкретизирует оценку гегелевского метода по истории философии. У Гегеля мы имеем сравнение истории философии с кругом, у которого по краям имеется, в свою очередь, огромное количество других кругов. И по поводу этого гегелевского сравнения Ленин пишет: «Очень глубокое верное сравнение!!! Каждый оттенок мысли=круг на великом круге (спирали) развития человеческой мысли вообще»[2].

---

[1] *Ленин*, Философские тетради, стр. 258.
[2] *Там же*, стр. 257.

Это ленинское замечание по вопросу о «спиралевидном развитии» истории вообще и в частности истории человеческого познания не является случайным. Мы знаем, что Ленин неоднократно в своих философских произведениях возвращается к этому вопросу и дает ему, наконец, полную, завершенную трактовку в своей статье «К вопросу о диалектике».

В этой статье Ленин набрасывает замечательную схему кругов философии. Кстати надо сказать, что до настоящего времени наши историки философии не удосужились разобрать эту ленинскую схему, которая представляет собой отправной пункт для систематического развития истории философии с марксистской точки зрения. Ленин рассматривает процесс познания как некий единый процесс, в котором мы имеем на великом едином круге познания бесконечные отклонения в сторону, или так называемые малые круги. Ленин писал:

«Познание человека не есть (respective не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота voila гносеологические корни идеализма. А у поповщины (=философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания»[1].

Эти глубочайшие мысли Ленина по вопросу о процессе развития познания представляют собой материалистическую переработку и тем самым поднятие на качественно новую ступень ряда соображений, которые уже высказывал Гегель по вопросу об истории философии, исходя из своих ложных, идеалистических позиций. Тут мы имеем у Ленина целый комплекс, если можно так выразиться, рассмотренных и изложенных в чрезвычайно сжатой формулировке проблем. В данной связи мы отметим только то обстоятельство, что Ленин рассматривает всю историю познания как некий великий круг, который сопровождается всякого рода отклонениями и движениями в стороны.

Ленин высказывает замечательные мысли по вопросу о гносеологических корнях идеализма. Поэтому указание Ленина, касающееся гегелевского метода истории философии, которое мы приводим выше, имеет большое значение для понимания всей кон-

[1] *Ленин*, Философские тетради, стр. 328.

цепции Гегеля в его, говоря словами Маркса, грандиозном и смелом плане построения истории философии.

Следующий момент, который отмечает Ленин, характеризуя гегелевский подход к историко-философским проблемам,—это прослеживание «преимущественно *диалектическое* в истории философии»[1].

Эта сторона дела исключительно важна. Мы часто встречаемся с писаниями, посвященными как историко-философским вопросам, так и специально Гегелю, которые совершенно обходят и не понимают этого важнейшего момента. Дело в том, что диалектический метод, так блестяще разработанный Гегелем на почве идеализма, представляет собой, говоря словами Ленина, резюме, итог, вывод всей его «Науки логики». Материалистическая диалектика представляет собой революционную душу марксизма, *«коренное теоретическое основание его»*. Мы знаем, что материалистическая диалектика представляет собой в руках классиков марксизма—Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина—могучее орудие познания, анализа действительности и ее изменения. Естественно, что мы выражаем особый интерес к *истории диалектики*, к тому выражению, которое диалектический метод получил в различные эпохи как в истории философии, так и в истории естествознания и общественных наук. Систематически разработанная история диалектического метода—это одна из больших задач, стоящая перед нами. И вот гегелевская «История философии» ставила перед собой подобного рода задачу, решала ее, однако, на почве идеализма. Ленин, конспектируя «Историю философии» Гегеля, не перестает отмечать все те места, где Гегель вскрывает диалектику в истории философии у тех или других мыслителей и где в связи с этим он дает богатство определений диалектики, в которых каждый раз отмечаются те или другие ее новые стороны.

Отметим еще один вопрос, который имеет первостепенное значение в ленинской оценке гегелевской «Истории философии». Ленин подходит к гегелевской истории философии как к идеалистическому от начала до конца произведению. Ленин рассматривает лекции Гегеля по истории философии как произведение, в котором мы отнюдь не имеем бесстрастной, «объективной» истории философии. Нет, Ленин рассматривает это произведение как воинствующее произведение, *направленное* против материализма. И именно такая оценка и такой подход со стороны Ленина вскрывают *самое нутро* и важнейшие стороны гегелевских «Лекций по истории философии». Ленин не перестает отмечать, что Гегель *вопреки* его историзму, *вопреки* его диалектическому методу и требованию глубокого, конкретного изучения внутренней борьбы, которая происходила в истории философии, на протяжении веков идеалисти-

[1] *Ленин*, Философские тетради, стр. 259.

чески «изничтожает» материализм в истории философии. Собственно говоря, мы имеем у Гегеля не только смазывание материализма. Он, по существу, *выбрасывает из истории философии материализм*. Он отводит исключительно малое место крупнейшим мыслителям-материалистам, как, например, Демокриту, Эпикуру, Спинозе, Бэкону, Гоббсу, французским материалистам и т. д. Гегель всячески извращает их взгляды, высказывает целый ряд соображений о том, что, собственно говоря, их произведения нельзя считать подлинно философскими произведениями, что они представляют собой поверхностную болтовню, и т. д. Воинствующий идеалистический характер гегелевской «Истории философии», направленной против материализма, — одна из характернейших черт этой книги. Естественно, что *воинствующий материалист* Ленин не остается в долгу у Гегеля. У Ленина на протяжении всего его конспекта, посвященного истории философии, мы имеем огромное количество замечаний, в которых он с необычайной резкостью критикует Гегеля.

Приведем здесь хотя бы следующие ленинские замечания. Он пишет:

«Отвратительно читать, как Гегель выхваливает Аристотеля за «истинно спекулятивные понятия» о «душе» и многое другое, размазывая явно идеалистический (=мистический) вздор»[1].

По поводу гегелевского замечания насчет Эпикура, что у него (Эпикура) нет «конечной цели мира, мудрости творца», Ленин не выдерживает и бросает по адресу Гегеля следующее замечание: «Бога жалко!! сволочь идеалистическая!»[2]

В этих критических замечаниях воинствующий характер ленинского чтения гегелевских работ, его направленность против идеализма получают свое, в высшей степени яркое выражение.

Мы говорили, что Гегель всячески стремится вопреки всему своему историзму как идеалист «подделать» историю под идеализм. Особенно подвергается у него обработке такой крупный мыслитель, как Аристотель. Ленин следует шаг за шагом за Гегелем в этой его «подделке», разоблачает его, как он вопреки всем требованиям диалектического метода «подчищает» историю. Ленин пишет: «...и Гегель *выцарапывает* из Аристотеля, что, де, «разум и постигаемое только разумом одно и то же» etc. Образец идеалистических натяжек идеалиста!! Подделка Аристотеля *под* идеалиста XVIII—XIX века!!»[3] Мы видим, таким образом, что Гегель не выдерживает той «строгой историчности», которой он сам требует в своем введении в историю философии.

Общий вывод, к которому приходит Ленин, характеризуя этот,

---

[1] *Ленин*, Философские тетради, стр. 291.
[2] *Там же*, стр. 299.
[3] *Там же*, стр. 295.

направленный против материализма характер гегелевских «Лекций по истории философии», следующий:

«Гегель серьезно «верил», думал, что материализм, как философия, невозможен, ибо философия есть наука о мышлении, об *общем*, а общее есть мысль. Здесь он повторял ошибку того самого субъективного идеализма, который он всегда называл «дурным» идеализмом. Объективный (и еще более абсолютный) идеализм зигзагом (и кувырком) подошел ***вплотную*** к материализму, частью даже *превратился в него*»[1].

Ленин, отмечая все гениальное содержание этой работы, вместе с тем в высшей степени *критически* относится к Гегелю. Ленин действительно глубоко вскрывает все то, что имеется ценного в работе Гегеля, отбрасывает все реакционное. Этим Ленин дает нам величайший образец того, как надо подходить к гегелевской философии, и величайший пример того, насколько неправильными, антиленинскими являются работы как меньшевиствующих идеалистов, так и механистов, посвященные Гегелю.

Отметим еще одно замечание Ленина, касающееся гегелевского предисловия к «Истории философии». Выудив оттуда все наиболее ценное, отметив то рациональное, которое есть у него, Ленин дает следующее заключение, касающееся этого предисловия: «Архидлинно, пусто, скучно об отношении философии к религии, вообще, предисловие чуть не в 200 страниц — невозможно!!»[2]

Таковы ленинские оценки данного произведения, взятого в целом. Мы видим, что у Ленина мы имеем конкретизацию и дальнейшее развитие тех характеристик, которые давали Маркс и Энгельс гегелевской «Истории философии».

II

Рассмотрим теперь подробнее основные черты гегелевского метода, его подхода к истории философии. Во «Введении к истории философии» Гегель дает прежде всего глубокую и интересную трактовку *понятия развития как движения конкретного*. Он считает, анализируя понятие развития, что надо отличать в этом понятии два состояния: одно как бытие в себе, т. е. как потенцию, и другое состояние как бытие для себя, т. е. как действительность. Гегель считает, что лишь когда то, что находится в себе, бытие, переходит в бытие для себя, оно становится подлинной действительностью. Всякое развитие, с точки зрения Гегеля, характеризуется этим переходом из одного состояния в другое, причем, с другой стороны, сам этот переход и обнаруживает, дает картину того, что представляет собой развитие.

---

[1] *Ленин*, Философские тетради, стр. 284.
[2] *Там же*, стр. 258.

Мы должны здесь отметить огромное значение диалектической постановки этого вопроса, которую мы имеем у Гегеля. Стоит вспомнить, как Маркс в «Нищете философии» рассматривает вопрос о движении и развитии рабочего класса, как Маркс ставит вопрос о различных стадиях в развитии рабочего класса, о классе в себе и классе для себя, чтобы понять, что мы в данных положениях Гегеля имеем одну из важнейших черт, характеризующих процесс развития. Гегель, применяя этот свой важнейший принцип о различии двух состояний к процессу познания, к процессу развития науки, писал:

«Всякое познание и изучение, наука и даже действование имеют своей целью не что иное, как извлечение из себя и выявление во-вне того, что есть внутри или в себе, и, следовательно, не что иное, как становление для себя предметом»[1].

Мы видим, как широко трактует Гегель этот принцип, относя его ко всему процессу развития науки познания и, как он выражается, *даже действования*. Однако общее, абстрактное понятие развития Гегеля самого тоже не удовлетворяет. Он ставит вопрос: *что* именно развивается, в чем состоит содержание, или, как он выражается, «абсолютное содержание развития»? Анализируя этот вопрос, он приходит к выводу о необходимости рассмотреть понятие *конкретного*. Гегель ставит перед собой задачу показать, насколько ошибочно обычное мнение, состоящее в том, что философия имеет дело лишь с абстракциями, совершенно пустыми общностями и что якобы только чувственное, так сказать, эмпирия в обычном смысле слова, конкретно. Если, по Гегелю, философия действительно занимается только мыслью как некиим общим, то это вовсе не значит, что философия не занимается проблемой развития во всей ее конкретности, т. е. общим, данным в сочетании с особенным, единичным.

В этой связи Гегель пишет:

«В этом и состоит отличие разумного от чисто рассудочного познания; и задача философии заключается в том, чтобы вопреки рассудку показать, что истинное, идея, не состоит в пустых общностях, а в некоем всеобщем, которое само в себе есть особенное, определенное. Если истина—абстрактна, то она—не истина. Здравый человеческий разум стремится к конкретному; лишь рассудочная рефлексия есть абстрактная *теория*, не истинна—она правильна лишь в голове—и, между прочим, также и не практична; философия же наиболее враждебна абстрактному и ведет нас обратно к конкретному»[2].

При всей ограниченности специфически гегелевского, идеалистического характера трактовки этих вопросов, при всем этом

---

[1] *Гегель*, Соч., т. IX, стр. 27.
[2] *Там же*, стр. 30.

выхваливании спекулятивного мышления и спекулятивного понятия Гегель дает тут такие формулировки и положения, которые должны быть отмечены как гениальные мысли. Положение, что истина конкретна, что абстрактной истины нет,—ведь это положение, понимаемое материалистически, является одним из краеугольных камней марксистско-ленинской философии. Ведь положение, что здравый человеческий разум стремится к конкретному, или, говоря материалистически, исходит из действительно существующего, конкретного, объективного мира,—ведь это положение является одним из важнейших положений теории познания диалектического материализма.

Отсюда ясно, какое значение имеет для нас «материалистическое чтение» гегелевской «Истории философии». Установив таким образом, в чем состоит существо понятия развития и существо понятия конкретного, Гегель ставит перед собою задачу связать понятие развития с понятием конкретного. Такую связь, или единство конкретного, дает, по Гегелю, *движение конкретного, или конкретное движение*. При таком движении конкретного получается, что конкретное и просто и вместе с тем различимо внутри себя, важнейшей характеристикой является его внутренняя противоречивость. Внутреннее противоречие конкретного есть движущая сила развития. Движение конкретного, по Гегелю, дает все богатство диалектического процесса. Вот какие мысли и соображения развивает Гегель при анализе этих понятий. Отсюда ясно, пишет он дальше, что «истинное есть, наоборот, движение, процесс. Но в этом движении есть покой. Различие, поскольку оно существует, есть лишь нечто исчезающее, благодаря чему возникает полное, конкретное единство». Мы видим, что Гегель все время занимается анализом только *понятий* конкретного, *понятий* развития и т. д. Идеалистический характер всего этого рассмотрения выражается не только в ложном *исходном* пункте, но и в процессе всего анализа.

Эту свою теорию развития, которую он здесь изложил в отдельных ее специфических чертах и которая, конечно, получила свое наиболее развернутое изложение в его «Науке логики», Гегель кладет в основу анализа истории философии.

Понятно, что, поставив перед собой задачу рассмотреть историю философии как некое движение конкретного со всеми его внутренними противоречиями, Гегель должен был разрешить весьма важный вопрос. Это вопрос о соотношении связи между историей философии и философией как таковой, философией как наукой, как системой. Буржуазные ученые бьются над вопросами, что такое история философии, есть ли она наука, нечто целое, единое, можно ли посредством анализа истории отыскать в ней связи и т. д. Так, например, Виндельбанд, исходя из своего кантианского разграничения наук естественных и исторических, касаясь в своей

статье «Что такое философия» специально этого вопроса, считает, что путем исторического сравнения нельзя установить в общеобязательной форме предмета философии, что в истории философии мы не имеем общепризнанного и общеобязательного ответа на вопросы, что такое философия как наука и каково ее действительное объективное содержание. Он пишет: «История показывает, наоборот, что в пределах того, на что может быть направлено познание, нет ничего, что бы не было когда-либо вовлечено в компетенцию философии, равно как и нет ничего, что когда-либо не было бы из нее исключено»[1].

Отсюда и вывод, который он делает, что задачи, которые ставит себе философия, и притом не попутно, а считая их своей главной целью, ни в коем случае не могут быть разрешены путем научного познания.

Вся эта схоластическая дребедень, которой с серьезным видом занимаются Виндельбанд и многие другие (им же несть числа) буржуазные философы, только показывает, насколько крупнейшие представители истории философии уступают Гегелю.

Гегель дал *свой* идеалистическо-диалектический ответ на вопрос о соотношении истории философии и философии как системы. Он исходил из того, что, несмотря на все отличие различных философских систем друг от друга, несмотря на ту борьбу, которую мы имели в истории между различными философскими системами и их взаимное друг друга опровержение, несмотря на то, что многие философские системы занимались, казалось бы, различными и совершенно разнообразными вопросами, несмотря на все это, философия в своем развитии есть все же нечто целое. Гегель считает, что существует определенное единство во всей истории философии. Он писал: «Философия, таким образом, есть развивающаяся система, и такова также история философии; это тот основной пункт, то основное понятие, которое выяснит вам даваемое мною изложение этой истории»[2].

Таким образом, Гегель самую историю философии рассматривает как некую единую развивающуюся систему и, с другой стороны, всякую систему философии рассматривает исторически. История философии, по Гегелю, отнюдь не перечень мнений. Он находит достаточно много крепких слов, иронических выражений по адресу ученых, написавших многотомные произведения по истории философии, но излагающих их как некий перечень мнений. Он сравнивает авторов многотомных историй философии с животными, ибо эти авторы, подобно животным, могут прослушать все звуки гениального музыкального произведения, но до слуха их не доходит одно, а именно *гармония* этих звуков. Подобно этому,

---

[1] *Виндельбанд*, Прелюдии, стр. 7.
[2] *Гегель*, Соч., т. IX, стр. 33.

авторы этих многотомных трудов по истории философии не могут подняться до понимания единства, цельности и гармонии философских систем. Гегель высмеивает этих псевдоэрудитов, согласно которым «наука состоит в том, что ткутся мнения из мнений». Он указывает, что если бы история философии представляла собой лишь галлерею мнений, хотя бы даже мнений и о боге и о сущности естественных и природных вещей, то такая наука была бы излишней и изрядно скучной наукой. С точки же зрения Гегеля, вся история философии есть, по существу, внутренне необходимое, последовательное поступательное движение. Каждая система философии необходимо существовала и продолжает, по мнению Гегеля, существовать и в данный момент. Ничто в истории философии не исчезает полностью. Все крупные философские системы сохранились. Но они сохранились только как моменты целого. Он пишет: «*Принципы* сохранились, новейшая философия есть результат всех предшествовавших принципов; таким образом, ни одна система философии не опровергнута. Опровергнут не принцип данной философии, а *опровергнуто* лишь предположение, что данный принцип есть окончательное, абсолютное определение»[1].

Эти положения Гегеля имеют для нас очень большое значение. В этих его положениях нашли свое выражение как глубина его диалектического метода, так и ограниченность его идеалистической системы, ибо окончательный смысл этих положений у Гегеля состоит в том, что его, Гегеля, философская система представляет собой полное завершение и развитие всего круга истории философии, представляет собой абсолютную истину в конечной инстанции, самопознание абсолютного духа, пришедшего к самому себе.

Противоречие метода и системы у Гегеля в трактовке этих проблем совершенно ясно видно. Однако, несмотря на этот окончательный реакционный результат, к которому приходит Гегель, мы имеем у него глубоко диалектическую постановку вопроса о связи настоящего с предшествующим развитием, понимание того, что настоящее нельзя оторвать от предшествующей истории и что настоящее есть итог, результат, вывод из предшествующей истории. Именно мысли Гегеля являются замечательными мыслями. Материалистически переработанные Марксом и Энгельсом и тем самым ставшие подлинно научными, они являются важнейшими положениями материалистической диалектики.

Выше мы говорили, что требование *историчности* является одним из важнейших требований, с которым Гегель подходит ко всяким трудам, посвященным истории философии. Мы уже видели, как конкретно это требование историчности выражается у

---

[1] *Гегель*, Соч., т. IX, стр. 40.

него при разрешении вопроса о соотношении истории философии и философии как системы. Именно эта историчность приводит Гегеля к следующим положениям о связи каждой философской системы со своей исторической эпохой. В своем «Введении в историю философии» он формулирует следующие свои, широко известные положения: «Всякая система философии есть философия своей эпохи, она представляет собою звено всей цепи духовного развития; она может, следовательно, удовлетворять лишь те интересы, которые соответственны ее эпохе»[1].

Гегель, таким образом, ставит вопрос о связи философии не только с эпохой, взятой в общем, абстрактном смысле этого слова, но и о связи философии с конкретными потребностями каждой исторической эпохи. Нужно иметь в виду, что он еще больше конкретизирует свое положение о связи философии с эпохой, когда пишет: «Определенный образ философии одновременен, следовательно, с определенным образом народов, среди которых она выступает, с их государственным устройством и формой правления, с их нравственностью, с их общественной жизнью, с их сноровками, привычками и удобствами жизни, с их попытками и работами в области искусства и науки, с их религиями, с их военными судьбами и внешними отношениями, с гибелью государств, в которых проявил свою силу этот определенный принцип, и с возникновением и выступлением новых государств, в которых высший принцип находит свое рождение и развитие»[2].

Несомненно, мы здесь у Гегеля имеем зачатки, зародыши исторического материализма. Однако на этом примере мы еще лишний раз убеждаемся в том, насколько эта постановка вопроса, представляющая собой самую глубокую во всей буржуазной философии, далека от подлинной науки и насколько велик тот переворот в науке, который совершили Маркс и Энгельс, создав материалистическое понимание истории.

Нельзя пройти мимо других моментов, которые высказывает Гегель, развивая дальше эту проблему; типично по-идеалистически говорит он о том, что всякая философия по своему содержанию не стоит и не может стоять выше своего времени, но «она все же выше его по своей форме, ибо она, как мышление и знание того, что представляет собою субстанциальный дух ее эпохи, делает его своим предметом»[3].

Опять-таки и здесь, несмотря на свой идеализм или даже вопреки ему, Гегель как диалектик гениально угадывает целый ряд моментов по вопросу о связи идеологии с исторической эпохой. Совершенно естественно, что конкретное применение этих идей

---

[1] *Гегель*, Соч., т. IX, стр. 48.
[2] *Там же*, стр. 54.
[3] *Там же*, стр. 55.

к анализу различных философских систем выдвинуло его историю философии среди всех других историко-философских произведений домарксовой эпохи на такое высокое место.

Мы, наконец, имеем у Гегеля в его «Истории философии» своеобразную постановку вопроса на почве идеализма о соотношении исторического и логического. Так, он пишет, устанавливая связи между своей «Историей философии» и «Наукой логики»:

«Согласно этой идее я утверждаю, что последовательность систем философии в истории та же самая, что и последовательность в выведении логических определений идеи. Я утверждаю, что, если мы освободим основные понятия, выступавшие в истории философских систем, от всего того, что относится к их внешней форме, к их применению к частным случаям и т. п., если возьмем их в чистом виде, то мы получим различные ступени определения самой идеи в ее логическом понятии. Если, наоборот, мы возьмем логическое поступательное движение само по себе, мы найдем в нем поступательное движение исторических явлений в их главных моментах; нужно только, конечно, уметь распознавать эти чистые понятия в содержании исторической формы. Можно было бы думать, что порядок философии в ступенях идеи отличен от того порядка, в котором эти понятия произошли во времени. Однако, в общем и целом, этот порядок одинаков. Разумеется, что, с другой стороны, последовательность, как временная последовательность истории, все же отличается от последовательности в порядке понятий; мы здесь не будем выяснять, в чем заключается различие, ибо это слишком отвлекло бы нас от нашей задачи»[1].

Гегель проводит здесь внутреннее, органическое родство между «Наукой логики» и «Историей философии». Если «Наука логики» ставит перед собой задачу дать развитие абсолютной идеи, взятой в ее чистом виде как понятие в себе и для себя, то «История философии» дает развитие этой абсолютной идеи в конкретном воплощении различных философских систем. Гегель, таким образом, стоит на точке зрения тождества логического и исторического. По существу у него получается, что история подчинена логике. История философии, таким образом, оказывается не чем иным, как прикладной логикой. Для каждой ступени в развитии логического понятия Гегель пытается найти эквивалент в истории философии. Отсюда у него очень много произвольного. Отсюда у него очень много схоластического и надуманного в самой «Истории философии». Отсюда у него полное выбрасывание материализма из «Истории философии», как совсем не укладывающегося в его системе развития логических понятий. У него действительное отношение перевернуто с ног на голову и насквозь

[1] *Гегель*, Соч., т. IX, стр. 34—35.

мистифицировано. И несмотря на это, мы имеем у него здесь одно из замечательных выражений его диалектического метода и чрезвычайно глубокие соображения по вопросу об историческом и логическом. Именно это отмечал Ленин в своих «Философских тетрадях».

В ответ на гегелевское положение при трактовке им философии Левкиппа о том, что развитие философии в истории должно соответствовать развитию логической философии, Ленин ставит сбоку два больших вопросительных знака. И далее отмечает: «Тут очень глубокая и верная мысль в сущности материалистическая (действительная история есть база, основа, бытие, *за коим* идет сознание)»[1].

Ленин не ограничивается просто указанием на идеалистический характер гегелевского построения. Ленина все время интересует, как это указывал Энгельс в письме к Конраду Шмидту, не преходящий, ограниченный характер системы, а действительное, реальное содержание, которое, хотя и в мистифицированном виде, имеет место у Гегеля. Ленин тут же дает образец материалистического решения вопроса об историческом и логическом. И суть этого решения состоит в том, что в основу кладется действительная история, а история философии как наука идет вслед за этой действительной историей, отображая ее закономерности.

Рассмотрим теперь несколько более конкретно, как подгоняет Гегель действительную историю философии под развитие логической идеи. Как известно, «Наука логики», которая дает картину развития логической идеи, начинается с анализа категорий *бытие и ничто*. Историческим эквивалентом в «Истории философии» этих категорий Гегель считает философию элейцев как философию, которая как раз и занимается как вопросами бытия и небытия, так и их противоположностью.

Далее, в «Науке логики» Гегель анализирует единство бытия и небытия и их взаимный переход друг в друга как категорию *становления*. Историческим воплощением этого важнейшего принципа логической идеи является, по мнению Гегеля, философия Гераклита, у которого действительно проблема становления является краеугольным камнем его философской системы. Далее Демокрит дает, по мнению Гегеля, выражение логической ступени развития *идеи как для себя бытия*. Платон уже дает категорию *сущности*. Аристотель находится в области понятия. Однако нельзя сказать, по мнению Гегеля, что спекулятивное понятие находится у него полностью на должной высоте. Гегель всячески, по выражению Ленина, выхваливает Аристотеля за истинно спекулятивное понятие, подчищает и всячески гипостазирует идеалистическую сторону у Аристотеля, выдвигая ее на

[1] *Ленин*, Философские тетради, стр. 273.

первый план. Все это делается им для того, чтобы обосновать свою схему.

Неоплатонизм, который, по мнению Гегеля, резюмирует всю древнюю философию, уже представляет историческое воплощение, так сказать, того раздела логики или логической идеи, которая у Гегеля выступает как некая цельная идея. Неоплатонизм, по мнению Гегеля, выдвигает уже понятие *конкретной идеи*, чем как бы завершается круг развития древней философии. В основе развития всей средневековой философии, по Гегелю, лежит противоположность между сущностью и формальной рефлексией.

Далее, новая философия дает следующую картину исторического воплощения развития логических ступеней идеи. Декарт дает ступень сознания, правда, сознания рассудочного, и вместе с тем субстанции; Спиноза дает уже в развернутом виде категории субстанции; Кант и Фихте дают самосознание и субъективность. По мнению Гегеля, философия Канта и Фихте находятся на той ступени развития, когда самосознание мыслит уже, что оно есть самосознание, но все это дано еще в форме субъективной. Шеллинг является историческим эквивалентом той ступени в развитии логической идеи, когда мы имеем уже ступени разума или абсолютного тождества субъекта и объекта. Сам же Гегель и его философская система есть завершение всего развития в целом как абсолютное знание, как абсолютная истина.

Вот в самых кратких чертах та характеристика различных философских систем под углом зрения развития логической идеи, которую дает Гегель в своей «Истории философии». Здесь у Гегеля много произвольного, надуманного. Он всячески выворачивается и изворачивается, для того чтобы оправдать свою схему (что, между прочим, доказать совершенно невозможно). Однако основная идея его — идея развития, о которой мы говорили выше, является гениальной идеей, хотя она у него и дана в мистифицированной форме.

Вот почему Ленин, конспектируя «Науку логики», не перестает отмечать эту связь «Науки логики» с «Историей философии». Ленин пишет: «История мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий Логики — вот что нужно!»[1]

Гегель сделал единственную в своем роде гигантскую и вместе с тем гениальную попытку дать такую историю на почве идеализма. Благодаря этому то действительное содержание, которое он рассмотрел, оказалось *насквозь мистифицированным*. И только материалистическая переработка гегелевской философии, которую произвели классики марксизма Маркс и Энгельс и которую дальше развил Ленин, дает нам действительную картину раз-

[1] *Ленин*, Философские тетради, стр. 172.

вития истории философии и вместе с тем исключительно глубокую трактовку всех философских проблем. Именно поэтому марксистско-ленинская философия является не в гегелевском смысле слова, а в нашем, материалистическом, действительно высшим итогом и зрелым результатом всей предшествующей философии. Мы знаем, что Ленин придает исключительное значение вопросу о тождестве диалектики, логики и теории познания, что он указывал, что и у Гегеля на почве идеализма мы имеем тождество диалектики, логики и теории познания. Гегелевская история философии и является одним из важнейших материалов, которым он обосновывает это тождество диалектики, логики и теории познания на всем богатстве исторического материала, взятого из истории философии. Но исходным пунктом и конечным результатом всего этого обоснования является тождество диалектики, логики и теории познания на почве идеализма.

III

Третий том «Истории философии» Гегеля посвящен огромному историческому периоду и охватывает большое количество философских систем. Он, собственно говоря, заканчивает древнюю философию в виде неоплатоников, затем он переходит к средневековой философии, которая, кстати сказать, занимает весьма солидное место в этом томе, и, наконец, излагает новую философию, начиная с Бэкона и Беме, вплоть до Гегеля.

Остановимся на результате, к которому приходит Гегель по окончании всех своих «Лекций по истории философии». Мы знаем, что окончательным результатом всей гегелевской философской системы является приход абсолютного духа к своему самосознанию. Можно сказать, что сама гегелевская философия представляет собой как бы несколько кругов. В особенности это относится к таким его произведениям, как «Феноменология духа», «Наука логики», «История философии», «Энциклопедия философских наук». Так, например, окончательным результатом всей гегелевской «Феноменологии духа» является абсолютная идея. Точно так же окончательным результатом всего круга развития категорий, которые мы имеем в «Науке логики», является абсолютное понятие. «История философии», как бы воспроизведя в форме конкретных исторических философских систем этот круг развития, тоже приходит к своему абсолютному выражению в виде гегелевской философской системы. Гегель указывает, что результатом всей «Истории философии» «является *мысль*, которая находится у себя и вместе с тем схватывает универсум и превращает его в мир интеллектуальный». Гегель придает этому положению чрезвычайно большое значение во всех своих лекциях по истории философии и, как мы знаем, стремится на каждом историческом этапе «Истории

философии» определить ступень этого развития. Так, он особенно восхваляет Аристотеля за то, что якобы Аристотель впервые высказал уже соображение о мышлении мышления. «Только Аристотель,—пишет он,—впервые говорит, что нус (разум) есть мышление мышления»[1]. Каждая ступень в развитии духа, с точки зрения Гегеля, имеет в истинной философской системе свою определенную форму.

Подводя итоги своим «Лекциям по истории философии», Гегель высказывает целый ряд соображений о том, почему, собственно говоря, абсолютному духу потребовалось такое большое и продолжительное время, чтобы притти в виде самосознания к самому себе. Почему так «лениво и медленно» работал мировой дух над тем, чтобы притти к этой своей последней цели? Оказывается, это происходит, по Гегелю, потому, что мировой дух развивался медленно, но верно, переходя от одной ступени к другой, но в связи со своим *внешним существованием*, которое приходится ему преодолевать. Гегель вспоминает слова Гамлета, который говорит о духе своего отца: «Хорошо работаешь, честный крот». Эти слова, по мнению Гегеля, очень хорошо подходят к постоянной, повседневной, медленной, но верной работе мирового духа, который, наконец, приходит к своей окончательной цели. «История философии», рисующая картину, как мировой дух приходит к своему самосознанию, по мнению Гегеля, представляет самое «внутреннее во всей всемирной истории». Пройдя, по выражению Гегеля, «ряд духовных формаций», философия приходит к своему выражению в виде философии «нашего времени». Философия Гегеля как философское выражение «нашего времени» представляет собой завершение всего этого развития.

В чем же состоит этот окончательный результат? Послушаем самого Гегеля. «Настала в мире,—пишет он,—новая эпоха. Мировому духу, повидимому, удалось теперь сбросить с себя всякую чуждую, предметную сущность и постигнуть себя, наконец, как абсолютного духа, порождать из себя то, что становится для него предметным, и, оставаясь по отношению к последнему спокойным, удержать его в своей власти. Борьба конечного самосознания с абсолютным самосознанием, которое казалось первому находящимся вне его, теперь прекращается. Конечное самосознание перестало быть конечным, и благодаря этому абсолютное самосознание получило, с другой стороны, ту власть, которой ему раньше недоставало. Эту борьбу изображает вся протекшая всемирная история и, в особенности, история философии, и эта история, повидимому, доходит до своей цели там, где это абсолютное самосознание, представлением о котором она обладает, перестало быть чем-то чуждым, где, следовательно, *дух дей-*

[1] *Гегель*, Соч., т. XI, стр. 513.

ствителен как дух... Дух производит себя как *природу*, как *государство*»[1].

Мы привели здесь эту выдержку из Гегеля, для того чтобы показать реакционный окончательный результат, к которому он приходит в своих «Лекциях по истории философии», чтобы показать, что потребности системы требовали некоего завершенного состояния в развитии философии. И именно этот результат представляет картину полного противоречия со всем тем историческим подходом, который Гегель проповедует по отношению к истории философии и который он стремится провести на протяжении всех трех томов.

Мы видим, что и здесь, в «Истории философии», основное противоречие всей гегелевской концепции, противоречие между методом и системой, получает свое рельефное выражение.

В III томе «Истории философии» Гегель рассматривает философские системы нового времени — и Бэкона, и Декарта, и Спинозу, и французских материалистов, и Лейбница, и Канта, и Фихте и др. Его оценка каждого из этих представителей новой философии представляет для нас, материалистов-диалектиков, большой интерес, ибо каждую из этих философских систем Гегель рассматривает, с одной стороны, под углом зрения того места, которое она занимает в развитии диалектического метода, и одновременно с этим — того места, которое она, по мнению Гегеля, занимает как определенная ступень в развитии логической идеи. Поэтому требуется исключительно критический подход ко всякой оценке любого из этих мыслителей, которую дает Гегель, ибо в любой этой оценке мы имеем у него органически сплетенными его метод и систему, его диалектику и идеализм. В задачу нашей вступительной статьи отнюдь не входит подробное рассматривание гегелевской оценки каждого из тех мыслителей и крупных философских систем, которые он рассматривает в III томе. Такая оценка и такое критическое рассмотрение с точки зрения материализма потребовало бы, по существу, параллельной работы. Мы здесь для характеристики гегелевского метода остановимся только на рассмотрении им некоторых философских систем, представляющих для нас особый интерес, а именно: системы Спинозы и французских материалистов.

Гегелевская воинствующая антиматериалистическая линия, о которой так много и ярко написал Ленин в своих «Философских тетрадях», характеризуя метод Гегеля в I и во II томах «Истории философии», целиком и полностью относится также и к III тому. Рассмотрение материалистических систем нового времени у Гегеля занимает весьма незначительное место. Таким мыслителям, как Гассенди, Гольбах, Гельвеций, он отводит буквально только

[1] *Гегель*, Соч., т. XI, стр. 517—518.

по нескольку строк. Характерно даже, что такие философы-материалисты, у которых мы имеем значительные элементы диалектики, как Дидро, почти выпадают из поля внимания Гегеля. И если Гегель несколько более подробно останавливается на оценке материалистических систем Бэкона, французских материалистов или Спинозы, то это объясняется особым рядом причин, которые будут ясны из нашего дальнейшего рассмотрения.

Переходя к вопросу о Спинозе, надо сказать, что Гегель отнюдь не рассматривает Спинозу в качестве материалиста, отнюдь не называет его материалистом, хотя, по существу, в ряде мест его оценки философской системы Спинозы он его критикует так, как последовательный идеалист может критиковать и выступать против материалиста.

Прежде всего отметим, что Гегель подходит к философии Спинозы с точки зрения выяснения того места, которое она занимает в «развитии логической идеи». Гегель подчеркивает, что спинозовская философия выражает определенную ступень в развитии логической идеи, а именно ступень развития *субстанции*. Одновременно с этим Гегель указывает, что спинозовская философия осталась целиком и полностью на почве субстанции и не сделала дальнейшего шага вперед в сторону *самосознания*. Он пишет следующее: «*Абсолютная субстанция* есть истина, но она не *вся* истина. Чтобы быть всей истиной, она должна была бы мыслиться как деятельная и живая внутри себя и именно этим определить себя как дух. Но спинозовская субстанция есть лишь всеобщее и, значит, *абстрактное* определение духа. Можно, правда, сказать, что эта мысль есть основа всякого истинного воззрения. Она, однако, такова не как основа, остающаяся абсолютно прочно внизу, а как абстрактное единство, как дух внутри самого себя. Мы должны поэтому заметить, что мышление необходимо должно было стать на точку зрения спинозизма. Быть спинозистом, это—существенное *начало* всякого философствования»[1].

Мы видим, что здесь Гегель вопреки действительному положению вещей пытается истолковать спинозовскую субстанцию не как синоним материи, а как мысль, как некое всеобщее. И с этой точки зрения он очень высоко оценивает место Спинозы в истории философии. Однако вместе с тем он отмечает и исторически ограниченный характер философии Спинозы. В чем же состоит эта историческая ограниченность? Гегель указывает, что «субстанция Спинозы еще не была определена им как внутри себя конкретное».

Что, собственно, означает вся эта критика Гегелем спинозовской субстанции, если перевести ее на наш, материалистический

---

[1] *Гегель*, Соч., т. XI, стр. 285.

язык? Оказывается, что это есть критика субстанции с точки зрения того, что ей недостает *самосознания*. Это есть критика идеалистом *материальной субстанции* с точки зрения христианской религии. Субстанция Спинозы, по мнению Гегеля, недостаточно *идеализирована*. Она является, собственно говоря, таким понятием, которое может быть воспринято материализмом, может быть истолковано как синоним материи. Ясно, что против такой субстанции Спинозы Гегель обрушивается со всей силой. Он критикует Спинозу с точки зрения христианской религии, с точки зрения того, что бог понимается Спинозой не как дух, не как самосознание, а просто отождествляется с природой. Гегель никак не соглашается с тем, что «духовная индивидуальность» у Спинозы есть только модус. С точки же зрения Гегеля, «духовная индивидуальность» есть субстанциальное существо.

Развертывая эту идеалистическую критику спинозовской субстанции, Гегель считает, что благодаря тому положению, что мышление у Спинозы взято в единстве с протяжением, у него нет и не может быть свободного логического развития понятий. Субстанция Спинозы, считает он, представляет собой только существенную ступень в развитии идеи. Однако она не есть еще абсолютная идея, а лишь только идея в ограниченной форме необходимости.

И в «Истории философии», и в «Науке логики», и в «Энциклопедии философских наук» Гегель подчеркивает, что субстанции Спинозы недостает свободы личности, духовности и т. д. Вот первая линия критики Гегелем спинозовской субстанции. Мы видим, что это есть критика идеалиста, направленная против материалиста. Однако этим не ограничивается все рассмотрение Гегелем спинозовской философии. Мы уже видели, что Гегеля интересует во всей истории философии история диалектики. В этом отношении спинозовская философия представляет большой интерес. Гегель занимается раскрытием элементов этой диалектики в философии Спинозы.

Прежде всего отметим, как он оценивает знаменитое спинозовское causa sui. Так, в «Истории философии» он пишет: «Причина самого себя» является очень важным выражением, ибо в то время как мы себе представляем, что причина противоположна действию, *причина самого себя* есть такая причина, которая, действуя и отделяя некое другое, вместе с тем порождает лишь само себя, снимает, следовательно, в акте порождения это различие. Полагание этой причиной себя как некоего другого есть *отпадение* и вместе с тем *отрицание* этой потери; это—совершенно спекулятивное понятие, и даже, скажем больше, основное понятие во всем спекулятивном»[1].

---

[1] *Гегель*, Соч., т. XI, стр. 286.

Эта характеристика спинозовского causa sui как некоего спекулятивного понятия в устах Гегеля означает высшую похвалу, ибо этим он хочет выразить, с одной стороны, идеалистический, но вместе с тем диалектический характер постановки этого вопроса Спинозой. Тем самым Гегель рассматривает этот вопрос как значительный элемент диалектики во всей философской системе. В другом месте он указывает, что если бы Спиноза логически развил то, что имеется у него в понятии causa sui, то он пришел бы к выводу, что его субстанция не может являться неким неподвижным началом.

Далее, Гегель отмечает, что учение Спинозы о субстанции с двумя атрибутами вплотную подводит его к пониманию бытия как единства противоположностей, и это Гегель также отмечает как известную заслугу Спинозы в подготовке и развитии диалектики.

Гегель, характеризуя общий неподвижный характер философии Спинозы, пишет следующее: «Так как различия и определения вещей и сознания сводятся лишь к единой субстанции, то можно сказать: в спинозовской системе все лишь бросается в эту бездну уничтожения, но из этой бездны ничего не выходит, и особенное, о котором Спиноза говорит, им лишь преднайдено, взято не оправданным из представления. Если бы Спиноза захотел оправдать его, он должен был бы вынести его из своей субстанции; но эта субстанция не раскрывается и, таким образом, у Спинозы не получается никакой жизни, духовности и деятельности. В его философии есть только неподвижная *субстанция*, но еще нет духа; мы в ней не находимся у *себя*. Но бог здесь потому не дух, что он *не триедин*. Субстанция остается неподвижной, окаменелой»[1].

Выясняя и отмечая диалектические моменты философии Спинозы, Гегель вместе с тем обрушивается на Спинозу с резкой критикой неподвижного, механического характера всей его философии. Спиноза, по выражению Гегеля, не добрался до подлинной, или, как он выражается, спекулятивной, диалектики. В чем же основной недостаток спинозовской философии и его диалектики, по мнению Гегеля? Он состоит в том, что у Спинозы нет *самодвижения*, нет *развития*, нет *деятельности, активности*, нет *принципа личности*, нет *конкретности*. Вот какие черты философии Спинозы и в частности ограниченность его диалектических элементов отмечает Гегель.

Маркс и Энгельс в целом ряде своих произведений на материалистической основе развивают рациональные зерна, которые мы имеем по этому вопросу у Гегеля в его отношении к философской системе Спинозы.

---

[1] *Гегель*, Соч., т. XI, стр. 309.

Перейдем теперь к рассмотрению Гегелем французского материализма. Этот вопрос представляет для нас большой интерес, ибо здесь сказывается у Гегеля, с одной стороны, его крайне отрицательное отношение к материализму, а с другой стороны, очень положительное его, как идеолога буржуазии, отношение к французской революции, идеологической подготовкой которой является как раз французский материализм. Мы уже знаем, что Гегель считает материализм невозможным как философскую систему, потому что он не укладывается, по его мнению, в развитие логической идеи. Материализм, по Гегелю, не дает ничего для спекулятивного понятия. Под этим углом зрения Гегель подходит также и к анализу воззрений воинствующего материализма и атеизма французской буржуазии XVIII столетия. Однако Гегель как идеолог буржуазии, как человек, относившийся всегда, на всем протяжении своей жизни, с восторгом и с восхищением к французской революции конца XVIII столетия, к ее борьбе с феодализмом, не может пройти мимо того огромного значения в подготовке этой революции, которую сыграл материализм XVIII столетия. И вот Гегель, с одной стороны, отмечает и восхваляет заслуги французских материалистов в борьбе с феодальным обществом и с феодальной идеологией, а с другой стороны, крайне низко оценивает их философские взгляды как взгляды материалистические. Противоречие гегелевской философской системы и противоречивость положения немецкой буржуазии, идеологическим отражением которой эта система являлась, сказывается очень ярко в этом отношении Гегеля к французскому материализму. В развитии французской философии, куда он включает Вольтера, Монтескьё, Руссо, Даламбера, Дидро и др., он отмечает три стороны: положительную, отрицательную и метафизическую. Под отрицательной стороной развития французской философии, или, как он говорит, под «отрицательным направлением», он понимает материализм и атеизм французов XVIII столетия. Приступая к анализу этого «отрицательного» направления, он сначала довольно философски говорит, что «и отрицательной стороне, как и всему на свете, следует отдать справедливость»[1]. Он ставит перед собой вопрос и пытается дать ответ на него, чем вызвано такое решительное нападение на религию и на государство со стороны целой плеяды французских материалистов. Он считает, что надо понять чувство возмущения, которое характерно для этой большой группы писателей. Это чувство возмущения не случайно, а связано с тем обстоятельством, что, по его выражению, «перед нашим взором выступает чудовищнейший формализм и мертвенность, в которые перешли как положительная религия, так и скрепы человеческого общества: правовые учре-

[1] *Гегель*, Соч., т. XI, стр. 388.

ждения, государственная власть»[1]. Вот почему, по его мнению, французская философия была направлена не только *против религии*, но была также направлена и *против государства*. Он считает, что величайшая заслуга французских материалистов состоит в том, что этот формализм эти философы ниспровергли.

Гегель как типичный идеолог буржуазии не жалел красок, крепких слов, для того чтобы всячески заклеймить положение, которое было в феодальной Франции до французской революции. Он не находит достаточно крепких выражений, для того чтобы ругать феодальный строй во Франции. Он пишет следующее: «Нам легко делать упреки французам за их нападки на религию и государство; нужно представить себе картину ужасного состояния общества, бедственности, подлости, царивших во Франции, чтобы понять заслугу этих философов. Теперь лицемерие, ханжество, тирания, видящая, что у нее отняли награбленное ею, слабоумие могут сказать, что французские философы нападали на религию, государство и нравы. Но какая это была религия! Не очищенная Лютером, а презреннейшее суеверие, поповщина, глупость, низкий образ мысли и главным образом растранжиривание богатства и утопание в изобилии земных благ при господствующей нищете. Какое это было государство! Бесконтрольнейшее господство министров и их девок, жен, камердинеров, так что огромная армия маленьких тиранов и праздношатающихся рассматривала как свое божественное право грабеж доходов государства и пользование потом народа. Бесстыдство, несправедливость достигали невероятных пределов, нравы только соответствовали низости учреждений; мы видим бесправие индивидуумов в гражданском и политическом отношениях, равно как и в области совести, мысли»[2]. Мы видим, с какой яростью и с каким пылом Гегель обрушивается на феодальные порядки, существовавшие во Франции. Отсюда ясно, как он оценивает французских материалистов, выступавших против этих феодальных порядков, наносивших идеологические удары по старому строю и подготовлявших французскую революцию. Гегель, дальше, оправдывает французскую революцию, указывая, что она «была вынуждена»[3]. Гегель указывает, что и философы должны были выступать, таким образом, против существующей религии во Франции и против государства. Тут же он делает, кстати сказать, ряд замечаний, относящихся уже к немцам. Отмечая крайне активный, действенный характер французов, он говорит о том, что «мы, немцы... пассивны по отношению к существующему, переносили его... если его ниспровергли, то мы также пассивны»[4].

[1] *Гегель*, Соч., т. XI, стр. 388.
[2] *Там же*, стр. 389.
[3] *Там же*.
[4] *Там же*, стр. 390.

Направлен ли, по мнению Гегеля, этот боевой характер французских философов против религии вообще и против государства вообще? Гегель считает, что, конечно, нет, что критика религии и критика государства со стороны французских материалистов направлены только против той формы религии и той формы государства, которые мы имели во Франции до буржуазной революции.

Гегель всячески восхваляет французских философов за их *рационализм*. Он всюду, где говорит о них, выпячивает роль и значение разума в их философии. Действительно, французский материализм и французская философия, которые ставили все перед судом разума, во всем пытались найти оправдание с точки зрения разума, проникнуты рационалистическими моментами, и Гегеля именно это обстоятельство пленяет, и он всячески раздувает и подчеркивает именно этот момент во французской революции.

Отмечая заслуги французских философов в борьбе с религией и феодальным режимом, Гегель вместе с тем высказывает бесконечное презрение к их материализму. Там, где он переходит к характеристике философских воззрений французских материалистов, он не находит достаточно ругательных слов и выражений, для того чтобы опорочить материализм как философское направление. Он считает, что во взглядах французских материалистов понятие имеется лишь в «отрицательной форме», что мы имеем у них не спекулятивное познание, которое претендует быть философией и «остается общей фразой, возится со словами: «силы», «отношения», «многообразные связи», но не приходит ни к чему определенному»[1]. Он считает, что французский материализм «представляет собою скучное пустословие, которое ничего не может сделать понятным, берет извне готовыми явления и восприятия и рассуждает о них»[2].

Отмечая изумительную энергию и силу, которую проявили французские материалисты в борьбе с верой, со всякой, насчитывающей тысячелетия властью авторитетов и т. д., Гегель указывает, что, собственно говоря, интересно в этой философии лишь отрицание, «а о положительной стороне французской философии не стоит говорить».

Положительное содержание философии французских материалистов, указывает он, «не удовлетворяет требованиям, предъявляемым основательностью». Корень дела состоит в том, по его мнению, что все их философствование дано «не в форме понятия». Гегель делает все, чтобы исказить богатое и гениальное содержание воззрений французских материалистов, представить их произведения, насыщенные жизнью, бодростью и остроумием, как скучнейшие произведения. Так, например, о «Системе при-

---

[1] *Гегель*, Соч., т. XI, стр. 384.
[2] *Там же*.

роды» Гольбаха он пишет следующее: «Систему природы» мы скоро находим скучной, потому что она кружится в общих представлениях, которые часто повторяются; это—не французская книга, ибо ей недостает живости и она изложена тускло»[1].

Мы видим, что отрицательное и презрительное отношение Гегеля к материализму доходит у него до того, что он не только не придает никакой цены положительным воззрениям французских материалистов, но пытается даже оклеветать их произведения с точки зрения стиля и характера их написания. Кажется на первый взгляд странным, что Гегель выделяет из среды французских материалистов особенно Робинэ и отдает ему большое предпочтение. Так, он о Робинэ пишет следующее: «Другой главной книгой является еще более опасная «О природе» Робинэ (1735—1820). В ней господствует совершенно другой дух, дух основательности; часто нас заражает та глубокая серьезность, которую обнаруживает этот человек»[2]. И, далее, у Гегеля идет более или менее подробное изложение точки зрения Робинэ по вопросу об органических существах, его анималькулах и т. д. Маркс еще в «Святом семействе» указал, чем, собственно, объясняется такое отношение Гегеля к философии Робинэ. Маркс писал: «Робинэ («De la nature»), тот французский материалист, который больше всех сохранил связь с метафизикой и потому удостоился похвалы Гегеля»[3].

Гегель выделяет Робинэ, всячески его восхваляет по сравнению с другими французскими материалистами, ибо в действительности у Робинэ мы имеем в очень большой степени отклонение в сторону идеализма и поповщины.

Приведенные здесь характеристики, данные Гегелем Спинозе и французским материалистам, еще и еще раз подтверждают тот партийный, воинственный, идеалистический характер гегелевской «Истории философии», о котором писал Ленин. Гегель стремится от первой до последней страницы провести свою определенную концепцию, провести определенную точку зрения в оценке крупнейших мыслителей. В «Лекциях по истории философии» Гегеля мы имеем исключительное произведение, насыщенное глубоким содержанием. Однако это произведение от начала до конца противоречиво, как противоречива вся гегелевская философская система в целом. Это противоречие есть противоречие между консервативной и революционной стороной гегелевской философии, противоречие между его методом и системой.

Только тот переворот, который создали во всей науке Маркс и Энгельс, только материалистическое понимание истории может

---

[1] *Гегель*, Соч., т. XI, стр. 392.
[2] *Там же*, стр. 393.
[3] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. III, стр. 159

являться и является в действительности единственной базой для создания подлинно научной истории философии. Хотя Гегель и пытается связать рассмотрение «Истории философии» с определенными историческими эпохами, однако эта связь, в конце концов, носит у него внешний характер. Гегель не может как представитель ограниченного буржуазного мировоззрения добраться до действительных материальных корней тех или других идеологических построений в общественной жизни. Только та точка зрения, которая в основу всей общественной жизни и в том числе в основу идеологических построений кладет развитие материальных производительных сил, только та точка зрения, которая исходит из того, что история есть история классовой борьбы,—только эта точка зрения дает действительное объяснение общественным явлениям. Только материалистическое понимание истории со своим *подлинным историзмом*, со своим исходным пунктом о том, *что общественное бытие определяет общественное сознание*, может дать действительное объяснение смене одних философских систем другими.

Развивая мысль Маркса и Энгельса, Ленин дал замечательный образец того, как нам надо подходить к тем или другим предшествовавшим философским системам. Ленин выдвинул соображение о необходимости классового и гносеологического анализа каждой из философских систем, для того чтобы вскрыть ее действительные материальные и идейные корни. Ленин боролся против такого подхода, который считает необходимым ограничиться при раскрытии той или другой философской системы только раскрытием ее классовых корней. Анализ философских систем с точки зрения выяснения их классовых корней—это главное и основное. Однако ограничиваться этим мы не должны. Ленин требовал одновременно и раскрытия гносеологических, логических корней данной философской системы на базе выяснения исторического места и классового характера ее. Только марксистско-ленинский метод является действительно и до конца плодотворным и научным методом при рассмотрении истории философии.

«ФИЛОСОФИЯ ПРАВА» ГЕГЕЛЯ

«Философия права»—одно из тех произведений Гегеля, которые занимают крайне важное место во всей его философской системе. Изучение этого произведения, впервые появившегося в русском переводе, необходимо не только с точки зрения более глубокого понимания всей гегелевской концепции в целом и не только с точки зрения выяснения «живого» и «мертвого» в философской системе Гегеля. Изучение этого произведения крайне важно для нас также и потому, что оно дает большой материал для выяснения социальных корней гегелевской философии. Изучение этого произведения Гегеля крайне важно еще и постольку, поскольку оно дает большой материал для понимания процесса подготовки и развития марксова учения, для понимания пути философской эволюции Маркса и Энгельса.

В предисловии «К критике политической экономии», в котором Маркс сформулировал основные положения материалистического понимания истории, он указывал, что выработку своих принципов он начал именно с критики гегелевской «Философии права». Маркс писал:

«Первой работой, предпринятой для разрешения осаждавших меня сомнений, был критический пересмотр гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в издававшихся в 1844 г. в Париже «Немецко-французских ежегодниках». Мои исследования привели меня к заключению, что правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа; наоборот, они коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия,

объединил под названием «гражданского общества», а анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии»[1].

Из этих положений видно, какое огромное значение во всей работе Маркса и Энгельса по подготовке и развитию материалистического понимания истории сыграла критика и преодоление гегелевской «Философии права». Работа Маркса «К критике гегелевской Философии права» (введение) и незаконченная рукопись «Из критики Философии права Гегеля» (Критика философии государственного права Гегеля), о которых речь будет ниже, представляют собой замечательные этапы в развитии молодого Маркса. Выход в свет «Философии права» Гегеля, несомненно, поднимет уровень нашей работы по выяснению всех ступеней в деле подготовки и развития Марксом и Энгельсом диалектического материализма и материалистического понимания истории.

«Философия права» является одним из наиболее консервативных и реакционных произведений Гегеля. Оно принадлежит к тем произведениям этого мыслителя, в которых, по выражению Энгельса, консервативная сторона гегелевской системы непомерно разрослась. В этом произведении Гегель выступает убежденнейшим защитником и пропагандистом буржуазного государства, буржуазной собственности и буржуазной личности. Выступая идеологом буржуазного общества и буржуазного государства, Гегель вместе с тем идет на компромисс с существующими немецкими порядками первой четверти XIX в., с дворянством, и всячески стремится оправдать с точки зрения «абсолютного духа» прусскую монархию Фридриха-Вильгельма III.

Своеобразие положения Германии в начале XIX в., отсталость ее экономики и безраздельное политическое господство феодального дворянства, политическая слабость буржуазии перед лицом монархии и феодализма и смертельный ужас перед первыми симптомами пробуждения рабочего класса получают яркое идеологическое отражение в гегелевской философской системе и в особенности в «Философии права».

Убожество немецких порядков, с которыми Гегель в своей «Философии права» целиком примирился и к ногам которых он положил всю силу своей философской мысли, Маркс характеризовал как порядки, которые «*ниже уровня истории... ниже всякой критики*». «Германия,—указывал Маркс в 1844 г.,—*это убожество политической современности*»[2]. Маркс тогда уже понял и выразил это в огненных словах, указав, что единственным классом, который в состоянии уничтожить это убожество, что единственная сила, которая может вывести Германию на уровень современной истории и разбить цепи рабства,—рабочий класс.

---

[1] *Маркс*, К критике политической экономии, стр. 42, 1933 г.
[2] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. I, стр. 408.

Противоречие революционного диалектического метода и реакционной консервативной системы Гегеля, противоречие, красной нитью проходящее по всей его философской концепции, по всем его произведениям, наиболее яркое выражение получает в «Философии права». Именно в этом произведении основные реакционные выводы его получили свое полное выражение.

Энгельс писал, характеризуя «Философию права»:

«Вот почему мы в конце «Философии права» узнаем, что абсолютная идея должна осуществиться в той, ограниченной сословным представительством, монархии, которую Фридрих-Вильгельм III так упорно и так тщетно обещал своим подданным, т. е., стало быть, в ограниченном и умеренном, косвенном господстве имущих классов, приспособленном к тогдашним мелкобуржуазным отношениям Германии. И притом еще нам там доказывается умозрительным путем необходимость дворянства»[1].

Маркс, характеризуя реакционные выводы этого произведения, писал:

«Гегель тут опускается почти до прислужничества. Мы его видим здесь всецело зараженным жалкой спесью *прусского* чиновничьего мира, который в своей канцелярской ограниченности с надменным презрением относится к «доверию к себе» субъективного мнения народа. Государство здесь для Гегеля везде идентично с правительством»[2].

Таковы реакционные выводы и реакционный смысл гегелевской «Философии права», благодаря которым он на определенный исторический период сделался официальным государственным философом прусской монархии.

Гегель, однако, является не только консерватором и реакционером. Он обладает огромным историческим чутьем. Он рассмотрел с точки зрения развития весь исторический процесс, исследовал и проанализировал огромный фактический материал из всех областей жизни, в том числе из области политических учений, права, государства, семьи и гражданского общества. Несмотря на крайне реакционные выводы Гегеля в этом произведении, свидетельствующие о том, что его диалектика терпит крах в ряде отношений,— его историзм при рассмотрении вопросов гражданского общества и права приводит к целому ряду открытий, имеющих огромное значение в историческом развитии философии и идей о государстве и праве. Маркс и Энгельс отмечали огромное богатство идейного содержания этой работы.

Энгельс в «Людвиге Фейербахе» указывал: «У Гегеля этика, или учение о нравственности, есть философия права и обнимает: 1) отвлеченное право, 2) мораль, 3) область нравственности, к ко-

---

[1] *Энгельс*, Л. Фейербах, стр. 10, 1936 г.

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. III, стр. 244.

торой относятся: семья, гражданское общество, государство. Насколько идеалистична форма, настолько же реалистично содержание. Наряду с моралью оно заключает в себе всю область права, экономии и политики. У Фейербаха—как раз наоборот. По форме он реалистичен, за точку отправления он берет человека. Но он ни единым словом не упоминает об окружающем человека мире, и потому его человек остается тем же отвлеченным человеком, который фигурирует в религии. Этот человек не рожден женщиной: он, как из куколки, вылетает из бога монотеистических религий. Поэтому он живет не в действительном, исторически развившемся и исторически определенном мире. Хотя он сносится с другими людьми, но каждый из них такой же отвлеченный, как и он»[1].

Гегелевская «Философия права» представляет *высшую ступень в развитии буржуазной правовой мысли первой половины XIX в.* Несмотря на свой абстрактный, отвлеченный, спекулятивный характер, гегелевская «Философия права» представляет классическое произведение буржуазной мысли. Основными событиями, которые обобщает, схватывает и возводит на высоту философского рассмотрения Гегель, являются такие крупные политические движения, как реформация в Германии и Французская буржуазная революция 1789 г. Опыт Французской буржуазной революции, рост капиталистического способа производства, приспособление политических форм к развивающейся буржуазной экономике—все это вопросы, которые лежат в поле зрения и анализа гегелевской «Философии права».

«Философия права» Гегеля от начала до конца—идеалистическое произведение. Предметом ее являются *идеи* права, морали, нравственности, семьи и государства. Крайний объективный идеализм всего гегелевского построения сказывается при рассмотрении им буквально каждой проблемы. Все то реальное и действительное содержание, которое он держит в центре своего внимания, у него насквозь *мистифицировано*, поставлено на голову.

Молодой Маркс, ставший на материалистические позиции, с непревзойденной ясностью и глубиной раскрыл уже в 1843 г. все существо идеалистической концепции «Философии права». Маркс указывает, что в данном случае мы имеем у Гегеля «логический пантеистический мистицизм». Маркс подчеркивает, что, несмотря на всю реальность содержания, которое рассматривает Гегель, у него в конечном счете отсутствует подлинная действительность. Действительность, которой занимается Гегель, вовсе не та, какая она есть, а другая—мистифицированная, извращенная действительность. Маркс дает замечательную критику этого произведения в его взаимоотношении с логикой Гегеля. Он показывает, что при рассмотрении любых проблем в «Философии права» Ге-

[1] *Энгельс*, Л. Фейербах, стр. 33—34, 1936 г.

гель стремится только подвести реальное содержание под свои логические категории. Маркс показывает, что у Гегеля «интерес направлен только на то, чтобы в каждом элементе, будь то элемент государства, будь то элемент природы, снова найти «чистую идею», «логическую идею», действительные же субъекты, как, например, здесь «политическое устройство», становятся простыми *названиями идеи*, и мы в результате имеем только видимость действительного познания. Эти субъекты суть и остаются непонятыми, не постигнутыми в их специфической особенности, определениями»[1].

Маркс показывает, что вся философская работа направлена не на то, чтобы наполнить абстрактное мышление действительным конкретным содержанием, не на то, чтобы абстрактное мышление представить как отображение действительных реальных отношений, а на то, чтобы подвести действительность под абстрактные понятия. Маркс подчеркивает, что «Гегель *дает своей логике политическое тело*, но он не дает нам *логики политического тела*»[2].

Вскрывая таким образом сугубо идеалистический и спекулятивный характер всего гегелевского построения, Маркс вместе с тем отмечает все значение этого произведения для развития правовой мысли:

«Критика *немецкой государственно-правовой философии*, получившей в работах *Гегеля* свою самую последовательную, самую содержательную и законченную формулировку, есть... как критический анализ современного государства и связанной с ним действительности, так и самое решительное отрицание всей доныне существующей *формы* немецкого *политического и правового сознания*, самым благородным, универсальным, до степени *науки* возвысившимся выражением которого является именно сама *спекулятивная философия права*»[3].

В «Философии права» Гегель рассматривает огромное количество вопросов. Общая структура его книги такова: анализируя *идею права*, он приходит к выводу, что предметом права является некая абстрактная, чистая, свободная воля. Эта чистая, свободная воля, будучи непосредственной, является сферой *абстрактного или формального права*. В сферу абстрактного или формального права входят такие проблемы, как собственность, договор, неправда. Абстрактное право, пройдя все логические ступени своего развития, переходит в сферу *морали*. В сфере морали Гегель рассматривает такие вопросы, как умысел и вина, благо, добро и совесть. Сфера морали переходит на еще более высокую

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. I, стр. 541.
[2] *Там же*, стр. 569.
[3] *Там же*, стр. 405.

ступень—в сферу нравственности. Этот раздел—самый значительный во всей «Философии права» и по объему и по характеру своего содержания. Здесь Гегель рассматривает семью, гражданское общество и государство.

Мы не будем специально критиковать всю эту насквозь идеалистическую схему, ее полную произвольность с ее типично гегелевскими логическими переходами и т. д. Важно подчеркнуть, как это видно из простого перечня вопросов, какими проблемами, весьма существенными и весьма реальными, занимается Гегель в этом произведении. Мы здесь выделим только некоторые, наиболее важные из них.

В «Философии права» Гегель выступает ярым защитником буржуазной собственности, идеологом *частной* собственности. Он решительно выступает против общности имуществ и против общности собственности. Гегель критикует платоновское государство, в котором имеется идея общности собственности. С его точки зрения, личность только в собственности получает свое разумное выражение. Гегель нащупывает различие между формами собственности. Так, например, он видит различие, существующее между феодальной и буржуазной формой собственности и решительно выступает за буржуазную собственность. Частную собственность он считает более разумным элементом, чем какую бы то ни было другую форму собственности. Платоновское государство характерно с его точки зрения несправедливостью в отношении отдельных лиц, которые, с точки зрения идеи этого государства, лишаются частной собственности. Общность имущества означает, по Гегелю, непонимание «природы духа и права» и не выражает «этой идеи в ее наиболее существенных моментах». Личность только и становится личностью с точки зрения Гегеля, если она обладает собственностью. Он пишет буквально следующее: «Разумность собственности заключается не в удовлетворении потребности, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо есть как разум»[1].

Таким образом, только в частной собственности личность буржуазного общества получает, по Гегелю, свое наилучшее выражение. Только в частной собственности воля единичного человека становится объективной волей. Буржуазный характер этих положений Гегеля вряд ли нуждается в специальных комментариях. В лице Гегеля буржуазия имела крупнейшего идеолога частной собственности.

Чрезвычайно интересно, что при анализе проблем собственности, проблем отчуждения, договора и т. д. Гегель касается целого ряда таких вопросов, как деньги, роль политической экономии и т. д. Небезынтересно привести определение денег, данное Гегелем. Он

[1] *Гегель*, Соч., т. VII, стр. 69.

пишет: «Деньги являются представителем всех вещей, но так как они не представляют собою самой потребности, а суть лишь знак последней, то они сами, в свою очередь, управляются специфической ценностью, которую они в своем качестве абстрактного лишь выражают»[1]. Несомненно, что эти положения о деньгах как о представителе всех вещей оказали свое влияние при разработке проблемы денег в «Капитале» Маркса.

В противовес всем другим представителям философии права и государства Гегель придает огромное значение политической экономии. Как идеолог буржуазии, он понял, что собою представляет эта наука и какое она имеет значение для буржуазного общества. Гегель дает чрезвычайно высокую оценку работ таких представителей экономической мысли, какими являются Смит, Сэй и Рикардо. «*Политическая экономия*,—писал он,—есть наука, исходящая из этих точек зрения, но кроме этого она должна изобразить отношение и движение масс продуктов в их качественной и количественной определенности и запутанности. Это—одна из тех наук, которые возникли в новейшее время, так как имеют последнее своей почвой. Ее развитие являет интересный пример того, как *мысль* (см. Смит, Сэй, Рикардо) в бесконечном множестве частных фактов, которые она ближайшим образом имеет перед собой, отыскивает простые принципы предмета, действующий в нем, управляющий им рассудок»[2].

Важнейшим разделом «Философии права» является *учение о гражданском обществе*. Гегель ставит гражданское общество между семьей и государством. Под гражданским обществом Гегель подразумевает людские отношения, складывающиеся в общественной жизни в процессе создания материальной базы общественного развития. В гражданском обществе каждый для себя—цель, все другие для него—ничто. Однако без соотношения, связи, взаимодействия с другими каждый отдельный член гражданского общества своей цели достигнуть не может. Поэтому гражданское общество является ареной бесчисленных связей, это—целое, на почве которого разыгрываются страсти и действия отдельных его членов. Это целое есть «почва опосредствования, на которой дают себе свободу все частности, все случайности рождения и счастья, в которую вливаются волны всех страстей, управляемых лишь проникающим в них сиянием разума»[3].

Гегель выступает с решительной критикой идей Руссо, Канта и Фихте. Он против нелепых, ненаучных, антиисторических представлений Руссо, означающих «незнакомство с природой духа и с целью разума», о невинности естественного состояния, о простоте нравов некультурных народов; он против всякой идеали-

[1] *Гегель*, Соч., т. VII, стр. 88.
[2] *Там же*, стр. 217.
[3] *Там же*, стр. 211.

зации естественного состояния и возврата к природе. Как истый представитель развивающихся буржуазных отношений, растущей техники и промышленности, он считает, что «цель разума заключается в том, чтобы посредством труда была удалена *естественная простота*, т. е. частью пассивное отсутствие эгоизма, частью примитивность знания»[1] и т. д. Культура, по его мнению, означает освобождение от рабского подчинения природе, от естественной простоты. Это освобождение он представляет себе как «тяжкий труд». Именно это обстоятельство является причиной нерасположения многих к культуре, к промышленности, ко всей сложности жизни и желания «опроститься», вернуться вспять к естественной простоте.

Гражданское общество, по Гегелю, является ареной труда и потребностей. Подробнейшим образом анализирует Гегель характер потребностей, их виды, возникновение, удовлетворение. Эти в высшей степени реальные вопросы, однако, преподносятся в крайне абстрактной, мистифицированной форме. Все это подводится под логические категории, под категории общего, особенного, частного, распада понятий и т. д. и т. п., что придает совершенно своеобразный характер этим изысканиям. От анализа потребностей Гегель переходит к анализу труда. В специальной главе «Характер труда» он следующим образом определяет сущность труда: «Опосредствование изготовления и приобретения соответственных *распавшимся на частности потребностям*, столь же *распавшихся на частности* средств, есть *труд*, который специфизирует для этих многообразных целей непосредственно доставляемый природой материал с помощью многообразных процессов. Это формирование сообщает теперь средству ценность и его целесообразность, так что человек в своем потреблении имеет отношение преимущественно к произведениям *людей*, и он потребляет именно такие человеческие усилия»[2].

В своем анализе гражданского общества Гегель, несмотря на всю мистификацию реальных отношений, несомненно, поднимается к пониманию человека как некоего общественного существа. Энгельс был глубоко прав, говоря о бедности Фейербаха по сравнению с Гегелем в этом отношении. Так, Гегель указывает, что гражданское общество «представляет собою могучую силу, увлекающую за собой человека, требующую от него, *чтобы он на нее работал, чтобы лишь через общество он был всем, чем он есть, и делал все, что он делает*»[3].

Правда, отсюда еще очень далеко до важнейшего тезиса

---

[1] *Гегель*, Соч., т. VII, стр. 215.
[2] *Там же*, стр. 221—222.
[3] *Там же*, стр. 251—252. Подчеркнуто мною.— *М. М.*

Маркса о том, что «сущность человека есть совокупность общественных отношений», однако постановка проблемы личности или члена гражданского общества как общественной личности имела огромное значение.

Гегель набрасывает яркую картину гражданского общества, как общества, подчиненного *стихийным* законам развития, как общества, в котором господствуют анархия и произвол. В этой связи он придает большое значение политической экономии как науке, которая должна в бесконечном хаосе стихийных процессов, в бесчисленных актах и действиях личностей как членов гражданского общества отыскать законы, лежащие в основе этих явлений, или, как он выражается, отыскать при помощи мысли управляющий ими рассудок.

Нащупав важнейшее противоречие гражданского общества между *богатством и бедностью, роскошью и нуждой*, Гегель серьезно озабочен проблемой наличия в гражданском обществе огромных масс людей, которые не обеспечены необходимыми средствами существования и которых он презрительно называет «*чернью*», умонастроение которых направляется «против богатых, против общества, против правительства». Все симпатии Гегеля, конечно, целиком на стороне «богатых», «общества», «правительства». В этом ярко сказывается весь реакционный дух гегелевского произведения.

Гегель характеризует антагонизм так называемого гражданского общества, вплотную подходя к пониманию внутренних противоречий буржуазного строя. Он устанавливает противоречие между богатством и бедностью, поднимается даже до постановки вопроса о причинах этих противоречий. Эти мысли Гегеля и его соображения настолько важны, что весьма целесообразно их здесь привести.

Вот что он пишет: «Гражданское общество представляет нам в этих противоположностях и их переплетении картину столь же необычайной роскоши, излишества, сколь и картину нищеты и общего обоим физического и нравственного вырождения»[1]. Он показывает, что гражданское общество представляет собой совокупность индивидуумов, частных лиц, из которых каждый преследует свою собственную цель, стремясь реализовать свой собственный интерес. Но так как реализовать свой собственный интерес каждое частное лицо может только в соотношении с другими, то возникают общие отношения гражданского общества. Гегель указывает, что если предметом права является лицо вообще, предметом морали—субъект, предметом семьи—член семьи, то предметом гражданского общества является гражданин вообще. Вот как он характеризует основные принципы жизни и

[1] *Гегель*, Соч., т. VII, стр. 213.

развития гражданского общества: «Когда гражданское общество действует беспрепятственно, его *народонаселение и промышленность* растут.—Благодаря тому, что связь людей между собою, создаваемая их потребностями, и способы изготовления и доставления средств для удовлетворения последних получают *всеобщий* характер, *накопление богатства* увеличивается, ибо из этой двойной всеобщности извлекаются, с одной стороны, величайшие выгоды точно так же, как, с другой стороны, эта же двойная всеобщность ведет к *отрозненности и ограниченности* особенного труда, а, следовательно, к *зависимости и бедственности* положения прикрепленного к этому труду класса, с чем также связана неспособность чувствовать и наслаждаться дальше свободами и, в особенности, духовными преимуществами гражданского общества»[1].

Мы видим, что у Гегеля здесь проскальзывают даже некоторые проблески понимания классовых противоречий буржуазного общества. Анализируя гражданское общество, Гегель дает и такого рода формулировки: «При *чрезмерном богатстве* гражданское общество *не достаточно богато*, т. е. не обладает достаточным собственным достоянием, чтобы бороться с чрезмерностью бедности и возникновением черни»[2].

Учение Гегеля о гражданском обществе, под которым он понимал, говоря словами Маркса, «совокупность материальных условий жизни», было чрезвычайно важным и плодотворным в историческом развитии общественной науки. Показ стихийности развития гражданского общества, являющегося ареной «войны всех против всех», ареной буржуазной конкуренции, несомненно является большой исторической заслугой Гегеля. Однако его буржуазная ограниченность, обожествление собственности как вечной категории, обожествление буржуазной конкуренции, определение всех этих моментов как ступеней в развитии абсолютного, объективного духа—накладывают свой отпечаток на всю «Философию права». Гегель не смог установить правильного взаимоотношения между *политическим государством и гражданским обществом*, между политикой и экономикой в общественном развитии, между базисом и надстройками в общественно-экономических формациях.

Историческая задача—раскрыть анатомию гражданского общества, внутренние противоречия и законы развития капиталистического способа производства, ведущие его к гибели, действительную природу частной собственности и буржуазного государства как орудия эксплоатации и насилия меньшинства над большинством—выпала на долю идеологов пролетариата.

---

[1] *Гегель*, Соч., т. VII, стр. 254.
[2] *Там же*, стр. 255.

Государству как высшему этапу в развитии гражданского общества Гегель придает вообще совершенно исключительное значение. Государство с его точки зрения есть «действительность нравственной идеи», государство есть выражение высшей ступени в развитии нравственности, высшего развития субстанциональной воли. Гегель освящает государство. Он считает, что государство есть осуществление свободы, что оно есть нравственное целое, последняя цель разума. Он пишет: «Существование государства, это—шествие бога в мире; его основанием служит сила разума, осуществляющего себя как волю»[1]. Он указывает, что каждое государство, какими бы принципами оно ни руководствовалось, каким бы плохим мы его ни объявляли и какой бы недостаток в нем ни познавали, все же, если только оно является развитым государством, обладает всеми существенными чертами и свойствами, которые мы только что приводили.

Гегель пишет: «Государство есть божественная воля как наличный дух, *развертывающийся* в действительный образ и действительную *организацию некоего мира*»[2].

«Государство есть мир, созданный для себя духом; оно имеет поэтому определенное, в себе и для себя сущее движение... Сколь высоко стоит дух над природой, столь же высоко стоит государство над физической жизнью. Мы должны поэтому почитать государство как некое земно-божественное существо и разуметь, что если трудно постигнуть природу, то еще бесконечно труднее постигнуть государство»[3].

Нельзя пройти мимо следующих важнейших положений Гегеля по вопросу о государственном устройстве. Он считает, что «государственное устройство определенного народа зависит вообще от характера и ступени развития его самосознания»[4].

Гегель выступает против метафизических теорий и представлений о присущем, раз навсегда данном государственном устройстве. Так, он пишет: «Причудливая мысль дать народу a priori более или менее разумное по своему содержанию государственное устройство не принимает во внимание как раз того момента, благодаря которому оно есть нечто большее, чем праздная выдумка. Каждый народ обладает поэтому государственным устройством, которое ему впору и подходит ему»[5].

Гегель обожествляет эксплоататорское государство, превращает его в нравственное целое, стоящее над всем «частным» и «особенным». Государство, по Гегелю, представляет целое, без остатка поглощающее личность. Личность должна раствориться в госу-

[1] *Гегель*, Соч., т. VII, стр. 268.
[2] *Там же*, стр. 280.
[3] *Там же*, стр. 294.
[4] *Там же*, стр. 299.
[5] *Там же*.

дарстве. Точно так же как индивидуум становится *лицом* только благодаря частной собственности, личность становится тем, что она есть, только через государство и благодаря государству. «Государство,—говорит Гегель,—должно в своем строе пропитывать все отношения»[1].

Государство есть выражение всеобщности, всеобщего интереса. Однако каждый индивидуум должен находить свой особенный интерес и удовлетворение этого особенного интереса в государственной жизни. Как же сочетаются *особенные* интересы индивидуумов и государства как *целого?* Оказывается, только благодаря государству как целому особенные интересы индивидуумов приобретают объективный характер. Только благодаря государству индивидуумы в состоянии достичь реализации своих особенных интересов. Гегель пишет:

«Определения индивидуальной воли приводятся государством в некое объективное наличное бытие и лишь благодаря ему они достигают своей истины и осуществления. Государство есть единственное условие достижения особенной цели и особенного блага»[2].

В «Философии права» рассматривается по существу весь комплекс вопросов общественного развития. Мы имеем здесь у Гегеля, так же как и в его «Философии истории», много подходов, по выражению Ленина, к историческому материализму. Однако именно в этих вопросах Гегель наиболее устарел, ибо исключительно велико значение того переворота, который произведен в общественной науке Марксом и Энгельсом и развит дальше Лениным и Сталиным.

Таковы некоторые важнейшие вопросы, которые освещаются в книге Гегеля «Философия права». Мы, разумеется, не исчерпали и десятой доли проблем, рассмотренных им. Здесь важно только упомянуть еще о той позиции, которую Гегель занимает по отношению к таким вопросам, как, скажем, положение женщины в семье и обществе. Гегель выступает здесь типичным реакционером, ограниченным немецким филистером. По его мнению, основное назначение женщины—рожать детей и быть матерью; женщины не способны к серьезной научной деятельности, особенно в таких областях, как философия и другие общественные науки. Женщина может быть только пассивным элементом. Если мужчину можно сравнить с животным, то женщину—с растением и т. д. и т. п. Таковы типично буржуазные, ограниченные сентенции, которые с серьезным видом изрекает Гегель. Зато в отношении войны Гегель выступает крайне агрессивным мыслителем. Он обрушивается с резкой критикой на требование вечного мира,

---

[1] *Гегель*, Соч., т. VII, стр. 299.
[2] *Там же*, стр. 273.

к которому якобы стремятся люди. Он критикует Канта по этим вопросам. Он считает, что вечный мир между государствами невозможен и что война в общественном развитии—крайне благодетельное явление.

«Из войны,—пишет он,—народы не только выходят укрепленными, но и нации, внутри которых существуют непримиримые антагонизмы, обретают внутреннее спокойствие благодаря внешним войнам. Война, правда, приносит с собою необеспеченность собственности, но эта *реальная* необеспеченность есть не что иное, как необходимое движение»[1].

Естественно, что целый ряд важнейших идей «Философии права» привлекает внимание реакционных идеологов современной буржуазии и фашизма. Так, например, на первом гегелевском конгрессе фашиствующий неогегельянец Биндер, выступая за насильственное устранение Версальского договора, прямо пытался использовать гегелевскую концепцию государства и войны:

«Несомненно правильно, когда Гегель замечает, что не может быть между государствами третейского суда или посредников... и что вследствие этого недоразумения между государствами, поскольку отдельные воли не находят никакого соглашения», «могут быть разрешены только при помощи войны»[2].

Целая плеяда фашистских «теоретиков» (Отмар Шпанн, Шпенглер, Биндер, Пленге, Хеллер и др.) хватается теперь за произведения Гегеля, в частности за «Философию права», реставрируя все реакционное, отсталое, ограниченное, что имеется у великого идеалиста-диалектика для подведения «философского фундамента» под собственность, под увековечение буржуазного строя, для оправдания всех гнусностей и подлостей капиталистического строя.

Только пролетариат, ведущий борьбу за бесклассовое, коммунистическое общество, против буржуазии, является подлинным наследником всей накопленной человечеством культуры и науки. Острым ножом своего революционного учения он отсекает все реакционное, все подлое, все мракобесное, что имеется в предшествующем развитии науки, а все живое, плодотворное, прогрессивное, великое, жизненное подвергает критическому просмотру и использует в своих интересах, в интересах всего общества, в интересах перехода от «предистории человека» к действительной, подлинной истории—к коммунистическому обществу.

«Большевик» № 2 за 1935 г.

---

[1] *Гегель*, Соч., т. VII, стр. 345.
[2] «Abhandlungen des I Kongresses d. Hegelbundes».

III

МАРКС — ОСНОВОПОЛОЖНИК ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

ЭНГЕЛЬС КАК ФИЛОСОФ

ЭНГЕЛЬС И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

К 65-ЛЕТИЮ «КАПИТАЛА» МАРКСА

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА — ФИЛОСОФИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ
И «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» ЛЕНИНА

СТАЛИН И МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

МАРКС—ОСНОВОПОЛОЖНИК ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Научный коммунизм представляет собою учение, которое возникло в середине XIX в., т. е. когда капитализм стал господствующей экономической силой в основных и решающих странах Европы, когда порожденный развитием капиталистического способа производства пролетариат вышел на историческую арену как самостоятельная политическая сила. Буржуазия как класс для утверждения своего господства провела огромную борьбу против феодальных отношений. Могучему расцвету капиталистического способа производства предшествовали крупнейшие революции буржуазии против господства феодализма.

Первое крупное политическое выступление буржуазии против средневековья, крепостничества было в *Германии*. Оно выразилось в двух политических движениях: низшего дворянства под руководством Франца фон-Зикингена в 1523 г. и в Великой крестьянской войне 1525 г. Вследствие нерешительности городской буржуазии оба эти движения, несмотря на большую заинтересованность буржуазии в их развитии, были подавлены.

Вторая крупная буржуазная революция—это *английская революция*, начатая городской буржуазией и поддержанная средним крестьянством. Именно из-за вмешательства и решительности крестьян и плебейских элементов эта революция привела английского короля Карла I на эшафот.

Наконец, самое крупное революционное движение буржуазии, сбросившей с себя религиозное облачение и выступившей всецело на политической почве,—это *Французская буржуазная*

революция 1789 г., приведшая в движение революционную мелкую буржуазию и широкие народные массы.

Эта революция нанесла феодализму решительный удар. Она разгромила феодальную знать, сокрушила феодальные отношения и добилась политической победы буржуазии.

Однако, как отмечает Энгельс, «промышленная и торговая буржуазия не успела еще окончательно устранить земельную аристократию от политической власти, как выступил на арену истории новый конкурент, рабочий класс»[1].

Порожденный технической революцией и развитием новых экономических отношений промышленный пролетариат в начале XIX в. вписывает ряд героических страниц в историю борьбы против новой формы эксплоатации, против капиталистического рабства. Развитие капитализма в первой половине XIX в. вызывает крупные, массовые рабочие движения: лионское восстание, чартизм, рост утопических социалистических теорий, возникновение революционных заговорщических организаций и т. д. и т. п. Но борьба рабочих против капиталистического способа производства вначале не носила последовательного характера. Она не связывалась еще с полным уничтожением самих *основ* капиталистического способа производства. В то время пролетариату недоставало еще в этой борьбе главного: научного понимания истинных законов капитализма и классовой борьбы, понимания условий своего освобождения, своего подлинного исторического назначения, недоставало научно разработанных стратегии и тактики, недоставало мощной революционной силы—партии рабочего класса.

Величайшая историческая заслуга Маркса и Энгельса заключается в том, что они помогли пролетариату осознать свое положение и условия своего освобождения, дали научное обоснование исторической миссии пролетариата и путей ликвидации капиталистических отношений, заложили прочные основы пролетарской партии.

В первой половине XIX в. капитализм достиг наибольшего развития в Англии. Благодаря своему экономическому положению, политике колониального грабежа английская буржуазия завоевала всемирный рынок и создала у себя крупную капиталистическую промышленность. Именно поэтому изучение законов развития капитализма, его внутренних тенденций, классовой борьбы пролетариата, его положения, его первых широких массовых движений было в наибольшей степени возможно в Англии. Именно в Англии классическая политическая экономия получила свое высшее развитие.

Положение во Франции к середине XIX в. было иное. Уровень развития капитализма в ней был ниже, чем в Англии. Несмотря

[1] *Энгельс,* Развитие социализма от утопии к науке, стр. 30, 1931 г.

на это, во Франции в наибольшей степени была развита *политическая* жизнь и мысль. Франция являлась страной, в которой происходило бурное политическое развитие. Июльская революция 1830 г. оказала огромное влияние на всю Европу. Во Франции получили большое развитие социалистические и коммунистические учения. Париж с его радикальной мелкой буржуазией, с его революционным пролетариатом являлся политическим центром всей Европы.

Совершенно другое положение было в Германии. По своему экономическому развитию она стояла значительно ниже Франции, была страной отсталой, разделенной к тому же на ряд отдельных полусамостоятельных государств. Политическая власть принадлежала феодальной аристократии. Широкая практическая политическая деятельность в стране была крайне стеснена. В силу этих условий наибольшее развитие получила поэтому чисто теоретическая, отвлеченная деятельность—философия, искусство. Немецкая классическая философия в лице Канта, Фихте, Гегеля создала величественные философские системы.

Марксизм как учение пролетариата возник на базе роста рабочего движения в передовых странах Европы, в которых рабочий класс сложился как самостоятельная политическая сила.

Ленин в своих трудах неоднократно подчеркивал, что марксизм представляет наиболее богатый и зрелый вывод из предшествующего научного развития, что он «законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»[1].

Ленин указывал, что, создавая свое учение, Маркс опирался на прочный фундамент знаний, добытых до него человечеством. Однако было бы большой погрешностью против существа марксизма, против ленинской его характеристики на этом остановиться. Ленин указывал, что Маркс *критически переработал* все, что было добыто предшествующим развитием науки, не оставив без внимания ни одного пункта, ни одного вопроса. Вся суть этой критической переработки состоит в том, что она дана с точки зрения задач, интересов, исторической роли пролетариата—этого наиболее революционного класса современности, класса-*разрушителя* капитализма, класса-*строителя*, созидателя коммунизма. Именно это обстоятельство обусловило то, что марксизм, как революционная теория, смог выйти далеко за пределы узкого буржуазного горизонта, на которых останавливались даже самые передовые представители буржуазной науки. Именно оно обусловило то, что марксизм как «прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии

[1] *Ленин*, Три источника и три составных части марксизма, Соч., т. XVI, стр. 349.

и социализма»[1] представляет собою научную теорию пролетариата, учение, объявившее беспощадную войну наемному рабству, учение, указывающее пролетариату пути ликвидации классов и всякой эксплоатации.

Очень часто приходится встречаться с непониманием и извращением существа марксизма в целом, существа марксистской философии в особенности вследствие непонимания того обстоятельства, что марксизм означал, с одной стороны, действительное и наиболее глубокое *овладение* всеми достижениями предшествующего идейного развития, а с другой стороны,—*всестороннюю критическую* переработку этого идейного материала под углом зрения интересов пролетариата, наиболее передового и революционного класса капиталистического общества. Очень часто в понимании происхождения марксизма подчеркивается только момент *овладения* прежней наукой и совершенно недоучитывается другая сторона этого процесса, которую непрестанно подчеркивал и развивал Ленин. Очень часто вульгаризаторы марксизма марксистскую философию представляют как теорию, возникающую в результате простого, механического сложения предшествующих философских теорий. В этом отношении Деборин дает нам «классические» образцы, действительно достойные того, чтобы они вошли в хрестоматию как примеры извращения марксизма. В своей книге «Введение в философию диалектического материализма» т. Деборин дал такое определение диалектического материализма:

«Диалектический материализм,—писал он,—заключает в себе в качестве «подчиненных моментов» и *феноменализм* (с его *психологическим методом*), и трансцендентальный идеализм (с его трансцендентальным методом, так как и диалектический материализм признает общеобязательность и необходимость рассудочных форм, поскольку они являются формами бытия, т. е. поскольку они абстрагированы от реального мира), и метафизический идеализм (с его *метафизическим методом*, относительную правомерность которого признает и диалектический материализм) с его признанием абсолютно-реального бытия и т. д.

Диалектический материализм, словом, примиряет и объединяет в высшем философском синтезе все течения философской мысли и представляет собою результат развития всей новой философии»[2].

Диалектический материализм, представляющий собою последовательное от начала до конца, стройное мировоззрение, не оставляющее места никаким шатаниям, никаким идеалистическим

[1] *Ленин*, Три источника и три составных части марксизма, Соч., т. XVI, стр. 349.

[2] *Деборин*, Введение в философию диалектического материализма, стр. 209, 1931 г.

выкрутасам, никакой эклектике, превращен Дебориным в «эклектическое месиво», в настоящий «универмаг», в философское учение, которое включает в себя все, что угодно. Вся эта «каша» освящается словами: «в высшем философском синтезе».

В своей речи на могиле Маркса Энгельс, характеризуя Маркса как гениального мыслителя и величайшего революционера, указывал, что, «подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории»; что «Маркс открыл также специальный закон движения современного капиталистического способа производства»[1]. Энгельс далее указывает, что одних этих величайших открытий достаточно для того, чтобы имя Маркса было бессмертным. Но Маркс сделал самостоятельные научные открытия в каждой области, которую он исследовал, даже в области математики. Однако характеристика Маркса как великого ученого, как человека науки будет просто недостаточной, если не понять того, что наука для Маркса имела значение только постольку, поскольку она могла быть орудием практики, орудием изменения мира.

«Ибо,—говорил Энгельс,—Маркс был прежде всего—революционер. Принимать тем или иным способом участие в разрушении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому *он* впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения,—вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба»[2].

Эта замечательная характеристика Маркса выражает вместе с тем важнейшую черту марксизма—соединение революционной теории и революционной практики, то их единство, без которого марксизм перестает быть марксизмом, становясь, по выражению Ленина, струвизмом, зомбартизмом, одним словом, типично буржуазным, апологетическим учением.

Только исходя из того, что марксизм как научный коммунизм, как руководство к действию пролетариата дает высшее соединение самой подлинной и строгой научности с ясной, последовательной до конца устремленностью в сторону насильственного свержения капитализма и создания через диктатуру пролетариата бесклассового коммунистического общества,—можно правильно понять все учение Маркса и Энгельса и их гениальных продолжателей—Ленина и Сталина. Без понимания *генезиса* марксистского учения, без правильного понимания философского и политического развития Маркса и Энгельса невозможно, конечно, правильное понимание существа их взглядов. Поэтому необходим хотя бы крат-

---

[1] *Энгельс*, 14 марта 1883 г., стр. 7, 1933 г.
[2] *Там же*, стр. 8.

кий обзор важнейших этапов их развития, их борьбы со всякого рода идеалистическими, утопическими, мелкобуржуазными теориями, в результате которой были сформированы их взгляды.

Маркс и Энгельс с первых шагов своей литературной деятельности вплоть до 1847 г., до «Манифеста коммунистической партии», прошли богатый путь борьбы. Нельзя правильно понять этот путь борьбы, если его представить только как путь философского развития Маркса и Энгельса. Несомненно, что преодоление ошибочных философских учений и выработка своего философского мировоззрения, материалистического понимания истории—важнейший момент этого развития. Однако Маркс и Энгельс ни в один период своей жизни не были только философами. Их философское развитие органически связано с самого начала с их активной политической деятельностью, с изучением социалистических теорий, истории классовой борьбы, положения рабочего класса и политической экономии. Формирование взглядов Маркса и Энгельса—редкий образец связи и единства теории и революционной практики, философии и политики. Поэтому всякая попытка изучать изолированно ход только философского развития Маркса и Энгельса, вне связи со всей эпохой, со всей совокупностью проблем рабочего движения, над которыми они работали уже с самого начала, обречена на неудачу и приводит к извращению генезиса и развития марксистского учения.

Обычное и широко распространенное представление как о происхождении, так и о содержании мировоззрения пролетариата—диалектического материализма—состоит в утверждении, что философия марксизма представляет собою синтез, сумму, механическое соединение диалектики Гегеля и материализма Фейербаха. Можно было бы привести огромное количество примеров такой трактовки вопроса из работ Деборина, Карева, Аксельрод, Бухарина, Варьяша, Сарабьянова и т. д. и т. п. Между тем нет ничего более неправильного и вульгаризирующего как генезис марксистской теории в целом, так и генезис марксистской философии, чем подобного рода утверждения. В основе такого понимания диалектического материализма лежит полное игнорирование того обстоятельства, что марксистская философия представляла собою *новую*, высшую ступень развития всей философии, ступень, означавшую *критическое* с точки зрения пролетариата преодоление как идеалистического характера гегелевской диалектики, так и ограниченностей материализма Фейербаха, его абстрактного и созерцательного характера.

Диалектический материализм вовсе не есть некое механическое соединение предшествующих философских направлений. Диалектический материализм сложился в результате борьбы и преодоления как гегельянства, так и фейербахианства. Философия марксизма—последовательный материализм, охватывающий как вопросы об-

щего мировоззрения, так и вопросы общественного развития. Философия марксизма—материалистическая диалектика, т. е. наука о наиболее общих законах развития природы, общества, человеческого мышления.

Из работ, посвященных философскому развитию Маркса, особое значение имеют работы Плеханова. В своей статье «О философской эволюции Маркса» Плеханов устанавливает «три различных фазиса» этой эволюции. В молодости, по мнению Плеханова, Маркс был «*безусловным поклонником Гегеля*». Это период конца 30-х годов и докторской диссертации Маркса «О различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (март 1841 г.). Второй фазис—это фейербаховский период, или же «антигегелевский». Наконец, последний фазис в развитии Маркса—это период марксистский, когда были выработаны основы новой точки зрения. Резюмируя свои мысли, Плеханов писал:

«*Но весь путь их представляет три этапа: первый этап—абстрактное Гегелевское самосознание, второй этап—конкретно-абстрактный человек Фейербаха, третий и последний этап—реальный человек*, живущий в реальном классовом обществе, в определенной общественно-экономической обстановке. Линия развития основателей материалистического понимания истории для нас, таким образом, вполне выяснена»[1].

Эта схема Плеханова страдает большими недостатками. В ней совершенно не отражено то специфическое и характерное, что было присуще Марксу и Энгельсу на всем протяжении их развития, с самых ранних литературных выступлений,—оригинальность и смелая самостоятельность их мышления, стремление, красной нитью проходящее по всем работам, связать теорию с практикой, философию с политикой, стремление сделать самые революционные выводы и найти в действительности ту материальную силу, которая была бы способна эти выводы осуществлять.

Верно, что в первый период своего развития Маркс был гегельянцем. Он принадлежал к самому крайнему крылу левых гегельянцев. *Неверно*, что Маркс и Энгельс в этот период их развития являются *безусловными*, как пишет Плеханов, гегельянцами. Верно, что, начиная с 1842—1843 гг., Маркс под влиянием философии Фейербаха становится материалистом. Верно, что гуманизм Фейербаха оказал на Маркса и Энгельса значительное влияние в этот период их развития. *Неверно*, что Маркс и Энгельс являются абсолютными антигегельянцами, не учитывающими всех достижений гегелевской философии, его диалектики. *Неверно*, что Маркс и Энгельс в этот период своего развития

---

[1] *Плеханов*, Философская эволюция Маркса, Соч., т. XVIII, стр. 333—334. Подчеркнуто мною.—*М. М.*

стоят на точке зрения «конкретно-абстрактного человека» Фейербаха.

Энгельс в предисловии к первому изданию «Развития социализма от утопии к науке» писал, что «мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля»[1]. В этом положении Энгельса выражено, с одной стороны, то революционизирующее значение, которое сыграла в общественном развитии Германии конца XVIII в. и первой трети XIX в. немецкая классическая философия, особенно диалектический метод, являющийся важнейшим узловым моментом этого развития, а, с другой стороны, ее роль в подготовке диалектического материализма.

Действительно, «подобно тому, как во Франции XVIII века, в Германии XIX века философская революция служила введением к политическому краху»[2]. Однако обе эти философские подготовки крайне разнятся друг от друга. В то время как французские материалисты открыто провозглашают атеизм, наносят беспощадные удары церкви и религии, развивают полные живого содержания и блеска, полные жизненной силы материалистические идеи,—в Германии господствует абстрактный, туманный идеализм. Гегелевская философия является венцом этого развития. Несмотря на крайнюю идеалистическую спекуляцию, несмотря на реакционные выводы Гегеля из своей философии, несмотря на исключительную трудность и сухость изложения,—все же в этом философском развитии, как подчеркивает Энгельс,—скрывалась революция.

«Однако то, чего не замечали ни правительство, ни либералы, видел уже в 1833 г., по крайней мере, один человек; он назывался, правда, Генрих Гейне»[3].

Действительно, Гейне в своей своеобразной и замечательной работе «К истории религии и философии в Германии» дал образную характеристику революционизирующего значения немецкой классической философии.

«Немецкая философия—дело важное,—писал он,—касающееся всего человечества, и только наши позднейшие потомки будут в состоянии решить—порицания или похвалы стоим мы за то, что выработали сперва нашу философию, а потом уже нашу революцию... Головы, которые философия употребила на мышление, могут быть скошены потом революцией для любых целей. Но философия никак не могла бы употребить для своих целей головы, которые были срублены предшествовавшей ей революцией. Впрочем, не беспокойтесь вы, немецкие республиканцы: немецкая

---

[1] *Энгельс*, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 6, 1936 г.
[2] *Энгельс*. Людвиг Фейербах, стр. 5, 1936 г.
[3] *Там же*, стр. 6.

революция не сделается снисходительнее и мягче от того, что ей предшествовали критика Канта, трансцендентальный идеализм Фихте и даже натурфилософия. Эти учения развили революционные силы, ожидающие только мгновения, чтобы вспыхнуть и наполнить мир изумлением и ужасом. Тогда появятся кантианцы, для которых и в мире явлений нет ничего священного и которые без милосердия топором и мечом перероют почву нашей европейской жизни для истребления в ней последних корней прошедшего. Тогда выйдут на сцену вооруженные фихтианцы, в которых фанатизм воли нельзя будет обуздать ни угрозами, ни подкупом... Но еще страшнее всех будут натурфилософы (т. е. гегельянцы.—*М. М.*), которые примут активное участие в немецкой революции и сами отождествят себя с делом разрушения»[1].

Так живописует Гейне революционное значение, которое имела немецкая классическая философия в деле подготовки революции 1848 г. Надо сказать, что слова Гейне о гегельянцах звучали прямо пророчески, ибо Маркс и Энгельс как раз и примыкали к среде левых гегельянцев.

Несмотря на то, что учение Гегеля было революционным, он вопреки своему диалектическому методу в своей «Философии права» пришел к крайне реакционным выводам и с точки зрения своего абсолютного духа «освятил» монархию Фридриха-Вильгельма III. Понятно, что он был возведен в сан «государственного философа» и правительство отдавало предпочтение при замещении профессорских кафедр последователям гегелевского учения. Тщетно вожди идейной реакции, почувствовавшие революционное нутро этой философии,—Шубарт, Генрих Лео, Вольфганг Менцель—внушали министру просвещения Альтенштейну, что ничего хорошего не выйдет из этого покровительства «гегельянчикам». И действительно, пока слабо бился пульс общественной жизни, из философии Гегеля делались по преимуществу реакционные выводы; когда же в середине 30-х годов началось общественное и политическое оживление, в лагере гегельянцев произошел раскол и образовалось левое крыло гегельянцев, так называемые младогегельянцы. В 1838 г. Руге и Эхтермайер основали «Галльские летописи», которые затем были перенесены в Лейпциг. Задача этих летописей состояла в том, чтобы стать центром объединения всех прогрессивных сил и под философским флагом, в форме абстрактных и туманных положений, вести борьбу против авторитетов, против церкви и т. д.

---

[1] *Гейне*, т. III, стр. 114, 1904 г. В своей книжке «Энгельс как мыслитель» кантианец Макс Адлер приводит эту цитату из Гейне, однако опуская место: «...и которые без милосердия топором и мечом перероют почву нашей европейской жизни для истребления в ней последних корней прошедшего». «Природа» Адлера никак не приемлет этих слов Гейне, написанных еще в 30-х годах прошлого столетия.

Левое гегельянство все больше и больше покидало философию и переходило к вопросам политики. Однако прежде всего «движение воды» и отход от ортодоксального гегельянства обнаружился в вопросах теологии. Один из учеников Гегеля, исходя из его «философии и религии», поставил перед собой задачу подвергнуть научному и критическому рассмотрению вопрос о возникновении религиозных мифов. Это был Давид-Фридрих Штраус, который в 1835 г. выпустил книгу «Жизнь Иисуса, критически обработанная». Эта книга составила поистине революционную эпоху. Книга Штрауса вызвала возражения и среди левых гегельянцев. Бруно Бауэр в 1840 г. выпустил свою книгу—«Критика евангельской истории Иоанна» и затем «Критику евангельской истории синоптиков», которые наделали очень много шуму. Спор между Штраусом и Бауэром был спором о *субстанции*. с одной стороны, и о *самосознании*—с другой. Каждый из них брал одну из сторон гегелевского учения и клал в основу исследования религиозных мифов. Штраус, объяснявший возникновение евангельских рассказов бессознательным творчеством евангельской общины, стоял на точке зрения *субстанции*. Бауэр же, стоявший на точке зрения *самосознания*, доказывал, что евангельские рассказы сознательно были придуманы евангелистами. Как отмечал Плеханов, спор был несравненно шире, затрагивал ряд философско-социологических проблем крупного порядка, в частности проблему роли личности в истории. Во всяком случае, как работа Штрауса, так и работа Бруно Бауэра наносили серьезнейшие удары религии и ее догмам и играли крупную роль в дальнейшем развитии общественного движения. Этот спор свидетельствовал о том, что левые гегельянцы переступили порог философской системы Гегеля.

«На место религии «критика» хотела поставить философию. Однако и философия не была, в ее глазах, сама себе целью. Торжество философии должно было уравнять путь для переустройства общества на разумных основаниях и для дальнейшего поступательного движения человечества. Это,—казалось бы,—вполне прогрессивная программа»[1].

Однако эта программа в силу ее идеализма была прогрессивной только по виду.

Маркс и Энгельс, примыкая к левым гегельянцам, стояли на крайнем фланге, стремясь сделать самые революционные выводы из своих философских взглядов. Маркс вместе с основной группой младогегельянцев был в начальные этапы своего развития под сильным влиянием гегелевского учения о государстве. Вместе с этой же основной группой он по мере роста революционного настроения в Германии, по мере того как накалялась политиче-

[1] *Плеханов*, От идеализма к материализму, Соч., т. XVIII, стр. 161.

ская атмосфера, подходил от философии к политике, постановке, анализу и разрешению актуальных политических вопросов.

Если проанализировать докторскую диссертацию Маркса, то окажется, что Маркс в этот период стоял еще на идеалистической гегельянской точке зрения. Человеческое самосознание признается им высшим критерием. Однако Маркс уже в этой своей работе направляет против Гегеля, против младогегельянцев много критических замечаний.

Так, например, Маркс в предисловии к «Докторской диссертации» бросает по адресу Гегеля следующие критические замечания:

«Этому колоссальному мыслителю мешал признать за этими системами (речь идет о системах Демокрита и Эпикура.—*М. М.*) высокое значение их для истории греческой философии и для греческого ума вообще его взгляд на то, что он называл спекулятивным par excellence. Эти системы составляют ключ к пониманию истинной истории греческой философии»[1].

Маркс, состоя в докторском клубе младогегельянцев в Берлине в этот период своего развития, принимая точку зрения самосознания, делает, однако, из гегелевской философии самые революционные выводы.

С осени 1824 г. Маркс был приглашен редактировать «Рейнскую газету». В ряде статей в этой газете Маркс в общем еще стоит на точке зрения гегелевского учения о государстве. К текущим вопросам, по которым ему приходилось писать, он подходит с точки зрения анализа «понятий» частной собственности, права, «понятий» государства и т. д. Однако и в этих статьях общий гегельянский их характер сочетается с исключительной силой анализа действительных отношений, со страстным революционным пылом, с наиболее далеко идущими выводами, направленными не только против феодального государства, но и против либерализма. Понятно, что все это значительно отличается от безусловно гегельянской точки зрения.

«Сущность христианства» Фейербаха вышла в свет в 1841 г. Несомненно, что ее влияние на Маркса было огромно. Несомненно, что эта книга, «давшая отставку мировому духу» Гегеля, нанесшая решительные удары идеализму и теологии, смело и открыто провозгласившая материализм, имела огромное освобождающее влияние на все молодое поколение. Маркс вскоре становится на материалистическую точку зрения. Уже в письме от 20 марта 1842 г. к Руге он пишет, что не успел еще приготовить, согласно плану своей работы, критики гегелевской философии права с новой точки зрения. По вопросу же о взглядах Фейербаха он тогда уже пишет следующее:

«В самом трактате я непременно должен буду говорить о сущ-

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. I, стр. 25—26.

ности религии, причем я вступлю с Фейербахом в коллизию, касающуюся не принципа, но его изложения. Религия от этого во всяком случае останется не в выигрыше»[1].

Таким образом, мы видим, что Маркс, соглашаясь с принципами критики религии Фейербаха, вместе с тем отмечает свое несогласие с характером изложения и обещает по-своему разделаться с религией. В письме от 18 марта 1843 г. Маркс делает по поводу Фейербаха следующее замечание:

«Афоризмы Фейербаха страдают, на мой взгляд, в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало на политику. Меж тем, это—единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать идейной»[2].

Таким образом, уже в этот период Маркс, став на точку зрения материализма, улавливает действительно слабые стороны материализма Фейербаха, идет от него дальше, политизируя, так сказать, материализм, связывая философское мировоззрение с активной политической и революционной деятельностью.

Особое значение для понимания развития Маркса имеет его работа «К критике гегелевской философии права». Она была напечатана в 1844 г. в «Немецко-французских ежегодниках». Эта работа молодого Маркса представляет исключительный интерес по богатству содержания. Давая развернутую критику идеализма Гегеля, показывая, как он во всех областях, в том числе и в праве, заменяет «логику дела» «делом логики», подробно обосновывая свою материалистическую позицию, Маркс обнаруживает вместе с тем значительные элементы фейербаховского гуманизма. Однако и по кругу рассматриваемых вопросов, и по объему и содержанию проблем, и по глубине их трактовки, особенно в применении материализма к явлениям общественной жизни, молодой Маркс подымается высоко над ограниченностями материализма Фейербаха. В самом деле, подробная критика Гегеля по таким вопросам, как гражданское общество, внутренние противоречия гражданского общества, политический строй, социальные сословия, классы, историческое развитие различных форм политического устройства, обнаруживает то огромное преимущество перед гуманизмом Фейербаха, которое характерно для материализма Маркса этого периода. В этой своей работе Маркс впервые уже употребляет слово «пролетариат». В ней впервые вспыхивает искра сознания исторической роли пролетариата. Маркс в результате анализа внутренних противоречий гражданского общества нашел ту материальную силу, которая сможет опрокинуть современный строй. Именно в этой работе Маркс дает свои знаменитые положения:

«Оружие критики не может, конечно, заменить критики ору-

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. I, стр. 522.
[2] *Там же*, стр. 532.

жием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»[1].

Маркс, осознавши историческую роль пролетариата и все значение для его борьбы революционной теории, возникающей в ней как вывод из развития философии, пишет: «Как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие»[2]. Маркс в этот период крайне критически относится к *идеализму* Гегеля, однако он признает большое значение гегелевской диалектики. Маркс мастерски владеет уже в основном материалистической диалектикой в анализе важнейших актуальных политических проблем. Фейербаховский гуманизм оставлен Марксом по существу далеко позади.

В «Критике гегелевской философии права» Маркс дает блестящую критику идеализма Гегеля. Он указывает, что Гегель «развивает свою мысль не из предмета, а конструирует свой предмет по образцу завершившего, именно—в абстрактной сфере логики завершившего, свой круг мышления. Задача тут не в том, чтобы развить конкретную идею политического устройства, а в том, чтобы политическое устройство поставить в отношение к абстрактной идее, сделать первое моментом развития идеи,—что представляет собой явную мистификацию»[3].

Маркс в этой своей работе дает критику не только идеализма в области права, а идеалистической концепции Гегеля в целом. Он указывает, что «основным недостатком гегелевской концепции» является известный дуализм, в силу которого всеобщее не рассматривается как «действительная» сущность действительно конечного, т. е. существующего, определенного, а по существу в разрыве с ним. В применении к вопросам права Маркс указывает, что у Гегеля «центр интереса не в сфере философии права, а в сфере логики», «не логика дела», а «дело логики» является философским моментом. В этой же работе Маркс дает исключительно глубокую критику ряда важнейших проблем диалектики, последовательное разрешение которых до конца у Гегеля было невозможно в силу того, что его диалектика была диалектикой идеалистической. Маркс указывает, что «*резкость действительных противоположностей* считается чем-то вредным или что считают нужным по возможности помешать превращению этих противоположностей в крайности, между тем как это превращение означает не что иное, как, с одной стороны, их

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. I, стр. 406.
[2] *Там же*, стр. 412.
[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. III, стр. 151.

самопознание, так, с другой стороны—их воодушевление к решительной взаимной борьбе»[1].

Для понимания возникновения и развития марксистского мировоззрения имеет огромное значение борьба Маркса с младогегельянцами, немецкими субъективистами и утопистами-социалистами первой половины 40-х годов. Эта критическая работа выросла в книгу «Святое семейство» или «Критика «критической критики» против Бруно Бауэра и К°». Предисловие помечено сентябрем 1844 г. В этой книге Маркс и Энгельс защищают «реальный гуманизм» против «пьяной немецкой спекуляции», получившей большое развитие как раз в эти годы в трудах младогегельянцев, Бауэра, «Литературной газеты». Эти младогегельянцы на место действительного человека ставят «самосознание», противопоставляют «дух» и «массу», «критическое самосознание» и «пассивный элемент истории». «Святое семейство» представляет собой важный шаг вперед в духовном развитии Маркса и Энгельса. Маркс очень высоко ставит Фейербаха; во многих местах этой работы чувствуются еще значительные нотки фейербаховского гуманизма, однако, по существу Марксом преодолена уже точка зрения абстрактного человека. Маркс в «Святом семействе» таким образом оценивает исторические заслуги Фейербаха: «Кто уничтожил диалектику понятий—войну богов, знакомую только философам? *Фейербах*. Кто поставил на место старой рухляди, на место «бесконечного самосознания» не «значение *человека* (точно человек имеет еще какое-то другое значение, как не то, что он человек!), а самого «*человека*»? *Фейербах* и только *Фейербах*»[2].

Маркс в это время уже вплотную подошел к материалистическому пониманию истории. Вместо абстрактного биологического, родового отношения «человека к человеку», которое имеется у Фейербаха, Маркс рассматривает это отношение как *общественное отношение*. Вместо фейербаховской абстрактной сущности человека Маркс анализирует в этой работе человека как продукт исторического развития, формулирует свои положения о роли и значении развития промышленности для всего общественного процесса, о роли и значении развития производительных сил в историческом процессе.

Блестяще владея материалистической диалектикой, «Маркс подходит здесь от гегелевской философии к социализму: переход наблюдается явственно—видно, чем уже овладел Маркс и как он переходит к новому кругу идей»[3]. Как указывает Ленин, здесь мы имеем «почти уже сложившийся взгляд Маркса на революционную роль пролетариата». В этой же работе Маркса мы читаем:

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. III, стр. 214.
[2] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. III, стр. 117.
[3] «Ленинский сборник» XII, стр. 31.

«Но он не может освободить себя, не упразднив своих собственных жизненных условий. Он не может упразднить своих собственных жизненных условий, не упразднив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сосредоточившихся в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, закаляющую школу *труда*. Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель отдельный пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое* пролетариат, и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать»[1].

С этой точки зрения он анализирует противоречия классового общества, положение пролетариата при капитализме как «*разрушительной стороны*», противоречия буржуазного общества. Маркс вместе с тем в этой работе отмечает, что, «одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упразднив самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезают как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность—частная собственность»[2].

Эти строки Маркса, написанные почти девяносто лет тому назад, не потеряли своего значения и по сегодняшний день. Наоборот, они особенно свежи именно для настоящего исторического периода.

Таким образом, мы видим с полной ясностью, насколько неправильна схема Плеханова, который считает, что как раз «Святое семейство» является наиболее характерным произведением того периода развития Маркса, в течение которого Маркс якобы стоял на точке зрения «конкретно-абстрактного человека» Фейербаха.

Из наиболее важных и крупных работ последующего периода, непосредственно предшествующих и подготовляющих «Манифест коммунистической партии», наиболее важным произведением является «Немецкая идеология», в которой впервые дается развернутое изложение материалистического понимания истории, и «Нищета философии», в которой даются основы экономического учения марксизма.

В «Немецкой идеологии» (впервые полностью вышедшей только теперь, в издании Института Маркса—Энгельса—Ленина), которая писалась с осени 1845 г. по осень 1846 г., Маркс окончательно преодолевает ограниченность созерцательного материализма и дает законченное изложение диалектического материализма и материалистического понимания истории. Разоблачая всю никчемность «немецких идеологов» всякого рода, растворяющих всю дей-

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. III, стр. 56.
[2] *Там же*, стр. 55.

ствительность в фантастических порождениях своей головы, Маркс и Энгельс писали:

«Предпосылки, о которых мы начинаем,—не произвольны, они—не догматы; это—действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это—действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как находимые ими уже готовыми, так и созданные их собственной деятельностью»[1].

Разоблачая недостаточность фейербаховского материализма, у которого разошлись материализм и история, Маркс создает законченный и последовательный до конца материализм в том смысле, что проводит материалистическую точку зрения в применении к явлениям общественной жизни.

Критика и преодоление учений «истинного социализма», получившего развитие к середине 40-х годов и выражающего *политически* мелкобуржуазные утопические мечтания, отрицание политической деятельности, представления о том, что социализм может наступить путем «просветления умов и сердец», и *теоретически* безудержную философскую спекуляцию, растворяющую все в мыслительных категориях, преодоление представителей так называемой «немецкой идеологии», которые, по выражению Маркса, «своим блеянием лишь философски воспроизводят представления немецких буржуа»,—критика всего этого имела большое политическое значение. Критика двух видных деятелей социализма 40-х годов—Прудона, который не пошел дальше кругозора французского мелкого буржуа, и Вейтлинга, который не пошел дальше кругозора мелкого немецкого ремесленника,—подводила итоги всему предшествующему развитию и привела Маркса и Энгельса к формулировке важнейших идей.

Маркс и Энгельс были на первом этапе своего развития гегельянцами. Под влиянием Фейербаха они стали материалистами. Преодолев ограниченность фейербаховского материализма и развивая свои философские позиции в неразрывной связи с активной политической деятельностью, они стали основоположниками диалектического материализма. Овладев всем опытом богатого развития классовой борьбы, учением утопических социалистов, немецкой классической философией, Маркс и Энгельс стали творцами и создателями научного коммунизма. Диалектический материализм, материалистическое понимание истории и научный коммунизм связаны между собою органически, неразрывно. Весь путь философского развития Маркса и Энгельса показывает, как философия сплетается у них с политикой, как формирование марксистской философии означало развитие научного коммунизма, идеи пролетарской революции, идеи насильственного свержения

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. IV, стр. 10.

буржуазии. «Коммунистический манифест»—величественный итог, венец всего рассмотренного нами предшествующего развития. Это гениальное, единственное в своем роде, бессмертное произведение имеет в качестве теоретической базы критическое преодоление философии Гегеля, ограниченностей материализма Фейербаха, философской спекуляции младогегельянцев, немецких идеологов 40-х годов. На этой основе построено материалистическое понимание истории. «Коммунистический манифест» создан на базе изучения истории французской революции, положения и борьбы пролетариата в Англии, Франции, Германии, критического преодоления народнического утопизма Карла Грюна, мелкобуржуазного социализма Прудона, Вейтлинга; отсюда создание основ экономического учения марксизма, а из активной политической деятельности — создание основ пролетарской стратегии и тактики.

Ленин писал о «Коммунистическом манифесте» следующее:

«В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всесторонее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»[1].

Краткий обзор происхождения и развития марксизма в целом и его «коренного теоретического основания»—материалистической диалектики показал, что единство теории и практики, высшая научная строгость и находящаяся с ней во внутреннем и неразрывном единстве пролетарская революционность являются важнейшим моментом, характеризующим марксово учение.

Маркс создал законченный и последовательный до конца материализм в том смысле, что провел материалистическую точку зрения в применении к явлениям общественной жизни. Именно это обстоятельство—открытие материалистического понимания истории—в свою очередь означало исключительно *глубокое и последовательное разрешение основных общих философских проблем*, вопросов теории познания. Проблема соотношения субъекта и объекта поднята была Марксом на огромную теоретическую высоту. Маркс подошел к рассмотрению этого вопроса с точки зрения того, что «человек—историческая природа», что он имеет перед собой «природную, естественную историю». Тем самым к вопросу о взаимоотношении природы и человека была применена историческая, диалектическая точка зрения.

Субъект Маркса—это не абстрактное, родовое существо Фейербаха. Субъект Маркса—это исторический субъект. Человек Маркса—это человек классового общества, в котором происхо-

[1] *Ленин*, Карл Маркс, Соч., т. XVIII, стр. 6.

дит классовая борьба. Таким образом, классовая деятельность людей, их революционная практическая деятельность является вместе с тем важнейшим моментом самой теории познания, самого материалистического разрешения вопроса *о соотношении субъекта и объекта*. Многие полагают, что проблема партийности есть нечто внешнее, привнесенное извне к разрешению основных гносеологических вопросов. Между тем, если правильно понять суть материализма Маркса, если понять тот глубокий историзм, который проведен им по отношению к основному вопросу гносеологии, то окажется, что проблемы классовости, партийности, общественной исторической практики являются моментами содержания самих вопросов теории познания. Именно это обстоятельство обусловило последовательный до конца, законченный материализм Маркса, являющийся великим орудием познания и действия в руках рабочего класса.

Вот почему в «Немецкой идеологии», окончательно преодолевая ограниченность материализма Фейербаха, Маркс и Энгельс писали:

«Поскольку Фейербах материалист, он не занимается историей, поскольку же он рассматривает историю—он вовсе не материалист. Материализм и история у него совершенно не связаны друг с другом, что, впрочем, ясно уже из сказанного»[1].

Эта критика Фейербаха означает уже последовательно развернутый взгляд исторического материализма; она показывает, в *каком направлении* развивали Маркс и Энгельс свой материализм. Маркс и Энгельс рассматривают не только субъект как исторический субъект, они и окружающий общественного человека чувственный объективный мир рассматривают не как нечто застывшее, как «всегда себе равную вещь», а как результат исторического развития, как результат деятельности целого ряда поколений, как продукт развития промышленности, при том, конечно, исходном пункте, что объект—первичное, а субъект—вторичное. Только при такой широко примененной исторической точке зрения Маркс и Энгельс смогли притти к следующему выводу: «для *практического* материалиста, т. е. для *коммуниста* все дело в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против существующего положения вещей и изменить его»[2].

Отсюда ясно, какая глубокая внутренняя связь существует между материалистической диалектикой—как *философией пролетариата—и научным коммунизмом, между философией и теорией пролетарской революции, между гносеологией марксизма и учением о диктатуре пролетариата*. Именно поэтому Эн-

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. IV, стр. 35.
[2] *Там же*, стр. 33.

гельс писал: «Поскольку, с одной стороны, для возникновения научного социализма необходима была немецкая диалектика, постольку же, с другой стороны, были необходимы развитые экономические и политические условия Англии и Франции»[1]. И далее: «Материалистическое понимание истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики»[2].

Материалистическая диалектика является орудием познания и изменения мира. Благодаря применению метода материалистической диалектики к анализу законов возникновения, развития и гибели капитализма, Маркс смог написать свое монументальное произведение—«Капитал». «Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии,—писал Энгельс,—мы считаем результатом, который едва ли уступает по своему значению материалистическому основному воззрению»[3]. «Капитал» Маркса—экономическая наука, систематически изложенная в ее внутренней диалектической связи. «Капитал» Маркса, в котором изложено экономическое учение марксизма, является не только экономическим произведением в узком смысле слова. «Капитал» Маркса дает картину действительного исторического процесса возникновения и развития современного способа производства, всех внутренних его противоречий. Глубоко ошибались те, кто пытались рассматривать «Капитал» только как книгу по экономической истории буржуазного общества или просто как книгу по истории капитализма. Величие Маркса состоит в том, что он на основе детальной проработки всего исторического материала дал *логику*, *диалектику* развития капитала и его гибели. Величие Маркса состоит в том, что он применил выработанный им в борьбе с идеализмом гегельянцев и с ограниченными сторонами материализма Фейербаха метод материалистической диалектики к капиталистическому способу производства. «Если Маркс не оставил «*Логики*» (с большой буквы),—писал Ленин,—то он оставил *логику* «Капитала»... В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма (не надо 3-х слов: это одно и то же), взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»[4].

Маркс и Энгельс на протяжении многих десятилетий революционной практической деятельности в качестве вождей и руководителей международного рабочего движения разрабатывали с точки зрения материалистической диалектики основы пролетар-

---

[1] *Энгельс*, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 5, примечание, 1936 г.

[2] *Там же*, стр. 5—6.

[3] *Маркс*, К критике политической экономии. Рецензия Энгельса, стр. 208, 1933 г.

[4] *Ленин*, Философские тетради, стр. 241.

ской стратегии и тактики в борьбе с капитализмом. Ленин указывал, что материализм без этой стороны дела, т. е. без вопросов стратегии и тактики, является материализмом половинчатым, мертвенным, односторонним.

«Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее,—к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,—вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [1].

Ленин в исключительно яркой, насыщенной глубоким теоретическим содержанием статье «К русскому переводу писем К. Маркса к Кугельману» клеймил со всей революционной страстью на примере марксова отношения к Парижской коммуне оппортунизм русских меньшевиков и знаменитое плехановское положение: «Не надо было браться за оружие». Вскрывая «расслабленный скептицизмом», «отупленный педантством» оппортунизм российских меньшевиков, Ленин призывает учиться у теоретика и вождя пролетариата Маркса умению звать рабочий класс к отстаиванию последовательно и до конца своих революционных задач, к твердости духа, к умению не смущаться временными неудачами революции. В связи с этим Ленин дает следующую характеристику марксовой теории:

«Педанты марксизма думают: это все этическая болтовня, романтика, отсутствие реализма! Нет, господа, это—соединение революционной теории с революционной политикой, то соединение, без которого марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом. Доктрина Маркса связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы. И тот не марксист, кто теорию, трезво констатирующую объективное положение, извращает в оправдание существующего, доходя до стремления подделаться поскорее к каждому временному упадку революции, бросить поскорее «революционные иллюзии» и взяться за «реальное» крохоборство» [2].

Вся история большевизма, которая базируется на «гранитной базе марксистской теории», дает образец такого соединения теории и практики. Вся история большевизма представляет собой воплощение в жизни, проведение в условиях новой исторической полосы марксистского учения, его дальнейшую конкретизацию и развитие в соответствии с задачами рабочего класса эпохи империализма и пролетарской революции. Вот почему *в новый исто-*

---

[1] *Ленин*, Переписка Маркса с Энгельсом, Соч., т. XVII, стр. 30.
[2] *Ленин*, Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса, Соч., т. X, стр. 364.

рический период нет и не могло быть марксизма без Ленина, без ленинизма. Вот почему нельзя теперь изучать марксизм, понимать его без изучения работ Ленина, Сталина, без изучения всей истории большевизма, истории нашей партии, ее генеральной линии.

К самому концу XIX в. капитализм вступил в новый этап своего развития—наступила эпоха империализма и пролетарских революций. Империализм как «умирающий капитализм», как «канун» социалистической революции означал гигантское обострение всех противоречий капитализма: между пролетариатом и буржуазией, между различными финансовыми группами, между империалистическими державами, между господствующими нациями и угнетенными колониальными странами. Империализм означал вступление капитализма в период гигантских классовых битв и столкновений, катастрофического этапа своего развития. Империализм означал крайнее усложнение всей обстановки, своеобразие и переплетение противоречий, новые формы классовой борьбы, задачи непосредственной подготовки пролетариата к социалистической революции, к борьбе за диктатуру пролетариата.

И вот тут-то со всей силой сказался весь боевой, творческий характер марксистского учения, воплощенный в Ленине, в большевизме. В борьбе с оппортунистическим искажением марксизма, с отказом ревизионистов и центристов всякого толка от материалистической диалектики, в борьбе с идеалистической реакцией, получившей особое распространение в новую эпоху, Ленин отстоял, восстановил и дальше развил революционный метод Маркса.

Ленин дал величайшие образцы дальнейшего теоретического развития и применения метода диалектического материализма ко всем основным вопросам эпохи империализма и пролетарской революции, к своеобразию обстановки в России конца XIX и первой четверти XX в.

«Честь генеральной проверки и генеральной чистки авгиевых конюшен II Интернационала выпала на долю ленинизма»[1],—писал товарищ Сталин. Эта проверка потребовала не только восстановления, очищения, но и дальнейшего развития философии марксизма, его острейшего теоретического оружия—материалистической диалектики.

Для философских позиций вождей, «теоретиков» II Интернационала характерны следующие основные черты: а) отрыв экономической стороны марксизма от политической и обеих этих сторон марксизма от его философской основы, провозглашение и проповедывание в связи с этим лозунгов—«долой материализм» и «назад к Канту», соединение марксизма с кантианством, с ма-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 9, изд. 10-е.

хизмом, проповедь этического идеализма и т. д.; утверждения о том, будто слово «материализм» у Маркса—нечто случайное и означает только «антиидеализм» (Макс Адлер); б) отказ от диалектики, якобы являющейся «ловушкой» на пути к истинному познанию, неопределенным пережитком гегельянщины у Маркса и Энгельса. Отсюда знаменитый лозунг Бернштейна—«долой диалектику!» Отсюда преклонение вождей II Интернационала перед вульгарным позитивизмом, перед разного рода вульгарно-материалистическими, механистическими теориями. Мировоззрение виднейших «теоретиков» и столпов II Интернационала обнаруживало свой насквозь, от начала и до конца, буржуазный характер. В основе этих извращений философии марксизма лежит разрыв между теорией и практикой, между словом и делом, характерный для II Интернационала.

С наибольшей полнотой и отчетливостью все эти позиции в довоенном II Интернационале были выражены у оппортунистов открытых (например, у Бернштейна). Оппортунисты прикрытые, так называемые «ортодоксы», центристы (Каутский, Троцкий) и в этих вопросах приспособлялись к открытым оппортунистам, по существу сдавали им все позиции.

Эти позиции, нашедшие свое выражение уже в работах оппортунистов, в довоенное время, получают свое дальнейшее развитие в послевоенный период. Превращение материалистической диалектики в сплошную софистику, опошление материалистического мировоззрения, господство всякого рода идеалистических «новейших» теорий буржуазного позитивизма, беспардонной эклектики—вот чем характеризуются «современные» философские взгляды вождей II Интернационала.

Надо отметить, что и левые социал-демократы—Роза Люксембург, Ф. Меринг, Паннекук в своих философских взглядах допускали огромные погрешности против диалектического материализма. Для мировоззрения Розы Люксембург были характерны механицизм и идеализм. Ее теория автоматического краха капитализма—яркий образец механистической концепции в области политической экономии. Меринг, дававший в своих исторических литературных работах отдельные образцы материалистической диалектики, в ряде основных вопросов марксизма, в вопросах общефилософского мировоззрения стоял на позициях механистического, естественно-научного материализма. Паннекук проповедует «Дицгенизм», махистски извращая при этом диалектический материализм.

Борясь со всеми и всяческими формами философского ревизионизма, Ленин одновременно боролся и против грубейших извращений диалектического материализма со стороны Плеханова, которого он в философском отношении выделял среди других представителей II Интернационала.

В борьбе с ревизионизмом и оппортунизмом, который в области философии, как и в других областях, шел в хвосте профессорской науки, в борьбе с его отказом от диалектического материализма как общего мировоззрения и метода пролетариата Ленин в полном соответствии с задачами новой исторической эпохи высоко поднимает знамя философии марксизма. Ленин упрекает Плеханова за то, что он, написавши больше тысячи страниц по философии, не написал ничего о материалистической диалектике как о философской науке марксизма.

Ленин развил дальше материалистическую диалектику как философскую науку, он развил дальше вопросы единства диалектики, логики—теории познания. Он дал развернутую и уничтожающую критику всем «антиматериалистическим» течениям новой эпохи. Особое значение имеет ленинская борьба против махизма и богдановщины. Ленин обобщил с точки зрения диалектического материализма новейшие открытия в области естествознания. Он показал, как должен диалектический материализм «сладить» с революцией в области естествознания.

Развивая материалистическую диалектику как науку, Ленин *главное* внимание посвятил при этом разработке «ядра диалектики»—закона единства противоположностей. И это не случайно. Именно эпоха империализма со всем комплексом ее антагонизмов и противоречий, с ее крайне сложным переплетом в соотношении классовых сил, с ее крайним обострением борьбы классов выдвигала на первое место задачу специальной разработки этого основного закона диалектики.

Величие Ленина как теоретика пролетариата, как человека, который дал анализ и раскрыл закономерности исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарской революции, состоит в том, что он, исходя из принципов марксизма, не изменяя ни одного из них и не внося новых принципов, развил *все составные части* марксизма применительно к новым условиям и задачам классовой борьбы пролетариата. Для того чтобы понять *существо* того нового, что внес Ленин в развитие марксизма—и в области философии, и в области экономики, и в области стратегии и тактики,—для этого надо исходить из главного в ленинизме—из его учения о диктатуре пролетариата. Главное в ленинизме—учение о диктатуре пролетариата—определяло и определяет задачи и направление работы, развитие отдельных сторон составных частей ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции. Из этого надо исходить для понимания того нового, что внесено Лениным в развитие философии марксизма. Надо при этом проанализировать обстановку, условия, конкретные задачи пролетариата в его борьбе за пролетарскую революцию, которые требовали конкретизации и дальнейшего развития его философского оружия.

Если перейти к характеристике условий, своеобразия новой эпохи и задач, которые стояли перед рабочим классом в области теоретической разработки проблем философии марксизма, то надо отметить следующее.

Во-первых, *господство идеализма среди широких кругов интеллигенции и буржуазных ученых.* В этом отношении существует большая разница между эпохой домонополистического капитализма и эпохой господства монополии. Политической особенностью империализма, как неоднократно отмечает Ленин, является *«реакция по всей линии».* Эта «реакция по всей линии» получает свое яркое отражение в науке. Со вступлением капитализма в новую фазу усилился поворот широких кругов буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции в сторону идеализма, мистики, поповщины. Широкие научные круги все более и более стали отворачиваться от материализма. В этом отношении крайне характерна судьба книги Геккеля «Мировые загадки» и та идеалистическая вакханалия, свистопляска, которая поднялась в буржуазной печати в связи с выходом ее в свет.

Во-вторых, *глубокий кризис физики и всего естествознания, получивший большое развитие уже в начале XX в.* Вся наука, в особенности физика, прошла громадное развитие, приведшее к смене основных старых представлений о структуре материи, о пространстве и времени, о материи и движении, о принципе причинности и т. д. Открытие электрона, теория относительности, квантовая механика и т. д. создали целый переворот в старых представлениях. На этом основании многие буржуазные ученые стали делать реакционные идеалистические выводы. Ленин указывает на развитие «физического идеализма», «физиологического идеализма» и т. д. и т. п. Ленин подчеркивает, что тут «перед нами некоторое международное идейное течение, не зависящее от какой-нибудь одной философской системы, а вытекающее из некоторых общих причин, лежащих вне философии»[1].

Ленин подчеркивает, что «*суть* кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом. «Материя исчезла» — так можно выразить основное и типичное по отношению ко многим частным вопросам затруднение, создавшее этот кризис»[2].

В-третьих, *специализация всей буржуазной философии на всякого рода гносеологических вопросах, на всякого рода гносеологических тонкостях с целью подвести всякого рода философские обоснования под поворот к поповщине в широких кругах интеллигенции, под этот кризис буржуазной науки.*

---

[1] *Ленин,* Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 247.
[2] *Там же,* стр. 211.

Широкое развитие неокантианского идеализма, «математического обоснования» современного естествознания, расцвет эмпириокритической литературы имманентов, интуитивистов, феноменологистов, реалистов и т. д. и т. п., выдумывающих тысячи гносеологических тонкостей и деталей с целью в тысячу первый раз опровергнуть ненавистный материализм,—вот картина философского развития начала XX столетия.

В-четвертых, *отражение всей этой идеалистической реакции в среде пролетариата, в среде социалистических партий и развитие философского ревизионизма, оппортунизма, начиная с неокантианской ревизии марксистской философии и кончая богдановским эмпириомонизмом.* Крики об отсутствии в марксизме «теоретико-познавательного» обоснования, о необходимости подвести под марксизм «новый гносеологический фундамент», о необходимости марксизму учесть новейшие «достижения» философии в области теории познания, писания о том, что материализм давно уже устарел,—получают широкое распространение. «Все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм,—вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии»[1],—писал Ленин.

Наконец, в-пятых,—необходимость со стороны представителей марксистской теории, марксистской философии дать *свой* ответ на вопросы, выдвинувшиеся в связи с революцией в естествознании; необходимость «сладить» диалектическому материализму с новейшими открытиями; необходимость разбить с точки зрения последовательного диалектического материализма все новейшие ухищрения и тонкости в области гносеологии буржуазной, профессорской философии, опираясь на все действительные достижения науки; наконец, необходимость дать самый решительный отпор отражению этой антиматериалистической реакции в рабочих партиях. Вот почему Ленин так настаивал на необходимости рассмотрения борьбы с идеалистической философией в свете действительных научных открытий новой эпохи, вот почему Ленин писал:

«Связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению. Разбирать махизм, игнорируя эту связь,—как делает Плеханов,—значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса»[2].

---

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 270.
[2] *Там же*, стр. 206.

Вся эта историческая обстановка, эти условия, потребности и задачи классовой борьбы пролетариата на фронте философии и естествознания требовали дальнейшего развития *теории познания* диалектического материализма, требовали дальнейшего развития материалистической диалектики, ее категорий. В *этой* обстановке нельзя было ограничиваться только защитой общих основных положений, а необходимо было дать развернутую теорию познания диалектического материализма, отвечающую на все вопросы революции естествознания, опирающуюся на глубочайшее изучение и обобщение новейшего этапа в развитии науки и в первую очередь общественного развития. Ленин указывает, что «ревизия формы» материализма Энгельса, ревизия натурфилософских положений не только не заключает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом».

В «Основах ленинизма» товарищ Сталин писал:

«Не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм» [1].

Здесь товарищем Сталиным дана характеристика ленинского этапа в развитии диалектического материализма. В эпоху империализма в свете всех этих явлений и процессов на фронте науки и философии перед идеологами пролетариата встала задача дать теоретически развернутую философскую науку марксизма. Естественно, что выполнение такой важной исторической задачи могло быть проведено только на основе овладения всем научным багажом новой эпохи, только на основе дальнейшего продвижения вперед общественной науки. Эта историческая задача и была выполнена Лениным.

Дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории во всех ее составных частях, в том числе и философии марксизма, связано с именем товарища Сталина. Во всей практической работе, во всех теоретических трудах товарища Сталина воплощен опыт мировой борьбы пролетариата, все богатство содержания марксистско-ленинской теории. Особое внимание во всех своих работах товарищ Сталин посвящает проблеме единства теории и практики, вопросу о боевом, *творческом* характере марксистского учения. На XVI съезде партии товарищ Сталин говорил о жизнен-

[1] *Сталин,* Вопросы ленинизма, стр. 13—14, изд. 10-е.

ной правде марксовой диалектики, «которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости». Он говорил о том, что «кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма»[1].

Боевой характер марксистско-ленинской теории, развитие марксистского учения как революционно-критического оружия изменения мира, единство теории и практики—все это получает свое дальнейшее развитие в работах товарища Сталина. Именно он провел огромную борьбу со всякого рода догматическими, схоластическими извращениями марксовой диалектики. В борьбе с волюнтаризмом, с эклектикой Троцкого, с «цитатным марксизмом» Зиновьева, со схоластикой Бухарина, с теорией равновесия, с меньшевиствующим идеализмом,—в борьбе с этими теорийками товарищ Сталин подымает на новую ступень развитие нашей боевой теории. С особой силой разоблачает товарищ Сталин догматизм международного меньшевизма, выхолащивание из марксизма всякого революционного содержания.

Еще на VI съезде партии товарищ Сталин, возражая против высказываний Преображенского о невозможности победы социализма в нашей стране, указывал:

«Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. *Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего*»[2].

Вся последующая борьба с контрреволюционным троцкизмом, с зиновьевско-каменевской разновидностью его показывает, с какой гениальной прозорливостью была применена товарищем Сталиным материалистическая диалектика к важнейшему вопросу—к вопросу о возможности победы социализма в нашей стране. Проведение принципиальной грани между догматическим «марксизмом» и марксизмом подлинным является лейтмотивом целого ряда дальнейших выступлений товарища Сталина, в которых он касается этих проблем. Особенно надо обратить внимание на статью товарища Сталина, посвященную 50-летию со дня рождения Ленина, напечатанную в «Правде» в апреле 1920 г. Там товарищ Сталин писал:

«Существуют две группы марксистов. Обе они работают под флагом марксизма, считают себя «подлинно» марксистскими. И все-таки они далеко не тождественны. Более того: между ними целая пропасть, ибо методы их работы диаметрально противоположны.

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 427, изд. 10-е.

[2] *Сталин*, На путях к Октябрю, стр. 109, изд. 2-е. Подчеркнуто мною.—*М. М.*

Первая группа обычно ограничивается внешним признанием марксизма, его торжественным провозглашением. Не умея, или не желая вникнуть в существо марксизма, не умея или не желая претворить его в жизнь, она живые и революционные положения марксизма превращает в мертвые, ничего не говорящие формулы. Свою деятельность она основывает не на опыте, не на учете практической работы, а на цитатах из Маркса. Указания и директивы черпает она не из анализа живой действительности, а из аналогий и исторических параллелей. Расхождение слова с делом—такова основная болезнь этой группы...

Вторая группа, наоборот, переносит центр тяжести вопроса от внешнего признания марксизма на его проведение, *на его претворение в жизнь. Намечение путей и средств осуществления марксизма, соответствующих обстановке, изменение этих путей и средств, когда обстановка меняется,—вот на что главным образом обращает свое внимание эта группа...* К этой группе вполне подходят слова Маркса, в силу которых марксисты не могут останавливаться на том, чтобы объяснить мир, а должны итти дальше с тем, чтобы изменить его. Имя этой группы—большевизм, коммунизм»[1].

Нужна ли более четкая, более ясная характеристика для работ самого товарища Сталина? Выступление на конференции аграрников-марксистов, где была поставлена задача ликвидации кулачества как класса, речь на совещании хозяйственников (шесть исторических условий), выступление по колхозным вопросам и т. д.— все это образцы «претворения в жизнь» учения марксизма-ленинизма, все это образцы намечения путей и средств осуществления марксизма, соответствующих обстановке, изменения этих путей и средств, «когда обстановка меняется».

Много раз возвращается товарищ Сталин к вопросу о действенном характере марксистско-ленинского учения в борьбе со всеми и всяческими оппортунистическими извращениями. Приведем здесь еще одно место:

«Что такое марксизм? Марксизм есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет переваривать этот опыт *с точки зрения марксизма, под углом зрения* марксистского метода? Ясно, что не может.

Не ясно ли, после этого, что марксизм требует улучшения и обогащения старых формул на основе учета нового опыта *при сохранении* точки зрения марксизма, при сохранении его метода, а Зиновьев поступает наоборот, сохраняя букву и подменяя буквой отдельных положений марксизма точку зрения марксизма, его метод.

---

[1] *Сталин*, О Ленине, стр. 11—12, 1934 г. Подчеркнуто мною.—*М. М.*

Что может быть общего между действительным марксизмом и между подменой основной линии марксизма буквой отдельных формул и цитатами из отдельных положений марксизма?»[1].

Эта характеристика материалистической диалектики как науки, которая должна обогащаться постоянно новым опытом классовой борьбы пролетариата, которая должна теоретически обобщать и переваривать этот опыт, имеет очень важное значение для понимания существа марксистской теории. Мы видим таким образом, что красной нитью по всем работам Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина проходит коренное положение о творческом характере могущественного марксистского учения, о единстве революционной теории и практики, о материалистической диалектике, являющейся величайшим орудием познания и изменения мира.

«Большевик» № 5 за 1933 г.

---

[1] *Сталин,* Об оппозиции, стр. 510.

ЭНГЕЛЬС КАК ФИЛОСОФ

I

Философское развитие Энгельса следует рассматривать в неразрывной связи с развитием Маркса, оказавшего огромное влияние на Энгельса. Основные принципы материалистической диалектики были выработаны ими в их совместной работе. Первые шаги философского развития Энгельса до его сближения с Марксом также совпадают с направлением развития Маркса и неразрывно связано у обоих с активной политической деятельностью. На первых порах Энгельс переживает короткий период увлечения литературной группой «Молодая Германия», ценя в ней оппозицию теориям «чистого искусства», ее высокую оценку современности, активных действий, защиту прав и притязаний молодого поколения, но отнюдь не закрывая глаз на крайнюю расплывчатость ее взглядов и отсутствие в ее лозунгах подлинной революционности, действенности. Поэтому еще в 1839 г. в письме к братьям Гребер Энгельс пишет, что он только «примыкает» к этому направлению. Это же направление вводит Энгельса в круг идей Берне, оказавших на него такое сильное впечатление, что на протяжении всего раннего периода своего развития (с 1839 по 1842 г.) Энгельс не перестает превозносить Берне как «величайшего борца за свободу и право» и сравнивает его как писателя с самим Лессингом. Очень рано Энгельс знакомится с философией Гегеля, и у него намечается идея необходимого синтеза Берне и Гегеля, политики и философии, активной политической борьбы и глубочайшей философской мысли. В статье «Ретроградные знамения времени», напечатанной в феврале 1840 г. в «Телеграфе» Гуцкова, он говорит о системе философии Гегеля, «превосходящей в отношении последовательности все прежние системы», и ука-

зывает на необходимость «взаимодействия науки и жизни, философии и современных тенденций, Берне и Гегеля»[1].

На этом этапе своего развития Энгельс вообще укрепляется в мысли о необходимости серьезнейшего изучения философии, в особенности философии Гегеля, и притом такого изучения, при котором философия стала бы орудием понимания истины и активного участия в действительности. В статье «Воспоминания Иммермана», написанной весной 1841 г., он пишет, что бесповоротно решил пробиваться дальше через философию, «проникнуться ею, не теряя в то же время молодого энтузиазма», «ибо подлинен лишь тот энтузиазм, который, подобно орлу, не боится мрачных облаков спекуляции и разреженного воздуха верхних слоев абстракции, когда дело идет о том, чтобы полететь навстречу солнцу истины»[2].

Этот поворот к гегельянству заставляет его покончить со своим прежним увлечением «Молодой Германией». «Я попрошу,—пишет он в статье «Александр Юнг и «Молодая Германия» (1842 г.),— не валить Гегеля в одну кучу с младогерманцами, сущность которых—субъективный произвол, мечтательность, причуда»[3]. Характеризуя взгляды самого Гегеля, он указывает, что «не нужно быть особенным знатоком Гегеля, чтобы знать, что он держался гораздо более высокой точки зрения *примирения* субъекта с объективными силами, что он питал огромное почтение к объективности, ставил действительность, существующее, гораздо выше субъективного разума отдельной личности»[4]. В устах Энгельса этого периода примирение субъекта с объективными силами означало борьбу против субъективизма, индивидуализма, необходимость для субъекта окунуться в кипящий котел действительности, принять активное участие в политической борьбе. Это Энгельс и сделал, когда, очутившись вольноопределяющимся в Берлине, он примкнул к группе левых гегельянцев. Как раз в это время, в связи с переходом короля Фридриха-Вильгельма IV к христианско-романтической реакции, отовсюду с кафедр начали снимать последователей гегелевской философии. Особенно гонения начались против левых гегельянцев, и в частности Бруно Бауэр был лишен права университетского преподавания. Престарелый философ Шеллинг был вызван в Берлин для нанесения теоретического удара по гегелевской философии, и Энгельс в брошюре «Шеллинг и откровение», посвященной вступительной лекции Шеллинга против гегелевской философии, поднял перчатку и выступил в защиту гегелевской философии. Правда, ортодоксального гегельянства в ней мало, и, хотя брошюра в общем носит еще идеали-

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. II, стр. 43.
[2] *Там же*, стр. 88.
[3] *Там же*, стр. 249.
[4] *Там же*.

стический, младогегельянский характер, влияние Фейербаха в ней сказывается уже очень сильно.

«Ту могучую диалектику,—пишет Энгельс,—ту внутреннюю движущую силу, которая, точно чувствуя моральную ответственность за несовершенство и односторонность отдельных предикатов идеи, неустанно толкает их к новому развитию и возрождению до тех пор, пока они в качестве абсолютной идеи не воскреснут в последний раз из гроба отрицания к нетленной незапятнанной красоте,—эту могучую диалектику Шеллинг смог понять только как самосознание отдельных категорий, между тем как она представляет собой самосознание всеобщего мышления, идеи»[1]. Энгельс таким образом стоит еще на идеалистической, гегелевской точке зрения в понимании диалектики. Развивая эти мысли, он пишет: «Если, таким образом, гегелевские категории называют не только прообразами, по образцу которых созданы вещи этого мира, но и творческими силами, при помощи которых они созданы, то это означает только, что они в идеях выражают содержание мира и дедуцируют последний как необходимое следствие из существования разума»[2].

Энгельс считает, что Гегель—это человек, который открыл новую эру в сознании и тем самым завершил старую. В этой связи он бросает критическое замечание по адресу Фейербаха, который упрекал Гегеля, что он глубоко сидит в прошлом, указывая Фейербаху, что «осознание старого есть уже новое». Далее Энгельс считает, что фейербаховская критика христианства есть не что иное, «как необходимое дополнение к основанному Гегелем спекулятивному учению о религии»—вывод, свидетельствующий о том, что Энгельс в этот период еще не осознал всего материалистического характера работ Фейербаха.

Несмотря на идеалистический характер брошюр, Энгельс, однако, отвергает реакционный характер выводов гегелевской философии, выступая против них значительно резче, чем младогегельянцы. Он указывает, что только после смерти Гегеля его философия начала жить по-настоящему. Однако, поскольку Гегель в области права стал на точку зрения антиреволюционную, «Гегель сам на себе испытал верность своего изречения, что всякая философия является только выражением мысли своей эпохи»[3]. Энгельс указывает, что «все непоследовательности, все противоречия у Гегеля» связаны с указанным выше грехом его. Поэтому, по мнению Энгельса, часть учеников Гегеля, «оставаясь верной принципам, отвергла выводы, поскольку они не могли найти себе оправдания»[4]. Мало того, под влиянием фейербаховской критики

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. II, стр. 129.
[2] *Там же*, стр. 133.
[3] *Там же*, стр. 117.
[4] *Там же*.

христианства, Энгельс сам начинает преобразовывать мистическое движение абсолютного духа Гегеля в историческое движение человеческого самосознания. Еще совсем по-гегелевски Энгельс понимает движение этого самосознания как самодвижение идей, однако, он уже перенес идеи из потустороннего мира абсолютного духа в мир земной. Совсем по-гегелевски, или, вернее, в духе младогегельянцев, Энгельс приписывает решающее значение разуму, всемогуществу идеи, но вместе с тем всю свою энергию, все свое внимание он обращает на необходимость реализации идей в практической жизни, на необходимость борьбы за историческое развитие человеческого самосознания. В этом смысле Энгельс уже выходит за пределы гегельянства, делая революционные выводы из его философии, из его диалектики. Примыкая к основной группе младогегельянцев, Энгельс является среди них наиболее последовательным, наиболее далеко идущим в своих выводах демократом. Неудивительно, что, будучи подготовлен всем своим предшествующим развитием, а особенно проходящим красной нитью по всему философскому развитию Энгельса стремлением соединить в неразрывное единство теорию и практику, философию и действительность, теорию и политику, будучи знаком уже по работам «Молодой Германии» с сен-симонизмом, через М. Гесса с передовыми коммунистическими теориями современности, наконец, радикализмом младогегельянцев, среди которых он был наиболее крайним, Энгельс, как только непосредственно столкнулся с реальной действительностью, с борьбой классов, с развитием промышленности, с развитием классовых противоречий, с ростом классового сознания пролетариата в Англии, после переезда туда быстро эволюционизировал в сторону коммунизма.

«Социалистом Энгельс сделался только в Англии»[1],—писал Ленин,—и от былого идеализма у него остается очень мало. В своих «Письмах из Англии» он выступает уже в основном как материалист; в них чувствуется значительное влияние Фейербаха с его культом человека, «единства человека с природой», «чисто человеческих, нравственных, жизненных отношений» (Энгельс) и т. д. Но, подобно Марксу, Энгельс никогда не был правоверным фейербахианцем. Даже в этих письмах, где влияние антропологизма Фейербаха довольно значительно, Энгельс высоко поднимается над философией Фейербаха своим анализом социальных вопросов, пониманием классовых отношений. В статье «Германия и Швейцария» (от 18 ноября 1843 г.) он стоит уже на точке зрения коммунизма, хотя проводит резкое различие между коммунизмом рабочего класса и философским коммунизмом, представленным революционной интеллигенцией. Энгельс высоко оценивает коммунизм Вейтлинга, но он противопоставляет ему «философский ком-

[1] *Ленин*, Фридрих Энгельс, Соч., т. I, стр. 412.

мунизм», являющийся «партией общенародной», которая обязана сорганизовать вокруг себя весь рабочий класс Германии. От этого философского коммунизма Энгельс отказался уже в период своей совместной работы с Марксом, под его влиянием.

«Наша партия,—пишет он,—должна доказать, что если не хотят, чтобы все философские изыскания немцев, от Канта до Гегеля, остались бесполезными или даже хуже чем бесполезными, то их завершением может быть только коммунизм; что немцы должны либо отречься от своих великих философов, составлявших их национальную гордость, либо признать коммунизм»[1].

II

Энгельс, совместно с Марксом, дал наиболее *полное* и глубокое изложение и обоснование диалектического материализма, который он рассматривает как философскую науку марксизма. Прежде всего он ставит проблему о коренном критерии, определяющем характер любой философской системы. «Великим основным вопросом всякой, в особенности новейшей, философии,—пишет Энгельс в «Л. Фейербах»,—является вопрос об отношении мышления к бытию... духа к природе... что является изначальным: дух или природа... Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конце концов, признавали сотворение мира... составили *идеалистический* лагерь. Те же, которые первичной считали природу, принадлежат к различным школам *материализма*»[2].

Энгельс подчеркивает, что всякое иное употребление понятий *идеализма* и *материализма* ведет к путанице. Он ведет беспощадную борьбу против всяких попыток объявить несущественным этот важнейший вопрос о первичности материи или сознания, об отношении мышления к бытию для любой системы или эклектически примирить основные направления в философии.

Он указывает, что «вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познать действительный мир? Способны ли мы в своих представлениях и понятиях о действительном мире давать правильное отражение действительности?»[3].

И в этом вопросе сталкиваются основные линии в философии.

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. II, стр. 408.
[2] *Энгельс*, Людвиг Фейербах, стр. 17—18, 1936 г.
[3] *Там же*, стр. 19.

Идеалистическая философия, в особенности гегелевская философия, приходит к полному отождествлению мышления и бытия. При такой точке зрения мышление, конечно, познает действительный мир, но сам действительный мир есть не что иное, как духовный, мыслительный процесс. Напротив, диалектический материализм, также утверждая, что мышление познает действительный, объективный мир, рассматривает его как продукт высокоорганизованной материи, а познание—как отражение в мыслящем мозгу процессов объективного мира.

Материализм также в корне противоположен другой ветви в философии, которая представлена Юмом, Кантом и их последователями и которая на поставленный выше вопрос дает отрицательный ответ. С этим агностическим направлением в философии, отрицающим возможность познания мира или по крайней мере возможность полного его познания, Энгельс ведет неустанную борьбу, доказывая, что практика является верным критерием возможности и правильности познания окружающего нас мира. «Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что мы сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец»[1].

Но что такое познание? Энгельс уделил особое внимание этому вопросу. Именно в этом пункте мировоззрение марксизма подвергалось наибольшим извращениям и нападкам. Даже такой представитель диалектического материализма, как Плеханов, в этом вопросе сделал отступление «от формулировки материализма Энгельсом»[2], когда принял точку зрения иероглифизма. «Материалист Фридрих Энгельс...—писал Ленин,—постоянно и без исключения говорит в своих сочинениях о вещах и об их мысленных изображениях или отображениях (Gedanken-Abbilder), причем само собою ясно, что эти мысленные изображения возникают не иначе, как из ощущений»[3]. Теория отражения является необходимой точкой зрения всякого материализма, ибо только она дает возможность критики отождествления бытия и мышления в духе объективного идеализма, а также критики всякого рода агностических направлений в философии. На точке зрения отражения стояли и французские материалисты XVIII в. и Фейербах. Однако только у Энгельса эта теория получила свое действительное развитие и обоснование, поскольку к теории отражения была применена точка зрения развития. Энгельс не рассматривает отображение, отражение как статический, мертвый, раз навсегда данный акт. Отражение в нашем мозгу окружающего мира, начиная с ощу-

---

[1] *Энгельс*, Людвиг Фейербах, стр. 20, 1936 г.
[2] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 190.
[3] *Там же*, стр. 33.

щений и кончая абстрактнейшими понятиями, Энгельс рассматривал как *процесс*. Именно эту единственно плодотворную постановку вопроса о процессе нашего познания продолжал и дальше развил Ленин.

О *времени и пространстве* буржуазная наука и философия также нагромоздила кучи нелепостей, в основном трактуя их в кантовском априористическом смысле, отрывая их вместе с тем друг от друга. Гегель впервые в истории философии диалектически проанализировал проблему пространства и времени, рассматривая их в развитии и в их единстве. Однако общая идеалистическая линия Гегеля сказалась и в рассмотрении этих вопросов. Время и пространство, по Гегелю, суть идеальные категории. Напротив, Энгельс дал материалистически-диалектическое изложение этого вопроса, указывая, что время и пространство являются формами существования материи и поэтому неразрывно связаны друг с другом в диалектическом единстве с материей. «Разумеется, обе формы существования материи без этой материи представляют ничто, только пустое представление, абстракцию, существующую только в нашей голове»[1]. Но материя находится в непрерывном движении и развитии. Движущаяся материя—это материя, находящаяся в пространстве и во времени, ибо движение—это и есть единство времени и пространства. Наши понятия о времени и пространстве являются поэтому развивающимися, а не чем-то раз навсегда данным. Современное развитие науки, например, теория относительности Эйнштейна, если отсечь ее реакционные гносеологические моменты, подтвердило эти воззрения Энгельса, столь блестяще развернутые им в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы».

Особое значение для понимания точки зрения развития, примененной Марксом и Энгельсом к важнейшим философским проблемам, имеет их учение об относительной и абсолютной истине. Метафизический способ мышления находится в плену противоречия между относительным и абсолютным. Релятивистические школы в философии выдвигают положение, что «всякая истина относительна», причем эта относительность носит у них абсолютный характер. Наоборот, такой схоластик, как Дюринг, занимался конструированием вечных абсолютных истин. Энгельс же писал: «У нас здесь снова, как и выше, то же самое противоречие между сущностью человеческого мышления, неизбежно представляемого нами себе абсолютным, и его осуществлением в одних лишь ограниченно мыслящих индивидах, противоречие, находящее свое решение только в бесконечном прогрессе, в нескончаемой—по крайней мере практически для нас—преемственной смене людских поколений. В этом смысле человеческое мышление столь же

[1] *Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 253, 1934 г.

суверенно, как и несуверенно, его познавательная способность столь же неограниченна, как и ограниченна. Оно суверенно и неограниченно по своим задаткам, по своему назначению, по своим возможностям, по своей исторической конечной цели; но оно несуверенно и ограниченно по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности»[1]. Это значит, что, только исходя из понимания нашего познания как процесса, развертывающегося в общественной жизни и на основе практической деятельности людей, можно понять, что абсолютная истина складывается из ряда относительных истин, что наше движение к абсолютной истине происходит непрерывно, хотя и не достигает ее, как некую конечную цель: каждая отдельная истина исторически обусловлена состоянием и уровнем знания данного периода, классовыми взаимоотношениями эпохи, состоянием техники и т. д., однако, поскольку она отражает, и притом правильно отражает, процессы развития объективного мира, постольку в ней есть элементы абсолютности. Глубокий *историзм*, и притом историзм на *материалистической* основе, проникает разрешение этого вопроса Марксом и Энгельсом. Историзм Маркса и Энгельса, конечно,— лишь выражение диалектической формы их материализма, который поэтому является высшей формой материализма вообще. Энгельс не раз раскрывал ограниченность предшествующего материализма. Он считал основными недостатками старого материализма (французского, фейербаховского, тем более «вульгарного»— Бюхнера, Фохта, Молешотта) то, что этот материализм 1) был преимущественно материализмом механическим, не учитывавшим развития физики, химии, биологии, 2) был метафизичен, антидиалектичен, не проводил в своих воззрениях теории развития и 3) понимал «сущность человека» абстрактно и неисторически, главным образом «объяснял» мир, тогда как дело идет об изменении мира; он был созерцательным материализмом и не учитывал значения «революционной практической деятельности». Внесение диалектического момента в материализм и создало новый материализм, который стал философской наукой марксизма. В «Людвиге Фейербахе», «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» Энгельс дает следующее определение диалектики: она есть наука «об общих законах движения во внешнем мире и в человеческой мысли»[2], «наука о наиболее общих законах *всякого* движения. Это означает, что законы ее должны иметь силу для движения как в области физической природы и человеческой истории, так и для движения мышления»[3]. «Так называемая *объективная* диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во

[1] *Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 60—61, 1934 г.
[2] *Энгельс*, Людвиг Фейербах, стр. 41, 1936 г.
[3] *Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 244, 1934 г.

всей природе движения путем противоположностей, которые и обусловливают жизнь природы своими постоянными противоречиями и своим конечным переходом друг в друга, либо в высшие формы»[1].

Что касается мышления, то Энгельс подчеркивает, что теоретическое мышление каждой эпохи есть продукт этой эпохи, связанный с классовыми отношениями, с состоянием естествознания, общественной науки этой эпохи. Поскольку исторические эпохи во всех этих отношениях отличаются друг от друга, постольку и теоретическое мышление на разных исторических ступенях имеет весьма различное содержание. Поэтому «наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления»[2].

Сама *формальная логика* на протяжении истории является ареной ожесточенной борьбы, и уже по одному этому ее истины не могут претендовать на «вечность и абсолютность».

Энгельс признает за ней, за «логикой покоя», за ее законами известное относительное значение, считая, что «исследования форм мышления, рассудочных определений—очень благодарная задача». Но вместе с тем он вскрывает всю ограниченность ее законов, особенно потому, что этим законам придается представителями формальной логики универсальное значение. Формальная логика в силу своей антиисторичности и метафизичности не может применить точки зрения развития к исследуемым ею формам суждения и умозаключения. Сообразно этому диалектический материализм создает свою логику, в которой дается своя трактовка *понятий, суждений, умозаключений,* в которой ко всем этим проблемам применена точка зрения развития. «Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике,—пишет Энгельс,—не довольствуется тем, чтобы перечислить и сопоставить без связи формы движения мышления, т. е. различные формы суждения и умозаключения. Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает высшие формы из низших»[3].

Именно эта точка зрения развития, примененная к исследованию форм мышления, к суждениям и умозаключениям, и превращает логику в науку. Эту работу проделал в основном Гегель в своей «Науке логики», но он ее проделал на основе своего идеализма; поэтому Энгельс произвел «материалистическую переработку» ее. На основании многочисленных примеров из истории развития *знания* Энгельс доказывает: «то, что у Гегеля является

---

[1] *Энгельс,* Диалектика природы, стр. 35, 1934 г.
[2] *Энгельс,* Анти-Дюринг, стр. 240, 1934 г.
[3] *Энгельс,* Диалектика природы, стр. 100, 1934 г.

развитием логической формы суждений как таковой, выступает здесь перед нами как развитие наших опирающихся на *эмпирическую* основу теоретических сведений о природе движения вообще. Это показывает, что законы мышления и законы природы необходимо согласуются между собой, если они только правильно познаны»[1]. Сохраняя рациональное содержание, которого достигла старая формальная логика, материалистическо-диалектическая логика «снимает» ее, опираясь на историю развития техники и науки. Вообще через все работы Энгельса, как и Маркса, красной нитью проходит применяемое ими единство логического и исторического к процессу познания, вырастающему из общественной практики человека; оттого мы имеем такую глубокую и содержательную трактовку важнейших проблем философии.

III

Маркс и Энгельс, критически переработав и преодолев идеалистическую диалектику Гегеля, создали *диалектический* материализм. В диалектике Гегеля,—указывает Энгельс,—наблюдается «то же самое извращение всех реальных отношений, как и во всех прочих частях его системы»[2]. Гегелевская диалектика так относится к рациональной, т. е. материалистической диалектике, как теория теплорода к механической теории теплоты или как теория флогистона к теории Лавуазье. Поэтому ее нельзя брать без серьезной «материалистической переработки». Однако это не мешает тому, что именно Гегель сделал для развития диалектического метода больше, чем кто-либо из предшествующих мыслителей, и дал наиболее полную картину законов диалектического развития. В главе «Общий характер диалектики как науки» («Диалектика природы») Энгельс так характеризует эти основные законы: «Таким образом законы диалектики были отвлечены из истории природы и человеческого общества. Но они не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления. По существу они сводятся к следующим трем законам: Закон перехода количества в качество, и обратно. Закон взаимного проникновения противоположностей. Закон отрицания отрицания»[3]. У Гегеля,—говорит Энгельс,—все эти законы развиты «на его идеалистический манер»[4], т. е. не выведены из природы и истории, а навязываются им как имманентные законы абсолютного духа. Энгельс ставит перед собой задачу «показать, что диалектические законы являются реальными

---

[1] *Энгельс*, Диалектика природы, стр. 102, 1934 г.
[2] *Там же*, стр. 73.
[3] *Там же*, стр. 125.
[4] *Там же.*

законами развития природы и значит действительны и для теоретического естествознания»[1].

На основании рассмотренной характеристики Энгельсом трех основных законов, к которым сводится диалектика, некоторые «теоретики» пытались противопоставить Энгельсу Ленина, который рассматривает закон единства противоположностей как ядро, как суть диалектики. Указывалось на то, будто ленинская постановка вопроса значительно разнится от энгельсовской, будто Энгельс не понял, что ядром диалектики является закон единства противоположностей. Такие «попытки» по существу представляют собой повторение известного ревизионистского приема противопоставления Маркса Энгельсу и, наоборот, противопоставление их обоих Ленину и т. д. Между тем по всей «Диалектике природы» проходит мысль, что основным законом диалектики является закон единства противоположностей. Какие бы вопросы Энгельс ни разбирал—вопросы индукции и дедукции, анализа и синтеза, проблему единичности и всеобщности, законы математики или законы равновесия и т. д.,—во всех этих проблемах Энгельс развивает закон единства противоположностей, являющийся базой для единственно правильного их разрешения. Из этого не следует, будто Ленин не внес ничего нового в понимание законов диалектики. Ленин развивает марксистскую философию по всем этим проблемам. Он углубляет учение марксизма, развивает более детально вопрос о соотношении различных законов диалектики и о роли закона единства противоположностей среди них.

Вопрос о законе перехода количества в качество и обратно Энгельс, собрав громадный иллюстративный материал, разъясняет его значение следующим образом: «В природе могут происходить качественные изменения—точно определенным для каждого отдельного случая способом—лишь путем количественного прибавления, либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии)»[2]. «Химию можно назвать наукой о качественных изменениях тел, происходящих под влиянием изменения количественного состава»[3]. «Менделеев, применяя бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг, который смело можно поставить рядом с открытием Леверрье, вычислившего орбиту еще неизвестной планеты—Нептуна»[4]. «Мы могли бы привести как из природы, так и из жизни человеческого общества еще сотни подобных фактов для доказательства этого закона. Так например в «Капитале» Маркса, в 4-м отделе (производство относительной прибавочной стоимости, кооперация, разделение труда и мануфактура, машины и крупная

[1] *Энгельс*, Диалектика природы, стр. 125, 1934 г.
[2] *Там же*.
[3] *Там же*, стр. 127.
[4] *Там же*, стр. 129.

промышленность), упоминается множество случаев, в которых количественное изменение преобразует качество вещей и точно так же качественное преобразование изменяет количество их, так что— употребляя ненавистное для господина Дюринга выражение—«количество переходит в качество и наоборот»[1].

Энгельс рассматривает закон перехода количества в качество как один из важнейших законов природы, общества и человеческого мышления. Он придает ему огромное значение, поскольку он характеризует движение как единство прерывности и непрерывности и выражает революционный характер процессов, протекающих в природе и обществе: скачки, катастрофы, революции. С точки зрения Энгельса этот закон может быть понят только как одно из конкретных выражений единства противоположностей, взаимного проникновения качества и количества, их перехода друг в друга.

Закону отрицания отрицания Энгельс посвящает специальную главу в «Анти-Дюринге» и ряд отдельных замечаний и высказываний в других своих работах. Дюринг бросал по адресу Маркса обвинения, будто он все свои утверждения в «Капитале», включая и необходимость наступления социализма, доказывал простой ссылкой на гегелевскую *триаду*, на закон отрицания отрицания. Впоследствии эти же обвинения против Маркса и марксистов повторял в России Михайловский. Энгельс вскрывает полное непонимание Дюрингом главного труда Маркса. Он показывает, что Маркс, прежде чем делать выводы о применимости закона отрицания отрицания, дает глубочайший исторический и экономический анализ. Другими словами, после того как Маркс доказывает историческую необходимость того или иного процесса, после того как он доказал, что этот процесс совершается или уже частично совершился определенным образом, только после этого Маркс называет этот процесс отрицанием отрицания, поскольку сама действительность показывает правильность диалектического закона. Для Маркса, как и для Энгельса, диалектика вовсе не представляет собой готового ключа для всякого рода открытий без анализа самой конкретной действительности. «Итак, что такое отрицание отрицания?»—спрашивает Энгельс и отвечает: «Весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления; закон, который, как мы видели, проявляется в царстве животном и растительном, в геологии, в математике, в истории, в философии и которому вынужден, сам того не ведая, подчиниться господин Дюринг, несмотря на весь свой форс и важничанье»[2].

Другие законы диалектики также получают у Энгельса теоре-

---

[1] *Энгельс,* Анти-Дюринг, стр. 89, 1934 г.
[2] *Там же,* стр. 100.

тическое развитие. Проблема взаимодействия *причинности, случайности и необходимости* теоретически развита Энгельсом на богатом материале из естественных и общественных наук. Он рассматривает различные формы причинности, присущие различным формам движения. Он борется против сведения всего комплекса проблем причинности только к *механической* форме причинности. Применяя закон единства противоположностей, он показывает, какое диалектическое соотношение существует между причиной и следствием, как причина становится следствием и обратно в общем процессе взаимодействия и развития материи. Современное естествознание знает целый ряд различных форм движения материи: механическое движение, различные формы движения материи, изучаемые физикой (свет, электричество, теплота, магнетизм), различные формы химических процессов, органических и т. д. Эти формы движения материи переходят друг в друга, являясь то причиной, то следствием. Энгельс борется против метафизического разрыва и обособления причины и следствия. Он видит их переход друг в друга в общем процессе развития материи. Но что такое причинность? Энгельс считает, что в известном смысле прав Юм со своим скептицизмом, который указывал, что наблюдение правильности следования одного явления за другим не дает еще доказательства, что они находятся в причинно-необходимой связи друг с другом. Но является ли в таком случае причинность только субъективной категорией? Энгельс дает отпор субъективным, скептическим учениям о причинности. «Деятельность человека,—пишет он,—дает возможность *доказательства* причинности. Если, взяв зажигательное зеркало, мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой эффект, какой дает обыкновенный огонь, то мы доказываем этим, что от солнца получается теплота»[1]. Развивая эти мысли, Энгельс обращает внимание на проблемы практики, являющейся критерием правильности нашего познания окружающего мира и диалектических законов его развития.

Энгельс дает и решение вопроса о случайности и необходимости. «Другая противоположность, в плену которой находится метафизика,—писал он,—это—противоположность между случайностью и необходимостью»[2]. Обычный «здравый» рассудок, которым руководствуется большинство естествоиспытателей, рассматривает случайность и необходимость как категории, взаимно друг друга исключающие. Между тем с точки зрения диалектики они и противоречивы и одновременно тождественны: случайное необходимо, а необходимое точно так же случайно.

Таковы в кратких чертах основные положения, которые раз-

---

[1] *Энгельс,* Диалектика природы, стр. 14, 1934 г.
[2] *Там же,* стр. 107.

работал Энгельс по вопросу о законах материалистической диалектики. Характерной чертой философских работ Энгельса, как и Маркса, является его последовательная борьба как против созерцательного, метафизического материализма во всяких формах его проявления, так и против идеалистической философии и всяких попыток идеалистического извращения марксистской философии. «*Немецкая идеология*», в работе над которой Энгельс принимал участие, является в этом отношении образцом такой последовательной борьбы: с одной стороны, она порывает с ограниченным материализмом Фейербаха, а с другой—обрушивается на «идеологическое» извращение действительности со стороны младогегельянцев, Штирнера и «истинных» социалистов, подводящих действительность под гегелевские категории. В «Анти-Дюринге» Энгельс борется против механицизма Дюринга с его схоластикой, стремлением к насаждению «последних истин в конечной инстанции», непониманием важнейшего результата гегелевской философии—диалектики, подведением научных достижений под надуманные схемы своей мировой схематики. Одновременно Энгельс выступает против всякой идеалистической реакции, в каких бы вопросах она ни укрывалась, вплоть до априоризма и аксиом пространства и времени, математических истин свободы и необходимости и т. д.

В «Людвиге Фейербахе», «Диалектике природы» Энгельс борется против вульгарного материализма, проповедниками которого выступали в Германии Бюхнер, Фохт, Молешотт, против ограниченности метафизического материализма XVIII века и Фейербаха, одновременно проводя четкое принципиальное разграничение между диалектическим материализмом и идеализмом. В своей переписке и в других работах Энгельс резко критикует идеализм *Лассаля* и всяких интерпретаторов марксистского мировоззрения и материалистического понимания истории, извращающих его как в сторону идеализма, так и в сторону вульгарного материализма.

ЭНГЕЛЬС И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

В период роста, в эпоху своей юности, буржуазия выдвинула на историческую арену великих людей и деятелей: Бэкона и Спинозу, Дидро и Гете, Гольбаха и Канта, Бетховена и Гегеля, Кромвеля и Наполеона. Великие люди буржуазии по всем направлениям и в различных областях утверждали и развивали господство капитализма, боролись за смену феодальной эксплоатации эксплоатацией капиталистической. Но, подобно тому как история эксплоататорских обществ есть лишь *предистория, а действительная история* человечества начинается *с победы пролетариата*—с коммунистической революции, подобно этому и гении пролетариата—Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин в силу величественности конечной цели пролетарской борьбы, в силу самой природы этого класса подымаются в истории, *как гигантские Гималаи по сравнению с Альпами буржуазных гениев.*

Сорокалетие со дня смерти Энгельса совпадает с невиданным триумфом марксистского учения. Ни на одно из крупных мировых идейных течений не могла выпасть доля такого триумфа, такого практического подтверждения, такого превращения в массовую материальную силу, какая выпадает *на долю марксизма.* И это не случайно, ибо марксистская теория, теория великой освободительной борьбы рабочего класса, теория научного коммунизма, будучи сгустком, зрелым итогом, критической переработкой с точки зрения интересов рабочего класса предшествующих великих идейных направлений, является *насквозь* научной теорией, правильно отображающей действительный ход классовой борьбы, единственно верным и надежным указателем в этой борьбе.

Сорокалетие со дня смерти Энгельса совпадает с величайшей исторической победой социализма на одной шестой части земного шара. Величественное знамя марксистского учения, знамя Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, высоко развевается над страной пролетарской диктатуры.

Энгельсу принадлежит знаменитое учение о трех основных формах классовой борьбы пролетариата: политической, экономической и теоретической. В настоящее время борьба за пролетарскую революцию, за культуру, против беспримерного вандализма и варварства фашизма, против мистицизма и иррационализма, против звериных расовых, шовинистических «теорий»—против всех этих ядовитых плодов эпохи упадка и гниения капиталистического строя—важнейшая задача классовой борьбы. И в этом отношении идеологическое наследство марксизма в целом и в частности то, что сделано Энгельсом, представляет собой неисчерпаемое богатство, меткое и острейшее оружие.

Диалектический материализм является составной частью всей системы взглядов марксизма. Диалектический материализм, или марксистская философия, отнюдь не является некоей наукой наук, стоящей *над* другими научными областями. Марксистская философия, как и весь марксизм в целом, возникла и развивается на базе развития всех областей научного знания. Учение Маркса, говорил Ленин, «есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»[1]. «Мы, немецкие социалисты,—писал Энгельс,—гордимся тем, что ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля»[2].

Учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина—такое *мировоззрение*, которое требует обязательно также *мироизменения*. Ни в какое сравнение с этим мировоззрением, с нашей философией, не могут итти крохоборческие, полные мистики и поповщины, эклектики и раздирающих противоречий современные философские системы Кронеров и Бергсонов, Шпенглеров и Гейдегеров, Гуссерлей и Глокнеров—этих ученых прислужников буржуазного рабства в период упадка капиталистического строя, в эпоху империализма и пролетарских революций.

Однако не только философские системы современного периода упадка буржуазии, но и того периода, когда она была восходящим, революционным классом, страдали внутренней ограниченностью. Лучшие идеологи и философы буржуазии эпохи французской революции, второй половины XVIII и первой трети XIX в.,

---

[1] *Ленин*, Три источника и три составных части марксизма, Соч., т. XVI, стр. 349.

[2] *Энгельс*, Развитие социализма от утопии к науке, стр. 6, 1936 г.

как, например, французские материалисты, с одной стороны, Кант, Фихте, Гегель—с другой, *при всем историческом значении этих систем*, каждый по-своему, страдали внутренней узостью и ограниченностью буржуа. Буржуазная философия в лице французского материализма XVIII столетия и в лице Гегеля поднялась *до самых высоких своих вершин*. Материализм XVIII столетия, будучи революционным, атеистическим, сыгравший огромную историческую роль в деле подготовки Французской революции, в деле борьбы с религией, гильотинировавший бога до того, как революционными массами был на земле гильотинирован король, вместе с тем страдал большими внутренними недостатками и ограниченностью, в особенности в своих исторических взглядах. И это происходило отнюдь не потому, что сами его создатели и творцы были людьми ограниченными. Это происходило потому, что они, будучи идеологами буржуазии, не могли выйти за рамки буржуазного общества, всего строя идей подымающегося буржуазного класса. Их исторические взгляды были проникнуты идеализмом и не смогли подняться до раскрытия действительных материальных корней общественных движений.

Крупнейшая голова буржуазного общества—Гегель, создатель идеалистической диалектики, и тот был ограничен узким кругозором частной собственности. Его величественное учение о борьбе противоречий, о скачкообразном развитии, о переходе противоположностей друг в друга, его диалектика, на которой лежит печать Французской революции, была диалектикой идеалистической. В области своих общественных взглядов, особенно в известной «Философии права», Гегель, как настоящий прусский филистер, выступает в качестве защитника прусского самодержавия, освящает абсолютным духом своей философии земное господство Фридриха-Вильгельма.

Только идеологи пролетариата смогли уже к середине XIX столетия создать такое мировоззрение, такую философию, которая вышла за узкие, ограниченные рамки частной собственности и буржуазного строя. Учение Маркса, писал Ленин, «полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета»[1]. Мировоззрение марксизма усвоило все достижения науки и техники, оно возникло не в стороне от столбовой дороги развития науки, оно высший продукт, итог всего предшествующего развития.

Маркс и Энгельс стояли на вершине не только наук об обществе, но и на вершине всего знания своей эпохи. Работы Энгельса, посвященные вопросам диалектики и естествознания («Анти-

---

[1] *Ленин*, Три источника и три составных части марксизма, Соч., т. XVI, стр. 349.

Дюринг», «Диалектика природы»), свидетельствуют о его глубочайшей учености и всестороннем знании новейших научных достижений своей эпохи. Марксистская философия отнюдь не является простой механической суммой *материализма* Фейербаха и *диалектики* Гегеля, как это дело рисовали в своих работах отчасти Плеханов и особенно его последователи и ученики (Аксельрод, Деборин). Марксистская философия как мировоззрение пролетариата возникла в результате того, что Маркс и Энгельс *критически разделались* со всеми недостатками философии Фейербаха, с абстрактным, созерцательным характером его материализма, с его идеализмом в подходе к общественным явлениям и вместе с тем с идеалистическим характером гегелевской диалектики и новейшими ухищрениями младогегельянской философии.

Ленин в своих работах отмечает, что и Маркс и Энгельс пришли в своем развитии *от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму*. Маркс и Энгельс на первых этапах своего развития были радикальными революционными демократами. В тот период развития, когда в Германии на очереди дня стояла еще буржуазная революция, радикальный демократизм выражал идеологию наиболее революционных элементов тогдашнего общества. Переход Маркса и Энгельса к коммунизму, к диалектическому материализму происходил на базе роста пролетарского движения, на базе роста его классового самосознания в Германии, Англии и Франции. Именно они, вырастая как *идеологи пролетариата*, вместе с тем формируют *пролетарскую идеологию*. Они вооружают недостаточно осознанные и стихийные движения пролетариата этой эпохи могучим оружием в виде научного коммунизма, дают пролетариату стройное, целостное мировоззрение и строго научную революционную цель. *Лейтмотив всего формирования философских и политических взглядов как Маркса, так и Энгельса—это стремление неразрывно соединить революционную теорию и революционную практику.*

Энгельс прошел путь богатого духовного развития и серьезной внутренней работы над собой, прежде чем стал коммунистом и диалектическим материалистом. В самое первое время своей литературной и общественной деятельности Энгельс переживает сравнительно небольшой период увлечения так называемой «Молодой Германией», неоформленной литературной организацией, у которой сочеталась весьма трусливая оппозиционность против феодальной Германии с поверхностными, демагогическими, анархическими, радикальными фразами.

Затем огромное влияние на Энгельса оказал Гегель, которого он тщательно изучал и из философии которого делал радикальные политические выводы.

Одним из этапов в идейном развитии Энгельса являются его

работы берлинского периода и в частности известная брошюра «Шеллинг и откровение».

В связи с крутым поворотом к христианско-романтической реакции Фридриха-Вильгельма IV правительство решило нанести сокрушительный удар гегельянской философии. Первый удар пал на левого гегельянца Бруно Бауэра, который был лишен права университетского преподавания. В Берлин пригласили престарелого философа Шеллинга, для того чтобы он нанес теоретический удар гегелевской философии. Как раз в этот период Энгельс приехал в Берлин и со всей страстностью включился в философскую жизнь столицы. Его брошюра «Шеллинг и откровение» как раз посвящена вступительной лекции Шеллинга о гегелевской философии.

Примыкая к левым гегельянцам, Энгельс высоко подымает знамя защиты гегелевской философии против реакции. Брошюра в общем носит идеалистический характер. Написана она в духе «младогегельянства». Однако красной нитью по всей брошюре проходит целеустремленность Энгельса в сторону действенности, политической активности, в сторону объединения философии и жизни.

Молодой Энгельс с поистине юношеским задором дает остроумную и резкую отповедь престарелому Шеллингу.

В этой брошюре Энгельс набрасывает ряд положений, которые имеют очень большое значение для понимания всех последующих работ и Маркса и Энгельса. Он указывает, что, поскольку Гегель в области права стал на точку зрения антиреволюционную, он «сам на себе испытал верность своего изречения, что всякая философия является только выражением мысли своей эпохи»[1].

Энгельс, будучи в общем гегельянцем, вместе с тем уже относился весьма критически ко многим сторонам гегелевской философии и в особенности к реакционным выводам Гегеля. Он указывает, что все непоследовательности и все противоречия у Гегеля вытекают именно из этого греха его, т. е. из того, что он стал на антиреволюционные позиции. По мнению Энгельса, часть учеников Гегеля, «оставаясь верной принципам, отвергла выводы, поскольку они не могли найти себе оправдания»[2]. Эти положения являются в дальнейшем у Энгельса исходным пунктом его высказываний о противоречии между методом и системой у Гегеля.

В этой же брошюре Энгельс очень высоко расценивает диалектику Гегеля, называя ее «внутренней движущей силой»[3], отмечая ее борьбу со всякой односторонностью. Энгельс бросает также ряд критических замечаний по адресу Фейербаха, в частности по адресу фейербаховской критики христианства.

---

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. II, стр. 117.
[2] *Там же*.
[3] *Там же*, стр. 129.

Среди группы младогегельянцев Энгельс является последовательным революционером, наиболее далеко идущим в своих выводах.

Как только Энгельс непосредственно столкнулся с борьбой классов, с развитием промышленности, с развитием классовых противоречий, с ростом классового сознания пролетариата, после его переезда в Англию мы видим у него очень быстрое развитие в сторону коммунизма.

«Социалистом Энгельс сделался только в Англии»[1]—писал Ленин. Одним из первых результатов изучения положения рабочего класса, его бедствий, его нищеты, а одновременно также и изучения буржуазной политической экономии являются знаменитые очерки Энгельса, известные под названием «Очерки критики политической экономии», а затем «Положение рабочего класса в Англии».

В своих статьях о положении рабочего класса в Англии Энгельс начинает выступать так же как *материалист*. В них, несомненно, чувствуется влияние Фейербаха с его культом чисто «человеческих, нравственных, жизненных отношений». Однако, подобно Марксу, Энгельс никогда на протяжении всей своей истории развития не был правоверным фейербахианцем. Всем существом своим, всем своим активным, страстным характером и серьезным изучением социальных вопросов, пониманием классовых отношений Энгельс высоко поднимается над Фейербахом. Классовая точка зрения, идея пролетарского коммунизма, звучит все чаще и увереннее в работах молодого Энгельса, относящихся к периоду пребывания его в Англии.

Энгельс в своей дальнейшей деятельности создал ряд великих произведений по философии марксизма. Энгельс дал подробное обоснование и развитие важнейших вопросов диалектического материализма. Он дал развернутую критическую оценку философских предшественников Маркса. Он принимал участие в создании совместной работы Маркса и Энгельса «Святое семейство», в которой была дана замечательная и резкая критика младогегельянства. В создании «Немецкой идеологии» Энгельс принимает непосредственное участие. Эта совместная работа Маркса и Энгельса посвящена критике всей послегегельянской философии в лице ее представителей—Фейербаха, Бруно Бауэра и Штирнера и немецкого «истинного социализма». Главы, посвященные критике «истинного социализма» Карла Грюна и Георга Кульмана, написаны непосредственно Энгельсом. Эта работа—образец борьбы на два фронта: против ограниченности материализма фейербаховского толка и против всяких измышлений представителей послегегельянской идеалистической философии. Эта работа уже в раз-

[1] *Ленин*, Фридрих Энгельс, Соч., т. I, стр. 412.

вернутом виде закладывает основы диалектического материализма и материалистического понимания истории.

Книга Энгельса «Анти-Дюринг»—одно из величайших произведений марксистской науки.

Глубочайшее содержание, огромный охват вопросов, популярное изложение всей системы взглядов марксизма, блестящий стиль делают эту работу Энгельса книгой, по которой учились и будут учиться марксизму целые поколения пролетарских бойцов. «Анти-Дюринг» Энгельса представляет собой целый этап в развитии философии. Ленин писал: «Всю борьбу с Дюрингом Энгельс провел *целиком* под лозунгом последовательного проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга за словесное засорение сути дела, за фразу, за приемы рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма. Либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма,—вот та постановка вопроса, которая дана в *каждом параграфе* «Анти-Дюринга» и не заметить которой могли только люди с мозгами, подпорченными уже реакционной профессорской философией»[1].

Другая работа Энгельса по философским вопросам—«Людвиг Фейербах». Рост рабочего движения и широкое распространение марксизма по всей Европе требовали от его руководителей детального изложения основ пролетарского мировоззрения и, в частности, изложения вопроса об отношении марксизма к философии Гегеля и Фейербаха.

Исходя из этих соображений, Энгельс и написал брошюру о Фейербахе, в которой в сжатой форме гениально изложены основы философии марксизма.

Наконец, надо указать на книгу Энгельса «Диалектика природы», которая была впервые опубликована только в 1927 г. Институтом Маркса и Энгельса. Для понимания метода диалектического материализма, вопроса о соотношении между диалектическим материализмом и естествознанием, для понимания отдельных законов диалектики и их связи эта впервые опубликованная уже в советское время работа имеет исключительное значение. Выход в свет этой работы в период пролетарской диктатуры явился одним из крупнейших событий на фронте марксистской философии.

Таковы основные работы Энгельса, написанные им по специально философским вопросам. Энгельс дал целый ряд специальных работ по вопросам материалистического понимания истории. Упомянем здесь его «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Энгельс с блестящим успехом применял материалистическую диалектику, материалистическое понимание истории

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. III, стр. 276.

в своих исторических работах, в работах по вопросам экономики, стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата, по военным вопросам и т. д. на протяжении больше чем полустолетия. В этой своей деятельности Энгельс дает такой богатый и неисчерпаемый материал по вопросам диалектического материализма, который трудно переоценить.

Диалектический материализм—*самое передовое мировоззрение человечества*, потому что оно есть мировоззрение *самого передового, самого революционного класса*, потому что оно *опирается на все достижения мировой науки*, является их высшим обобщением и итогом. Оно не мирится ни с каким мракобесием, ни с какой чертовщиной, ни с какими элементами религии, богоискательства, богостроительства. Ленин писал: «Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы»[1].

Заслуга Энгельса состоит в том, что он на протяжении всех своих работ рассматривает материалистическую диалектику как философскую науку марксизма. С классической четкостью и ясностью им был сформулирован основной вопрос философии—вопрос о коренном критерии, определяющем характер любой философской системы.

В истории философии мы имели и по сей день имеем многочисленные попытки устанавливать всякого рода принципы деления философских систем: и проблему опыта, и причинность, и интуицию, и критицизм, и догматизм, и т. д. и т. п. Энгельс, развивая идеи Маркса, установил единственно правильный критерий для понимания характера философских направлений, для определения значения и места борьбы двух великих партий в философии—идеализма и материализма, а именно вопрос об отношении мышления к бытию.

Энгельс ведет беспощадную борьбу со всякого рода попытками в области философии подняться над этими основными линиями философии. Своим критерием для определения и характеристики философских направлений Энгельс дал в руки марксистской философии верное оружие для борьбы со всякого рода идеалистической реакцией и поповщиной. Ленин писал: «Я вслед за Энгельсом употребляю в этом смысле *только* слово: материализм, и считаю эту терминологию единственно правильной, особенно в виду того, что слово «реализм» захватано позитивистами и прочими путаниками, колеблющимися между материализмом и идеализмом»[2].

[1] *Ленин*, Три источника и три составных части марксизма, Соч., т. XVI, стр. 353.

[2] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 49.

Этот *принцип* подхода к философским системам, этот критерий, дающий возможность безошибочно вскрывать и разоблачать подлинную сущность всякого рода ревизионистских философских стремлений также и прямых буржуазных, реакционных направлений, был положен Лениным в основу всей своей работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом». Красной нитью по всей книге Ленина проходит это четкое и резкое деление философских систем. И Мах, и Авенариус, и реакционные имманенты, и запутавшиеся в философских вопросах естественники, и Богданов, и Базаров предстают сразу в своем истинном философском свете перед читателями гениальной работы Ленина. Не переставая ссылаться на авторитет материалиста Энгельса, опираясь на его учение, на его философские работы и развивая дальше философию марксизма, Ленин критикует «отступления от формулировки материализма Энгельсом»[1] со стороны Плеханова, допустившего в своей известной теории иероглифов значительные элементы агностицизма, явные ошибки в определении опыта, благодаря чему у Плеханова пропадала грань, отделяющая материалистов от махистов.

Согласно Энгельсу, материализм, поскольку он стал диалектическим и связал в одну стройную систему новейшие открытия естествознания, предъявил к каждой науке требование—выяснить свое место в общей системе вещей и знаний. Философии в старом смысле слова пришел конец. Так называемая старая философия как наука наук стала излишней. Означало ли это, как пытались извратить мысли Энгельса наши механисты, что вообще марксизм распрощался с философией и «выбросил ее за борт»? Конечно, нет! Энгельс разъяснял, что *самостоятельное* значение сохраняет *наука о мышлении и законах его развития*, т. е. логика, диалектика. Энгельс выяснял, что «наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления»[2]. Он указывал, что она отнюдь не есть некая неизменная вещь, что нельзя никаким законам логики придавать сверхисторическое значение, что «теория законов мышления не есть вовсе какая-то раз навсегда установленная «вечная истина», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль»[3].

Энгельс говорил о необходимости серьезного изучения *истории философии*, как о лучшей школе для понимания тех категорий, которыми оперирует естествознание.

По истории философии, начиная с древней и кончая новейшей, Энгельсом дан огромный материал. Всякий, кто с точки

---

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 190.
[2] *Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 240, 1934 г.
[3] *Там же.*

зрения марксизма изучает историю философии, не может не отправляться в этом вопросе от Энгельса. Он обращал особое внимание на *историю* развития естественных наук, на *историю* изобретений и техники. В своих философских работах, в которых дано дальнейшее гениальное развитие диалектического материализма Маркса—Энгельса, Ленин все время исходит из работ Энгельса, ссылаясь на него, как на высший авторитет. В этом отношении крайне характерен документ, относящийся к борьбе с махизмом в эпоху реакции и написанный рукой Ленина в 1908 году. Одним из руководителей философского ревизионизма среди социал-демократов в Женеве (судя по всем данным, это был Богданов) был объявлен реферат на философскую тему. Выступление против референта было поручено члену редакции «Пролетария» и большевистского центра т. И. Дубровинскому. Как материал к выступлению Дубровинского Лениным был написан этот документ, так называемые «Десять вопросов референту». Вот что писал Ильич, в сжатой форме формулируя основные вопросы теории познания диалектического материализма:

«1. Признает ли референт, что философия марксизма есть *диалектический материализм?*

Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом?

Если да, то зачем называют махисты свой «пересмотр» диалектического материализма «философией марксизма»?

2. Признает ли референт основное деление философских систем у Энгельса на *материализм* и *идеализм*, причем средними между тем и другим, колеблющимися между ними считает Энгельс *линию* Юма в новой философии, называя эту линию «агностицизмом» и объявляя кантианство разновидностью агностицизма?

3. Признает ли референт, что в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове?

4. Признает ли референт правильным рассуждение Энгельса о превращении «вещей по себе» в «вещи для нас»?

5. Признает ли референт правильным утверждение Энгельса, что «действительное единство мира заключается в его материальности»? (*Anti-Düring*, 2 изд., 1886 г., стр. 28, 1-й отдел, § III об априоризме.)

6. Признает ли референт правильным утверждение Энгельса, что «материя без движения так же немыслима, как движение без материи». (*Anti-Düring*, 1886, 2 изд., стр. 45, в § 6 о натурфилософии, космогонии, физике и химии.)

7. Признает ли референт, что идея причинности, необходимости, закономерности и т. д. является отражением в человече-

ской голове законов природы, действительного мира? Или Энгельс был неправ, утверждая это. (*Anti-Düring*, S. 20—21, в § II об априоризме, и S. 103—104, в § XI—о свободе и необходимости.)»[1].

Этот документ красноречиво говорит сам за себя. С исчерпывающей ясностью Ленин сформулировал суть воззрений Энгельса по всем важнейшим пунктам теории познания диалектического материализма.

Взгляды Энгельса на теорию отражения—важнейший пункт гносеологических воззрений марксизма. Энгельс неоднократно подчеркивал, что отражение действительности в наших представлениях и понятиях надо понимать как *процесс* и притом как процесс познания общественно-исторического человека. Применение диалектики к теории познания дало возможность Энгельсу выяснить роль ощущения, роль абстрагирующей деятельности мышления, роль научных понятий в процессе познания.

Мировоззрение марксизма, как наиболее передовое мировоззрение человечества, именно поэтому насквозь партийное мировоззрение. «Маркс и Энгельс,—писал Ленин,—от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поблажки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших» направлениях»[2]. Худшим видом буржуазного либерального подхода к науке и к философии является та точка зрения, которая считает, что партийность и подлинная научность противоречат друг другу. Наше мировоззрение является подлинно научным мировоззрением, и вместе с тем оно от начала до конца пронизано революционной партийностью. Марксистская философия—образец сочетания глубочайшей революционности с невиданным доселе проникновением в закономерности общественного исторического развития.

Великие идеи и мысли Энгельса о материалистической диалектике как философской науке марксизма, о роли и значении пролетарского мировоззрения для борьбы со всякого рода идеалистическими направлениями подверглись извращениям и критике со стороны ревизионистов и оппортунистов II Интернационала. Все эти многочисленные «теоретики»—Форлендеры и Максы Адлеры, Каутские, Ваидервельде, Фридрихи Адлеры и богдановцы—наперебой доказывали, что, собственно говоря, марксизм никакой философии не имеет, что под марксистское экономическое учение и учение об обществе надо подвести философский фундамент из позаимствованных этими лакеями буржуазии философских буржуазных теорий (Кант, Мах и т. д.). Всячески они пытались доказать, как, например, Макс Адлер, что у Энгельса совер-

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 5.
[2] *Там же*, стр. 277.

шенно недостаточен теоретико-познавательный фундамент, что воззрения Энгельса недостаточно критичны, что они должны быть дополнены критицизмом Канта и что они должны получить теоретико-познавательное обоснование и т. д.

Ленин, величайший марксист новой исторической эпохи, не только отстаивал в борьбе с оппортунизмом все учение Маркса в целом, в том числе и его философию, но, развивая это учение дальше, показал также все значение Энгельса как одного из основоположников диалектического материализма.

В предисловии к «Крестьянской войне в Германии» Энгельс писал о том, что немецкие рабочие имеют два преимущества перед рабочими других стран. Эти преимущества состоят в том, что они «принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы»[1], и, во-вторых, в том, что они сохраняют и развивают вкус к теоретическому мышлению, в то время как господствующие классы Германии давно утеряли этот вкус. Так писал Энгельс в 1874 году. Эта характеристика как нельзя более свежо звучит в настоящее время. В то время как немецкие пролетарии и коммунистическая партия Германии твердо хранят эти традиции, являются подлинными наследниками того, что создал и создает великий немецкий народ, являются единственным оплотом культуры в Германии,— фашизм, угнетающий немецкий народ, эта свирепая террористическая диктатура финансового капитала, этот злейший враг культуры и науки, является олицетворением варварства, зоологического национализма и расизма, олицетворением всего отжившего и отживающего, реакционного и консервативного.

Еще в 1913 г. в своей известной статье «Отсталая Европа и передовая Азия» Ленин писал: «...наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое. Отживающая буржуазия соединяется со всеми отжившими и отживающими силами, чтобы сохранить колеблющееся наемное рабство»[2]. Эти пророческие слова Ленина как нельзя более подходят к фашизму, который подбирает в предшествующей истории все мрачное и реакционное, чтобы, по выражению Маркса, узаконять подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего дня.

Для представителей так называемой «идеологии» фашизма характерно следующее: подрыв основ научного знания, полная дискредитация человеческой мысли, выдвижение на первый план чувств, эмоций, интуиции, внутреннего мистического созерцания. Вместо науки—мифология, вместо разума—интуиция и мистическое созерцание, вместо объективного исследования—необуздан-

---

[1] *Энгельс*, Крестьянская война в Германии, стр. 15, 1932 г.
[2] *Ленин*, Отсталая Европа и передовая Азия, Соч., т. XVI, стр. 395.

ный субъективизм и не имеющий под собой никакой почвы волюнтаризм, вместо знания—иллюзии, вместо классов и классовой борьбы—расовая и национальная борьба, наконец мистика крови, чести и божественной души—таков нехитрый арсенал современных фашиствующих философских башибузуков.

Перед лицом этого старческого маразма и идейного разложения *высится, как могучая скала, светит, как яркое солнце, самое передовое, самое последовательное мировоззрение*, какое только создано человеческим гением,—мировоззрение диалектического материализма, теория научного коммунизма. Материалистическая диалектика является острейшим и разящим орудием разоблачения этих продуктов гниения капиталистического строя, пытающихся при помощи всех средств материального и идейного воздействия отстоять наемное рабство и частную собственность. Энгельс—один из творцов и основоположников мировоззрения пролетариата—диалектического материализма.

Материалистическая диалектика—самое всестороннее, самое содержательное и самое глубокое учение о развитии. В своем «Анти-Дюринге», в «Диалектике природы» Энгельс проделал большую работу для выяснения этой сущности нашего учения. Дело в том, что последовательным до конца учением о развитии может являться только *материалистическая* диалектика. Гегель, несмотря на то, что «впервые изобразил всеобъемлющим и сознательным образом ее всеобщие формы движения»[1], мистифицировал диалектику. Он не дошел до понимания резкости действительных противоречий. Освобождение диалектического метода от идеалистической оболочки, материалистическую переработку его,—одним словом, писал Энгельс, «*выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который едва ли уступает по своему значению материалистическому основному воззрению*»[2]. Только марксистская диалектика, как наиболее содержательная теория развития, беспощадно раскрывает внутренние противоречия общественного и всякого иного процесса. Диалектика, по выражению Маркса, в своей рациональной форме, иначе говоря, материалистическая диалектика, внушает ужас буржуазии. Именно поэтому она и является таким острым оружием в руках пролетариата в его борьбе за коммунизм, за диктатуру пролетариата.

Диалектический материализм против вульгарного понимания эволюции, против всякой оппортунистической теории, которая смертельно боится скачков, перерывов постепенности. Революционная

---

[1] *Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 243, 1934 г.

[2] *Маркс*, К критике политической экономии. Рецензия Энгельса, стр. 208, 1933 г. Подчеркнуто мною.—*М. М.*

диалектика—эта душа марксизма—внушает ужас не только прямым идеологам буржуазии, она внушала и внушает ужас также и всякого рода оппортунистам, этим «премудрым пескарям», вроде Бернштейнов, Каутских, Вандервельде, Бауэров, как огня боящихся пролетарской революции.

То, что дает Энгельс в деле изложения и популяризации трех основных законов диалектики, входит в железный инвентарь марксистской философии. Энгельс при этом не ограничивался общим теоретическим изложением этих законов, а снабдил их «для популярности», как говорил Ленин, яркими фактическими иллюстрациями. Примеры Энгельса о переходе количества в качество, об отрицании отрицания, о законе единства противоположностей давно уже вошли во все учебники и приобрели широкую популярность. Его разгром механистического фатализма в вопросе о случайности, необходимости и причинности заслужил широкую известность.

Материалистическая диалектика—в высшей степени творческое оружие. Она требует конкретного анализа, изучения всей конкретной обстановки для революционного действия. Она против всякого фетишизирования устаревших форм, против превращения формул и лозунгов марксизма в застывшие, мертвые догмы, что характерно для всей социал-демократии, для всякого оппортунизма. Материалистическая диалектика против перенесения оценок, лозунгов, формул, вытекающих из одного определенного положения в соотношении классовых сил, на другое положение при изменившемся соотношении классовых сил.

Анализируя переписку Маркса и Энгельса с руководителями рабочего движения разных стран, Ленин особенно подчеркивает их уменье давать ясные указания и намечать тактические пути, исходя из учета конкретных особенностей в положении разных стран. Ленин писал: «С научной точки зрения, мы наблюдаем здесь образчик материалистической диалектики, уменье выдвинуть на первый план и подчеркнуть различные пункты, различные стороны вопроса в применении к конкретным особенностям тех или иных политических и экономических условий»[1]. Под этим углом зрения Ленин подходит к выяснению указаний, которые давал Энгельс в своих письмах к деятелям рабочего движения.

Ленин указывает, что можно видеть две линии энгельсовских указаний в этой переписке. Одни указания, поправки, директивы Энгельс дает *англо-американским социалистам*, другого типа указания он дает *немецким социал-демократам*. От англо-американских социалистов Энгельс все настойчивее требует слиться

---

[1] *Ленин*. Предисловие к русскому переводу книги: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.», Соч., т. XI, стр 166.

с рабочим движением, вытравить из организаций узкий и заскорузлый *сектантский дух*. Именно эти указания соответствовали всему положению вещей в этих странах, ибо там в период деятельности Энгельса не было социал-демократической рабочей партии, не было социал-демократических депутатов в парламенте, не было никакой социал-демократической политики на выборах и в прессе. Среди представителей рабочего движения господствовали узкое сектантство, отрыв от широких рабочих масс. Энгельс учил социалистов во что бы то ни стало порвать с этим узким сектантством, примкнуть шире и глубже к рабочему движению, политически встряхнуть пролетариат, выдвигая перед ним общеполитические задачи.

Другое положение было в Германии, в стране, где буржуазно-демократическая революция осталась незаконченной, где господствовал военный деспотизм, где пролетариат уже был втянут в политику, создал социал-демократическую партию и был с нею тесно связан. Вот в этой стране Энгельс требовал от социалистов «бешеной борьбы» против парламентского опошления рабочего движения, против филистерского примиренчества, против всякого ограничения задач и размаха революционного движения. Германия, с одной стороны, указывает Ленин, Англия и Америка—с другой, представляли страны, в которых капиталистическое развитие находилось на различных стадиях, в которых мы имеем различные формы господства буржуазии. И именно учет этих конкретных особенностей требовал от руководителей рабочего движения различной тактики, применительно к обстановке.

Указания Энгельса являются образцом такого диалектического анализа обстановки и уменья применять его к различному соотношению классовых сил. Книга Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» может служить ярким примером диалектико-материалистического анализа хода классовой борьбы в революции 1848 г. в Германии, изменяющегося соотношения сил в результате тех или других крупных событий, противоречивого положения буржуазии и ее предательства народных масс.

Пользуясь методом диалектического анализа, Энгельс ярко рисует противоречивое положение немецкой либеральной буржуазии во время революции 1848 года. Ход событий показал, что «та самая либеральная буржуазия, которая одна только и извлекла выгоду из победы»[1] (речь идет о двух больших победах народа: 13 марта в Вене и 18 марта в Берлине), немедленно обратилась против своих вчерашних союзников, против народных масс, стала во враждебное отношение к ним и заключила союз с побежденными феодальными бюрократическими слоями. Диалектика исторического развития соотношения классовых сил в Германии была такова,

[1] *Энгельс*, Революция и контрреволюция в Германии, стр. 45, 1936 г.

что, по мнению Энгельса, было очевидно с самого начала, что буржуазия может устоять против побежденных, но не уничтоженных феодальной и бюрократической партий лишь в том случае, если она будет опираться на демократические и крайние партии, и что, с другой стороны, ей нужна поддержка феодального дворянства, бюрократии против напора этих более передовых масс. «Было, таким образом, ясно,—писал Энгельс,—что в Австрии и Пруссии буржуазия не обладала достаточной силой для того, чтобы удержать за собою власть и вполне приспособить государственные учреждения к своим потребностям и идеям»[1].

Энгельс пригвоздил к позорному столбу истории франкфуртское народное собрание, эту «коллекцию мудрецов», этих «скоморохов», этих «близоруких, напыщенных созданий», «которых один только год парламентской жизни превратил в совершенных идиотов»[2].

Энгельс дает потрясающую характеристику поведения так называемой демократической партии, представлявшей интересы мелкой буржуазии в серьезных классовых столкновениях. Ее представители были очень щедры на обещания и угрозы применять революционное действие, на словах проявляли отменную отвагу, грозили вооруженным сопротивлением, но всем ходом событий показали, что в час действительной опасности их «нигде не сыщешь», что лучше всего они себя чувствуют «на другой день после решительного поражения, когда все потеряно», и что они имеют по крайней мере утешение знать, «что дело так или иначе *уже* решено»[3].

Ведя «бешеную борьбу» с оппортунизмом, Энгельс и развитие самих социал-демократических партий рассматривал под углом зрения диалектики. В своем докладе на VII пленуме ИККИ в декабре 1926 г. товарищ Сталин, устанавливая закон диалектического развития «для всех сколько-нибудь больших партий»[4], состоящий в необходимости преодоления внутрипартийных разногласий *путем борьбы*, ссылается в этом вопросе на авторитет Энгельса. Товарищ Сталин указывает, что в 80-х годах прошлого века, когда в Германии господствовали так называемые исключительные законы против социалистов, Энгельс, направлявший на деле работу германской социал-демократии путем переписки с ее руководителями, писал Бернштейну:

«Как видно, *всякая* рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития. Германская партия стала

[1] *Энгельс,* Революция и контрреволюция в Германии, стр. 45—46, 1935 г.
[2] *Там же,* стр. 88.
[3] *Там же,* стр. 95.
[4] Стенотчет VII пленума ИККИ, стр. 3, 1929 г.

тем, что она есть, в борьбе эйзенахцев и лассальянцев, где самое трение играло главную роль»[1].

В полном соответствии с общим пониманием сущности революционной диалектики Энгельс указывает, что в истории общественной жизни, в истории классовой борьбы, в истории развития партий «противоречия никогда не могут быть затушеваны надолго, они решаются борьбой».

Как известно, троцкисты в борьбе против ленинской теории империализма и пролетарской революции ссылались на положение Энгельса в его работе «Принципы коммунизма» о том, что пролетарская революция не может победить в одной, отдельно взятой стране. Эта формула Энгельса, по выражению товарища Сталина, являясь наиболее крайним и резким выражением точки зрения марксистов определенного периода, а именно периода промышленного капитализма, для этих условий, как доказал товарищ Сталин, была правильна. Однако какими бы ни были гениальными мыслителями Маркс и Энгельс, нельзя требовать от них, «чтобы они предусмотрели в период домонополистического капитализма все возможности классовой борьбы пролетариата и пролетарской революции, открывшиеся спустя более чем полстолетие, в период развитого монополистического капитализма»[2].

Товарищ Сталин, исходя из метода Маркса и Энгельса, показал, что в *новых* исторических условиях, в условиях *империализма*, Ленин был *первым*, кто открыл истину о возможности победы социализма в одной стране, и что худшим видом оппортунизма, социал-демократического подхода к делу является ссылка на старую формулу Энгельса, данную для другого исторического периода. И дальше, в связи с этим, товарищ Сталин, разоблачая троцкистов, писал: «Конечно, если бы Энгельс был жив, он не стал бы цепляться за старую формулу, а, наоборот, всемерно приветствовал бы нашу революцию, говоря: «К чорту все старые формулы, да здравствует победоносная революция в СССР!»[3]

На этом примере очень хорошо вскрывается подлинно диалектическое, творческое развитие марксизма товарищем Сталиным, и это передает очень хорошо суть воззрений самого Маркса и Энгельса. Сталин—величайший диалектик-материалист нашей эпохи, исходя из метода Маркса—Энгельса—Ленина и вместе с тем развивая его, теоретически вооружает мировой пролетариат на каждом историческом этапе классовой борьбы таким кристально ясным анализом положения, такими гениальными и глубокими, точными прогнозами о перспективах развития, такими директивами и лозунгами, которые, доходя немедленно до сознания и сердец

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», кн. I, стр. 324—325.
[2] *Сталин*, сб. Об оппозиции, стр. 380.
[3] *Там же*, стр. 379.

трудящихся, превращаются *в непоколебимую* материальную силу. Именно товарищу Сталину принадлежат известные исторические слова на XVI съезде партии: «эта «противоречивая» формула отражает ту жизненную правду марксовой диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости»[1].

Маркс и Энгельс уделяли в течение всей своей деятельности огромное внимание изучению естествознания. Переписка между ними свидетельствует о том, что они следили за всеми новейшими открытиями в наиболее важных отраслях естественных наук, не пропускали ни одной из крупных книг, посвященных этим открытиям. Но так как сам Маркс больше всего занимался экономическими вопросами, работая над «Капиталом», то работа по обобщению итогов развития естествознания выпала главным образом на долю Энгельса. Результатом этих его занятий и является «Диалектика природы».

К середине XIX в. в ряде отраслей естественных наук наблюдается очень большое развитие. Можно говорить о целой революции в естествознании. Так, например, в сравнительно небольшой промежуток времени, от 1830 по 1848 г., был сформулирован и обоснован закон сохранения и превращения энергии в работах Джоуля, Майера, Гильдинга и Гельмгольца. В течение этого же периода знаменитый Фарадей открыл электромагнитную индукцию. На это же время падает развитие органической химии. Окончательно утвердилась клеточная теория Шванна. В геологии Ляйель своими замечательными открытиями устанавливает идею эволюции. Революция 1848 г. послужила отправным пунктом для бурного развития естественных наук в Германии. Буржуазия была охвачена духом практицизма и наживы, сделала крупные шаги в развитии промышленности. Естественно, что она нуждалась в широких научно-исследовательских работах в области естествознания, а это в свою очередь привело «к мощному подъему естествознания в Германии». Однако и другие страны в этом отношении отнюдь не отстают. Стоит указать на открытия Дарвина по вопросу о происхождении видов. Очень крупные открытия были сделаны в физике, в химии, в медицине, в биологии. Стоит только назвать имена Либиха, Пастера, Вирхова, Коха, чтобы было ясно, насколько к тому времени продвинулись вперед познания о природе со времен Гегеля.

Естественно, что при наличии таких больших изменений, происшедших во всех областях науки, со стороны марксистов требовалось теоретически осмыслить эти открытия. За эту гигантскую работу по теоретическому обобщению и осмысливанию всего развития новейшего естествознания с середины XVIII вплоть почти

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 427, изд. 10-е.

до конца XIX столетия взялся Энгельс. Эту работу мог выполнить только он, при ближайшем участии и советах Маркса, который, работая над II и III томами «Капитала», находил время постоянно быть в курсе всех вопросов современного ему естествознания.

Каковы же основные выводы и идеи, к которым он пришел в результате своего длительного специального изучения естествознания? В предисловии к «Анти-Дюрингу» от 1885 г. Энгельс указывал: «Моя задача была не в том, чтобы внести диалектические законы в природу извне, а в том, чтобы найти их в ней и из нее их развить. Однако,—констатирует Энгельс,—выполнить это в общей связи и по отношению к каждой отдельной области составляет исполинский труд»[1].

Основные идеи, развитые им в «Анти-Дюринге» и в особенности в «Диалектике природы», могут вкратце быть изложены следующим образом. Энгельс дает характеристику предшествующего этапа в развитии естественных наук до великих открытий XIX в. Состояние этих наук в тот период, по мнению Энгельса, является ярким примером господства в них *метафизического* метода и формальной логики. В учениях о природе господствовали представления о неизменных силах и метафизических началах вроде, например, теплорода и флогистона, электрической и магнитной жидкости. Господствовали воззрения Ньютона о пространстве и времени как о ящиках, в которых заключена материя, причем, согласно этим же представлениям, пространство и время внешни по отношению друг к другу. Естественно, что при господстве такого метафизического метода в естествознании в нем оставалось еще очень много теологии, религиозных представлений, учений о божественном начале, о первом божественном толчке и т. д.

Однако с конца XVIII в., а затем и в XIX в. делаются такие открытия, которые целиком и полностью переворачивают все предыдущие представления. Метафизика, формальная логика, с ее неизменными категориями и законами в вопросах естествознания, терпит одно поражение за другим. Одно за другим следуют крупные открытия, из которых совершенно ясно становится, что природа *развивается*. Наносятся один за другим удары по представлениям о неизменных силах. Оказывается, что различные противоположности отнюдь не отграничены друг от друга непроходимыми границами, а наоборот—фактический материал показывает, что противоположности друг в друга переходят. Все эти открытия, начиная с канто-лапласовской теории, кончая открытиями Ляйеля и Дарвина, все больше и больше подтверждают общефилософские воззрения диалектического материализма. Хотя большей частью

[1] *Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 8, 1934 г.

сами авторы этих открытий отнюдь не были сознательными диалектическими материалистами, однако их работы для доказательства истинности марксистского мировоззрения сыграли исключительно большую роль. Диалектическое воззрение на природу пробивается через все их взгляды большей частью стихийно. Энгельс писал: «Во всяком случае естествознание находится теперь на такой ступени развития, что оно не может уже ускользнуть от диалектического обобщения»[1]. Энгельс далее указывал, что единственное условие, которое может полностью и до конца обеспечить в вопросах естествознания победу диалектическому мировоззрению над всякой мистикой и поповщиной,—это сознательный переход естественников на позиции диалектического материализма. Однако в условиях капиталистического строя, в условиях органической связи подавляющего большинства естественников с господствующими классами, такой переход в массовом масштабе маловероятен или даже невозможен.

Все эти идеи Энгельса, являвшиеся блестящими обобщениями успехов естествознания, подхватывает и развивает в новых условиях Ленин. Товарищ Сталин в «Основах ленинизма» указал, что «не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов»[2].

С конца XIX в. вплоть до настоящего времени естествознание опять переживает бурную революцию. Эта революция, этот неисчерпаемый поток новейших открытий, в свою очередь ломающий все старые представления, вместе с тем тесным образом связан с кризисом естествознания, философские и теоретические основы которого были раскрыты Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». Если подойти к фактическим, экспериментальным открытиям, которые за это время следуют одно за другим в различных областях науки, то мы можем с полной ответственностью заявить, что они целиком и полностью доказывают *всю правоту гениальных прогнозов в этом отношении Энгельса и Ленина*. Эмпирический естественно-научный материал, который накопился в естествознании, доказывает правоту не только общих идей диалектического материализма, но даже и в частных вопросах правильность многих положений «Диалектики природы» Энгельса и «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина. Возьмем, к примеру, трактовку вопросов пространства и времени, материи и движения, которую мы имеем в названных произведениях. Энгельс в «Диалектике природы» подчеркивает, что с точки зрения диа-

---

[1] *Энгельс*, Анти-Дюринг, стр. 9, 1934 г.
[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 13—14, изд. 10-е.

лектического материализма пространство и время неотрывны друг от друга так же, как в свою очередь они неотрывны от материи. Точно так же доказывал Энгельс в противовес старым метафизическим воззрениям многих естественников, что материя и движение представляют собою полное единство, движение неотрывно от материи, что движение—не только свойство материи, а нечто большее, атрибут материи.

Эти философские воззрения многим естественникам в период Энгельса казались совершенно неправильными, не отвечающими состоянию естествознания того времени. Однако, что мы имеем в настоящее время? Согласно теории относительности Эйнштейна, которая является одним из крупнейших событий в области естествознания в первой четверти XX века, доказано, что пространство и время неотрывны друг от друга и находятся в зависимости от распределения материи. Теория относительности привела к установлению на фактическом естественно-научном материале истины о единстве материи и движения, о пространстве и времени, находящихся в неразрывной связи друг с другом. Она увидела в движении единство времени и пространства. *При всех идеалистических выводах*, которые делают сам автор теории относительности Эйнштейн и многочисленные философы из его открытий, эта теория невольно подтвердила на богатом естественно-научном и математическом материале правоту положений, которые были выдвинуты еще Энгельсом в «Диалектике природы». Теория относительности доказала, что нет энергии вне массы, что всякая энергия должна обладать массой, что между ними нет и не может быть никакой непроходимой грани, как это трактовало старое, метафизическое естествознание. Опять-таки, вольно или невольно, была доказана правильность положений Энгельса по этим вопросам.

Теория эволюции со времени Дарвина сделала огромные шаги вперед. Все большее количество областей естествознания охватывается теорией эволюции. Теперь наука доказала не только эволюцию видов в биологии, но она пришла также и к необходимости эволюционного рассмотрения элементов и перехода этих элементов друг в друга. В космогонии и астрономии изучаются детально процессы *возникновения, развития и строения звезд, их распад и разложение* в мировом пространстве. Во всех этих областях теория развития празднует свои победы. Надо тут же указать на огромное философское значение работ нашего академика Павлова. Своими экспериментальными работами по объективному изучению высшей нервной деятельности он сделал для борьбы с идеализмом и обоснования материализма гораздо больше многих десятков патентованных философов. Одним словом, *если бы Энгельс был жив, к нему каждый день стекались бы в огромном количестве факты, подтверждающие его идеи «Диалектики природы»!*

Выше мы говорили о том, что с точки зрения Энгельса сознательный переход на точку зрения диалектического материализма массы ученых в условиях капиталистического строя маловероятен, если не сказать—невозможен. *Только в условиях* пролетарской диктатуры, в условиях, когда марксизм является господствующей идеологией как идеология господствующего класса, такой массовый переход представителей естествознания на сторону марксистского мировоззрения становится возможным и даже необходимым. В настоящее время в нашей стране наблюдается в широком размере среди научных работников различных областей огромный интерес к марксизму, к работам Энгельса, в частности к его «Диалектике природы», к работам Ленина, в особенности к его «Материализму и эмпириокритицизму».

Ленин называет материалистическое понимание истории последовательным продолжением и распространением *материализма* на область общественных явлений. Материалистическое понимание истории, несомненно, является совместным делом Маркса и Энгельса.

Идя рука об руку с Марксом, Энгельс проделал огромную, поистине неисчерпаемую работу в деле развития и обоснования материалистического понимания истории. Энгельс, несомненно, является одним из творцов исторического материализма.

Он рассматривал исторический материализм отнюдь не как готовый шаблон, а как теорию, указывающую путь к всестороннему изучению процесса *возникновения, развития и упадка* общественно-экономических формаций, путь к точному изучению поведения классов, классовой борьбы, к точному вскрытию исторических корней всех без исключения идей и тенденций общественного развития. Энгельс рассматривал исторический материализм как метод понимания общественных явлений.

Энгельс придает огромное значение фактической истории. Он писал: «История есть для нас все и ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением, выше даже, чем Гегелем, которому она, в конце концов, служит лишь для проверки его логической задачи»[1].

Энгельс требует конкретного изучения истории, знания конкретных фактов классовой борьбы. В этом отношении его произведения являются образцом. Он решительным образом обрушивается на «таких друзей, для которых оно (материалистическое понимание истории.—*М. М.*) является предлогом не изучать истории»[2]. В ряде своих исторических работ Энгельс глубоко анализирует положение каждого отдельного класса, его взаимоотношения с другими классами, внутреннюю борьбу различных групп и слоев вну-

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. II, стр. 343.
[2] *Маркс* и *Энгельс*, Письма, стр. 371, 1932 г.

три данного класса, противоречия, в нем имеющиеся и могущие быть использованными пролетариатом. Такой конкретный анализ классовых отношений чрезвычайно важен, по выражению Ленина, для выяснения сложной сети общественных отношений и переходных ступеней от одного класса к другому. Такое детальное изучение важно также для выяснения переходных ступеней от настоящего к будущему и т. д.

Во всей совокупности работ Энгельса его исторические исследования занимают исключительное место. Он собрал и обработал огромный фактический материал по истории Англии, Франции, Германии, по истории классовой борьбы, революционных войн. Работы Энгельса дают исключительный материал и по истории внешнеполитических отношений Европы больше чем за полстолетие, по истории национально-колониального вопроса, по истории религиозно-философских систем Востока. Энгельс специально анализирует и занимается изучением истории военных операций, и даже история развития винтовки находит в нем своего блестящего исполнителя.

Энгельс изучает историю не ради чистой науки. Изучение истории у него исключительно партийно. Он занимается изучением истории в целях пролетарской борьбы: так, например, для понимания революции 1848 г. и предательской политики буржуазии он специально изучает и ссылается на изучение классовых отношений времени крестьянской войны 1525 г. Он указывает, что некоторые классы, которые проделывали революцию в 1525 г., становятся в 1848 г. прямо и открыто предательскими.

Глубокая партийность исторических работ Энгельса, полное отсутствие той «объективности беспристрастного историка», о которой так беспокоится небезызвестный Эдуард Бернштейн,—вот важнейшая их черта.

В своем письме к Паулю Эрнсту Энгельс указывает, что материалистический метод отнюдь не является готовой отмычкой для всякого рода исторических «открытий». Он указывает, что материалистический метод *«превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты»* [1].

Все эти мысли и образцы работ Энгельса имеют актуальное значение для настоящего времени. Мы можем часто встретить людей, для которых материалистическое понимание истории превращено в шаблон, в общую декламацию об общественно-экономических формациях и т. д. и для которых эта декламация заменяет действительное знание исторических фактов.

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Письма.

Здесь уже в предыдущих докладах была освещена роль Энгельса как борца за диктатуру пролетариата. Здесь уже освещалась та великая роль, которая принадлежит Энгельсу в разработке вопросов пролетарской диктатуры, вопроса о необходимости *слома* старой государственной машины, вопроса об отмирании государства и т. д. Мы поэтому на этих вопросах не будем останавливаться, а перейдем к выяснению некоторых других сторон материалистического понимания истории в работах Энгельса.

Исключительное значение имеет то богатейшее содержание, которое дает нам Энгельс в вопросах, посвященных коммунизму, бесклассовому обществу. В «Анти-Дюринге» он беспощадно бичует тех фантазеров, которые отрываются от действительности и «пытаются предусмотреть все детали будущего общества вплоть до способов очистки выгребных ям»[1]. Бичуя таких Маниловых, Энгельс вместе с тем дает в своих работах яркую картину будущего общества. Широкими мазками рисует он тот общественный строй, в котором вследствие уничтожения классов и уничтожения эксплоатации отношения между людьми станут «ясными и прозрачными», не завуалированными никакими фетишами. Сильными словами характеризует он тот общественный строй, когда сами люди становятся «господами своих собственных общественных отношений»[2]. Жизненные условия, которые окружают людей, которые над ними господствовали, в этом новом обществе, наконец, попадут под власть людей и их контроль. Люди впервые в бесклассовом обществе станут, по мнению Энгельса, действительно сознательными победителями природы. И разве чудесный пример страны социализма, нашей прекрасной социалистической родины, с ее пролетарским гуманизмом, пролетарской демократией, с ее невиданным героизмом в деле борьбы за уничтожение классов, в деле покорения природы, в деле всякого рода научных открытий,— разве все это не является ярким подтверждением этих гениальных прогнозов великого соратника Маркса?!

Энгельс писал: «Лишь сознательная организация общественного производства, в которой происходит планомерное производство и потребление, может поднять людей над прочими животными в общественном отношении так, как их подняло производство вообще в специфическом смысле»[3]. Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой, с каждым днем все более возможной. «От нее,—продолжает Энгельс,—будет датировать новая историческая эпоха, в которой люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что все, совершенное до того пока-

---

[1] *Энгельс,* Анти-Дюринг.
[2] *Там же,* стр. 204.
[3] *Энгельс,* Диалектика природы, стр. 96, 1934 г.

жется только слабой тенью»[1]. Блестящие примеры наших стратонавтов, нашей гигантской работы в Арктике, наших подводников, наших ученых в различных областях науки, наших работ по бомбардировке атомного ядра, по яровизации, по насаждению специальных культур на крайнем Севере, по открытию синтетического каучука, наших работ, открывающих совершенно новые страницы в области архитектуры, водных сооружений и т. д. и т. п., показывают, насколько далеко видел Энгельс, какую замечательную перспективу нарисовал он для социалистического общества.

Внимание Энгельса все время привлекает вопрос о развитии личности в условиях бесклассового общества. Яркими красками набрасывает он замечательную картину развития личности в условиях социализма. Энгельс отдает должное буржуазии, которая на утренней заре своего возникновения, в так называемую эпоху Возрождения, выдвинула поколение крепких людей с могучими характерами, с сильными нервами, выдвинула цельные, многогранные личности, блестящие таланты, людей страстной энергии, людей, отнюдь не страдавших односторонностью (Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи). Однако Энгельс этим не ограничивается. Он вскрывает все противоречия этой интересной исторической эпохи. Он показывает, что именно в силу противоречий ее, в силу природы буржуазного класса, который шел к своему могуществу, эта же эпоха выдвинула жесточайших властелинов, беспринципнейших авантюристов, грязных негодяев, рыцарей наживы и крови, продувных бестий и т. д.

Энгельс и Маркс показывают в своих работах, что буржуазная личность, ее рост, ее развитие происходили на базе *подавления и угнетения широчайших народных масс*. Коммунизм же является *началом новой великой эпохи* возрождения человека. Коммунизм означает подъем и возрождение личности не в противоречии с широкими массами, а наоборот—он означает *подъем всей массы*. Разве все то, что происходит у нас: замечательный рост коммунистических форм труда, социалистическое соревнование и ударничество, рост подлинных героев из народных масс,—разве все это не является подтверждением этих гениальных прогнозов Маркса и Энгельса?!

Сорок лет, прошедшие со дня смерти Энгельса, являются годами роста рабочего движения, его величайших исторических успехов, торжества научного социализма в его борьбе со всякого рода врагами. Под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина пролетариат нашей страны добился исполинских побед.

В *стране пролетарской диктатуры*, стране марксизма-ленинизма, под руководством величайшего вождя пролетариата това-

[1] *Энгельс*, Диалектика природы, стр. 96, 1934 г.

рница Сталина, чье имя заставляет усиленнее биться сердце, сжимать крепче в руках винтовку, молот, перо, еще напряженнее драться за счастливую, радостную жизнь, мы имеем всемирно-исторические достижения. В *странах капитала* свирепствует кризис, идет усиленная подготовка к новым империалистическим войнам. В ответ на разгул фашизма, расизма, звериного национализма, на невиданно жестокие формы подавления рабочего движения все увереннее начинает подыматься рабочий класс, объединяя под своим руководством широчайшие массы трудящихся для нанесения решающего удара по капиталистической реакции.

Знамя марксизма высоко вздымается над всем миром! Недалек тот исторический час, когда под этим знаменем мировой пролетариат сбросит в мусорную яму истории весь капиталистический строй с его зверством, варварством и эксплоатацией!

«Под знаменем марксизма» № 5 за 1935 г.

К 65-ЛЕТИЮ «КАПИТАЛА» МАРКСА

I

Прошло 65 лет с тех пор, как было закончено и вышло из печати одно из величайших творений всей мировой литературы — I том «Капитала» Маркса.

Огромные исторические события произошли за это время. В нашей стране победила Великая Октябрьская революция, открывшая новую эру мировой истории. Мы построили фундамент социалистической экономики и ставим своей задачей к концу второй пятилетки полностью построить социалистическое общество.

Капитализм поражен жесточайшим кризисом; крайне обострились все его противоречия. Пролетарская революция—на очереди дня в ряде крупнейших стран капитализма.

Все изменения, которые произошли за 65 лет со времени появления «Капитала» в экономике и политике капитализма, глубочайшие всемирно-исторического значения перевороты в системе социально-экономических отношений, весь ход развития мировой пролетарской революции—блестяще подтвердили, доказали на практике истину марксова учения и его революционную силу.

С каждым десятилетием, с каждым историческим событием, с каждой новой победой рабочего класса экономическое учение Маркса, изложенное в «Капитале», встает перед нами во всем своем научном богатстве и революционном величии как единственное подлинно научное объяснение капиталистического способа производства, экономических законов возникновения, развития и гибели капитализма, как единственно революционное учение, указавшее пролетариату и угнетенным классам пути и средства их освобождения от капиталистического рабства.

Величайшей заслугой Маркса является то, что он в «Капи-

тале» научно доказал неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое, исходя из *экономического закона движения* капитализма, и *открыл пути и средства уничтожения* капитализма, опираясь на силы, *созданные самим же ходом* капиталистического развития. Маркс доказал, что гигантский процесс обобществления труда, происходящий в условиях капиталистического производства, процесс роста крупной промышленности, выражающийся в огромном росте централизации и концентрации капитала, в росте картелей, синдикатов, трестов и мощи банков, составляет главную материальную основу неизбежного превращения капитализма в социализм. Он открыл, что единственной физической, материальной силой, интеллектуальным и моральным двигателем, способным осуществить, выполнить это революционное преобразование старого капиталистического общества в новое, социалистическое, является пролетариат. В «Капитале» дано научное обоснование положения пролетариата в капиталистической системе производства и его исторической роли как могильщика капитализма, той силы, которая с необходимостью подготовляется всем ходом развития данной системы для ее уничтожения.

В «Капитале» Маркс разработал самую передовую, строго научную теорию, которая дает возможность пролетариату предвидеть тенденции будущего общественного развития и его конечные результаты на основе открытых законов движения современного общества, теорию, которая еще при жизни Маркса завоевала на свою сторону большинство пролетариата передовых стран капитализма и превратилась в действенную материальную силу, дающую возможность окончательной победы социализма над капитализмом.

Важнейшие события современной эпохи—мировая империалистическая война, всеобщий кризис капитализма, нарастание революционного движения—являются подтверждением прогнозов Маркса. Создание Советского государства, победоносное строительство социализма в СССР, приближающийся крах всей системы капиталистического рабства—все это великолепно подтверждает учение марксизма в целом, подтверждает то, что особенно ярко изложено Марксом в «Капитале».

Наша партия строит всю свою политику, стратегию и тактику руководства классовыми боями пролетариата на гранитной базе марксистской теории, дальше развитой применительно к эпохе империализма и пролетарских революций величайшим марксистом новой исторической полосы, гениальным продолжателем марксизма—Лениным. Его «Империализм как новейший этап капитализма» и другие работы, посвященные империализму, представляют собой прямое и непосредственное продолжение «Капитала» Маркса, новую, дальнейшую ступень в развитии экономического учения марксизма. Исходя из законов и тенденций развития капитализма, раскрытых Марксом в «Капитале», базируясь целиком и полностью на прин-

ципах экономической теории марксизма, Ленин раскрывает тенденции, законы развития новейшего этапа капиталистического строя, его последней ступени, непосредственно, без всяких промежуточных звеньев переходящей в пролетарскую революцию.

«Капитал» Маркса, «Империализм как новейший этап капитализма» Ленина, «Вопросы ленинизма» товарища Сталина—это величайшие вехи в развитии теоретического вооружения пролетариата, в развитии его идеологии, в раскрытии его исторических задач по уничтожению капиталистического строя, по созданию коммунистического общества.

II

Осветим в общих чертах историю работы Маркса над экономическими проблемами, историю его работы над подготовкой «Капитала». Понятно, что нельзя при этом рассматривать изолированно экономические работы Маркса. Без материалистической диалектики, без материалистического понимания истории нет и «Капитала». Выработка метода Маркса—Энгельса происходила в процессе работы над экономическими проблемами, иногда предвосхищая дальнейшую работу над ними, иногда задерживая ее, поскольку необходимо было отшлифовать те или другие стороны метода.

Первые занятия Маркса по экономическим вопросам относятся к периоду 1842—1843 гг. Сам Маркс в «Предисловии к критике политической экономии» пишет по этому поводу следующее: «Моей специальностью была юриспруденция, которую я, однако, изучал лишь как подчиненную дисциплину, наряду с философией и историей. В 1842—1843 гг. я, в качестве редактора «Рейнской Газеты», впервые попал в затруднительное положение, когда я должен был высказываться о так называемых материальных интересах. Прения рейнского ландтага по поводу кражи дров и дробления земельной собственности, официальная полемика, в которую г. фон-Шапер, тогдашний обер-президент Рейнской области, вступил с «Рейнской Газетой» по вопросу о положении мозельских крестьян, наконец прения о свободной торговле и протекционизме дали первые толчки моим занятиям экономическими вопросами»[1].

Эти «первые толчки» и работа над экономическими проблемами поставили перед Марксом ряд важнейших вопросов относительно соотношения экономики и политики, относительно характера общественных отношений, вопросов, требовавших своего скорейшего разрешения. Маркс предпринимает тогда специальную работу по критическому пересмотру гегелевской «Философии права». Мы не можем здесь останавливаться на характеристике этой работы молодого Маркса и на том значении, которое она имеет в общей разработке марксистской теории. Известно, что эта работа моло-

[1] *Маркс,* К критике политической экономии, стр. 41, 1933 г.

дого Маркса имеет исключительное значение для понимания диалектического и исторического материализма. Здесь же нас интересует то, что имело непосредственное значение для дальнейших работ Маркса по экономическим проблемам.

Обратимся в этом отношении к высказываниям самого Маркса. «Мои исследования привели меня,—пишет Маркс,—к заключению, что правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа; наоборот, они коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, объединил под названием «гражданского общества», а анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии»[1].

Вот важнейший вывод, представлявший собой, с одной стороны, общую формулировку материалистического понимания истории, с другой—набросок предмета политической экономии в свете диалектического материализма. Ясно, что эти положения представляли собой тем самым и задачу, план дальнейшей работы в этой области.

Только после того как были сформулированы основные положения исторического материализма, могла быть плодотворной работа по экономическим вопросам. Только с точки зрения нового метода можно было поднять политическую экономию на степень действительной науки, полностью раскрывающей закономерности развития капиталистического общества. Только на этой основе могла быть дана развернутая критика всех предшествующих экономических теорий.

Первый период работы Маркса над экономическими проблемами заканчивается следующими его экономическими работами: «О свободе торговли», «Наемный труд и капитал» и «Нищета философии». Эти блестящие работы заложили основы для всего здания экономического учения Маркса. Основное противоречие капиталистического способа производства, вопросы эксплоатации, материалистическо-диалектическая трактовка экономических категорий, проблема товара и денег, проблема потребительной и меновой стоимости—все эти важнейшие вопросы получают уже у Маркса свою гениальную, правда еще общую, трактовку. В этих работах Маркс еще не дает окончательного разрешения таких вопросов, как проблема заработной платы и прибавочной стоимости. Он еще употребляет выражение «цена труда». Он еще, как впоследствии сам признавал, стоит в основном на точке зрения теории ренты Рикардо. Однако эти экономические работы Маркса представляют собой важнейший этап в подготовке «Капитала». Эти работы, особенно «Нищета философии», представляют собой огромное теоретическое богат-

[1] *Маркс,* К критике политической экономии, стр. 42, 1933 г.

ство, необходимое для понимания марксова метода в анализе экономических явлений. Критика прудоновского «метода», его гегельянско-спекулятивной игры экономическими категориями, разоблачение сущности мелкобуржуазного подхода к проблемам экономики в связи с внутренне противоречивой природой мелкого буржуа—эти страницы Маркса входят как важнейшая составная часть в марксистскую теорию. Эти работы Маркса вместе с энгельсовским «Положением рабочего класса в Англии», вместе с «Коммунистическим манифестом» к тому периоду уже превратили социализм из утопии в науку, установили твердые основания этой науки и наметили путь дальнейшей работы для окончательной выработки теории марксизма.

Второй период работы Маркса над экономическими проблемами заканчивается в 1859 г. выходом в свет его «Критики политической экономии». После революции 1848 г. Марксу только в конце 1849 г. и начале 1850 г. удалось, как он сам пишет, возобновить свои занятия по политической экономии. Мы не будем останавливаться на тех исключительно трудных условиях, в которых пришлось Марксу работать над главным своим произведением, на той крайней материальной нужде, которую пришлось ему испытывать. Первый выпуск «Критики политической экономии» был закончен в 1858 г. Хотя основное содержание этой книги было затем Марксом резюмировано в I томе «Капитала», эта работа, являясь следующим важнейшим этапом в выработке основного труда, представляет собой книгу, без понимания и усвоения которой невозможно понимание основного труда. Разделы этой книги, посвященные анализу товара и денег, были затем воспроизведены в I томе «Капитала»; однако эти части книги, представляющие первоначальный набросок соответствующих глав «Капитала», исключительно ценны. «Критика политической экономии» Маркса—лучшая в мировой литературе монография, посвященная вопросу о деньгах. В этой книге дана непревзойденная критика количественной теории денег. Особенно ценны исторические главы этой работы Маркса, которые в I том «Капитала» не вошли. Главы, посвященные истории анализа товара в экономической литературе, начиная с Петти и кончая Рикардо и Сисмонди, посвященные теории единицы меры денег, начиная с теории Лаундса, Локка, Джемса Стюарта, Беркли, кончая Франклином, наконец, анализ экономических теорий обращения и денег—Рикардо, Юма, Адама Смита и т. д., в котором Марксом дана *история экономических теорий* и вместе с тем *критика* их с точки зрения марксизма,—все эти главы, являющиеся по существу самостоятельными научными монографиями,—важнейшая часть экономического учения марксизма.

Наконец, последнее по счету, но не по важности—предисловие Маркса к «Критике политической экономии», опубликованное в

этой книге в 1859 г. Небольшая, на нескольких страницах изложенная работа Маркса—это величайшей исторической важности документ. В этом предисловии Марксом изложены основы материалистического понимания истории, основы его теории классовой борьбы. Заканчивается эта часть «Предисловия» следующими пророческими словами Маркса: «Буржуазные производственные отношения, это—последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, антагонистическая не в смысле индивидуального антагонизма, но антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов, развивающиеся же в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предистория человеческого общества»[1].

Годы (1850—1859) работы Маркса над «Критикой политической экономии», над «Капиталом»—это годы его колоссальной, интенсивнейшей научной работы. Ни одного экономического явления новейшей истории этого периода, ни одной книги или исследования по экономическим вопросам не пропускает Маркс без тщательной проработки. Широко известна в этом отношении щепетильность и научная добросовестность Маркса-ученого. Поэтому особенной скромностью и вместе с тем уверенностью, которая присуща великанам мысли, звучат последние слова этого «Предисловия»: «Этот очерк хода моих занятий в области политической экономии должен лишь показать, что мои воззрения, как бы о них ни судили и как бы мало они ни согласовались с эгоистическими предрассудками господствующих классов, являются результатом добросовестных и долголетних исследований. У входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

Здесь нужно оставить всякое сомнение,
Здесь да умрет всякая трусость!»[2]

По первоначальному плану Маркса вслед за первым выпуском «К критике политической экономии» должно было последовать несколько других выпусков. Однако дальнейших выпусков не было. Энгельс нам объясняет, почему это произошло. Он указывал, что едва лишь вышел первый выпуск («К критике политической экономии»), как Маркс открыл, что у него еще не совсем развиты во всех подробностях основные мысли последующих выпусков. В начале 60-х годов Маркс занимается изучением вопросов о производстве прибавочной стоимости. При этом Маркс вдается во все детали проблемы, изучает и разрабатывает ряд вопросов, имеющих как бы второстепенное значение для этой

[1] *Маркс*, К критике политической экономии, стр. 43, 1933 г.
[2] *Там же*, стр. 44—45.

работы. В результате накопляется у Маркса гигантский материал в 23 тетради, целое собрание монографий по разным экономическим вопросам.

Наконец в декабре 1865 г. Марксом была начерно закончена рукопись первого тома «Капитала». С 1 января 1866 г. Маркс приступает к переписке. В очень тяжелых условиях в связи с состоянием здоровья Маркс наконец 30 апреля 1867 г. подготовил окончательно к печати I том. Маркс продержал очень долго корректуру своей книги, но уже 16 августа 1867 г. в 2 часа ночи Маркс сообщает Энгельсу, что закончил корректуру последнего, 49-го, листа: «*Итак, этот том готов*. Только *тебе* обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования для меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу для трех томов. Обнимаю тебя, полный благодарности... Привет, мой дорогой, верный друг!»[1]

После выхода в свет «Капитала» Маркс в течение периода между 1867 и 1872 гг. работает над вторым изданием I тома «Капитала». Во втором издании он дал нам новое изложение первой главы. Последние десять лет Маркс продолжает интенсивнейшую работу по экономическим вопросам, уделяя особенно много внимания аграрному вопросу и изучению этих отношений в России. Он изучает специально русский язык, прорабатывая большую русскую литературу. Следует тут же отметить, что первым переводом «Капитала» на иностранные языки был перевод на русский язык. 27 марта 1872 г. вышел на русском языке I том «Капитала» в переводе Даниельсона (Николая—она). Некоторые главы вместе с ним перевел Лопатин, молодой революционер, «человек живого критического ума, веселого характера, стоический, как русский мужик, который довольствуется тем, что у него есть»,— как изображает его Маркс[2].

Такова в кратких чертах история «Капитала». Подробная история «Капитала», его родовых мук, анализ всей подготовительной работы, проделанной Марксом, источников, которыми пользовался Маркс, изучение и анализ различных подготовительных тетрадей Маркса, имеющихся у нас в Институте Маркса—Энгельса—Ленина, раскрывающих перед нами умственную лабораторию одного из самых великих мыслителей всей человеческой истории,—эта работа требует еще своих исполнителей.

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XXIII, стр. 429.

[2] Интересно, что тупоголовая царская цензура разрешила выпуск I тома «Капитала» со следующей мотивировкой: «Хотя автор по своим убеждениям несомненный социалист и вся книга обнаруживает совершенно определенный социалистический характер, однако, принимая во внимание, что изложение ее не может быть названо доступным для всякого и что, с другой стороны, оно обладает формой научно-математической аргументации, Комитет признает, что преследование за эту книгу в судебном порядке невозможно».

III

В основе экономической теории Маркса лежит материалистическое понимание истории, органически и неразрывно связанное с материалистической диалектикой. Применение материалистического понимания истории к анализу экономических явлений, да еще таким исследователем, каким был Маркс, произвело полный переворот в области политической экономии. По этому поводу в своей рецензии на «Критику политической экономии» Энгельс писал: «Все ее (т. е. немецкой пролетарской партии.—*М. М.*) теоретическое существование возникло из изучения политической экономии, и с момента ее выступления ведет так же свое начало научная, самостоятельная, *немецкая политическая экономия*. Эта немецкая политическая экономия основывается в сущности на *материалистическом понимании истории*, основные черты которого кратко изложены в предисловии к вышеуказанному произведению»[1]. В самом деле, положение о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, что каждая общественно-экономическая формация имеет свои, присущие ей закономерности, что определенные производственные отношения, в которые вступают люди независимо от их воли, «соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»[2], учение о единстве производительных сил и производственных отношений, об экономической структуре общества как реальном базисе, «на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»[3],—все это открывало новую эпоху в общественной науке вообще, в особенности в политической экономии. Именно эта основа позволила Марксу так глубоко вскрыть товарный фетишизм, глубоко раскрыть сущность экономических отношений, дать свое понимание экономических категорий и раскритиковать буржуазную политическую экономию. Как без материалистического понимания истории нет и не могло быть «Капитала», так и «Капитал» Маркса, явившись образцом применения исторического материализма, дал научное доказательство и проверку правильности этой теории. Энгельс в цитированной выше рецензии пишет: «Развитие материалистического понимания хотя бы на каком-нибудь одном историческом примере было научной работой, требовавшей годы спокойных занятий, ибо ясно, что одними фразами тут ничего не сделаешь и что только массовый, критически про-

---

[1] *Маркс,* К критике политической экономии. Рецензия Энгельса, стр. 202—203, 1933 г.

[2] *Там же,* стр. 42.

[3] *Там же.*

веренный, в совершенстве усвоенный исторический материал дает возможность разрешить такую задачу»[1].

Известно, что именно «Капитал» Маркса является такой работой. Известно, что трудно найти в мировой литературе еще подобного рода произведение, которое было бы насыщено таким огромным фактическим историческим материалом, критически проверенным и усвоенным, произведение, в котором сказалось бы такое «свободное движение в материале».

В своей ранней работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», выступая против Михайловского, не «заметившего» материализма в «Капитале» Маркса и утверждавшего, что вообще нет в марксистской литературе произведений, в которых изложено было бы материалистическое понимание истории, Ленин писал:

«Теперь—со времени появления «Капитала»—материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации—именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п.—другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее,—до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки»[2].

Развернутое материалистическое мировоззрение, материалистическое понимание истории, примененное Марксом в «Капитале», дало ему возможность с самого начала по-новому подойти к пониманию экономических категорий. Еще в первом периоде своей работы над экономикой, в своей «Нищете философии», в последующих затем письмах о Прудоне Маркс дает последовательно материалистическую трактовку экономических категорий, рассматривая их как теоретическое отображение или выражение *исторических* отношений производства, как такое теоретическое выражение, которое передает их определенный, исторически ограниченный характер. Он борется против идеалистического понимания категорий, против превращения их «в искони существующие, вечные идеи», которые, таким образом, освещают и придают вечный характер исторически ограниченному капиталистическому способу производства.

Вот что писал Маркс относительно Прудона: «Он не заметил, что *экономические категории* суть лишь *абстракции* этих

[1] *Маркс*, К критике политической экономии. Рецензия Энгельса, стр. 204.

[2] *Ленин*, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., т. I, стр. 63.

реальных отношений, что они лишь постольку являются истинами, поскольку эти отношения действительно существуют. Таким образом, он впадает в ошибку буржуазных экономистов, которые считают эти экономические категории вечными законами, а не законами историческими, каковые остаются законами лишь для известной стадии исторического развития, для определенной стадии развития производительных сил. Таким же образом, вместо того, чтобы рассматривать эти политико-экономические категории как абстракции реальных, преходящих, исторических общественных отношений, г. Прудон, переворачивая в своем мистическом воображении все построение в обратную сторону, видит в реальных отношениях лишь воплощение этих абстракций. И сами эти абстракции являются формулами, дремавшими в недрах бога-отца с начала сотворения мира»[1].

Итак, строго материалистическое учение, притом материализм не в старом смысле слова, а материализм, доведенный доверху, до рассмотрения общественных явлений,—вот что лежит в основе марксова «Капитала». Именно с этой точки зрения Маркс дал уничтожающую критику мистицизма, идеалистической спекуляции Прудона, Лассаля по вопросам политической экономии. Именно эта материалистическая концепция дала возможность Марксу покончить со всякой мистификацией общественных отношений в буржуазной политической экономии и за отношениями товаров увидеть отношения людей, отношения классов. Рассмотрение всей совокупности производственных отношений как материальных отношений людей в процессе производства при данной определенной форме с присущими этой форме законами, рассмотрение этой совокупности отношений как реального объективного базиса общества наносило решающий удар по всякому идеализму в применении к политической экономии, по всяким идеалистическим концепциям в понимании социальных отношений как отношений духовных, психических и т. д. Именно строго материалистическая концепция Маркса, примененная в «Капитале», выразившаяся между прочим в анализе экономических категорий, особенно глубоко обнаружилась в материалистической трактовке исторического и логического. Известно, что решение этой проблемы (о чем речь будет еще итти дальше) в «Капитале» представляет исключительный образец материалистической диалектики.

Все эти обстоятельства необходимо подчеркивать особенно теперь, ибо за десятилетия, прошедшие после смерти Маркса, особенно в XX в., в общей связи с развитием реформизма в рабочем движении, в общей связи с меньшевистским опошлением марксистского учения в целом, отказом от него на деле и щеголянием именем Маркса, получила большое распростране-

[1] *Маркс*, Нищета философии, стр. 165, 1931 г.

ние идеалистическая ревизия метода Маркса в целом, материалистических основ «Капитала» в частности. Общие тенденции среди ревизионистов, центристов, социал-шовинистов всякого толка соединять в области философии Маркса с Кантом, с Махом получали свое яркое выражение и в трактовке ими метода Маркса в «Капитале». Опошление марксистской философии, отказ от революционной ее сущности получили выражение и в их работах, посвященных «Капиталу» Маркса. Кантианско-махистскую, насквозь эклектически-идеалистическую трактовку марксова метода и содержания «Капитала» мы имеем почти у всех видных «столпов» II Интернационала, начиная с Каутского, Гильфердинга, Кунова, Отто Бауэра, Макса Адлера и кончая Густавом Экштейном, а также у наших «доморощенных» представителей II Интернационала, например, у меньшевика-интервента Рубина. Приведем здесь некоторые образцы этого опошления и идеалистической ревизии марксова «Капитала», процветавших в «ортодоксальный» период на страницах «Neue Zeit».

Вот что писал Отто Бауэр относительно метода «Капитала» в «Neue Zeit» в 1907—1908 гг. в статье, посвященной «Истории Капитала»: «Из нашей классической философии Маркс унаследовал понятие науки (в этом понятии науки, по мнению Бауэра, и сущность труда Маркса.—*Ред.*). Нам кажется, что понятие науки, как оно было развито идеализмом на критическом исследовании математического естествознания, мы можем найти в наиболее чистой форме в теории познания *Канта*. Но Маркс, как и все современное ему философское поколение, был слишком чужд Канту, чтобы воспринять свой взгляд на науку непосредственно от критической философии. Его историческим исходным пунктом был, напротив, «абсолютный идеализм» Гегеля. И в гегелевской философии Маркс мог найти общее всякому идеализму понятие науки, но лишь в приданной ему Гегелем онтологической оболочке. Освободив понятие науки от этой оболочки, Маркс восстановил его, хотя и на другом языке, в существенном в той же форме, в какой оно служило и служит основой и исходным пунктом критической философии».

Мы видим, как Отто Бауэр всячески старается подвести марксизм под кантианство, доказать, что понятие науки, положенное Марксом в основу «Капитала», есть понятие идеалистическое, понятие критической философии. Отсюда понятна его трактовка «Капитала» как «первого математического закона движения истории», открытого якобы впервые Марксом и связанного с методом математического естествознания, философским идеалистическим обоснованием которого является как раз неокантианская философия. Отсюда понятна его критика исторической школы в политической экономии, которую он дает в этой статье, базируясь на Канте. Он далее пишет: «И если историческое направление отвер-

гает последние выводы марксовой абстракции на том основании, что они не суть копии эмпирических явлений, то мы можем ответить ему словами Канта, что и здесь *не предмет производит понятие, а понятие производит предмет*, как предмет нашего знания».

После всей этой идеалистической ревизии марксова «Капитала» понятию, когда Бауэр заканчивает статью нижеследующим положением: «Итак, каждое поколение, каждая группа людей определенного возраста или определенного уровня имеет *своего* Маркса». Антимарксистский от начала до конца, насквозь проникнутый влиянием буржуазной философии подход к «Капиталу»—вот что пропагандировал виднейший «австро-марксист» на страницах «Neue Zeit».

Посмотрим теперь махистское течение в среде социал-демократии. В 1909—1910 гг. Густав Экштейн печатал на страницах «Neue Zeit» большую «работу» «О методе политической экономии». В специальной главе этой работы—«Методы Эрнста Маха и Карла Маркса» он всячески старается показать полное родство марксова метода в «Капитале» с философией Маха. Правда, он признает, что «в одном существенном пункте» метод Маркса не совпадает с методом Эрнста Маха. Речь идет о том, что Маркс требует раскрытия «внутренних связей» между формами развития и тем самым выходит за пределы простого описания. Однако, поскольку с точки зрения Экштейна у Маркса в политической экономии требуется доказательство «внутренних, т. е. психических, связей», то «это требование нисколько не противоречит *точке зрения* Эрнста Маха, ибо последний сам признал для известных случаев правильным внесение анимизма в исследование».

Продолжая дальше работу над «сочетанием» Маркса с Махом, Экштейн пишет: «Маха человек интересует только как наблюдатель явлений природы; Маркса же, прежде всего, как действенная сила, как волящий и действующий источник хозяйственных явлений. Маркс превосходит своих предшественников главным образом благодаря тому, что он рассматривает хозяйство уже не как совокупность и движение вещей, товаров, а как комплекс социальных, т. е. психических отношений».

Таков неприкрытый идеализм этого махообразного «марксиста», занимающегося на страницах «Neue Zeit» исследованием метода Маркса в политической экономии. Рассмотрение социальных отношений как отношений исключительно психических—лейтмотив его подхода к вопросу. Раскрытие Марксом существа товарного фетишизма используется Экштейном для приписывания Марксу идеалистической точки зрения. Как мы увидим ниже, это явилось также в известном смысле исходным пунктом для протаскивания в тонко завуалированной форме идеализма меньшевиком Рубиным. Надо сказать, что рассмотрение производственных отношений как отно-

шений духовного порядка—важнейший тезис и Макса Адлера, другого австро-социал-демократа, во всех его многочисленных работах вплоть до последнего «учебника по материалистическому пониманию истории».

Переходя к рубинским «Очеркам по теории стоимости Маркса», необходимо сказать, что они целиком и полностью продолжают эту ревизионистскую линию в вопросах политической экономии, линию идеалистического извращения и опошления великого труда Маркса. Однако Рубин свою «работу» проводил гораздо искуснее, всячески ее маскируя. Положив в качестве основы своего «анализа» теории стоимости теорию товарного фетишизма Маркса в извращенном истолковании, Рубин проводил последовательно кантианский разрыв между материально-техническим содержанием капиталистического процесса производства и его социальной формой, между *вещным материальным отношением* и отношением *социальным* как только *отношением формы*—не материальным, между вещью, как таковой, и ее социальной (читай не материальной) функцией, между производительными силами и производственными отношениями, выхолащивая классовое, революционное содержание из учения Маркса. Рубин прямо писал в своих очерках: «Политическая экономия изучает *не* материально-техническую сторону капиталистического процесса производства, а его *социальную форму*, т. е. совокупность производственных отношений людей, образующих «экономическую структуру» капитализма». Выхолащивая из социальной формы, из совокупности производственных отношений капитализма объективное, материальное содержание, подменяя производительные силы техникой, противопоставляя материально-техническую сторону социальной форме, Рубин целиком становился на идеалистическую точку зрения Отто Бауэров, Максов Адлеров и прочих Экштейнов, рассматривающих социальные отношения как духовные. Рубин давал развернутую концепцию формалистического (идеалистического) понимания категорий политической экономии, с которой целиком смыкалась в свою очередь гегельянско-идеалистическая ревизия марксистской философии, производимая деборинской группой.

IV

Выше мы выяснили, что материалистическое понимание истории является теоретической основой «Капитала», что последний представляет собой последовательное от начала до конца материалистическое произведение, что без и вне исторического материализма нет «Капитала». Однако это еще не вполне достаточная характеристика теоретических основ и метода «Капитала» Маркса. В качестве теоретической основы «Капитала» мы имеем материалистическую диалектику, которая находится в органическом един-

стве с материалистическим мировоззрением. «Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии,—писал Энгельс,—мы считаем результатом, который едва ли уступает по своему значению материалистическому основному воззрению»[1].

Экономическое учение марксизма представляет собой науку, систематически изложенную в ее внутренней диалектической связи. «Капитал» Маркса представляет собой экономическую науку марксизма, рассматривающую весь комплекс экономических проблем современного общественного строя, исследующую в связном виде развитие, диалектику законов буржуазного производства и обмена. В письме к Энгельсу от 1 февраля 1858 г. Маркс, касаясь Лассаля и своей работы над экономическими вопросами, бросает одно чрезвычайно важное и глубокое замечание. «Он (Лассаль.—*М. М.*),—пишет Маркс,—собирается в своем втором великом творении изложить по-гегельянски политическую экономию. Он тогда горьким опытом убедится, что одно дело—при помощи критики довести науку до такой ступени, чтобы ее можно было изложить диалектически, а другое дело—применять готовую отвлеченную систему логики к одним лишь предчувствиям (Ahnungen—намекам) подобной системы»[2].

«Капитал» Маркса, как результат колоссальной исследовательской работы, и представляет собой науку, доведенную при помощи критики предшествующих систем, анализа и критики истории экономических отношений, критики современных экономических отношений до такого уровня, что ее можно было изложить диалектически.

Это систематическо-диалектическое изложение «Капитала» отнюдь не является мертвой абстрактной спекуляцией, отвлеченным манипулированием экономическими категориями, а наоборот—трудом, не знающим примера по богатству фактического содержания, исторического материала.

В XII «Ленинском сборнике» мы находим у Ленина следующую замечательную характеристику метода «Капитала»:

«Если Marx не оставил «*Логики*» (с большой буквы),—писал Ленин,—то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания материализма (не надо 3-х слов: это одно и то же), взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед.

товар — деньги — капитал { производство абсолютной Mehrwert* / производство относительной Mehrwert*

История капитализма и анализ *понятий*, резюмирующих ее.

[1] *Маркс*, К критике политической экономии. Рецензия Энгельса, стр. 208, 1933 г.

[2] *Маркс* и *Энгельс*, Письма, стр. 136, 1932 г.

* —прибавочной стоимости.—*Ред.* «*Ленинского сборника*».

Начало — самое простое, обычное, массовидное, непосредственное «бытие»: отдельный товар («Seyn» в политической экономии). Анализ его, как отношения социального. Анализ *двоякий*, дедуктивный и индуктивный,—логический и исторический (формы стоимости).

проверка фактами respective практикой
есть здесь в *каждом* шаге анализа
ср. к вопросу о сущности versus явление
— цена и стоимость
— спрос и предложение versus *Werth*
(= krystallisierte Arbeit*)
— заработная плата и цена рабочей силы»[1].

Эта характеристика метода «Капитала», представляющая собой набросок целой программы теоретических исследований и изучения диалектики «Капитала», подчеркивает прежде всего мысль, что Маркс проделал следующую работу в своем труде: 1) он дал нам анализ истории капитализма, 2) анализ экономических теорий, экономических понятий, резюмирующих эту историю, 3) диалектику развития экономических категорий капитализма.

Что собственно означает ленинская мысль о том, что «Капитал» Маркса представляет собой диалектику, логику, теорию познания материализма, примененную к науке о капиталистическом способе производства?

Маркс, несомненно, дал нам научную историю экономического развития капитализма. Анализ Марксом простой, единичной или случайной формы стоимости, относительной формы стоимости, эквивалентной формы, наконец, развернутой и всеобщей формы—денежной формы и т. п. представляет собой страницы логического анализа, за которым кроется богатый фактический материал, действительная история обмена вплоть до возникновения и развития денежной формы обмена.

Знаменитая 24-я глава «Капитала», посвященная историческому анализу первоначального накопления, образования внутреннего рынка для промышленного капитализма, генезиса промышленного капитализма, генезиса капитализма в сельском хозяйстве и капиталистических фермеров, наконец, общей исторической тенденции капиталистического накопления,—весь этот исторический материал, воспроизводящий картину возникновения и развития современного капитализма, служит фактической иллюстрацией для соответствующих глав «Капитала», в которых дается логический анализ экономических категорий, выражающих эти процессы.

Наряду с этим материалом, критически проработанным Марксом, широко известны «исторические» главы I тома «Капитала», по-

---

* —кристаллизованный труд.—*Ред. «Ленинского сборника»*.

[1] «Ленинский сборник» XII, стр. 291—292.

священные анализу рабочего дня и классовой борьбы между рабочим классом и капиталистами за установление «нормального» рабочего дня, и, наконец, главы, посвященные обзору развития производительности труда и способа его организации, соответствующей данному экономическому строю, а именно развития простой кооперации через мануфактуру к современному машинному производству.

Итак, Марксом дана картина объективной диалектики возникновения и развития современного способа производства со всеми противоречиями, со всей той нуждой, невероятной эксплоатацией, грабежом и насилием, отчуждением земельной собственности, гибелью громадных масс трудящихся, на костях которых возник современный капиталистический строй. От возникновения денежной формы обмена до возникновения и развития крупной машинной индустрии капитализма—весь этот исторический процесс со всеми сопутствующими ему явлениями критически проработан и гениально проанализирован Марксом.

Однако глубоко ошибаются те, кто рассматривают «Капитал» исключительно как книгу по экономической истории современного общества или просто истории капитализма как таковой. «Капитал» тем и велик, что он дал нам не просто эмпирическую или описательную историю капитализма как таковую, он дал нам *логику* развития капитала. Он дал нам анализ и диалектику развития экономических категорий, выражающих основные *законы* развития капитализма. В этом смысле «Капитал» Маркса представляет собой наиболее развернутую и подлинно научную историю экономических отношений капитализма. «Капитал» Маркса дает в этом смысле образец материалистическо-диалектического решения проблемы соотношения исторического и логического в применении к данной науке.

Энгельс в своей рецензии на «Критику политической экономии», разбирая вопрос о методе «Капитала», следующим образом характеризует вопрос о соотношении исторического и логического методов: «Единственно уместным был логический метод. Но в сущности это тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих случайностей»[1].

Далее он указывает, продолжая характеризовать этот логический метод, что если руководиться этим методом, то «логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто отвлеченной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью»[2]. Как мы видим, эту же мысль подчеркивает и Ленин в приведенной выше

---

[1] *Маркс*, К критике политической экономии. Рецензия Энгельса. стр. 208, 1933 г.

[2] *Там же*, стр. 210.

цитате, когда говорит о Марксе, что у него «проверка фактами respective практикой есть здесь в *каждом* шаге анализа»[1]. Выше мы видели, насколько правильна эта мысль Ленина относительно структуры и содержания «Капитала».

Итак, согласно Энгельсу и Ленину, логический метод, опирающийся на все богатство фактов конкретной действительности, представляет научно исправленное изложение исторического процесса, исправленное не в том, конечно, субъективном смысле, что субъектом вносится от себя исправление, а в том смысле, что это—изложение, «исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс»[2].

Логический метод обладает тем громадным преимуществом, что он в силу своей природы, поскольку он рассматривает и исследует *законы* развития, изучает всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме.

В рассмотренных положениях Энгельса мы получили глубокую трактовку соотношения исторического и логического как в общем методологическом смысле, так и на примере «Капитала» в особенности. Метод материалистической диалектики есть, следовательно, единство исторического и логического на базе исторического, практического, единство в рассмотренном выше смысле. Однако общего понимания этого вопроса еще недостаточно для глубокого проникновения в самое существо применения его в экономическом труде Маркса.

Логическое исследование должно в общем развиваться параллельно истории. Встает однако вопрос следующего порядка: как быть с анализом категорий капиталистического способа производства как уже *сложившегося* способа производства, с отношениями, выражаемыми этими категориями, которые находятся в определенной друг с другом связи; как быть с категориями, выражающими отношения, которые встречаются в других общественных формациях, предшествовавших капитализму; как быть с такими категориями, которые выражают простейшие отношения, исторически существовавшие раньше более конкретных; как быть с категориями, которые в своем полном развитии могут встречаться в более сложных общественных формах, в то время как более конкретная категория, выражающая более конкретные отношения, выступает часто в совершенном виде и на предшествующих исторических ступенях развития?

Иначе говоря, встает очень сложный вопрос о том, как применить метод единства логического и исторического анализа в сочетании с важнейшим исходным пунктом исторического мате-

[1] «Ленинский сборник» XII, стр. 292.
[2] *Маркс*, К критике политической экономии. Рецензия Энгельса, стр. 208, 1933 г.

рнализма—с рассмотрением данной общественно-экономической формации как исторически ограниченного организма с только ей присущими закономерностями?

На эти вопросы Маркс дает развернутый ответ в своем введении «К критике политической экономии». Он писал: «Буржуазное общество есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры (Gliederung), дают вместе с тем возможность проникновения в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой их остатки, которые оно не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д. Анатомия человека—ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно. Буржуазная экономия дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Но вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые стирают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные»[1].

Продолжая развивать эти мысли, Маркс дает непосредственно ответ на поставленные вопросы: «Таким образом, недопустимым и ошибочным было бы брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствующим последовательности исторического развития. Речь идет не о том месте, которое исторически занимают экономические отношения в чередовании различных общественных форм. Еще меньше речь идет об их последовательности «в идее» *(Прудон)*, которая есть лишь извращенное представление исторического процесса. Речь идет об их расчленении внутри современного буржуазного общества»[2].

Многие склонны видеть противоречие, якобы существующее между положениями Маркса и выше рассмотренными положениями Энгельса по вопросу об историческом и логическом. Некоторые из представителей меньшевиствующих идеалистов прямо так и истолковывали эти мысли Маркса. Однако только при полном непонимании этой проблемы или же при сознательном намерении ревизовать Маркса, или при том и другом одновременно можно здесь увидеть противоречие. Не нужно большого ума (некоторый

---

[1] *Маркс*, К критике политической экономии, стр. 30—31, 1933 г.
[2] *Там же*, стр. 33.

все же нужен!) для того, чтобы понять, что смысл положений Маркса состоит не в чем ином, как в дальнейшей конкретизации содержания, данного Энгельсом по вопросу о соотношении исторического и логического. Энгельс дал общую методологическую трактовку соотношения исторического и логического методов исследования. Маркс занимается специально этой проблемой в применении к экономической науке, к анализу социальных отношений капиталистического способа производства. Энгельс указывает, что логический метод требует логически исправленного исторического изложения материала на основе закономерностей самого исторического процесса. Маркс показывает, что означает это логическое исправление в применении к капиталистической общественной формации с присущими ей законами.

Итак, мы видим, какое глубокое содержание вложено в мысль Ленина о том, что «Капитал» представляет собой диалектику, логику, теорию познания, примененные к экономической науке. Понятно, что только такая подлинно критическая переработка всей экономической науки, единственно возможная с точки зрения диалектического материализма, представляет собой и подлинную теорию познания марксизма. В полном противоречии с априорным критицизмом кантовской теории познания, которая даже по мнению Гегеля является худшим видом догматики, лишенным всяких элементов историзма, в полном противоречии со всякого рода ревизионистскими «истолкованиями» метода Маркса в духе Канта, Маха, в духе новейших «социологических» направлений, подлинная марксистская революционная критика, состоящая в диалектико-материалистической разработке всего комплекса экономических проблем, дает нам единственно верную, единственно последовательную, единственно научную экономическую теорию марксизма, разработанную на основе изучения производственных отношений капитализма.

Критерием правильности любой теории является практика — историческая проверка.

Время, прошедшее после выхода в свет «Капитала», дало лучшую практическую проверку марксовой теории, марксистского познания капиталистических отношений, доказывая лучше многих слов и ученых трактатов правильность, мощь и всесилие экономического учения марксизма.

«Капитал» Маркса дал нам не только теорию развития капиталистического способа производства. Он дал глубочайшее теоретическое обоснование неизбежности пролетарской революции, необходимости установления диктатуры пролетариата, «экспроприирующей экспроприаторов», ликвидирующей эксплоататорские классы и классы вообще и приводящей к бесклассовому коммунистическому обществу. Много материала дает Маркс в «Капитале» по вопросу о плановом хозяйстве, по вопросу о характере эконо-

мических категорий в переходный период и т. д. Маркс дал далее экономическое обоснование двух фаз в развитии коммунистического общества.

Хотя Маркс и не ставил себе целью в «Капитале» исследовать специально закономерности переходного периода, однако он дает нам богатейший материал для раскрытия этих закономерностей. Проблема уничтожения противоречий между умственным и физическим трудом, проблема политехнизма и его роль в деле построения социалистического общества, проблема расширенного воспроизводства социалистических отношений, формы организации труда в переходный период, в период социализма, и многие другие актуальнейшие вопросы переходного периода получают у Маркса освещение в «Капитале».

«Вся теория Маркса,—писал Ленин,—есть применение теории развития—в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме—к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма.

На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попусту гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»[1].

Приближается пятидесятилетие (1933 г.) со дня смерти великого автора бессмертного «Капитала». Эта дата, как и дата выхода в свет первого тома «Капитала», должна послужить толчком для дальнейшего усиления всей нашей научно-исследовательской теоретической работы в духе Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, в неразрывной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции! Эти даты должны послужить толчком для дальнейшей пропаганды марксистского учения в широчайших массах пролетариата и трудящихся.

«Под знаменем марксизма» № 7—8, 1932 г.

---

[1] *Ленин*, Государство и революция, Соч., т. XXI, стр. 427—428.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА — ФИЛОСОФИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

I

Отношение марксизма в целом, диалектического материализма как его составной части к предшествующим идейным течениям определяется тем, что марксизм представляет собой идеологию пролетариата, класса, который, как говорили об этом Маркс и Энгельс, есть «разрушительная сторона капиталистического способа производства», класса, на который выпала великая историческая роль построить коммунистическое общество. Вопрос об отношении марксизма к предшествующим идейным течениям имеет не только исторический интерес в смысле происхождения и возникновения марксистского учения, в смысле выяснения того, как марксизм с боя брал каждую позицию,—этот вопрос имеет крайне важное и актуальное значение и для настоящего периода. Дело в том, что марксизм представляет собой живое, развивающееся учение. Перед пролетариатом стоит задача построения социалистического общества—задача, которая включает в себя не только коренную перестройку техники, производительных сил, общественных отношений, но означает также перестройку всей науки на новых основах—на основах диалектического материализма. Поэтому этот вопрос имеет крайне важное, актуальное, злободневное значение. И именно как раз в этом пункте мы встречаемся с целым рядом совершенно неправильных установок, ревизующих и вульгаризирующих существо марксистско-ленинской теории.

Ленин все время, когда он характеризует марксистскую теорию, подчеркивает, что марксизм был бы невозможен без самого полного и самого глубокого овладения всем знанием, накопленным человечеством до Маркса. Ленин все время подчеркивает, что марксизм как теория научного коммунизма, как учение о законах

возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства был бы невозможен без самого тщательного, самого подлинного изучения не только всего того, что было накоплено человечеством в области экономики, но и того, что было накоплено в области философии, естествознания и в целом ряде других областей науки.

Однако, отмечая это обстоятельство, Ленин неоднократно в целом ряде своих произведений (и это коренным образом отличает его от «теоретиков», ревизовавших, вульгаризовавших, извращавших марксистскую теорию) указывал, что марксизм означает не простое овладение всем предшествующим знанием, а критический пересмотр его.

Однако есть критический пересмотр и «критический» пересмотр. Ведь, несомненно, Гегель критически пересматривал все то, что давал в области философии, скажем, один из его предшественников—Кант. Несомненно, что Кант пересмотрел критически то, что давалось до него предшествующей философией. То же самое можно сказать и относительно крупнейших представителей политэкономии и т. д. Существенное отличие критического пересмотра марксизмом всего предшествующего знания состояло в том, что марксизм означал критический пересмотр всего старого идейного наследства с точки зрения интересов и задач рабочего класса, с точки зрения последовательного материализма и борьбы за коммунистическую революцию, за диктатуру пролетариата, с точки зрения задачи создания бесклассового, коммунистического общества. И именно *этот* характер критического пересмотра старого идейного наследства придает марксизму то значение, что он действительно смог выйти за узкие рамки, которыми были ограничены даже самые умные, самые крупные представители буржуазной науки в различных областях, поскольку они оставались на почве старого общества. Именно это обстоятельство и дало возможность Марксу создать такую научную теорию, такое учение, которое не имеет равного себе во всей мировой истории.

Ленин все время подчеркивал это обстоятельство, говоря о задачах марксистов в деле овладения наукой, техникой, касаясь нашего подхода ко всему буржуазному наследству, к буржуазной науке, культуре и т. д. Однако, говоря об овладении всеми знаниями и всей культурой предшествующих эпох, Ленин в то же самое время указывает на то, что коммунист должен уметь при этом «вести *свою* линию», должен уметь бороться за свою линию, должен «*уметь* отсечь их реакционную тенденцию», «бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов»[1].

---

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 280.

Это чрезвычайно важное обстоятельство нужно иметь в виду, когда мы подходим к существу материалистической диалектики как философии пролетариата. В этой работе нет возможности подробно останавливаться на всем ходе развития философских взглядов Маркса и Энгельса, формировании диалектического материализма. Это тема для специальной работы, но в данном случае необходимо осветить некоторые узловые вопросы идейной эволюции Маркса и Энгельса, для того чтобы понять, что означало в области философии *критическое* преодоление старой философии, критическое преодоление, с одной стороны, идеалистического характера гегелевской диалектики и, с другой—ограниченного характера фейербаховского материализма.

Несомненно, что самыми высшими пунктами в развитии буржуазной философии в ту эпоху, когда она находилась в расцвете своих сил, т. е. в ту эпоху, когда буржуазия была прогрессивным, революционным классом, представляла передовые тенденции в общественном развитии, являются *идеалистическая диалектика Гегеля и метафизический* созерцательный *материализм*, который одновременно с этим в области явлений общественной жизни означал также идеализм. Говоря о материализме, надо иметь в виду направленный против религии, изобличающий, антипоповский, атеистический, боевой *характер материализма XVIII столетия и материализм Фейербаха.*

Идеалистическая диалектика Гегеля—*диалектика буржуазная.* В гегелевской философской системе получило теоретическое выражение положение буржуазии на рубеже XVIII и XIX вв. в целом и в особенности положение немецкой буржуазии. Идеалистическая диалектика Гегеля представляла собой самое глубокое, самое передовое учение о развитии. Гегелевская теория противоречий, гегелевская теория скачков—все это является идеологическим продуктом революционной эпохи, эпохи буржуазных революций.

Однако каковы же основные черты и каков основной характер эпохи буржуазной революции, который не мог не получить отражения в идеалистической гегелевской диалектике?

Основной характерной чертой буржуазной революции является то обстоятельство, что в недрах старого строя происходит постепенное развитие новых экономических отношений. Задача, которая стоит перед буржуазной революцией, значительно отличается от той задачи, которая стоит перед революцией пролетарской. Задача здесь состоит только в том, чтобы снять путы, мешающие этим, уже развившимся в недрах феодального строя, новым экономическим отношениям. Перед буржуазной революцией стоит задача замены одной эксплоататорской группы другой эксплоататорской группой, смена одной формы эксплоатации другой формой эксплоатации. Ясно, что буржуазная революция в силу этой своей при-

роды, в силу того, что она заменяет одну форму эксплоатации другой формой эксплоатации, не может вспахивать так глубоко, как это делает пролетарская революция. Ясно, что буржуазная революция в силу ее природы не может на более или менее длительный срок объединить вокруг себя действительно широкие трудящиеся массы.

Напряженность, обостренность классовой борьбы, которые характерны для эпохи буржуазной революции, вовсе не такие, какие мы имеем в эпоху пролетарской революции, которая ставит перед собой задачу создания бесклассового общества. Теоретическое отображение, идеологическое выражение этих процессов, которые характерны для буржуазной революции, неизбежно должны были быть ограничены и не могли не быть ограничены рамками буржуазной революции. Идеалистическая диалектика Гегеля, явившаяся наиболее передовой буржуазной теорией на этом рубеже, вместе с тем—ограниченная диалектика. Эта ограниченность ярко обнаруживается, даже если взять наиболее революционную сторону этой философии—ее учение о противоречиях.

Нет возможности здесь подробно охарактеризовать ограниченность всей философской системы Гегеля. Но необходимо остановиться на учении о противоречиях в гегелевской системе, для того чтобы показать, с одной стороны, классовую ограниченность Гегеля, проявляющуюся при разрешении этих вопросов, а с другой—для выяснения того качественно нового шага, который мы имеем в работах Маркса и Энгельса.

В чем ограниченность теории противоречий Гегеля как идеалистической теории противоречий, как идеалистической диалектики? Как раз этот вопрос получает глубокое освещение в работах Маркса, в частности в «Критике философии права» Гегеля. Не случайно, что глубокое освещение этого вопроса дано Марксом именно в критике того произведения Гегеля, в котором он (Гегель) пришел к самым крайним реакционным выводам. В этой критике работы Гегеля Маркс дает нам наряду с критическим разбором его правовых взглядов также и раскрытие ограниченностей гегелевского учения о противоречиях, дает критическое освещение того, чем является гегелевская диалектика как диалектика идеалистическая.

Маркс указывает, что у Гегеля в его разрешении проблемы противоречий мы имеем ту ограниченность, что он ставил перед собой задачу *опосредования противоречий*, которое, по выражению Маркса, становится как бы «святым таинством». Маркс подчеркивает, что разрешение противоречий, которое пытается дать Гегель в своей системе,—это разрешение в сфере мыслей. Такое разрешение есть только *иллюзорное* разрешение, так как нет и не может быть только в сфере мысли действительного разрешения противоречий, а тем более разрешения борьбы противоречий.

Маркс показывает, что Гегель в своей теории противоречий не понимает противоположностей как действительных крайностей. В этой связи Маркс говорит, что основная ошибка Гегеля заключается в том, что он противоречие явлений понимает как единство сущности идеи, между тем как указанное противоречие есть *существенное противоречие*.

Маркс в этой же работе, критикуя политические взгляды Гегеля, его политические реакционные выводы, которые он делает вопреки своему методу, указывает, что Гегель не добирается до резкости действительных противоречий, что резкость действительных противоречий в действительном материальном объективном мире он считает чем-то вредным и считает нужным по возможности помешать превращению этих противоположностей в крайность, между тем как такое «превращение означает их самопознание и одушевление к решительной борьбе».

Таким образом, на этом примере можно показать, что, несмотря на то, что диалектика Гегеля представляла собой самое полное, самое последовательное для своего времени учение о развитии, все же в силу своего классового характера, в силу своего гносеологического характера она, конечно, не могла дать действительного разрешения вопросов философии. Гегелевская диалектика страдала чрезвычайно важными и существенными недостатками.

Между тем опыт классовой борьбы, в особенности классовой борьбы пролетариата, по-новому поставил все проблемы противоречия: развитие противоречия, методы разрешения его и др.

В «Святом семействе» Маркс, касаясь вопросов о противоречиях и в частности о противоречиях капиталистического способа производства, писал следующее: «Пролетариат и богатство—противоположности. Как таковые, они образуют одно целое. Оба они—формы существования частной собственности. Дело только в том определенном положении, которое каждый из этих двух элементов противоречия занимает в целом»[1].

Дальше он объясняет, какое же место занимает в этом противоречии каждый из этих элементов: «В пределах самого противоречия частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий—*разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение противоречия, от второго—действие, направленное на его уничтожение»[2].

Маркс является идеологом пролетариата, и самая проблема противоречий, как мы видим, им поставлена заново; по-новому поставлена и задача разрешения противоречий, задача понимания действительных крайностей, действительной борьбы.

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. III, стр. 54.
[2] *Там же*, стр. 55.

На этом примере видно, что означала критическая постановка важнейших вопросов с точки зрения последовательно революционного класса, что означало критическое преодоление предшествующей философии.

В качестве другого примера преодоления Марксом ограниченностей предшествующей философии надо рассмотреть взаимоотношение марксизма с материалистической философией Фейербаха. Я не буду касаться здесь всего того значения, которое имела материалистическая философия Фейербаха, давшая отставку «абсолютному духу» Гегеля; не буду говорить и о том значении, которое имела философия Фейербаха для развития философских взглядов Маркса и Энгельса. Это вопросы особого порядка. Сейчас важно только выяснить, что означала философия Фейербаха с точки зрения классовой, с точки зрения гносеологической в ту историческую полосу и что означало вместе с тем критическое преодоление ограниченности этой философии Марксом, в результате которого он пришел к формулировке *диалектического материализма*.

Несомненно, что центральной проблемой материалистической философии Фейербаха является человек. Каков же человек Фейербаха и что он собой представляет? На этот счет мы имеем в работах Ленина совершенно ясные указания. В XII «Ленинском сборнике» приводится одно место из «Сущности христианства», в котором Фейербах так характеризует свой идеал: «Пусть нашим идеалом будет не кастрированное, лишенное телесности, отвлеченное существо, а—цельный, действительный, всесторонний, совершенный, развитой человек»[1]. Приводя это место о человеке Фейербаха, Ленин делает следующее замечание: «*Идеал Михайловского* лишь вульгаризированное повторение этого идеала передовой буржуазной демократии или революционной буржуазной демократии»[2].

Действительно, философия Фейербаха, в частности центральная проблема его философии—его учение о человеке, порождена, несомненно, идеологией буржуазной демократии или революционной буржуазной демократии накануне и в период революции 1848 г. Не случайно то обстоятельство, что один из видных представителей «истинного социализма» в Германии связывает свои взгляды по вопросу о социализме с философией Фейербаха. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс разоблачают существо взглядов немецкого истинного социализма, раскрывают их классовые и теоретические корни. Там же они критикуют Карла Грюна, который, говоря о философии Фейербаха, писал: «Когда *называют* Фейербаха, тем самым называют всю работу философии от

---

[1] «Ленинский сборник» XII, стр. 109.
[2] *Там же*, стр. 111.

Бэкона Веруламского до нашего времени; тем самым указывают также, чего хочет и что означает в последнем счете философия, указывают *на человека* как на последний результат всемирной истории»[1].

По поводу этих положений, по поводу того, что Грюн связывает свое учение об истинном социализме с философией Фейербаха, Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «Вооруженный непоколебимой верой в результаты немецкой философии, как они даны у Фейербаха, а именно, что «*Человек*», «чистый, истинный человек» есть конечная цель всемирной истории, что религия есть самоотчужденная человеческая сущность, что человеческая сущность есть человеческая сущность и мера всех вещей; вооруженный прочими истинами немецкого социализма... гласящими, что и деньги, заработная плата и т. д. суть самоотчуждения человеческой сущности, что немецкий социализм есть осуществление немецкой философии и теоретическая истина иностранного социализма и коммунизма и т. д.,—вооруженный всем этим господин Грюн уезжает в Брюссель и Париж со всем самодовольством истинного социализма»[2].

Маркс теоретически высмеивает «Человека» с большой буквы, показывая вместе с тем связь мелкобуржуазных взглядов немецкого «истинного социализма» с теоретическими взглядами Фейербаха, с его пониманием человека.

Маркс в той же «Немецкой идеологии» дает развернутую критику фейербаховского понимания человека, дает развернутую критику всей ограниченности фейербаховской философии. В «Немецкой идеологии» Маркс окончательно преодолевает ограниченность созерцательного материализма и дает законченное изложение диалектического материализма, законченное изложение материалистического понимания истории. Разоблачая в этой книге всю никчемность немецких идеологов, растворяющих действительность в фантастических порождениях своей головы, разоблачая никчемность взглядов тех, кто, по его выражению, «своим блеянием лишь философски воспроизводит представления немецких буржуа», Маркс указывает отличие *своей* точки зрения от всех предшествующих точек зрения и в том числе от эпигонов Гегеля, отличие ее также от ограниченной точки зрения Фейербаха.

«Предпосылки, с которых мы начинаем,—ие произвольны, они—не догматы; это—действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это—действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как находимые ими уже готовыми, так и созданные их собственной деятельностью»[3].

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. IV, стр. 485.
[2] *Там же*, стр. 485—486.
[3] *Там же*, стр. 10.

Разоблачая недостаточность материализма Фейербаха, его ограниченность, разоблачая то, что материализм и история у Фейербаха разошлись в разные стороны, Маркс и Энгельс вместе с тем показывают, какое громадное значение имеет материалистическая точка зрения в применении к явлениям общественной жизни. Открытие материалистического понимания истории означало действительное, последовательное разрешение философских проблем, вопросов теории познания. Проблема соотношения субъекта и объекта, проблема понимания человека в философии Маркса поднята на огромную теоретическую высоту. Маркс подошел к рассмотрению этого вопроса с точки зрения того, что «человек—это историческая природа», что он имеет перед собой «природную, естественную историю». Маркс подошел так к вопросу о соотношении субъекта и объекта именно потому, что им было сформулировано материалистическое понимание истории. Этот историзм, диалектическая точка зрения, примененные к решению этих проблем, поднимают теорию на новую высоту.

Субъект Маркса—это уже не абстрактное родовое существо Фейербаха. Субъект Маркса—это исторический субъект. Человек Маркса—это уже не абстрактное родовое существо, которое характерно для философии Фейербаха. Человек Маркса—это человек классового общества, это человек общества, в котором происходит классовая борьба. Таким образом, классовая деятельность людей, их революционная практическая деятельность есть основа теории познания. Об этом Ленин неоднократно писал.

Все эти обстоятельства показывают, какая существует глубокая внутренняя связь между материалистической диалектикой как философией пролетариата и научным коммунизмом, между философией и теорией пролетарской революции, какая органическая связь существует между гносеологией марксизма, между разрешением, казалось бы, самых абстрактных теоретических проблем философии и учением о революционных задачах пролетариата, учением о диктатуре пролетариата.

Именно поэтому Энгельс писал, что, «поскольку, с одной стороны, для возникновения научного социализма необходима была немецкая диалектика, постольку же, с другой стороны, были необходимы развитые экономические и политические условия Англии и Франции»[1].

В другом месте он писал, что «материалистическое понимание истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики»[2].

На этих примерах,—показывающих, как Маркс преодолевает

[1] *Энгельс*, Развитие социализма от утопии к науке, примечание, стр. 5, 1936 г.

[2] *Там же*, стр. 5—6.

с точки зрения задач и интересов пролетариата ограниченность гегелевского идеалистического характера диалектики, идеалистический характер проблемы противоречий, а также ограниченность, созерцательный характер материализма Фейербаха,—для нас становится ясным, что означают ленинские указания о соотношении, которое существует между марксизмом и предшествующими ему идейными теориями.

Как ни велика и значительна философская система такого гиганта мысли, каким является Гегель, она относится к диалектическому материализму Маркса, как алхимия к современной химии. Гегелю на путях своего абсолютного идеализма, на путях умственной спекуляции удалось сделать величайшие открытия в порядке гениальных догадок. Диалектический метод Гегеля, историзм в вопросах происхождения знания, истории человеческой мысли и форм сознания, истории философии, права, эстетики, религии, человеческой истории базируется у него на ложном исходном пункте, на антинаучных, произвольных основах—на его идеализме. Это как раз и превращает философию в алхимию. Поэтому сколь ни значительны его открытия, сколь ни велика его историческая роль для развития всей науки, сколь бы высоким научным достижением для *своей эпохи* его философия ни была,—все же для того, чтобы его открытия из области гениальных догадок превратились в область подлинно *научного знания*, потребовалось «поставить Гегеля с головы на ноги», для этого требовалась такая гигантская сила мысли, какая была у основоположников научного коммунизма—Маркса и Энгельса.

В записной тетради Маркса, где находятся и его знаменитые тезисы о Фейербахе, в которых Маркс так блестяще раскрыл всю ограниченность созерцательного материализма, есть заметки Маркса о Гегеле, в частности о его «Феноменологии духа», в которых не менее блестяще раскрываются ошибочность гегелевского построения и вместе с тем то рациональное зерно, которое имеется в его учении.

Маркс о гегелевской конструкции «Феноменологии» писал: «1) Самосознание вместо человека. Субъект—объект. 2) *Различия* вещей не важны, потому что субстанция понимается как саморазличение или потому что саморазличение, полагание различий, деятельность рассудка понимается как существенное. Гегель дал поэтому в рамках умозрения действительные, схватывающие суть дела, определения (Distinktionen)»[1].

«Действительные, схватывающие суть дела, определения» у Гегеля, гениальная постановка ряда крупнейших вопросов, но данная «в рамках умозрения»,—вот на что обращает внимание Маркс. Поставив Гегеля «с головы на ноги», Маркс дал материалисти-

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. IV, стр. 587.

ческое понимание истории, действительное, а не иллюзорное разрешение коренных проблем философии.

Всякого рода апологеты капитализма, ненавидящие марксизм, его противники, начиная со Струве и Бердяева и кончая социал-демократами — Максом Адлером и Зигфридом Марком, хором кричат, что материализм и диалектика—несовместимые вещи, что это неестественное или сверхестественное соединение. Своим классовым антипролетарским нутром они чувствуют, где и в чем непреодолимая сила марксизма, его разящая мощь.

Маркс создал качественно новый вид материализма, отличающийся самым резким образом от старого материализма,—диалектический материализм. Это ему удалось потому, что материалистическое понимание истории, находящееся в органической и неразрывной связи с общефилософским мировоззрением, само в свою очередь являлось основой для совершенно иного, чем в предшествующей философии, разрешения вопросов о бытии и мышлении, о субъекте и объекте, о теории и практике, о познаваемости мира и т. д.

Маркс в тезисах о Фейербахе писал: «Главный недостаток всего предшествовавшего материализма—включая и фейербаховский—заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность*, *практика*, не субъективно. Поэтому и случилось так, что *действенная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, разумеется, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»[1].

Раскрывши ограниченность предшествующих философских систем, Маркс в этих же тезисах гениальной рукой набрасывает основы диалектического материализма. Он показывает, что означает действительно общественный подход к коренным философским проблемам. «Общественная жизнь по своему существу *практична*. Все мистерии, которые завлекают теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики»[2].

Материалистическая диалектика, материалистическое понимание истории, возникшие на базе развития рабочего движения, возникшие в тот период, когда рабочий класс выходил на арену политической борьбы как самостоятельная сила в середине XIX столетия, представляют собой его острое боевое оружие, которое дает возможность понимать мир, изучать его и вместе с тем изменять, революционно преобразовывать.

---

[1] *Энгельс*, Л. Фейербах. *Маркс*, Тезисы о Фейербахе, стр. 61, 1936 г.
[2] *Там же*, стр. 63.

II

В течение двух лет после решения ЦК партии о журнале «Под знаменем марксизма» проделана известная теоретическая работа по выяснению и популяризации ряда вопросов ленинского этапа в развитии диалектического материализма.

Здесь прежде всего надо остановиться на том огромном теоретическом значении, какое имеют работы товарища Сталина для постановки, разработки, понимания и развития ленинизма в целом, всех его составных частей, и в том числе ленинского этапа в развитии марксистской философии. Нужно прежде всего остановиться на том классическом понимании ленинизма в целом и ленинского этапа в развитии диалектического материализма, которые даны товарищем Сталиным в его работах, посвященных Ленину.

Красной нитью во всех работах товарища Сталина и в частности в его классической работе «Основы ленинизма» проходят развитие ленинского учения об эпохе империализма и пролетарской революции, глубокое разъяснение основных противоречий новой эпохи и дальнейшее развитие этого учения. Сталин вскрыл классовые корни оппортунизма, его сущность и формы, разоблачил методы и способы, коими оппортунизм проникает в рабочее движение. Товарищ Сталин блестяще показал, какое международное значение имела борьба Ленина, борьба большевизма на всех этапах его развития со всякого рода оппортунизмом, с оппортунизмом скрытым, центристским (Каутский, Троцкий) и оппортунизмом открытым, оппортунизмом типа Бернштейна и др. Огромная теоретическая заслуга товарища Сталина состоит в том, что им положено в основу выяснения теоретического существа взглядов Ленина глубокое понимание новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарской революции, и тех задач, которые стояли перед рабочим движением этой эпохи, как эти задачи (практические и теоретические) формулировались, разрешались Лениным.

Товарищ Сталин глубочайшим образом раскрывает перед нами всю разницу, которая существует между домонополистическим капитализмом и капитализмом монополистическим. Можно сказать, что именно непонимание этой разницы является одной из важнейших теоретических основ антиленинского характера всякого рода оппозиций, выступавших против нашей партии. Это обстоятельство как раз обнаруживало их глубоко ревизионистский, меньшевистский, социал-демократический характер. В своей работе «Еще раз о социал-демократическом уклоне» товарищ Сталин писал: «В чем состоит основная ошибка оппозиции в вопросе о победе социализма в отдельных капиталистических странах?

Основная ошибка оппозиции состоит в том, что она не понимает или не хочет понять всей разницы между капитализмом доимпериалистическим и капитализмом империалистическим, она не понимает экономической сущности империализма и смешивает между собою две различные фазы капитализма—фазу доимпериалистическую с фазой империалистической»[1].

Подойдя ко всему огромному наследству Ленина не с догматической, а с единственно правильной, синтетической, творческой точки зрения, рассматривая это наследство в свете новой исторической эпохи и революционных задач пролетариата в эту эпоху, товарищ Сталин раскрыл все международное значение ленинизма.

Именно глубокое выяснение *международного* значения ленинизма, его корней в *международном рабочем движении* и в специфических условиях России, когда она была узлом противоречий империализма, дало возможность товарищу Сталину как никому другому выяснить всю глубину пропасти, отделяющей ленинизм от всего международного меньшевизма.

Выяснение же международного значения истории большевизма, его источников и корней, его исторических задач и роли в мировом пролетарском революционном движении дало возможность с исключительной прозорливостью ставить и разрешать боевые вопросы теории и практики пролетарской революции в России. Отсюда ясно значение работ товарища Сталина для выяснения развития метода материалистической диалектики Лениным.

В своей книге «Вопросы ленинизма» в главе о методе ленинизма товарищ Сталин писал:

«К чему сводятся требования этого метода?

Во-первых, к *проверке* теоретических догм II Интернационала в огне революционной борьбы масс, в огне живой практики, т. е. к восстановлению нарушенного единства между теорией и практикой, к ликвидации разрыва между ними, ибо только так можно создать действительно пролетарскую партию, вооруженную революционной теорией.

Во-вторых, к *проверке* политики партий II Интернационала не по их лозунгам и резолюциям (которым нельзя верить), а по их делам, по их действиям, ибо только так можно завоевать и заслужить доверие пролетарских масс.

В-третьих, к *перестройке* всей партийной работы на новый революционный лад в духе воспитания и подготовки масс к революционной борьбе, ибо только так можно подготовить массы к пролетарской революции.

В-четвертых, к *самокритике* пролетарских партий, к обучению

---

[1] *Сталин*, Об оппозиции, стр. 511.

и воспитанию их на собственных ошибках, ибо только так можно воспитать действительные кадры и действительных лидеров партии. Таковы основы и сущность метода ленинизма»[1].

Анализируя затем, как Ленин применяет этот метод к актуальнейшим вопросам пролетарской революции, товарищ Сталин показывает дальнейшее развитие Лениным материалистической диалектики.

Ряд вопросов, связанных с проблемой ленинского этапа развития философии марксизма, уже более или менее освещен в нашей философской литературе. Здесь необходимо остановиться на ряде проблем, требующих дальнейшего освещения.

Для того чтобы понять то новое, что дал для развития материалистической диалектики Ленин, для того чтобы понять направление, по которому шло это развитие, надо понять основные закономерности, которые характерны для новой исторической эпохи, нужно понять всю сложность отношений классов и классовой борьбы, которые мы имели в новый исторический период.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин дал прекрасную характеристику того, как возник и развивался большевизм. Ленин показал, что большевизм возник на гранитной теоретической базе марксизма. Ленин показал, что большевизм проделал (если считать до 1917 г.) пятнадцатилетнюю практическую историю, которая по богатству опыта, как он говорил, не имеет себе равной в мире: «Ибо,—говорит Ленин,—ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы *всех* классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта»[2].

Ленин говорит об эпохе до 1917 г. Мы знаем, что следующее 15-летие—от 1917 до 1932—1933 гг.—эпоха не менее бурная. Это эпоха, представляющая собой еще большее богатство, разнообразие форм классовой борьбы, развитие этих форм в условиях господства диктатуры пролетариата, задач борьбы с различными отклонениями от правильного понимания марксистского учения,

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 9, изд. 10-е.

[2] *Ленин*, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. XXV, стр. 175.

от правильного понимания ленинского учения, от генеральной линии нашей партии. Естественно, что применение материалистической диалектики ко всем этим процессам должно означать также и дальнейшее теоретическое обогащение самой диалектики и ее категорий.

В противовес всем «теоретикам» социал-демократии, отрицавшим марксистскую философию, считавшим, что марксизм нуждается в каком-то гносеологическом обосновании, считавшим, что марксизм требует для себя новой философии, что в марксизме нет своей философии, нет своего мировоззрения, в противовес всем этим теориям Ленин с самых первых своих работ, начиная от «Что такое «друзья народа»...» и кончая его последними выступлениями, *высоко поднимает знамя марксистской философии, знамя материалистической диалектики как философской науки марксизма.*

Задача пролетарской борьбы в новую историческую эпоху потребовала восстановления, очищения и дальнейшего теоретического развития философии марксизма, потребовала развернутой борьбы за материализм. Но, конечно, это была борьба не просто за материализм, а борьба за диалектический материализм. Это задача борьбы за диалектический материализм на протяжении новой исторической эпохи, задача развертывания и дальнейшего теоретического развития гносеологии марксизма, задача борьбы за материалистическую диалектику как науку. Это обстоятельство часто недопонимается.

Для того чтобы правильно представить себе задачи, которые ставил рабочий класс на фронте теории, на фронте философии в новую историческую эпоху, в новый исторический этап, нужно проанализировать своеобразие этой эпохи. Борьба за диктатуру пролетариата требовала от партии пролетариата, от его вождей развития всех составных частей марксистского учения и в том числе развития философии марксизма. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» неоднократно останавливается на своеобразии задач, которые стояли в области философии в новую историческую эпоху перед пролетариатом. Вот что писал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме»: «Маркс с Энгельсом и И. Дицген выступили на философском поприще тогда, когда в передовой интеллигенции вообще, в рабочих кругах в частности, царил материализм. Совершенно естественно поэтому, что не на повторение старого обратили все свое внимание Маркс и Энгельс, а на серьезное теоретическое *развитие* материализма, на применение его к истории, т. е. на *достраивание* здания материалистической философии *до-верху*. Совершенно естественно, что они *ограничивались* в области гносеологии исправлением ошибок Фейербаха, высмеиванием пошлостей у материалиста Дюринга, критикой ошибок Бюхнера (см. у И. Дицгена), подчеркиванием

того, чего этим наиболее распространенным и популярным в рабочей среде писателям *особенно* недоставало, именно: диалектики»[1].

Далее Ленин говорит: «Если представить себе сколько-нибудь конкретно эти исторические условия философских произведений Энгельса и И. Дицгена, то совершенно ясным станет, почему они *больше отгораживались* от вульгаризации азбучных истин материализма, чем *защищали* самые эти истины»[2].

В другом месте, касаясь этого вопроса и своеобразия тех задач в области философии, которые стояли перед рабочим классом, Ленин писал: «Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропателями, естественно обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. Поэтому Маркс и Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали *диалектический* материализм, чем диалектический *материализм*, больше настаивали на *историческом* материализме, чем на историческом *материализме*. Наши махисты, желающие быть марксистами, подошли к марксизму в совершенно отличный от этого исторический период, подошли в такое время, когда буржуазная философия особенно специализировалась на гносеологии и, усваивая в односторонней и искаженной форме некоторые составные части диалектики (например, релятивизм), преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма вверху»[3].

Эти характеристики имеют чрезвычайно важное значение для понимания тех задач, которые ставила классовая борьба на фронте философии перед рабочим классом в деле очищения, восстановления и дальнейшего развития марксистской философии, дальнейшего развития философии марксизма как науки. Высоко поднимая знамя диалектического материализма в новой обстановке, Ленин все время подчеркивает в своих работах боевой, творческий характер марксистской философии, ее подлинное единство с практикой.

Ленин очень много занимается вопросом о том, что представляет собой материалистическая диалектика как философская наука, что представляет собой предмет материалистической диалектики как философской науки, тесно увязывая эти проблемы со всем анализом вопросов экономических, политических, стратегических, естественно-научных, какие вставали в эту историческую эпоху. Широко известно ленинское положение: материалистическая

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 198—199.
[2] *Там же*, стр. 199.
[3] *Там же*, стр. 269—270.

«диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма»[1]. По этому вопросу часто встречается у нас в нашей пропагандистской и преподавательской работе большая путаница, непонимание существа ленинской постановки вопроса.

Путаница эта идет по двум линиям. Прежде всего мы имеем путаницу в том случае, когда ленинская постановка о тождестве диалектики, логики и теории познания трактуется так, как будто бы здесь у Ленина речь идет *о тождестве субъекта и объекта*, о тождестве объективной и субъективной диалектики, т. е. о тождестве диалектики объективного мира и диалектики понятий, отражающих закономерности развития объективного мира. При такой постановке вопроса Ленину приписывается совершенно гегельянское в духе меньшевиствующего идеализма решение вопроса о предмете материалистической философии и всех основных проблем, которые она в себя включает.

Другой вид непонимания и путаницы, который существует по вопросу о тождестве диалектики, логики и теории познания, идет по линии отрыва, противопоставления диалектики и теории познания. Правда, мы не имеем, если не считать литературы механистов и меньшевиствующих идеалистов, непосредственно литературных выступлений, которые бы прямо противопоставляли диалектику логике и теории познания. Однако такой разрыв и противопоставление по существу имеют место, когда говорят: диалектика это есть нечто, присущее только объективному миру, термин «диалектика» означает только законы развития самого объективного мира; термины же «логика» и «теория познания» означают диалектику субъективную. Или часто говорят, что диалектика, логика, теория познания—это различные оттенки одного и того же, существует между ними определенное различие и т. д. Между тем многие товарищи никак не хотят действительно положить в основу понимания этого вопроса ленинское указание о том, что не надо трех слов, *что это одно и то же*.

Каким образом мы должны давать отпор, с одной стороны, гегелевскому онтологизированию в этом вопросе, гегелевскому отождествлению диалектики объективного мира с диалектикой познания, отождествлению субъективной и объективной диалектики и по форме и по существу, а с другой стороны, кантовскому разрыву, идущему по линии противопоставления диалектики и теории познания, по линии противопоставления теории и практики? Ответ на этот вопрос мы получаем в работах Энгельса и Ленина. Несмотря на то, что Ленин не знал «Диалектики природы» Энгельса, в философских тетрадях Ленина, в его «Материализме и эмпириокритицизме» по всем этим проблемам мы имеем совпадение в целом ряде постановок вопроса с положениями Энгельса.

---

[1] *Ленин*, Философские тетради, стр. 327.

Мы имеем в этих работах Ленина продолжение и дальнейшее развитие философии марксизма. Это указывает на то внутреннее единство, которое существует во взглядах Ленина и Энгельса по кардинальным вопросам марксистской философии, в частности и по этому вопросу.

Энгельс в «Диалектике природы», а также и в «Анти-Дюринге» говорит относительно двух рядов законов: законов диалектического развития, которые присущи объективному миру, и законов диалектического развития, которые присущи нашему мышлению, которые являются отражением этих законов развития объективного мира. Энгельс указывает, что мы имеем в нашем познании во втором ряде законов аналог действительности. Именно поэтому эти законы могут быть орудием познания и изменения действительности.

Энгельс указывает, что тут мы имеем законы диалектики, *тождественные по существу и различные по форме*. Это различие по форме не следует понимать в смысле внешнего различия. Различие по форме надо понимать в том смысле, как вообще марксизм подходит к форме, рассматривая ее не в отрыве от содержания, а как существенный момент. Различие по форме состоит в том, что одни законы, как указывает Энгельс, есть законы объективного мира, в то время как другие законы есть *сознательное отображение в субъективном объективного мира*.

Вот эти мысли Энгельса по вопросу о соотношении между субъективной и объективной диалектикой Ленин развивает, конкретизирует в частности в своей знаменитой статье «К вопросу о диалектике», где он указывает, говоря о законах диалектики, что речь идет о законах развития объективного мира и о законах познания. В этой же связи Ленин указывает, что диалектика и есть теория познания и что именно этого-то обстоятельства Плеханов не понял.

Когда мы говорим о тождестве диалектики, логики и теории познания, надо прежде всего распроститься с тем взглядом, который как раз и критикует Ленин, показывая, что нет тут каких-то *трех отдельных* наук. Важнейший момент переворота в области философии, того качественно нового, что дал марксизм-ленинизм в понимании, в постановке проблем философии, состоит в том, что «рациональные зерна», которые имелись у представителей различных теорий и течений, Марксом и Лениным были воссоединены. Однако они не были воссоединены на манер гегелевский, на манер идеалистический.

У Гегеля мы тоже имеем тождество диалектики, логики и теории познания, но на идеалистической основе. Три крупнейших гегелевских работы посвящены по существу обоснованию тождества диалектики, логики и теории познания. Я имею в виду его

«Историю философии», «Феноменологию духа» и «Науку логики». В «Истории философии» Гегель подошел к развитию философских систем не как к какому-то случайному сборищу философских произведений и имен, к паноптикуму, а с точки зрения раскрытия внутренних логических закономерностей этого развития. Он рассмотрел весь ход развития философии под углом зрения того, как в этой истории происходит формирование логических категорий, как каждая последующая философская система является высшим синтезом по отношению к предыдущим. Однако идеализм у него выражается здесь в том, что историческое подчинено логическому, что весь анализ ведется для доказательства того, что сама гегелевская философия есть достижение абсолютной истины.

Другой разрез в обосновании этой проблемы мы имеем в «Феноменологии духа». Здесь Гегель занимается анализом смены форм сознания, различных его явлений. Им дана эволюция *форм сознания*, в результате которой сознание приходит к абсолютному знанию. Наконец, третий разрез дан в его «Науке логики», в анализе логических категорий как определений саморазвивающейся абсолютной идеи. Последовательно и до конца проведенная точка зрения идеализма—вот что характерно для всего этого замечательного теоретического построения.

Материалистическая точка зрения в этих вопросах, материалистический историзм—вот что является основой нашего разрешения вопросов диалектики, логики, теории познания. Недаром Ленин писал, что «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»[1]. Ленин подчеркивает, что, когда мы говорим, что материалистическая диалектика и есть теория познания, мы в данном случае *имеем в виду материалистическую диалектику как философскую науку, предметом которой являются законы развития природы, мышления, законы развития «всех природных, социальных и духовных вещей»*.

Каковы же важнейшие пункты, характерные для ленинской постановки вопроса о тождестве диалектики, логики, теории познания? Это прежде всего глубокий материалистический историзм, который проводит Ленин по всем этим вопросам, понимание практики как основы гносеологии и проблема отражения.

На этих трех моментах я вкратце остановлюсь, для того чтобы показать, какое глубокое содержание кроется в ленинских положениях, весьма кратко сформулированных, о тождестве диалектики, логики, теории познания, в положениях, в которых Лениным дано дальнейшее развитие того содержания, которое мы имеем в работах Маркса и Энгельса.

---

[1] *Ленин*, Философские тетради, стр. 144.

Ленин неоднократно указывал, что наша задача при рассмотрении теории познания заключается в том, чтобы рассматривать, как из незнания рождается знание, чтобы рассмотреть, как «вещи в себе» становятся «вещами для нас», как мы движемся через овладение относительными истинами ко все большему познанию абсолютной истины, никогда ее вместе с тем до конца не исчерпывая. Рассмотрение познания как *диалектического процесса*, рассмотрение познания как процесса, который происходит путем борьбы противоречий,—важнейший момент, который характеризует ленинскую точку зрения. Недаром Ленин в конспектах «Науки логики» подчеркивает, что изучение *пути* познания—в этом главное при подходе к этому вопросу. История развития познания, отчеканенная в логических категориях, выражающих *закономерности* этого развития,—вот на что нужно обратить внимание, вот по какой линии надо материалистически перерабатывать Гегеля, беря все то ценное, что у него есть,—много раз подчеркивает Ленин.

В «Материализме и эмпириокритицизме», касаясь вопроса о практике в главе о критерии практики в теории познания, Ленин пишет: «До какой степени не новы эти усилия выделить практику, как нечто не подлежащее рассмотрению в гносеологии, для очистки места агностицизму и идеализму, показывает следующий пример из истории немецкой классической философии»[1]. И тут он останавливается на примере Шульце-Энезидем, который стоит на дороге между Кантом и Фихте. Ленин здесь подчеркивает, что практика, и именно общественная практика человека, лежащая в основе теории познания, выступая как критерий истины, входит органически составной частью в марксистскую философию. Практика является моментом, который должен быть важнейшим пунктом для понимания проблем гносеологии марксизма, для понимания материалистической диалектики как философской науки.

Теория отражения, получившая большое развитие в работах Ленина, не есть новый принцип в философии марксизма, введенный или установленный Лениным. Маркс и Энгельс стояли на точке зрения теории отражения. Можно даже сказать так, и это неоднократно подчеркивает Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», что и Фейербах стоял на точке зрения теории отражения. Но, однако, теория отражения Маркса коренным образом отличается от фейербаховской тем, что здесь мы имеем *диалектическую* теорию отражения. Применение диалектики к вопросам теории отражения и дальнейшее развитие этой теории мы имеем у Ленина.

В чем же основные решающие положения ленинской трактовки этого чрезвычайно важного вопроса, без понимания которого

---

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, т. XIII, стр. 114.

разобраться в вопросах материалистической диалектики невозможно?

Можно установить следующие основные моменты, характеризующие существо ленинской трактовки этой проблемы. Ленин рассматривает *познание как отражение*, причем это отражение он рассматривает как *противоречивый диалектический процесс*. «*Отражение* природы в мысли человека,—писал он,—надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения, не без противоречий*, а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их»[1]. Следовательно, процесс отражения есть противоречивый диалектический процесс.

Дальше Ленин указывал, что процесс отражения надо *понимать не только* в узко эмпирическом смысле слова, как многие пытались трактовать Ленина, как об этом писали представители механицизма и меньшевиствующего идеализма. Процесс отражения не ограничивается ощущениями, представлениями. Отражение дано не только в ощущениях, отражение объективного мира в нашем познавательном процессе дано и в мыслях, в абстрактных понятиях. По этому поводу Ленин говорит: «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования понятий, законов и т. д.»[2]

При этом Лениным и в этом пункте дается чрезвычайно четкая характеристика диалектико-материалистического понимания соотношения эмпирического и рационального в познании, движения от ощущения к мысли в результате противоречий, в результате скачка. Ленин говорил о том, что многие не понимают скачка, который происходит в движении познания от ощущения к мысли, от представления к понятию. Понимание этого перехода как скачкообразного перехода, как перехода в результате противоречий, понимание вместе с тем единства ощущений и мышления, но единства диалектического—вот чрезвычайно важный момент, характеризующий существо ленинской теории отражения.

В самом деле, в чем ограниченность сенсуалистического эмпиризма? В том, что им вырыта пропасть между ощущением и понятием. В чем ограниченность рационалистических направлений в философии, идеалистических школ вплоть до Гегеля? В том, что ими понятие оторвано от ощущения. Только диалектический материализм, рассматривающий познание как процесс, дает подлинное разрешение этих проблем.

Следующий момент, чрезвычайно важный для понимания теории отражения и ее развития,—это понимание самого отражения. Отражение—это образ, копия, снимок, дающий правильное ото-

---

[1] «Ленинский сборник» IX, стр. 209, изд. 2-е.
[2] *Там же*, стр. 185.

бражение действительности. Однако это правильное отображение действительности получается в *процессе развития, в процессе общественной практики*. При этом Ленин, подчеркивая это обстоятельство, направлял этот пункт и заострял его против агностицизма, в какой бы форме он ни проявлялся. Известно, что в XII «Сборнике» Ленина мы имеем очень интересный материал для понимания существа этого вопроса. Ленин там говорит: если бы у нас было больше органов чувств, могли ли бы мы познать больше?—и указывает, что нет. Отвечая таким образом, Ленин считал, что в нашем распоряжении имеется достаточно средств для правильного понимания объективного мира, что всякие агностические теории, рождающие сомнения, скепсис по отношению к нашему познанию, должны быть категорически отвергнуты и разоблачены. Однако само познание не дает нам какой-либо законченной, абсолютной картины, процесс познания идет через относительные истины к абсолютной.

Наконец, нужно обратить внимание еще на один важный пункт, характеризующий ленинскую теорию отражения,—это на вопрос о том, как Ленин понимает само ощущение. Как раз вокруг этого пункта развертывалась большая борьба против Ленина еще тогда, когда вышел «Материализм и эмпириокритицизм», со стороны Аксельрод-Ортодокс и затем со стороны Макса Адлера, который в своем учебнике «Материалистическое понимание истории» критикует по этим вопросам Ленина. И механисты и меньшевиствующие идеалисты также извращали существо марксо-ленинского подхода к вопросу о том, как понимать ощущение с точки зрения диалектического материализма. Ленин по этому поводу высказывает следующие соображения.

Ощущение, по Ленину,—это прежде всего результат воздействия материи на наши органы чувств. Ощущение—это «превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания»[1]. В этой связи встает чрезвычайно интересный вопрос, нужно сказать, недостаточно в нашей литературе освещенный, несмотря на то, что у Ленина мы имеем по этому поводу совершенно ясные высказывания. Это вопрос о том, как же относятся ощущения как образ, ощущения как снимок, как отображение к тому, что отображается? В каком смысле здесь можно говорить о схожести, о похожести отображения с отображаемым, копии с оригиналом? Для того чтобы разобраться в этом пункте, проанализируем чрезвычайно интересные высказывания Ленина по вопросу о соотношении цвета и света.

Цвет есть результат воздействия физического объекта, т. е. света, на нашу сетчатку. Цвет, однако, не есть иероглиф, символ по отношению к свету—к объективному процессу, воздей-

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 41.

ствующему на нашу сетчатку. Цвет не есть нечто субъективное, как это пытались представить некоторые из механистов, в частности Сарабьянов, Аксельрод и др. Он отражает в субъективном объективную истину. *Цвет* похож на свет, как на объективный процесс, но *относительно*, ибо только в процессе развития относительных истин мы идем к познанию абсолютной истины. Вот важнейший пункт, характеризующий вопрос о том, что представляют собой ощущения как образ. Это важнейший пункт, который необходимо иметь в виду для характеристики, для понимания ленинской трактовки этой проблемы.

По этому вопросу Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», критикуя махистов, богдановцев, писал: «А раз вы допускаете такие независимые от моих нервов, от моих ощущений физические объекты, порождающие ощущение лишь путем воздействия на мою сетчатку, то вы позорно покидаете свой «односторонний» идеализм и переходите на точку зрения «одностороннего» материализма! Если цвет является ощущением лишь в зависимости от сетчатки (как вас заставляет признать естествознание), то, значит, лучи света, падая на сетчатку, производят ощущение цвета. Значит, вне нас, независимо от нас и от нашего сознания существует движение материи, скажем, волны эфира определенной длины и определенной быстроты, которые, действуя на сетчатку, производят в человеке ощущение того или иного цвета. Так именно естествознание и смотрит. Различные ощущения того или иного цвета оно объясняет различной длиной световых волн, существующих вне человеческой сетчатки, вне человека и независимо от него. Это и есть материализм: материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи. Существование материи не зависит от ощущения. Материя есть первичное. Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи» [1].

В другом месте Ленин пишет: «цвет есть результат воздействия физического объекта на сетчатку = ощущение есть результат воздействия материи на наши органы чувств» [2].

Таким образом, мы видим, что Ленин не *отождествляет* цвет и свет. Но не отождествляя цвет и свет (а это можно сказать и по отношению к другим нашим органам чувств и другим видам наших ощущений), Ленин вместе с тем дает подлинно материалистическую, исключающую всякие элементы агностицизма трактовку этого вопроса. Повторяю, что именно в этом вопросе мы имели восстановление и развитие богдановского субъективизма в работах некоторых механистов.

---

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 44—45.
[2] *Там же*, стр. 46.

III

Необходимо остановиться на центральном вопросе материалистической диалектики—законе борьбы противоположностей.

Нередко у нас можно встретить противопоставление Ленина Марксу и Энгельсу, точку зрения, что якобы только у Ленина мы имеем понимание этого закона как центрального закона, как ядра диалектики. Это, конечно, неверное представление. Стоит только указать на анализ Маркса в «Капитале» двойственного характера труда, стоит только указать на анализ процесса обмена, на анализ процесса создания прибавочной стоимости, на анализ превращения денег в капитал, на анализ кризисов в «Капитале», чтобы понять, что этот закон проходит красной нитью по всему «Капиталу», чтобы понять, что он составляет действительное ядро диалектики в работах Маркса и Энгельса.

Известно, что этот вопрос получил развитие в работах Маркса и Энгельса как центральный вопрос материалистической диалектики. Однако из этого вовсе не следует делать вывод, что Ленин не вносит ничего нового, не развивает марксизма. Ленин не вносил новых принципов, однако он, развивая дальше материалистическую диалектику, развивает и закон единства противоположностей.

Для того чтобы понять, по какой линии здесь идет развитие, в чем сущность того нового, что вносит Ленин в закон борьбы противоположностей, надо прежде всего понять, почему этот закон как важнейший закон развития объективного мира и как закон познания приобрел особую остроту, особое значение в новую историческую эпоху. По этому вопросу Ленин очень много писал в целом ряде своих работ. Если взять «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», эти крупнейшие произведения Ленина, в которых дан анализ отношения государства и революции, анализ проблемы диктатуры пролетариата, в которых дан анализ новой эпохи, то мы увидим, что они построены с точки зрения применения всех категорий материалистической диалектики к этому анализу. Особое значение для понимания всего этого ленинского анализа новой эпохи и ее коренных проблем имеет закон единства противоположностей. Ленин указывает, что проблема противоречий капитализма в монополистической стадии его развития представляет собою коренную задачу критики империализма. Ленин пишет: «Вопросы о том, возможно ли реформистское изменение основ империализма, вперед ли идти, к дальнейшему обострению и углублению противоречий, порождаемых им, или назад, к притуплению их, являются коренными вопросами критики империализма. Так как политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета в связи с гнетом финансовой

олигархии и устранением свободной конкуренции, то мелкобуржуазно-демократическая оппозиция империализму выступает едва ли не во всех империалистских странах начала XX века. И разрыв с марксизмом со стороны Каутского и широкого интернационального течения каутскианства состоит именно в том, что Каутский не только не позаботился, не сумел противопоставить себя этой мелкобуржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной, оппозиции, а напротив слился с ней практически»[1].

Ясно, что вопросы о том, как понимать теорию противоречий, как применять закон материалистической диалектики к анализу империализма,—это коренные вопросы критики империализма. По этой линии идет водораздел между большевизмом и оппортунизмом всякого порядка. По этой линии идет водораздел между подлинным революционным пониманием материалистической диалектики и теми, кто материалистическую диалектику пытался сводить к теории притупления противоречий. Ленин указывает: «Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой, и т. д.»[2]

Оппортунисты всякого толка, извращающие, ревизующие марксову диалектику, замазывают основные противоречия между рабочим классом и капиталистами, противоречия между империалистическими государствами, противоречия между колониальными странами и империалистическими государствами и т. д. Все эти вопросы являются коренными вопросами анализа и критики империализма. Понятно теперь, что в эту эпоху не мог не встать, не мог не получить чрезвычайно большое заострение вопрос о законе борьбы противоположностей в его теоретической трактовке. Естественно, что этот вопрос должен был получить у Ленина дальнейшее теоретическое развитие. В своих замечаниях и подготовительных работах к «Империализму» Ленин неоднократно на полях отмечает важность именно теоретической, т. е. философской, разработки закона единства противоположностей.

---

[1] *Ленин*, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. XIX, стр. 160—161.

[2] *Там же*, стр. 166.

Если взять «Государство и революцию» Ленина, то несомненно, что основной вопрос работы—это выяснение развития марксистской теории государства как продукта непримиримости классовой борьбы, классовых противоречий в противовес социал-демократическим, оппортунистическим учениям о государстве как о продукте примирения классов. Таким образом и здесь основной вопрос методологического порядка—это вопрос о борьбе противоположностей. Все эти обстоятельства имеют чрезвычайно важное значение, для того чтобы понять, почему в эпоху империализма этот закон как ядро диалектики получил такое важное значение. Под этим углом зрения чрезвычайно интересно проследить, как Ленин развивает учение марксизма по линии раскрытия своеобразия типов противоречия, которые встречаются в новую историческую эпоху.

В частности здесь необходимо остановиться на двух вопросах, которые раскрывают понимание Лениным закона борьбы противоположностей и вместе с тем показывают своеобразие форм борьбы противоречий эпохи империализма.

Чрезвычайно важное значение для понимания всей тактики большевизма, характера движущих сил нашей революции имеет вопрос о соотношении между буржуазно-демократической и социалистической революциями.

Ленинские «Письма о тактике» в 1917 г., посвященные анализу той обстановки, которая сложилась у нас после февраля, после свержения царизма, его работы, посвященные анализу двоевластия, дают чрезвычайно богатый материал для понимания материалистической диалектики, закона единства противоположностей, для понимания того, как Ленин им оперирует, его применяет, для понимания того, каким боевым оружием этот закон у него является, для анализа соответствующей обстановки.

Известно, как ставил вопрос Каменев, утверждавший, что Февральская революция и переход власти в руки буржуазии отнюдь не означают еще окончания буржуазно-демократической революции. Ибо, говорил он, большевики в 1905 г. считали, что буржуазно-демократическая революция заканчивается только революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Как возражает Каменеву в этих письмах Ленин? Он указывает, что старые большевистские лозунги целиком оправдались, в общем оказались правильными. Однако конкретная действительность сложилась иначе, чем кто-либо мог предполагать. При этом Ленин высказывает целый ряд глубочайших соображений по вопросу о соотношении формул, лозунгов и конкретной жизни. Он указывает, что тогда, когда в жизнь вводятся формулы, лозунги, когда эти формулы облекаются в конкретной действительности плотью и кровью, когда они реализуются,—тогда они тем самым и видоизменяются, получают свое определенное, конкретное выражение.

Под углом зрения подлинно конкретного подхода к анализу

обстановки Ленин и критикует метафизический, абстрактный подход Каменева. Он говорит: «Вопрос о «законченности» буржуазно-демократической революции *поставлен* неверно. Этому вопросу придана та абстрактная, простая, одноцветная, если можно так выразиться, постановка, которая *не* соответствует объективной действительности. Кто ставит *так* вопрос, кто спрашивает *теперь:* «закончена ли буржуазно-демократическая революция» *и только*,—тот лишает себя возможности понять чрезвычайно сложную, по меньшей мере «двухцветную» действительность. Это в теории. А на практике—тот сдается беспомощно *мелко-буржуазной революционности*.

В самом деле. Действительность показывает нам *и* переход власти к буржуазии («законченная» буржуазно-демократическая революция обычного типа), *и* существование рядом с настоящим правительством побочного, которое представляет из себя «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства». Это последнее «тоже-правительство» *само* уступило власть буржуазии, *само* привязало себя к буржуазному правительству.

Охватывается ли эта действительность старо-большевистской формулой т. Каменева: «буржуазно-демократическая революция не закончена»?

Нет, формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее»[1].

Этот материал показывает всю глубину подлинно диалектического ленинского анализа обстановки, показывает, что означает понимание диалектики как теории познания, понимание подлинных объективных противоречий действительности. Ясное дело, что практика, дальнейший ход революционного движения, блестящая тактика, проводившаяся нашей партией в период от февраля к октябрю и в период Октябрьской революции, являются величайшим практическим подтверждением всей глубины диалектического анализа, данного Лениным. Это показывает, какое острое оружие представляет собой материалистическая диалектика, если правильно ее понимать, если уметь применять ее к анализу объективной действительности и дальше ее теоретически развивать. Первое письмо об оценке момента Ленин как раз и начинает ссылкой на марксистский метод. Он говорит: «Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики.

«Наше учение не догма, а руководство для действия»—так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над

[1] *Ленин,* Письма о тактике, Соч., т. XX, стр. 105.

заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать *общие* задачи, необходимо видоизменяемые *конкретной* экономической и политической обстановкой каждой особой *полосы* исторического процесса»[1].

Ленин часто указывал, что всякий оппортунизм любит затушевывать конкретное абстрактным, подменять конкретный анализ *данной* ситуации, *этой* определенной исторической полосы, *данного* соотношения классов, *таких-то* определенных конкретных тактических задач общими формулами, абстрактными лозунгами. Ленин указывал, что подлинная задача диалектического анализа обстановки состоит в умении раскрыть все своеобразие противоречий данной обстановки, особый специфический характер в расположении классовых сил на данной исторической ступени и тех задач, которые стоят перед пролетариатом. В этом отношении марксистская диалектика и ее учение о противоречиях, ее требование конкретного анализа противоречий представляют собой боевое оружие пролетариата.

Приведем еще один образец материалистической диалектики, образец применения закона единства противоположностей к важнейшим, кардинальным вопросам революции,—подготовительные работы Ленина к «Государству и революции», опубликованные в XIV «Ленинском сборнике». Эти подготовительные работы Ленина по своему содержанию являются прекрасным введением и дополнением к важнейшей работе Ленина «Государство и революция». Они являются дополнением еще и потому, что они дают нам лабораторию мысли Ленина, лабораторию того, как он на основе анализа работ Маркса и конкретной действительности приходил к тем выводам, какие были им сформулированы уже в «Государстве и революции». В частности чрезвычайно важное значение имеет тот анализ, который Ленин дает по вопросу о соотношении между демократией и диктатурой, о характере диктатуры пролетариата, об отмирании государства и т. д. Что по этому вопросу Ленин дает в своих подготовительных работах, что не вошло затем непосредственно в таком виде в «Государство и революцию»? Что мы имеем в этих подготовительных работах, какое там содержание, характеризующее мысль Ленина, характеризующее применение им законов материалистической диалектики, применение закона борьбы противоположностей? Ленин приводит одно место у Маркса из «Критики Готской программы», где Маркс говорит о «будущей государственности коммунистического общества». Ленин по этому поводу пишет: «Итак, даже в «*коммунистическом* обществе» будет государственность!! Нет ли тут противоречия?»[2]

---

[1] *Ленин*, Письма о тактике, Соч., т. XX, стр. 100.
[2] «Ленинский сборник» XIV, стр. 265.

Как же Ленин отвечает на этот вопрос? Нет, противоречия тут нет. Почему тут нет противоречия? Далее он разбирает существо марксистской постановки этого вопроса. Можно считать, что это классический образец применения и развития закона единства противоположностей к этим чрезвычайно важным, кардинальным вопросам пролетарской революции. Он пишет:

«I— —в капиталистическом обществе государство в собственном смысле». А сбоку: «государство нужно буржуазии». «II— —переход (диктатура пролетариата) государство переходного типа (не государство в собственном смысле)». Это, говорил он, такое государство, которое «нужно пролетариату». Затем «III— —коммунистическое общество: *отмирание* государства». Сбоку: «государство не нужно, оно отмирает».

«Полная последовательность и ясность!!» «I—демократия лишь в виде исключения, никогда не полная... II—демократия почти полная, ограниченная только *подавлением* сопротивления буржуазии. III—демократия действительно полная, входящая в привычку и *потому* отмирающая... Полная демократия равняется никакой демократии. Это не парадокс, а истина!»[1]

Лениным дан этот анализ в чрезвычайно ясной, заостренной форме. Этот материал является прекрасным образцом того, что материалистическая диалектика, представляя собой науку о развитии объективного мира, вместе с тем есть теория познания, дающая возможность перестраивать мир.

Эти примеры показывают, во-первых, всю сложность отношений, которую мы имеем в эпоху империализма, которая конечно превосходит сложность напряженной классовой борьбы, форм противоречий, которые характерны для эпохи домонополистического капитализма. Эти примеры показывают, что, для того чтобы понять эту сложную действительность, все эти сложные формы классовой борьбы, нужно было дальше двигаться по линии развития самих категорий диалектики, по линии развития ядра диалектики—закона единства противоположностей. Под этим углом зрения попытаемся несколько обобщить, синтезировать ленинское высказывание по вопросу о единстве противоположностей.

Ленин прежде всего, несомненно, развивает и конкретизирует— и это связано со всей новой исторической эпохой—закон единства противоположностей. Вспомним известное ленинское положение об абсолютности борьбы и относительности единства, тождества, совпадения противоречий.

Ленин в связи с глубоко конкретным подходом к анализу всей обстановки новой эпохи развивает диалектику, указывает на необходимость конкретного анализа противоречий и различного типа противоречий. В самом деле, мы имеем в эпоху империализма

[1] «Ленинский сборник» XIV, стр. 267.

противоречия в крайнем своем выражении между рабочим классом и капиталистами, между империалистическими государствами, между метрополиями и колониальными странами. Это все разного типа противоречия. Надо также указать на противоречия между рабочим классом и крестьянством: противоречия между рабочим классом и крестьянством в эпоху до победы пролетарской революции, противоречия между пролетариатом и крестьянством в эпоху пролетарской революции. Мы имеем, наконец, своеобразную конкретную постановку вопроса о соотношении между пролетарской и буржуазно-демократической революциями, когда разрешение задач буржуазно-демократической революции является *побочным продуктом* пролетарской революции, и т. д. Вся совокупность этих проблем, которые встали в области общественной науки, в области научного обоснования политики, несомненно, явилась базой для дальнейшего теоретического развития вопроса о материалистической диалектике и законе единства противоположностей, конкретизации его, выяснения различного типа противоположностей и т. д.

Сейчас мы не можем подробнее остановиться на тех новых явлениях, которые происходили в области естествознания. Но и здесь, в области естествознания, в связи с новейшими открытиями мы имеем целый ряд проблем, которые потребовали дальнейшего теоретического развития самих категорий материалистической диалектики.

Особое внимание Ленин посвящает вопросу о переходе противоположностей друг в друга. В IX и XII «Ленинских сборниках» мы имеем ряд указаний о том, какое огромное значение имеет переход. Понимание перехода противоположностей Ленин, однако, не сводит к одноцветному представлению, к однотипному процессу. И в этих вопросах новая эпоха дает совершенно различные моменты, огромное своеобразие в типах превращения противоположностей, перехода их друг в друга.

Вопрос о материалистической диалектике в работах товарища Сталина—это тема, требующая специальной разработки, специальной большой работы. Основное, что надо отметить, когда мы говорим относительно материалистической диалектики как орудия познания, орудия изменения действительности в работах товарища Сталина,—это подчеркивание боевого, творческого характера марксизма, марксистской философии, боевого, творческого характера марксистско-ленинского учения в целом.

В этом отношении чрезвычайно важны высказывания товарища Сталина во время борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией. Вспомним анализ, который давал товарищ Сталин в борьбе с зиновьевцами, в борьбе с контрреволюционным троцкизмом по вопросу о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Товарищ Сталин, борясь с догматическим понима-

нием марксизма, подчеркивает то обстоятельство, что Энгельс в своей работе «Принципы коммунизма» указывал на целый ряд мероприятий, характеризующих возможность коммунистической революции только в мировом масштабе. Товарищ Сталин показывает, что это мнение Энгельса было правильно для эпохи домонополистического капитализма, однако эта правильная для эпохи домонополистического капитализма формула должна быть изменена,— если следовать действительно духу марксизма, а не его букве,— в эпоху империализма и пролетарских революций. В то время как Зиновьев и Троцкий, беря эти формулы, превращая их в обветшалые догмы, направляли их против ленинской теории победы социализма в нашей стране, товарищ Сталин вскрывает боевой, не догматический, а творческий характер марксизма, требующий изменения формул, исходя из марксистского учения.

Вот в этой связи он бросает чрезвычайно глубокое замечание. Характеризуя Энгельса, он говорит: «Но одно все же ясно, что то, что считал Энгельс в 40-х годах прошлого столетия, в условиях домонополистического капитализма, неосуществимым и невозможным для одной страны, стало осуществимым и возможным в нашей стране, в условиях империализма».

И затем идет следующее место: «Конечно,—говорит он,—если бы Энгельс был жив, он не стал бы цепляться за старую формулу, а, наоборот, всемерно приветствовал бы нашу революцию, говоря: «К чорту все старые формулы, да здравствует победоносная революция в СССР!»[1]

Товарищ Сталин дает нам во всех своих работах непревзойденные образцы применения диалектики к анализу обстановки всеобщего кризиса капитализма и развернутого наступления социализма по всему фронту. Стоит указать на подлинно диалектический анализ, который был дан товарищем Сталиным в определении двойственного характера торговли в условиях первого периода нэпа, в характеристике того двустороннего процесса, который происходил в первые периоды нэпа, когда мы имели процесс развития капитализма, как указывал товарищ Сталин, и развития социализма, того противоречивого процесса борьбы, при том условии, когда элементы социализма борются с капиталистическими элементами, побеждают, вытесняют, ликвидируют эти капиталистические элементы. Взять хотя бы анализ товарищем Сталиным всех вопросов, связанных с проблемой колхозного движения, для того чтобы увидеть, как этот боевой, творческий характер марксистского учения применяется товарищем Сталиным, исходя из того, как эти вопросы были развиты Марксом и Энгельсом и как они были развиты Лениным.

Материалистическая диалектика представляет собой острое бое-

---

[1] *Сталин,* Об оппозиции, стр. 379.

вое оружие пролетариата в его борьбе за диктатуру, за построение бесклассового, коммунистического общества. Материалистическая диалектика, как и марксизм в целом, органически сочетает в себе самую строгую научность и самую последовательную пролетарскую партийность. Материалистическая диалектика как наше мировоззрение, как испытанный метод представляет собой теоретическую основу генеральной линии нашей партии.

Среди представителей, вождей и теоретиков II Интернационала существует известное разделение труда. В то время когда одни «теоретики», выполняя важнейший «социальный заказ» буржуазии, занимаются идейным разоружением пролетариата, другие, «практики», пресмыкаются перед фашизмом, перед гитлеровской контрреволюцией. Существует глубокая внутренняя связь между адлеровскими писаниями по всем абстрактным вопросам философии и позицией Вельса, пресмыкающегося перед Гитлером. Существует внутренняя органическая связь между писаниями Брауналя, Вандервельде по вопросам марксизма и злобными, интервенционистскими выступлениями Карла Каутского. Писания, которые мы имеем сейчас в связи с марксовым юбилеем со стороны представителей II Интернационала, дают яркое доказательство того, что нет разницы по существу между их взглядами, их позициями как в вопросах философии, так и в вопросах понимания общественных отношений по основным, коренным политическим и тактическим вопросам и любыми буржуазными теориями.

Известное различие, которое имеется, состоит только в том, что они пытаются прикрывать буржуазное, контрреволюционное существо своих взглядов флагом марксизма, знаменем марксова учения. Остервенелый интервенционист Каутский написал за последнее время, помимо своего труда «Материалистическое понимание истории», еще одну книгу—«О войне и демократии». В этой книге Каутский ставит целый ряд крупнейших вопросов, связанных с демократией и диктатурой. Основная задача этой книги состояла в том, чтобы доказать, что только на путях буржуазной демократии возможен социализм, что она является верной гарантией против войны и что, поскольку в Советском Союзе нет демократии, надо основную борьбу вести против Советского Союза. Эта книга вышла за несколько месяцев до гитлеровского переворота. Гитлер воочию показал, чего стоят все эти «демократии». В своих последних писаниях, посвященных пятидесятилетию со дня смерти Маркса, Каутский занимается одним вопросом: основной враг, по его мнению, сидит в Москве. Все его писания направлены на то, чтобы подготовить интервенцию против Советского Союза. Он призывает рабочих всех капиталистических стран бить по этой линии.

Между Каутским, Гитлером и Розенбергом существует в этом вопросе трогательное единство. Гитлер, собственно говоря, проводит последовательную «каутскианскую» линию, посылая своих

эмиссаров в Лондон для сговора с твердолобыми по вопросу об интервенции против страны пролетарской диктатуры.

В статье «Маркс и марксизм», напечатанной в марксовском номере «Гезельшафт», Каутский обращается к капиталистам, магнатам капитала, с указанием на то, что они неправильно ведут свою экономическую политику. Неправильность этой экономической политики усиливает кризис капитализма. Для того чтобы они могли преодолеть этот кризис, для того чтобы выйти из него, требуется, по мнению Каутского, изучение «Капитала». «Изучайте «Капитал» Маркса,—с таким лозунгом обращается Карл Каутский к магнатам капитала,—это даст возможность вам преодолеть кризис, выйти из того состояния, в котором находится сейчас капиталистический строй». Таковы политические писания Каутского, таково их существо.

Посмотрим теперь, что дает II Интернационал по вопросам философии, что дает один из его наиболее видных представителей—Макс Адлер.

Макс Адлер написал к юбилею Маркса специальную статью в венском журнале «Дер Кампф» под названием «Мировоззренческое в марксизме». Эта статья крайне характерна. Она дает картину того, что представляют собой в настоящее время взгляды социал-демократов по вопросам философии.

Основные положения этой статьи могут быть сведены к следующим четырем моментам:

1) марксизм не есть мировоззрение;

2) социальные, общественные отношения—это духовные отношения;

3) материализм—случайно оброненное словечко у Маркса;

4) нет различия между молодым и зрелым Марксом—между Марксом периода формирования его взглядов и Марксом периода, когда он писал «Капитал».

Последний тезис нужен Максу Адлеру для того, чтобы обосновать положение, что, собственно говоря, тот гуманизм Маркса, который он видит в его первых работах, проходит красной нитью в последующих работах Маркса.

Приведем теперь некоторые высказывания Макса Адлера по этим пунктам из его статьи. Он пишет: «Сам по себе марксизм не есть мировоззрение. И только отчетливое усмотрение и постоянное удержание в сознании этого обстоятельства делает возможным действительное понимание марксизма, ибо мировоззрение всегда есть философия и даже метафизика».

Развивая положение о том, что марксизм не есть мировоззрение и что тот, кто действительно хочет понять марксизм, должен отказаться от мировоззрения, он пишет дальше следующее: «Подобно тому, как естествознание есть учение о законах и явлениях природы, так марксизм есть учение о законах общественных явле-

ний. Он, стало быть, так мало относится к миру, что имеет своим предметом только маленький сектор, крошечный кусочек этого мира. Из явлений, происходящих на земле, на которой мы живем, он берет только маленький кусочек—не явления органической жизни и не явления человеческой жизни вообще, а одни только общественные явления и события. Поэтому в строгом смысле слова не может быть марксистского мировоззрения».

Вот как разоружает пролетариат, рабочее движение этот, с позволения сказать, «теоретик»! Идейный и политический смысл отрицания пролетарского мировоззрения у «теоретиков» социал-демократии состоит в том, чтобы подчинить пролетариат буржуазии и ее мировоззрению, ее философии.

Вот что пишет Адлер по вопросу о «Немецкой идеологии»: «Но так как духовно-научная природа марксизма все снова и снова затушевывалась и затушевывается материалистическим непониманием, то для более последовательного понимания новизны и своеобразия марксистской точки зрения ни одно событие за последние 50 лет не имело, быть может, такого выдающегося значения, как последовавшее лишь в 1927 г. опубликование той части «Немецкой идеологии», которая занимается критикой Фейербаха. Ибо здесь мы имеем такое всеохватывающее и ясное изложение основных идей материалистического понимания истории на «нематериалистический» манер, но вместе с тем с решительным отвержением тех идеалистических конструкций и всяческой метафизики, какого позднее Маркс не имел больше случая дать с подобной полнотой».

Макс Адлер не гнушается никакой софистикой или жульничеством, для того чтобы выхолостить революционное и материалистическое содержание марксизма. На том основании, что Маркс в «Немецкой идеологии» борется против *ограниченностей* материализма Фейербаха, он пытается доказать, будто Маркс борется против *материализма* вообще.

Как Адлер понимает социальное? Как он понимает те общественные отношения, которые, по его мнению, и являются единственным предметом изучения для марксизма? По этому вопросу он говорит: «Марксистская социология как мыслительное построение впервые создала все те элементы мысли, которые привели нас к новой концепции исторического мира, отличающегося от простого, природного мира. Здесь господствуют столь же строгие, но совершенно иные причинности, и отсюда получается новое понятие *духовной природы наряду с природой физической*. А поэтому также возможно и духовное научное мировоззрение наряду с чисто естественно-научным мировоззрением».

Таким образом, сугубо идеалистическое существо социологических взглядов Макса Адлера, как они выражены в этой его статье (а эта статья является выводом из всех его многочисленных

писаний по вопросам социологии, по вопросам марксистской философии), получает здесь, как видите, ясное выражение.

В том же номере «Дер Кампф», в котором Макс Адлер излагает свои взгляды и по вопросам философии, социологии и по вопросам о молодом и зрелом Марксе, напечатана другая статья—статья небезызвестного Генриха Демана, который когда-то был соратником Карла Либкнехта и Розы Люксембург, но потом стал одним из представителей ревизионизма, который написал книгу «Психология социализма», получившую в свое время большое распространение и известность на Западе.

Основная тенденция автора этой книги заключается в том, чтобы освободить рабочее движение от марксизма, освободить его от распространяющейся в нем и имеющей для него значение материалистической диалектики. Что же в указанной книге Генрих Деман пишет? В длинных рассуждениях Демана заключается определенный смысл. Он состоит в том, что «ересь марксизма»—читай, опошление марксизма,—необходимо требуется самим развитием марксизма.

Он пишет: «...либо смысл ереси состоит не в том, чтобы отрицать систему мысли, но в том, чтобы освободить ее от того, что уже отмерло, и снова и снова ее обновлять путем оживления вновь ее коренных первичных импульсов». Он считает, что тот, кто хочет обязательно быть еретиком по отношению к марксизму, должен обязательно вступить в конфликт с марксизмом, ибо это вытекает из той цели, к которой стремился сам Маркс. Такова омерзительная картина опошления марксистского учения, которая дается социал-демократами в дни великой годовщины.

Наконец, надо сказать еще об одном из плодовитых писателей по вопросам экономическим и по вопросам социологии и философии—о Брауншале. В статье, посвященной шестидесятилетию со дня рождения Макса Адлера, он распоясался во-всю. Он дал нам полную картину того, что представляют собой взгляды Макса Адлера и вместе с тем того, чем пробавляется в настоящее время социал-фашистская философия. Брауншаль считает, что основная и важнейшая заслуга Макса Адлера перед послевоенным поколением и социализмом состоит в том, что он бросил лозунг: «Назад от материализма к марксизму». Брауншаль занимается на целом ряде страниц выяснением того, какая опасность грозит марксизму, если марксизм будет материалистическим. Он занимается выяснением того обстоятельства, что якобы материалистический характер марксизма не дает возможности действительно понимать существо политических процессов, существо социальных отношений, которые имеют место. Поэтому Макс Адлер, который-де освободил марксизм от материализма, который-де бросил этот знаменитый лозунг: «Назад от материализма к марксизму», выполнил огромную историческую задачу.

Вместе с тем он говорит, что Макс Адлер указал на тот узел, который связывает марксизм с кантовской философией и который только и дает возможность по-настоящему подойти к пониманию социальных отношений, к пониманию социального как духовного, к пониманию социального как природного, трансцендентного.

Нужно сказать, что точка зрения, которая развивается в работах теоретиков II Интернационала в статьях, вышедших в самое последнее время, является не чем иным, как изложением и переложением того, что по этому поводу пишется в целом ряде непосредственно буржуазных, левобуржуазных сборников, статей, журналов. Взять хотя бы статью в журнале «Die Stimme der Vernunft», органе «Немецкого союза монистов», «Гносеологические основы марксизма». Вот что писал автор статьи Беге, касаясь гносеологических основ марксизма: «Понятие «материалистический» означает у Маркса то же самое, что антиметафизический (особенно антиспиритуалистический), обращенный к действительности, т. е. реалистически опирающийся на опыт, т. е. позитивистический. Его понятие «материалистический» не имеет ни малейшего отношения к натурфилософскому материализму, к материализму в собственном смысле слова. Поэтому было бы правильнее обозначать основные научные установки Маркса не как материализм, но, как это предлагает Макс Адлер, как реалистический позитивизм».

Разделавшись столь легким способом с материализмом, с гносеологическими основами марксизма, Беге занялся другим вопросом: как бы разделаться и с диалектикой Маркса? Вот что он пишет по поводу диалектики: «Понятие «диалектика» сильно отдает метафизикой. Для научных целей, т. е. для реальной и ясной обработки опытного знания, она не только не имеет никакой ценности, но даже хуже того—соответствия с этим, а также с вышеприведенными соображениями против употребления «материалистический». Нужно, несомненно, отказаться от термина «диалектический материализм» для обозначения системы мыслей Маркса».

Эта невежественная и контрреволюционная болтовня о невозможности диалектического материализма, о том, что диалектический материализм означает совершенно незаконное, неестественное сочетание, что диалектика и материализм находятся, так сказать, в незаконном браке, сродни «точке зрения», недавно развивавшейся небезызвестным Бердяевым в статье, посвященной вопросам философской борьбы в Советском Союзе. Бердяев в этой статье доказывал, что диалектика и материализм—это совершенно незаконное сочетание, что тот, кто настаивает на диалектике, неизбежно должен притти к идеалистическим выводам, тот неизбежно, обязательно должен стать на идеалистическую точку зрения, ибо диалектика-де не может быть иной, кроме как идеалистической. Тот же, кто настаивает на материализме, тот, с точки зрения Бердяева, обязательно должен притти к фатализму, к механицизму,

ибо нет иного материализма, кроме как материализм механистический. Исходя из этого, Бердяев утверждает, что точка зрения диалектического материализма совершенно незаконна.

Таким образом, мы видим, что в одной компании с Бердяевым и другими буржуазными философами находятся и Макс Адлер, и Каутский, и Вельс и пр.; все они выступают единым фронтом, несмотря на все различия, которые между ними существуют,— единым фронтом, направленным против марксизма.

Напрасно, однако, все их усилия! Марксизм живет, развивается, празднует гигантские победы. Под знаменем Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина идет вперед международное рабочее движение к окончательной победе над капитализмом! К пятидесятой годовщине со дня смерти Маркса его учение получило свое воплощение в Коммунистическом Интернационале, в нашей великой коммунистической партии, в диктатуре пролетариата, в успешном строительстве социализма на одной шестой части земного шара!

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ И «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» ЛЕНИНА [1]

I

Работа Ленина по философии марксизма, 25-летний юбилей которой мы собрались здесь отмечать, принадлежит к числу бессмертных произведений марксистской науки. Как и всякое классическое произведение, книга Ленина отличается тем, что чем больше времени проходит со дня ее написания, тем все яснее вырисовываются ее объективная роль и значение.

В своей статье, написанной в декабре 1910 г., «Герои оговорочки» Ленин, характеризуя обстановку эпохи реакции и тяжелые условия, в которых революционному авангарду пролетариата приходилось работать, писал о необходимости копать руду при самых тяжелых условиях, добывать железо и отливать сталь марксистского мировоззрения. Глубоко копал гений Ленина! Произведением по философии марксизма, вылитым из высококачественной большевистской стали, и является «Материализм и эмпириокритицизм»!

Как и всякая другая работа Ленина, «Материализм и эмпириокритицизм»—образец творческого марксизма. Значение книги не только в том, что она означала восстановление марксистской философии во всей ее чистоте и ортодоксальности после всех извращений оппортунистов; значение книги в ее действенности, в том, что она есть продолжение и развитие марксистской философии в новых условиях. Эпоха империализма наступила в конце XIX и в начале XX столетия. Эта эпоха внесла новое во всех отношениях и во все области: и в экономику, и в политику,

[1] Стенограмма доклада на научной сессии Института философии Комакадемии, посвященной 25-летию книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», 20 июня 1934 г.

и в технику, и в естествознание, и в философию. Эпоха империализма поставила перед рабочим классом новые проблемы во всех областях революционной работы: в политике и тактике рабочего движения, в организационных вопросах и в области марксистской теории. Эти вопросы надо было решать, опираясь на метод Маркса. Речь шла не о простом повторении и популяризации марксизма, а о том, чтобы, пользуясь методом Маркса, опираясь на все теоретическое богатство и понимая его не как догму, а как руководство для действия, проанализировать и обобщить то новое, что вносила империалистическая эпоха в теорию и тактику классовой борьбы пролетариата. «Наши махисты, желающие быть марксистами,—писал Ленин,—подошли к марксизму в совершенно отличный от этого исторический период, подошли в такое время, когда буржуазная философия особенно специализировалась на гносеологии и, усваивая в односторонней и искаженной форме некоторые составные части диалектики (например, релятивизм), преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма вверху»[1].

Бедой Плеханова во всех вопросах марксизма, в том числе и в философии, было то, что он не понял наступления новой исторической эпохи.

Плеханов оставался просветителем, популяризатором, блестящим полемистом против махизма. Новый же этап в развитии философии марксизма датируется именно работой Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Несмотря на то, что подробный анализ империализма был Лениным дан значительно позже, уже такие его работы, как «Что делать?», «Две тактики», насквозь проникнуты осознанием этой совершенно другой исторической полосы, ставившей по-иному задачи классовой борьбы пролетариата, задачи партии. Точно так же и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина весь уже проникнут осознанием эпохи империализма, осознанием реакции, которую во всех областях эта эпоха несет. «Материализм и эмпириокритицизм» весь пропитан предвосхищением грядущей пролетарской революции и диктатуры пролетариата, когда перед марксизмом как господствующей идеологией встанут огромные созидательные задачи по перестройке всей науки на основах диалектического материализма, по созданию науки коммунистического общества. Вот почему существует глубокая органическая связь между такими работами Ленина, как «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция» и «Материализм и эмпириокритицизм». Ничего нельзя понять в «Материализме и эмпириокритицизме», нельзя понять его объективную роль и значение в классовой борьбе, не учтя, что эта книга есть развитие марксистской философии для новой исторической эпохи.

---

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 270.

Однако эту истину надо конкретизировать, и сам Ленин дает для этой конкретизации исключительно ценный и богатый материал.

В своей статье, посвященной характеристике специфических особенностей развития марксизма, Ленин, касаясь интересующего нас исторического периода, различает два трехлетия: первое трехлетие—это 1904—1907 гг. и второе трехлетие—1907—1910 гг. Диалектика развития марксизма за этот период базируется на том различии, которое существует объективно между этими двумя периодами. Первое трехлетие характеризуется Лениным как период быстрого изменения основных черт государственного устройства старой России, широчайшими массовыми революционными движениями, когда все классы выступили на арену открытой политической борьбы, когда происходит быстрая смена различных форм классовой борьбы, когда выявляется особая роль и значение пролетариата в этой борьбе. Второе трехлетие, наступившее после поражения революции 1905 г., Ленин характеризует следующими чертами: медленная эволюция государственного устройства, равносильная застою, никаких открытых выступлений классов, массовое переваривание опыта прошлых революционных лет. Глубокие изменения, происшедшие в развитии России за этот период, не могли не сказаться и на развитии идейной борьбы рабочего класса. «Именно потому,—писал Ленин,—что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно резкой смены условий общественной жизни. Отражением смены явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом,—серьезнейший *внутренний* кризис марксизма. Решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за *основы* марксизма встала опять на очередь дня»[1].

Почему именно философия встала в центре общественного внимания? Ленин это обстоятельство объясняет следующими моментами:

1) средневековые зубры, как писал он, не только заполнили авансцену, но заполнили даже *сердца* самых широких слоев буржуазного общества. «Дух смирения» и «покаяния», мода на мистицизм, на религию широко охватили слои буржуазного общества;

2) русской буржуазии потребовалось в своих контрреволюционных целях оживить религию, поднять спрос на религию. В силу не субъективных намерений и не случайных обстоятельств, а в силу объективных условий развития нашей революции и нашей контрреволюции оказались в области литературы в центре внимания богостроительство и защита теоретических основ марксизма;

3) так как происходила переоценка ценностей во *всех областях*

---

[1] *Ленин*, О некоторых особенностях исторического развития марксизма, Соч., т. XV, стр. 74.

общественной жизни, то эта переоценка не могла не привести также и к переоценке или к ревизии наиболее абстрактных вопросов, вопросов философии, имеющих отношение ко всем областям общественной жизни.

Ленин писал: «Не случайно, но в силу *необходимости* вся наша реакция вообще, либеральная (веховская, кадетская) реакция в частности «бросились» на религию. Одной палки, одного кнута мало; палка все-таки надломана. *Веховцы* помогают передовой буржуазии обзавестись новейшей идейной палкой, духовной палкой. Махизм, как разновидность идеализма, *объективно* является орудием реакции, проводником реакции. Борьба с махизмом «внизу» не случайна, а неизбежна, поэтому в такой исторический период (1908—10 годы), когда «наверху» мы видим не только «богомольную Думу» октябристов и Пуришкевичей, но и богомольных кадетов, богомольную либеральную буржуазию»[1].

Для того чтобы понять, почему Ленин направляет свой основной удар против махизма, надо конкретнее представить себе расположение сил на философском фронте в создавшейся обстановке реакции после революции 1905 г.

Расположение философских сил было выражением классовых отношений эпохи.

На самом крайнем фланге мы имели философскую школу Соловьева—Лопатина, христианско-мистическую философию, связанную с православием и представлявшую собой идеологию феодально-монархических кругов. Школа лейбницианцев, эмпириков и интуитивистов по существу сливалась с этой школой.

Либеральная буржуазия, сменившая свои вехи и издавшая знаменитый сборник «Вехи», который Ленин характеризовал как *знамение эпохи*, в лице буржуазных, кадетских профессоров—Струве, Бердяева, Кистяковского, Туган-Барановского и других—в области философии стояла на неокантианских позициях. Именно с позиций неокантианства они вели в знаменитом сборнике «Вехи», в этой, по выражению Ленина, «энциклопедии либерального ренегатства», борьбу с материализмом, борьбу с идейными основами русской и международной демократии. В своем сборнике они занимались отречением от освободительного движения недавних лет и обливали его помоями. И это было *тесно связано* с их борьбой против материализма. Этот сборник, означавший, по выражению Ленина, «открытое выражение ливрейных чувств по отношению к феодально-монархической реакции», был насквозь философским сборником, включившим свой голос в общий ход борьбы против материализма.

Наконец, на философском фронте той эпохи мы имели разветвленное махистское направление, которое включило в себя и

---

[1] *Ленин*, Наши упразднители, Соч., т. XV, стр. 89.

буржуазный махизм в лице Лесевича, и эсеровский махизм в лице Чернова, эклектически сочетавшего в своих взглядах неокантианство, и махизм Базарова, Богданова, Луначарского, Валентинова, Юшкевича и др.

Махизм как идеология реакционного мещанства в условиях новой исторической эпохи оказался наиболее удобной формой проникновения буржуазного влияния на рабочий класс. Это философское направление, в наибольшей степени пытавшееся связаться с естествознанием и новейшей физикой, выступавшее под флагом эмпиризма и позитивизма, оказалось наиболее опасным орудием и проводником реакции. Это чуждое пролетариату мировоззрение навязывалось ему под видом новейшего естествознания, новейшего позитивизма.

Естественно, что, ведя борьбу со всякого рода ликвидаторством как в теории, так и в практике рабочего движения, Ленин должен был обратить все свое внимание на разоблачение этой идеалистической реакции.

Только сравнительно недавно была окончательно похоронена злостная меньшевистско-плехановская клевета на большевизм, поддержанная в свое время Дебориным и Аксельрод, о внутренней связи, существовавшей якобы между махизмом и большевизмом. Напоминание это не из весьма приятных. Но факты—упрямая вещь!

Махизм, выступивший под флагом марксизма, в действительности оказался *одним из отрядов ликвидаторства* этой эпохи, а именно, ликвидаторства теоретических основ марксизма. «Ликвидаторство,—писал Ленин,—глубокое социальное явление, неразрывно связанное с контрреволюционным настроением либеральной буржуазии, распадом и развалом среди демократической мелкой буржуазии»[1]. Поэтому внутренняя, действительно органическая связь существовала не между махизмом и большевизмом, а между меньшевизмом и махизмом. Ленин тогда уже на это в своих работах указывал. Он писал: «Группа ликвидаторских литераторов и группа махистских литераторов *действительно солидарны* в том, чтобы в наше время распада охранять «свободу распада» от сторонников марксизма, от защитников теоретических основ марксизма»[2].

Год работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом»—1908 г.—в одной из своих статей Ленин характеризовал, как «год развала, год идейно-политического разброда, год партийного бездорожья»[3]. В результате поражения революции 1905 г. и

---

[1] *Ленин*, Приемы ликвидаторов и партийные задачи большевиков, Соч., т. XIV, стр. 207.
[2] *Ленин*, Наши упразднители, Соч., т. XV, стр. 90.
[3] *Ленин*, На дорогу, Соч., т. XIV, стр. 24.

наступившей эпохи реакции волна повального бегства интеллигенции охватила социал-демократическую партию. Надо при этом отметить, что наиболее устойчивым оказалось большевистское крыло. Происходила своеобразная чистка рабочей партии от элементов, примкнувших к партии во время революционного подъема, чистка от всякого рода ненадежных друзей, попутчиков, которые начали сжигать корабли и выбрасывать все то, чему учила партия, чему учил марксизм.

И вот в этой обстановке реакции, в обстановке развала и идейного разброда выступление целой группы махистских литераторов с критикой марксизма на деле означало не что иное, как попытку ликвидации теоретических основ марксизма.

Вполне естественна в связи с этим та страстность, с которой Ленин выступил на борьбу против этой идейной реакции.

Книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» представляет собой партийно-политический документ исключительного значения. В обстановке внутрипартийной борьбы этой эпохи книга Ленина явилась важнейшим партийно-теоретическим документом, организующим революционный авангард на дальнейшую борьбу, сплачивающим силы под идейным знаменем марксизма, не делающим никаких уступок врагам марксизма, в какой бы области эти выступления ни имели места.

Но книга «Материализм и эмпириокритицизм» имела и имеет не только внутрипартийное значение. Она имела и имеет огромное *международное значение*, ибо философская борьба 1908—1910 гг. не была только специфически русским явлением. Ленин указывает на потребность философской разборки, которая созрела в международном масштабе к началу XX столетия в связи с классовой борьбой и развитием естествознания и философии. Однако Ленин по своему обыкновению очень скромно характеризует свою работу. В действительности же философская разборка 1908—1910 гг. знаменовала новую эпоху в развитии марксистской теоретической мысли. Философская разборка 1908—1910 гг. являлась отражением *классовой разборки* после революции 1905 г. Она происходила в условиях, когда центр тяжести революционного движения переместился на Восток, в Россию, где был наиболее революционный рабочий класс с боевой партией большевиков во главе. Ведь все это происходило уже в условиях империалистической эпохи, когда на очереди дня как непосредственная практическая задача стояла пролетарская революция.

«Европа,—писал Ленин,—дала материал для «освежения» философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затишья 1908—10 г.г. особенно «жадно» бросилась на этот материал»[1].

---

[1] *Ленин*, Наши упразднители, Соч., т. XV, стр. 89.

Если в области общественного развития в центре философских споров были революционные события России начала XX столетия, то в вопросах естествознания в центре внимания был материал, данный *новой* физикой, получившей громадное развитие как раз с 1895 г., года смерти Энгельса. Хвольсон, например, в своей работе «Физика наших дней» указывает, что «великие успехи физики в XX столетии, вернее говоря, с 1895 г., заключаются прежде всего в открытии целого ряда совершенно новых явлений, т. е. таких, которые не представляют видоизменение, расширение или обобщение ранее известных». Он указывает на возникновение *новых физических теорий*, нового, как он выражается, миропонимания. «Их совокупность привела нас к тому,—продолжает он,—что создалась новая физика XX столетия, глубоко отличающаяся от физики конца истекшего столетия (до 1895 г.). Это как бы две науки, различающиеся не только своим фактическим содержанием, но, что особенно важно, тем духом, которым прежде всего определяются основные черты нашего физического миропонимания»[1].

Великое историческое значение «Материализма и эмпириокритицизма» состоит в том, что эта книга является философским обобщением с точки зрения метода Маркса и Энгельса этой «новой физики», что этот метод является единственной и подлинной философией «естествознания XX столетия».

Вскрытие классовых и гносеологических корней современного кризиса физики, всесторонняя критика так называемого «физического идеализма», марксистский ответ на гносеологические вопросы, вставшие в связи с революцией в естествознании, прогнозы и пути дальнейшего развития в этой области, намеченные в книге Ленина,—крупнейший вклад в историю науки.

Вся буржуазная философия конца XIX и первой половины XX столетия независимо от тех или иных оттенков или оттеночков, которыми отличается одна школа от другой, является ярким выражением загнивания, распада капиталистического строя. Подрыв объективного значения науки, сугубый скепсис, превращение научных понятий *в фикции, в символы и знаки*, сведение науки к голому описанию, отрицание закономерности и необходимости в природе и обществе, фантазия и интуиция как единственные орудия познания мира, попытки уцепиться за всякое новое открытие, для того чтобы «обосновать» религию и мистику,—вот что такое теперь *буржуазная философия буржуазного естествознания*. Лучшей характеристики обреченности погибающего капитализма не надо. Глубочайшее революционное убеждение в могуществе человеческой мысли, в торжестве живого, *плодотворного*, истинного, всесильного, объективного и абсолютного в своем

[1] *Хвольсон*, Физика наших дней, стр. 9.

развитии человеческого познания, открывающего все новые и новые горизонты для научного исследования, для перехода от одной, менее глубокой, ко все более и более глубокой сущности вещей— вот основная черта «философии естествознания XX столетия», философии побеждающего и утверждающего свое господство пролетариата, вот что красной нитью проходит во всей работе «Материализм и эмпириокритицизм».

Среди некоторой части наших научных работников, в частности физиков, подверженных влиянию «модных» западноевропейских идеалистических шатаний, можно встретить такие утверждения: «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина хорош как философская книга, но физикам, естествоиспытателям эта книга дать ничего не может. Большего непонимания или большего недомыслия нельзя себе представить, ибо, *только* проникнувшись той верой в силу и неисчерпаемые возможности развития познания, которая характерна для самого передового мировоззрения человечества, можно брать все новые и новые высоты в самой науке.

II

В настоящее время физика переживает чрезвычайно бурное развитие, во многих отношениях превосходящее то бурное развитие, которое она переживала с 1895 г. и в начале XX столетия. В центре внимания физики в то время был *атом*, его структура. Тогда были сделаны и обоснованы открытия электрической структуры материи, электронов, протонов, рентгеновских лучей, радиоактивности и самопроизвольного распада тяжелых элементов. Эти открытия физики в конце XIX и в начале XX столетия подготовили почву для необычайно мощного развития техники. Теперь в центре внимания современной физики—*ядро атома*. Исследование ядра атома привело к открытию нейтронов и позитронов; происходит углубленное изучение космических лучей, имеющих чрезвычайно важное значение для раскрытия «тайн» структуры материи. Искусственное расщепление и синтезирование элементов все больше и больше углубляют наши познания в этом отношении.

Современные открытия в физике подготовляют почву для огромного размаха технического развития, для небывалого прогресса техники, для создания в условиях диктатуры пролетариата техники коммунистического общества.

Развитие физики за 25 лет, после выхода в свет «Материализма и эмпириокритицизма», открытие новых форм движения материи и новых видов закономерностей, целиком подтверждают весь анализ, данный Лениным. Новейшая физика стихийно подошла к *диалектическому* разрешению крупнейших противоречий в своем развитии: массы и энергии, материи и движения, корпускулы и волны, прерывности и непрерывности и т. п. Крутая ломка старых

метафизических представлений о пространстве и времени, об атоме и электроне как пределах досягаемости вашего знания, бурное развитие *физики ядра* лишний раз иллюстрируют правоту ленинского прогноза о неисчерпаемости электрона, об изменчивости всех форм движения материи и перехода их друг в друга. В огромной степени, вместе с тем, выросли внутренние противоречия в науке между колоссальным накоплением новых открытий, развитием волновой и квантовой механики, обнаружившими ограниченность представлений классической физики, и теми гносеологическими, методологическими выводами, которые делаются из этих открытий виднейшими учеными.

«Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки»[1]. Широкое применение математики, статистического метода в физике, ставшее фактом исключительного подъема и прогресса физики (теория относительности, квантовая механика и т. д.), приводят к математизации физики, к объективизированию математических уравнений и символов, к замене материи формулами, к отказу от закона причинности во внутриатомных процессах, к попыткам оторвать движение от материи в электромагнитных процессах, к отказу от закона сохранения энергии и т. д.

Гносеологические выводы из новейшей физики с самых различных точек зрения широко обсуждаются, как и в начале XX в., во всей международной философской и физической литературе. Субъективно-идеалистические, махистские взгляды при этом получили к настоящему времени в физике значительно большее распространение, чем 25 лет назад. Наряду со старым положением об «исчезновении материи» в настоящее время особое развитие получили взгляды об «исчезновении причинности». Значительная часть современных физиков и естествоиспытателей (Шредингер, Гайзенберг, Дирак, Иордан, Бор, Планк, Гааз, Эддингтон и др.), с одной стороны, вследствие отождествления закономерностей природы с механической причинностью и, с другой—вследствие проникновения в изучение крайне сложных и тонких материальных процессов, не позволяющих уже применять обычные понятия классической физики, впадает в агностицизм, идеалистическое отрицание объективности, закономерности, причинности и т. д., в махистское ограничение задач науки эмпирическим наблюдением, описанием и т. д.

Буржуазная же философия находится в состоянии полного распада и гниения. Она продолжает, как еще указал Ленин в своей книге, специализироваться на разного рода гносеологических вопросах. Все более тонкие ухищрения, все более схоластические моменты выдвигаются ею для обоснования идеализма и мистики. Буржуазные философы «ловят малейшую ошибку, малейшую не-

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 251.

ясность в выражении у знаменитых естествоиспытателей, чтобы оправдать свою подновленную защиту фидеизма»[1]. В этом отношении крайне характерно развитие *махизма*. Современный неомахизм (Циген, Шлик, Рейхенбах, Франк, Карнап, Нейрат и др.) насквозь идеалистичен, представляет собой эклектическую смесь «подправленных» идей Маха, Авенариуса, Рёсселя, позитивизма, агностицизма и символизма.

Современный неомахизм (или «неопозитивизм», «логический позитивизм», по терминологии самих махистов), так же как и старый махизм, сводит всю действительность к переживаниям. Словечко «элемент» заменяется новым термином «ивент». Все научные понятия, в том числе и причинность, закономерность, объявляются «фикциями». Опираясь на логистику Рёсселя, полностью отрывающего логику и математику от объективной реальности, сводящего нацело математику к формальной логике и «математизирующего» логику, превращающего и математику и логику в сборник тавтологий, современный неомахизм пытается этим содержанием обосновать философский «физический идеализм». Под видом критики «элементов» Маха делаются попытки приспособить это учение к современным психологическим учениям (Gestalttheorie), согласно которым нет отдельных изолированных ощущений, а имеются лишь целостные, синтетические образы.

В соответствии с общей «логизацией» воззрений Маха и Авенариуса новейшими представителями махизма «критикуется» старый знаменитый махистский принцип экономии мышления за его психобиологический характер, и ему придается исключительно логическое значение.

Для того чтобы получить представление о том, что собой представляет современный махизм, обратимся к вышедшей в 1933 г. книге «Кризис и реконструкция в точных науках», представляющей собой сборник пяти докладов, прочитанных группой венских махистов в Венском физическом институте. В этом сборнике имеются следующие доклады: 1) Г. Марк «Потрясения классической физики в результате экспериментов», 2) Тирринг «Преобразование системы понятий в физике», 3) Г. Ган «Кризис созерцания», 4) Г. Нэбелинг «Четвертое измерение и кривое пространство», 5) К. Менгер «Новая логика».

В предисловии следующим образом красноречиво говорится о современном кризисе науки:

«Растущий интерес все более широких слоев к точным наукам есть, прежде всего, искание одной из областей, свободных от явлений кризиса. В действительности, однако, точные науки никогда не застрахованы от кризисов, и именно в последнее десятилетие они, начиная от теоретической физики и кончая самой

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 232.

логикой, потрясены были тяжелыми кризисами. Многому, что до сих пор всегда рассматривалось как имеющее значение *точного*, мы можем сегодня приписать лишь *апроксиоматическое* или *среднее* значение; многое, что считалось *априорным*, т. е. *независимым ни от какого опыта*, было признано *нуждающимся* в дополнительной эмпирической проверке, или *условным предположением;* во многих случаях, в которых спрашивалось *о достоверном*, мы исследуем сегодня одну лишь *вероятность;* многое, для чего искали *объяснения*, проявило себя как доступное одному лишь *описанию*, многое, что считалось *очевидным* или основанным на *созерцании* (наглядности), оказалось ложным или верным только *с точки зрения определенных логических предпосылок;* даже во многом, во что верили как *в доказанное*, мы не можем увидеть ничего другого, кроме *трансформации известных исходных предложений в известные другие предложения*, причем как исходные предложения, так и правила трансформации видоизменяемы»[1].

Итак, кризис буржуазной науки, основанный на уходе в идеализм части естествоиспытателей, не сумевших перед лицом крутой ломки старых представлений и понятий о материи и ее закономерностях подняться прямо и сразу к диалектическому материализму, кризис, затянувшийся на целые десятилетия, являющийся сейчас отражением общего кризиса капитализма и распада буржуазной культуры,—авторами-махистами трактуется как кризис точной науки вообще, как крах точного исследования, каузального объяснения, критерия практики в науке. А реконструкцией, новым построением наук провозглашается подведение под науку «фундамента» из арсенала идеализма и метафизики,—субъективной условности, формального описания, формалистической игры в логические предложения.

Авторы сборника ищут выхода из кризиса в мечтах о непротиворечивой формальной логической системе физических понятий. Физика рассматривается ими как субъективная, антропоморфическая наука, как система искусственно подобранных и более или менее друг к другу приспособленных понятий, истинность которых лежит не в объективном содержании их, а в их удобстве. Исходя из установки о недостаточности созерцания для выведения из него математических положений, один из авторов сборника Ган выдвигает требование полного «логизирования» математики. Он считает, что каждое новое математическое понятие должно быть выведено чисто *логическими* средствами. Пространство, с его точки зрения, «не есть форма созерцания, а логическая конструкция».

---

[1] «Krise und Neuaufbau in den exakten Wissenschaften», Vorwort, Leipz. Wien, 1933 г.

Другой автор этого сборника—Менгер—ищет выхода в реконструкции логики, оставаясь при этом на почве формальной логики, на почве рафинированного новейшего формализма и величайшей схоластики понятий.

Вряд ли требуется более подробная характеристика этого сборника, представляющего собой весьма характерное явление современной махистской философии. Разоблачение идеалистической реакции, схоластических ухищрений основных гносеологических направлений буржуазной философии, данное в «Материализме и эмпириокритицизме», имеет исключительное значение и для настоящего времени, ибо ничего принципиально нового буржуазная философия не выдвинула и не в состоянии выдвинуть.

III

По целому ряду общих философских вопросов спорят самые крупные представители современного естествознания. Да это и не удивительно, ибо крутая ломка старых представлений неизбежно приводит к необходимости ответа на некоторые общие вопросы науки и научного знания: на вопросы о реальности внешнего мира вне и независимо от сознания, об объективности нашего знания, о причинности, о роли и значении законов и т. д.

Проанализируем здесь взгляды по этим общим философским вопросам таких крупнейших ученых, какими являются *Планк*, *Эйнштейн*, *Джинс*, *Эддингтон*.

Планк хорошо известен не только как крупнейший физик, но также и как автор, много писавший по вопросам методологии естествознания вообще и физики в частности. Планк защищал, особенно в довоенный период, материалистическую, прогрессивную традицию в естествознании. Он вел в свое время специальную полемику с махизмом по вопросу о реальном существовании объективного мира. Его книжка «Физические очерки», переведенная на русский язык, статья «От относительного к абсолютному» в этом отношении имеют чрезвычайно большое значение. Однако после войны Планк все больше эволюционирует в сторону агностицизма и символизма. Отдельные неясности, агностические и идеалистические моменты, которые имели место в материалистический период его развития, получают все большее и большее распространение.

Он становится на точку зрения агностического различения чувственного мира и находящейся якобы «за чувственным миром» физической картины мира.

Во взглядах Планка есть много элементов историзма. Это, несомненно, выделяет его из среды других представителей теоретического естествознания. Однако и тут надо заметить, что его историзм—историзм имманентный, исходящий из внутренней логики развития естествознания.

Попытки некоторых «теоретиков» представить Планка чуть ли не диалектическим материалистом, у которого взгляды чуть ли не дословно совпадают с ленинскими взглядами, в частности по вопросу о соотношении абсолютной и относительной истины,— эти попытки достаточно уже были разоблачены как неправильные.

Нет возможности здесь останавливаться на всей эволюции Планка: это тема для специальной работы. Мы здесь остановимся на последней статье Планка, написанной им в 1933 г., в журнале «Scientia» под заглавием «Причинность в процессах природы». Эта статья представляет интерес как доказательство эволюции Планка в сторону неприкрытого агностицизма и прямой поповщины. Она показывает глубокую связь, которая существует между политическими взглядами Планка и его философскими позициями. Статья эта писалась как раз в тот период, когда в Германии к власти пришел фашизм и когда Планк в качестве председателя «Общества кайзера Вильгельма для поощрения науки» послал позорнейшее приветствие Гитлеру и призыв к ученому миру работать добросовестно во славу фашизма.

В этой статье Планк перед лицом той огромной индетерминистической литературы, которая получила особое распространение в последние годы, стремится в какой-то степени спасти *детерминизм*. Это обстоятельство как раз очень ясно обнаруживает всю половинчатость планковской позиции и вместе с тем те окончательные поповские результаты и выводы, к которым он приходит.

Планк, как большинство современных физиков, а также и философов-махистов, стоит на той точке зрения, что причина представляет собой точное предсказание. Он пишет: «То или иное событие причинно обусловлено в том случае, если оно может быть предсказано с уверенностью». И дальше: «Причинная связь— это однозначная динамическая связь двух единичных событий, дающая возможность по одному из них предсказывать другое». Ниже мы специально разберем вопрос о правильности такого *философского* определения причинности. Я подчеркиваю *философского*, ибо Планк тут не касается физического понятия причинности.

Планк, далее, принципиально разгораживает, как это опять-таки характерно для большинства естествоиспытателей, статистический метод и причинность, указывая, что статистический метод совершенно отличен от чисто причинного метода исследования. Ошибки Гейзенберга и его сторонников, пришедших к отрицанию закона причинности, он видит в том, что они соотношение неопределенности приложили к чувственному миру, между тем как это соотношение надо относить к находящейся «позади» чувственного мира физической картине мира. В своей статье он пишет: «Новая картина мира, квантовая физика возникли непосредственно

из потребности обеспечить проведение старого детерминизма при сохранении также и кванта действия. В этих целях тот элемент, который считался до сих пор первоначальным в нашей материальной картине мира,—материальная точка,—должен был лишиться своего первоначального облика: он растворился в целую систему материальных волн. Эти материальные волны и стали теперь элементами новой картины мира. Материальная же точка в старом смысле этого слова представляется теперь только лишь особым предельным случаем, мыслится в качестве бесчисленного малого пучка, импульс которого остается неопределенным при определенности положения точки, как это и требуется соотношением неопределенности Гейзенберга. Поскольку же речь идет об определении этой волны материи, в картине мира, начертанной квантовой физикой, господствует столь же строгий детерминизм, какой существовал в миропонимании классической физики. Все дело же в том, что мы пользуемся иными символами и оперируем иными методами подсчета».

В этом признании Планка, несомненно, намечается правильное разрешение острейшего вопроса современной физики. Верно, что индетерминизм, который не видит различий между формами движения материи и который пытается законы, относящиеся к дискретной материальной точке применить к электрону (т. е. к единству прерывного и непрерывного, волны и частицы), и в связи с этим приходит к отрицанию старых законов, верно, что этот индетерминизм неправ. Однако только намечающееся у Планка правильное решение вопроса затушевывается тут же его пониманием причинности как однозначной связи причины и действия, отождествлением детерминизма вообще с механической формой причинности. Поэтому его положительная попытка спасти в какой-то степени детерминизм перед лицом новейших проблем, поставленных физикой, терпит крах, ибо попрежнему он механическую форму причинности отождествляет с причинностью вообще.

К вопросу об объективном значении закономерностей в природе Планк считает нужным подойти с критерием истины, выводящим его по существу за пределы науки. Он указывает на то, что надо при помощи логической дедукции обосновать закономерность в природе. «Она,—пишет он,—может быть оценена и по степени своей внутренней истинности, т. е. по своему ценностному смыслу. Ценность, а не истинность должна быть мерилом для такого суждения».

Итак, Планк, как мы видим, переходит целиком на точку зрения неокантианства, подчиняя критерий истины критерию ценности. Планк обнаруживает здесь все свое идеалистическое падение.

В этой связи совершенно неудивительна его типично поповская точка зрения, которой он завершает свою статью. Он пишет: «Мы не можем отождествлять себя с идеальным духом. Мы обя-

заны склоняться перед ним и веровать в него. Научным образом его существование не может быть ни доказано, ни опровергнуто, но практически из предположения его существования проистекает возможность провести на деле строгий детерминизм по отношению ко всем событиям в мире—как физическом, так и духовном. Озаренные его всепроникающим всеведением, мы, люди, мыслим и действуем, согласно определенным, ему одному ведомым, законам».

Таковы важнейшие положения одной из последних статей Планка. Пример Планка является разительным примером кризиса, в котором находится современная буржуазная наука. Планк проделал эволюцию в сторону мистики, от материализма до агностицизма. Мы имеем у него противопоставление чувственного мира и мира логического, чувственного мира и так называемой физической картины мира. Мы имеем у него субъективно-эмпирическое и вместе с тем механистическое понимание причинности. Перед лицом ломки старых воззрений в связи с новейшими открытиями физики Планк полностью капитулирует перед поповщиной.

Известно, что Эйнштейн, автор теории относительности, подвержен сильному влиянию махизма и сам делает махистские выводы из своих научных открытий. Однако было бы неправильно рисовать взгляды Эйнштейна, как сплошь, от начала и до конца, идеалистические. Стихийный материализм естествоиспытателя прорывается довольно сильно.

Недавно, в 1933 г., в Англии вышла книга Планка «Куда идет наука». По типичню английскому обычаю к этой книге приложен от издателя так называемый «Сократический диалог» между Мэрфи, Планком и Эйнштейном. Поскольку к книге дается предисловие, написанное самим Эйнштейном, поскольку он не возражал нигде публично против взглядов, изложенных в этом диалоге от его имени, мы можем их считать соответствующими его точке зрения. В этом «Сократическом диалоге» мысли, излагаемые от имени Эйнштейна, представляют собой исключительный интерес. Согласно этому изложению, Эйнштейн выступает ясно и определенно *против индетерминизма* как понятия, которое, с его точки зрения, противно логике. Он выступает против свободы воли, как бессмыслицы, и притом *вредной бессмыслицы*. Он указывает, что все мнения о крахе причинности, которые получили такое распространение в настоящее время, обязаны своим существованием *устаревшей формулировке каузального принципа*. Он говорит, что старые представления о каузальном принципе, связывающие причины и действия так, как в свое время связывались события во время Галилея и Ньютона, в настоящее время не годятся. В связи с этим приводится в диалоге следующий пример: очень хорошо, говорится от имени Эйнштейна, когда мы имеем дело с простыми и примитивными композициями,

но употребляющиеся в них приемы не годятся для интерпретации фуги Баха. «Квантовая физика,—говорится далее в этом диалоге при изложении взглядов Эйнштейна,—предстала перед нами с очень сложными процессами, и для того чтобы справиться с ними, мы должны расширить дальше и уточнить наше понятие о причинности»[1]. Совершенно правильно, отмечает он также, что статистический метод исследования не является привилегией только квантовой механики. Он указывает на то, что и в биологии мы имеем применение с успехом этого метода и что биологические правила носили всегда статистический характер.

Далее там пишется: «Я нахожу, что проблема причинности, которая дискутируется сегодня в физике, не есть новое явление науки. Метод, который практикуется в квантовой механике, уже применялся в биологии, так как биологические процессы в природе не могли бы быть прослежены в них самих так, чтобы их связь была ясна, и поэтому биологические правила носили всегда статистический характер. И я не понимаю, почему следует поднимать такую суматоху, когда принцип причинности подпадает под ограничение в современной физике, ибо в этом вообще не заключается никакой новой ситуации»[2].

Таким образом, мы видим, что, согласно этому изложению, Эйнштейн выступает против идеалистической реакции современной физики, приводящей к индетерминизму.

Прекрасное выражение получает у него также и *уверенность* естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира. Мэрфи толкает его все время к отрицанию внешнего мира. Вот что на это отвечает Эйнштейн. Он говорит: «Никакой физик не верит в это. В противном случае он не был бы физиком. Этого не делали и физики, которых вы упоминали (речь идет об Эддингтоне и Джинсе.—*М. М.*). Вы должны различать между тем, что есть литературная манера, и тем, что есть научное заявление. Эти люди—подлинные ученые, и их формулировки не следует рассматривать как выражение их научных убеждений. Зачем станет кто бы то ни было беспокоиться и наблюдать за звездами, если он не верит в то, что звезды реально существуют там, где он их наблюдает? Я совершенно согласен с Планком в этом отношении. Мы можем логически доказать существование внешнего мира не больше, чем вы можете логически доказать, что я разговариваю с вами теперь или что я здесь. Но вы знаете, что я нахожусь здесь, и никакие субъективные идеалисты не могут убедить вас в противоположном»[3].

---

[1] *M. Planck*, Wher is science going? With, a preface by A. Einstein. Transl. and edit by L. Murphy, London 1933. Epilogue. A Socratis dialogue. Interlocutors: Einstein, Planck, Murphy, 204.

[2] *Там же*, стр. 209.

[3] *Там же*, стр. 213.

В этом замечательном рассуждении выражен стихийный материализм естествоиспытателя. Однако Эйнштейн непоследовательно проводит свою материалистическую точку зрения. В другом месте этой же беседы, несмотря на только что категорически высказанное утверждение о реальности объективного мира, он превращает мир в совокупность математических формул, не спрашивая (как он пишет) при этом, имеются ли и насколько имеются доказательства того, что закон причинности действует во внешнем мире.

Перейдем теперь к характеристике взглядов Джинса.

В своей статье «Математический аспект вселенной», напечатанной в журнале «Философия» (речь в Британском институте философии), Джинс дает картину математизации физики и превращения всего объективного мира в собрание математических формул. Он различает три эпохи в развитии науки: так называемую анимистическую, вплоть до Галилея и Ньютона, механическую— от Галилея и Ньютона вплоть до настоящего столетия, и математическую—от начала XX столетия до настоящих дней.

Он утверждает, что «именно в математической картине мира мы, наконец, приходим к точке зрения Беркли о том, что мир есть совокупность наших переживаний, о том, что естествознание создает такую картину мира, в которой исчезло все, кроме умственных понятий».

«Механическая концепция природы,—пишет далее он,—чрезвычайно хорошо годится для вещей и событий повседневной жизни, где мы не слишком далеко удаляемся от нашего дома, подобно тому, как для нужд повседневной жизни чрезвычайно хорошо годится концепция плоской земной поверхности. Но как только наука раздвинула диапазон своих исследований, проникая в самые отдаленные глубинные пространства и в самые сокровенные тайники атома, эта механическая концепция оказалась несостоятельной: она перестала вносить закон и порядок в явления природы и вместо этого внесла в них противоречия и нелепости».

Под видом критики механической картины мира Джинс пытается опровергнуть материализм вообще, ссылаясь на новейшие достижения физики. Под видом использования открытий современной науки Джинс старается «обосновать» мысль о математической структуре мира. «Исчезла материя, остались одни уравнения»,—эта формула очень хорошо передает суть воззрений Джинса. С удовольствием повторяет он положение Платона: «Бог вечно геометризирует».

Перейдем теперь к характеристике некоторых философских высказываний Эддингтона. В этом отношении крайне важной является его статья от 1933 г., напечатанная в английском журнале «Философия» под названием «Физика и философия». Он считает, что надо различать два мира: мир физический и мир обывательский. «В результате двух великих открытий,—пишет он,—

теории относительности и теории квант, мир физический и мир обывательский приобрели совсем разный характер». Правда, при этом Эддингтон стыдливо делает материалистическую оговорку о том, что между этими мирами должно существовать известное соответствие, ибо в противном случае это грозило бы опасностью для жизни. Стихийный материализм естествоиспытателя сказывается у него и далее. Так, например, в этой же статье он пишет: «Атомы и электроны достаточно реальны в обычном смысле этого слова; это значит, что мы имеем здесь дело не с галлюцинациями и не произвольными гипотезами,—по крайней мере таково мое убеждение». Несмотря на это статья в целом носит ярко выраженный идеалистический и агностический характер. Он утверждает, что у внешнего мира должны быть такие стороны, которые с неизбежностью недоступны физическим методам изучения. Он утверждает, что современная физика отказалась от детерминизма из-за его ненадобности.

Таковы некоторые *философские* высказывания крупнейших представителей современной науки. Основные тенденции развития естествознания и философии в условиях империализма, так ярко показанные Лениным в его книге двадцать пять лет тому назад, продолжают обостряться и в настоящее время. Рассмотренные материалы являются как бы специально подобранными историей иллюстрациями к характеристике отношения к философии буржуазных ученых, которые дают в своих работах Энгельс и Ленин. Ученые естествоиспытатели, поскольку они занимаются непосредственно своей специальностью, являются стихийными материалистами, ибо они изучают объективный, независимо от нашего сознания существующий мир, природу, они экспериментируют над этой природой. В силу же определенных классовых и гносеологических причин развития науки в буржуазном обществе они в большинстве случаев выступают носителями и рабами самых реакционных, самых консервативных философских взглядов, когда начинают заниматься общими философскими, мировоззренческими вопросами.

Из рассмотренного здесь материала видно, какое огромное значение имеет для науки теория познания *диалектического материализма*, какое громадное значение имеет материалистическая диалектика для выхода науки из методологического кризиса, для устранения противоречий между фактическим, реальным содержанием науки и общим философским мировоззрением. Только в условиях диктатуры пролетариата создаются материальные и идейные условия для такого выхода, для сознательного внедрения диалектического материализма в науку, для мощного расцвета науки на базе последовательного от начала до конца мировоззрения. Ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» в этом отношении имеет решающее значение.

IV

В своем докладе мы не намерены освещать все вопросы теории отражения, разработанные Лениным в его книге. Мы ставим перед собой задачу—осветить только некоторые проблемы отражения, имеющие особо важное значение именно для настоящего времени, в связи с теми вопросами, которые выдвинуты по преимуществу современным естествознанием.

Сжато сформулируем основные положения ленинской теории отражения.

Теория отражения присуща всякому материализму. В пределах материализма могут быть различия по вопросу о критерии правильности отражения, но признание того положения, что мысль, сознание есть отражение объективно существующей реальности,— это положение присуще всякому материализму. Кто отступает от этого положения, тот отступает от материализма вообще.

Теория отражения диалектического материализма представляет собой высшую ступень в развитии материалистической гносеологии и значительно отличается от материалистическо-метафизического решения этих вопросов.

С точки зрения материалистической диалектики, отражение рассматривается как исторический процесс познания общественного человека на основе его общественной практики, начинающийся с ощущения и кончающийся конкретным понятием диалектического материализма, воспроизводящим в мышлении действительность во всей ее конкретности.

Отражение, начиная с образа и кончая понятием, дает в субъективном объективную истину. При этом Ленин все время подчеркивал, что *наивное* убеждение человечества в существовании реального мира кладется *сознательно* диалектическим материализмом в основу его гносеологии. В «Десяти вопросах референту» Ленин указывал, что в основе теории познания диалектического материализма лежит признание внешнего мира и отражение его в человеческой голове.

Вся борьба, которую проводит буржуазная философия, начиная с неокантианцев и кончая интуитивистами и махистами, против материалистической гносеологии, направлена в основном против теории отражения, и это, конечно, не случайно, ибо по существу материалистическая гносеология есть гносеология отражения.

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» ведет борьбу против следующих разветвлений идеалистической постановки вопроса о соотношении бытия и мышления: против отождествления объективной реальности и ощущения (Базаров, имманенты, махисты) и против абсолютного принципиального разрыва ощущения и мышления от объективной реальности (агностицизм, Кант, Гельмгольц, ошибки в этом отношении в плехановской теории иероглифов).

В наши дни на точке зрения отождествления ощущения, представления, идеи—с объективной реальностью стоят те же имманенты, неореалисты вроде Лерда и др.; интуитивисты Бергсон, Лосский—неокантианцы, поскольку они окончательно очищают учение Канта от материалистических моментов, от так называемой «вещи в себе» (Коген, Наторп), и, само собой разумеется,—неогегельянцы. На точке зрения иероглифизма, символизма, агностицизма стоит другая группа неокантианцев, поскольку они не отрицают вещи в себе, а только отрицают ее познаваемость. Я имею в виду Риля, Кассирера и др. Сюда же можно отнести механистов, субъективистов, всю школу Пуанкаре и вообще современных философствующих физиков, поскольку они, не отрицая объективного существования природы, сводят познание к отвлеченным математическим символам. Разберем здесь несколько подробнее некоторые «аргументы» и «возражения» против теории отражения, которые приводятся в настоящее время современной философией и примыкающими к ним естествоиспытателями.

Основной аргумент всякого интуитивизма, имманентов и махистов против теории отражения, собственно, не нов и имеет довольно солидную историю. Этот аргумент был в свое время сформулирован еще Мальбраншем в его работе «Разыскание истины». Мальбранш ставил вопрос следующим образом: для того чтобы мы могли сравнить образ с предметом и вскрыть его сходство с ним, нужно, чтобы сам предмет в подлиннике был также дан сознанию. Но если мы имеем в своем сознании самый предмет в подлиннике, если у нас есть знание самого предмета как такового, то тогда нам его копия уже совершенно не нужна. Если же предмет нам в подлиннике не дан, то тогда образ не является уже образом, копия не является уже копией, а только чисто субъективным состоянием, только знаком, символом, иероглифом, не имеющим никакого сходства с предметом. (В скобках надо здесь добавить, что я передаю точку зрения Мальбранша на современном нам языке.)

Ничего нового, если рассмотреть все схоластические выверты современных идеалистических школ философии против теории отражения, по сравнению с тем, что было сказано Мальбраншем, ими не приводится. Либо интуитивизм, либо субъективизм и агностицизм—такова альтернатива современной трактовки учения Мальбранша. Но Мальбраншу было чуждо понимание действительной диалектики познания, и если эти «аргументы» могут иметь еще какое-нибудь значение против *метафизического* понимания познания, то эти аргументы не имеют никакой силы и никакого значения против диалектического материализма.

В самом деле, что утверждает диалектический материализм? Он утверждает, что мир существует до и независимо от сознания, но он нам в сознании не дан сразу, целиком и непосредственно.

Диалектический материализм, далее, утверждает, что познание есть процесс, который начинается с живого созерцания и в результате длительного развития переходит к абстракции, к углублению, к пониманию сущности предмета. Он утверждает, что понятие как субъективный образ вещей дает понимание объективного содержания человеческих представлений. Диалектический материализм не останавливается только в пределах сознания, что, собственно говоря, и проделал в своих так называемых «аргументах» Мальбранш. Материализм выходит за пределы ощущения, он исходит из причины представлений, т. е. объективного мира.

Диалектический материализм утверждает, что познание не есть мертвозеркальное отражение вещи, а что это есть процесс совпадения или соответствия копии с предметом, что само совпадение надо понимать исторически. Теория отражения вовсе не исходит из интуитивной данности предмета сознания, а ведь это является исходным пунктом всех рассуждений Мальбранша. В этом как раз вся ложь и вся фальшь этой постановки вопроса. Теория познания диалектического материализма утверждает, что данный сознанию предмет есть копия существующего вне сознания предмета.

Другой аргумент имманентов и всей идеалистической компании, который без конца повторяется во всех их работах, следующий: мыслимый нами предмет, раз он мыслится нами, не может мыслиться вне сознания как не данный сознанию. На этой точке зрения стоят все иммаиеиты: и Шуппе, и Ремке, и Авенариус, и интуитивисты—Лосский и др.

Это—повторение старого тезиса о том, что мы ограничены узким кругом содержания нашего сознания, что за пределы сознания мы не в состоянии выйти.

Среди «*аргументов*» современных идеалистов *против теории отражения* можно указать еще на аргументы, выдвигаемые *Артуром Либертом* в его книге «Теория познания». «Эта теория,—говорит он,—несостоятельна ни в физическом, ни в физиологическом, ни в психологическом, ни в логическом отношении. Между образом и отображаемым предметом должна была бы существовать сравнимость, соответствие. Между тем этого *соответствия* нет, поскольку действительность понимается как вещи, существующие в трехмерном пространстве и во времени, а *сознание*—как внутреннее понятие текущих воздействий этих вещественных явлений. С другой стороны, для самого акта познания являются неизбежным условием «*идеальные факторы* конструкции как единство, необходимость, причинность» и т. д., которые якобы лежат «по ту сторону» чувственного опыта. «Уверенность в соответствии» между образом и отражаемым не может быть дана самим чувством, опытом. Больше того, это «*соответствие*» *само означает «идею», априорный синтез*. «Существенный не-

достаток наивного натурализма раскрывается, другими словами, *в катастрофической недооценке спонтанейности сознания*, т. е. в несостоятельности утверждения о том, что познание и истина суть только *пассивные отражения* в будто бы пассивном сознании»[1].

Бергсонист и последователь Е. Дизеля Ф. Коттье в книге «Иллюзии науки» уделяет большое внимание опровержению теории отражения. Коттье берет под обстрел *материалистическую теорию отражения как основу научного физико-математического познания и технического прогресса*. Вместе с тем он подвергает критике «интеллектуалистические» теории «соответствия», как например *теорию изоморфии математика и физика Вейля и теорию знаков и символов*. «Бессмысленность всякой теории отражения и теории знаков в познании основана в конечном счете... на некритическом перенесении отношений, правомерного только *внутри* предметного мира и являющихся лишь *предпосылкой* акта познания, на внутреннее содержание и движущую силу знания, на отношение познающего сознания к действительности». В противовес как материалистической теории отражения, так и стыдливо материалистической теории соответствия, а также и агностической теории символических знаков *интуитивист* Коттье заявляет: «Не душевное является символом для материального, но материальное оказывается, будучи метафизически определено, символом, формой выражения для душевного»[2].

Известное, хотя и далеко не основное, значение в борьбе вокруг проблемы отражения в современной науке и философии имеет возникновение в последнее время теорий, пытающихся вывести все познание из функции какого-нибудь отдельного органа чувства. Теории эти возникли, *во-первых*, в результате дифференциации и раздробленности, наблюдающихся в буржуазной науке, *во-вторых*, в результате стремления обосновать качественное понимание явлений в противоположность переживающему кризис механическому пониманию, и, *в-третьих*, из мистико-натуралистических тенденций современной буржуазной, в особенности фашистской философии.

Гипостазируя отдельные органы чувств и отдельные способы восприятий в самостоятельные источники мышления, одни из этих теорий видят генезис и основу мышления в зрительных ощущениях—в оптике, другие—в осязательных восприятиях, в так называемой гаптике и т. д.

Гаптика—это учение, связанное с именем Дессуара, впервые введшего этот термин в 1892 г. в науку для обозначения области осязательных и сопутствующих им ощущений. Он различал чувство

---

[1] *A. Liebert*, Erkenntnistheorie, B. II. S. 137—138, Berlin, 1932. Подчеркнуто мною.—*М. М.*

[2] *F. Kottje*, Illusionen der Wiessenschaft, S. 104, 109, St.—Berl., 1931.

контакта, т. е. пассивное осязание (тактильные ощущения), и активное[1]. Гаптические ощущения—это, собственно, в отличие от тактильных, активные ощущения, связанные с хватанием.

Оптическая теория мышления связана в частности с феноменологической школой *Гуссерля*, пытающейся обосновать чистое, логическое познание на непосредственном «видении сущности». В психологии оптическую концепцию мышления развивает школа немецкого психолога *Иенша* в виде так называемой теории *эйдетики*, считающей *первичной основой всей психической жизни так называемые эйдетические образы*, т. е. оптические образы ранее виденных предметов, сохраняющиеся в сознании в том же самом резком, наглядном виде после акта непосредственного восприятия предмета. Эти образы занимают место посредине, между ощущением и представлением. Эйдетические образы, по мнению Иенша, преобладают в детском и юношеском возрасте.

В отличие от ньютонианского, механистического учения Канта о чувственном материале мышления, вытекающем из внешнего раздражения, которое эйдетика Иенша хочет «исправить», она считает, что «первоначальный результат раздражения вовсе не является чистым, еще не переработанным ощущением, но созерцательным образом, следовательно, феноменом, стоящим посредине между восприятием и представлением», который уже психически сформирован, с одной стороны, адэкватно объекту, с другой—адэкватно субъекту. Эйдетические образы вместе с тем указывают, с точки зрения Иенша, на порядок, выступающий в явлениях мира и происходящий якобы из сознания. Но первичным являются не «элементы» чувственного материала, содержащие объективную реальность, а целостность оптического созерцания.

Отсюда Иенш строит целую философию культуры, проникнутую духом фашизма. Так, он заявляет: «Нужно открыто сказать, что произведенное позитивизмом устранение из действительности мира ценностей явилось основной причиной европейской катастрофы»[2]. Наряду с позитивизмом, под которым Иенш, очевидно, подразумевает материализм и трансцендентальный идеализм неокантианцев, он рассматривает повседневную жизнь человека наподобие бездушной машины. Иенш кончает свой основной труд словами: «В заключение этой работы, которая посвящена психологии юношества, мы приветствуем *грядущее рыцарство*»[3]. В «третьей империи» Гитлера эта идеалистическая философия психологии используется по достоинству.

---

[1] Dictionary of Philosophy and Psychology by J. M. Baldwin, p. 441, New York, 1918.

[2] *E. R. Yaensch und Miltarbeiter*, Uber den Aufbau der Wahrnehmungswelt und die Grundlagen der menschlichen Erkenntnis, durch Aufl., т. I, S. 144, Leipzig, 1927.

[3] *Там же*, стр. 565.

О. Шпенглер различает два способа мышления: мышление глаза и мышление руки. «К «мышлению глаза»—понимающего, острого взора крупных хищников, присоединилось «мышление руки». Из первого развилось с тех пор теоретическое, обдумывающее, созерцательное мышление, «размышление», мудрость, из второго—практическое, деятельное, хитрость, подлинная «интеллигентность». Если там речь идет о причине и действии, то здесь—о цели и средстве. «Является ли нечто целесообразным или нецелесообразным—оценивающее суждение *деятельного* мышления—это не имеет ничего общего с истинным или ложным, с оценками обдумывающего мышления, с правдой. Цель есть *факт*, связь причины и действия есть *истина*. Так возникли различные способы мышления человека истины: священника, ученого, философа,—и человека факта: политика, полководца, купца». Мышление руки является, по Шпенглеру, основой развития народов или рас завоевателей, являющихся воплощением души гордого хищника, основой цезаризма[1]. Таким образом, и здесь гипостазирование отдельного органа чувств—в данном случае, если хотите, гаптического—используется для обоснования фашистской идеологии.

В этом кратком обзоре мы пытались охарактеризовать некоторые упражнения современной философии в вопросах гносеологии, все более тонкие ухищрения, все более тонкие способы и методы протаскивания и «обоснования» идеализма. По существу все эти упражнения не выходят за пределы рассуждений Беркли, Мальбранша и им подобных. *Идеализм ощущений одних заменяется идеализмом понятий у других, идеализмом «интуиции» у третьих и т. д. Велико разнообразие этих «теорий», но антиматериалистична линия у всех.*

В борьбе с махистами Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» поставил перед ними два кардинальных вопроса, которые являются убийственными для всякой махистской и вообще всякой идеалистической гносеологии, а именно: мыслит ли человек при помощи мозга и существовала ли земля до человека? Этими вопросами Ленин показал и доказал, что все гносеологические ухищрения идеалистической философии, в том числе и махистской, принципиально и глубоко расходятся с современным естествознанием.

В самом деле, когда Мах утверждает, что мышление не есть обиталище нашего мозга, что мозг не является носителем или инструментом мышления; что время и пространство суть только две системы ориентирующих ощущений, дающие возможность человеку приспособиться к среде, то такого рода утверждения кардинальным образом расходятся с основными принципами естествознания.

---

[1] O. Spengler, Der Mensch und die Technik, стр. 31 и сл. 1931.

Еще в свое время Плеханов в борьбе с махистами очень остроумно высмеял взгляд Маха на время и пространство как системы ориентирующих ощущений. Плеханов указывал, что если так рассматривать время и пространство, то естественно умозаключить, что когда не было ощущений, то, следовательно, не было времени и пространства. Отсюда Плеханов делал и дальнейший вывод: с точки зрения так называемой великолепной махистской философии было время, когда не было времени!

Когда Авенариус утверждает, что представление не есть функция мозга—ни физиологическая, ни психическая, ни психофизическая, то он повторяет Маха в этом вопросе.

Вряд ли требуется иллюстрация большего разрыва с наукой, чем та поповщина, которую развивали в своих работах и Мах и Авенариус.

Отвлекаясь немножко в сторону, надо сказать, что в учебнике по так называемому «Материалистическому пониманию истории» верный раб буржуазной философии—Макс Адлер разбирает специально эти два ленинских вопроса и отвечает на эти вопросы в типично махистском духе.

Макс Адлер пишет:

«Однако на этот вопрос (т. е. на вопрос, существовала ли земля до человека) можно ответить: действительно, земля существовала до человека, однако не до сознания. Ибо земля, возникновение и развитие земли и все пространственно-временное развитие до человека—не только содержание сознания, но и определения сознания, которые возможны исключительно благодаря формам сознания». Так думает «ученый» Макс Адлер.

Вряд ли надо опровергать эти софизмы профессорской «мудрости». Макс Адлер в данном случае типичный барон Мюнхгаузен, который хочет вытащить сам себя за свои собственные уши. Почтеннейший софист! Ведь прежде всего вам надо *доказать*, что время и пространство суть только формы сознания. Для того чтобы писать ваши дрянненькие книжки, вы должны ведь существовать в *объективном* времени и *объективном* пространстве.

Посмотрим, как он «разделывается» со вторым ленинским вопросом.

«Подобное же положение,—пишет он,—впрочем, с другим триумфальным вопросом: мыслит ли человек при помощи мозга? На это мы можем ответить: мышление как человеческое мышление, т. е. как психологический процесс, без мозга невозможно, хотя, однако, сознание как фундаментальная духовная своеобразность без мозга не только возможна, но и не может быть иначе понята, ибо мозг сам есть уже содержание, мысленное определение сознания. Сознание находит в качестве своего содержания, что человеческое мышление связано с мозгом». Далее он разъясняет, что мышление само *непосредственно*, что наше мышление о мозге

есть само чувственное восприятие, следовательно акт сознания. Нельзя сказать, чтобы эти рассуждения социал-демократического философа отличались хотя бы какой-нибудь вразумительностью. «Умный» Макс сам чувствует неловкость своего положения и на этом спешит поставить точку, чтобы перейти к следующей главе. При этом, однако, он дает длинное примечание, смысл которого в том, что трудности тут возникают только для тех, кто не стоит на «теоретико-познавательной» точке зрения», то-бишь на точке зрения критического идеализма.

В ленинских вопросах по существу конкретизируется основной гносеологический вопрос об отношении мышления к бытию. Как мы видели выше, современная буржуазная идеалистическая философия ничего нового по этим основным проблемам не выдвинула и не в состоянии выдвинуть. Она по существу повторяет старые махистско-авенариусовские пошлости. Ленин своими вопросами нанес решительный удар всей махистской концепции, вскрыл и во-очию показал все идеалистическое нутро этой философии.

V

Для нас, пожалуй, сейчас не столько важно разобраться во всех новейших ухищрениях и схоластических вывертах, которыми занимаются современные неомахисты по этому вопросу, сколько важно рассмотреть то новое, что дает естествознание по отношению к психофизической проблеме для настоящего времени.

После выхода в свет «Материализма и эмпириокритицизма» мы наблюдаем огромнейшее развитие как физиологии, так и накопления всякого рода психологических исследований, исключительно богатое накопление фактического, экспериментального и безупречно научного материализма, показывающего, насколько правильны материалистические позиции в этих вопросах.

Прежде всего, надо остановиться в этой связи на той роли, которую играют для материализма работы, посвященные объективному изучению высшей нервной деятельности.

В 60-х годах прошлого столетия величайший русский ученый Сеченов своей работой «Рефлексы головного мозга» положил начало объективному изучению физиологии высшей нервной деятельности, объективному изучению поведения высших животных. Полное торжество этого метода и этого направления мы получили в блестящих и многочисленных работах школы нашего академика И. Павлова. Павлов своими работами как бы специально представил огромный, исключительной научной ценности материал в ответ на ленинский вопрос о том, мыслит ли человек при помощи мозга. Трудно переоценить, все то громадное значение, которое имеют работы Павлова по изучению физиологии высшей нервной деятельности, по изучению условных рефлексов *для* естественно-научного *обосно-*

вания материализма. Своими работами Павлов нанес решительные удары по идеалистической интроспективной психологии. Своими работами он открыл блестящие перспективы дальнейшего изучения высших психических процессов, дальнейшего изучения материальной основы их. Учение об условных рефлексах, учение о роли коры полушарий головного мозга, о локализации раздражений в коре полушарий головного мозга дают богатый фактический, экспериментально неоднократно проверенный материал, показывающий всю правоту ленинской материалистической постановки вопроса.

В свете новейших работ жалким лепетом и ничтожными кажутся новейшие ухищрения идеалистической философии, всячески запутывающие эту ясную материалистическую линию.

Однако объективное изучение физиологии высшей нервной деятельности в настоящее время не исчерпывается этими блестящими работами академика Павлова. За последний период времени появился целый ряд работ в этом направлении. Недавно вышла у нас в русском переводе крупная работа Лешли «Мозг и интеллект». Этой своей работой Лешли независимо от всех тех выводов мировоззренческого порядка, из которых он исходит и к которым он приходит в результате своего исследования, доставляет огромный материал, опять-таки по вопросу, о котором говорилось выше.

Лешли в своей работе «Мозг и интеллект» показал исключительный динамизм и пластичность нормальной мозговой ткани. Его работа имеет важное значение и в смысле выяснения *целостности* работы головного мозга. Он показал на целом ряде экспериментальных данных то значительное соответствие, которое имеет место между размерами мозгового повреждения и степенью функционального расстройства в поведении животных. Лешли сам поставил перед собой задачу решительно дискредитировать традиционную механистическую точку зрения на локализацию мозговых функций. Его работы набрасывают контуры новой локализационной теории мозговых функций. В целом ряде опытов Лешли показал, что, например, разрушение зрительной области коры головного мозга приводит к *целому ряду* нарушений в области поведения животных, например, к потере способности к различению форм предметов, амнезии по отношению к навыкам, способности к различению яркости освещения предметов, к изменению в целом ряде незрительных операций. Если, например, простое ослепление крыс не влияет сколько-нибудь основательно на образование лабиринтных навыков, то разрушение зрительной области сказывается на изменении, как уже было выше сказано, и незрительных операций.

Отсюда Лешли делает вывод о том, *что данный участок мозговой* коры не только *функционально однозначен,* но и *функционально многозначен.* Работы Лешли в этом отношении углуб-

ляют наше познание и показывают всю сложную структуру мозга и всех тех операций, которые связаны с поведением животных.

Правда, Лешли тут впадает в другую ограниченность: он решительно выступает против механистической теории локализации и приходит к выводу о необходимости рассмотрения работы *мозга как некоего целого, мозга как органа интеллектуальных форм поведения. Он приходит к полному отрицанию всяких элементов локализации нервно-мозгового процесса.* Вот это, несомненно, является величайшей ограниченностью работ Лешли, и та полемика, которую по этому вопросу ведет с ним Павлов, вскрывает эту ограниченность.

В самом деле, работы по мозговой архитектонике показывают, что мозговая кора на всем своем протяжении расчленена на множество различно *сформированных* участков и что дробность *этой анатомической диференциации в общем значительно возрастает в филогенетическом ряду.* Кстати, следует при этом отметить, что вообще проблема развития совершенно выпадает во всех исследованиях Лешли, обнаруживая и вторую основную ограниченность его работы. Как свидетельствует наука, можно быть различного мнения о *резкости границ между соседними* архитектоническими участками мозга, но *оспаривать полностью и абсолютно наличие этих участков, их многочисленность, сводить всю кору головного мозга к некоему единому, недифференцированному целому совершенно нельзя.* Целый ряд исследований в области расстройства речи, в области восприятия, в области осмысленного действования обнаруживает, что эти расстройства закономерно связаны с преимущественным разрушением вполне определенных, а отнюдь не любых участков мозговой коры, и при этом у большинства людей—в левом полушарии.

Мы не можем здесь входить в детали и подробности исследования Лешли в области выработки лабиринтного навыка у крыс, важно только подчеркнуть, что объективный метод исследования Лешли обнаруживает развитие изучения роли мозговой деятельности и еще раз подтверждает материалистическо-диалектическую постановку этого вопроса.

Итак, с одной стороны, схоластическая, мистическая от начала до конца, кардинальным образом расходящаяся с современной наукой система взглядов у представителей идеалистической философии, и, с другой стороны—богатейший естественно-научный материал, подтверждающий наши позиции в этом вопросе.

В этих исследованиях, так же как и в других областях, наука стихийно вскрывает ограниченность механического материализма. Прогресс научных представлений идет необходимо и стихийно в сторону диалектического материализма. Однако переход к диалектическому материализму в силу уже рассмотренных выше причин классового и гносеологического порядка не происходит прямо, без

зигзагов. В этом процессе порождаются всякого рода идеалистические теории и выводы. Лешли, выступая против ограниченных механистических теорий, сам впадает в идеализм.

Теории развития, сознательно применяемой,—вот чего недостает всем этим научным исследованиям. Ясное философское мировоззрение, т. е. диалектический материализм, указывает надежный путь исследования, выводит науку из всякого рода тупиков и кризисов. Усвоение материалистической диалектики всей силой вещей ставится в порядок дня как важнейшая задача современности.

В этой связи важно вскрыть ошибочные философские позиции, которые имеют место в ряде упоминавшихся исследований. В большинстве исследований по физиологии высшей нервной деятельности и психологии существует огромная путаница по основному гносеологическому вопросу об отношении мышления и бытия, физического и психического.

В качестве яркого примера такой путаницы мы остановимся на некоторых работах.

Возьмем, например, работу профессора Иванова-Смоленского «Естествознание и наука о поведении человека». Вот что он пишет специально по вопросу о соотношении мышления и бытия психического и физиологического:

«Если мы во всех приведенных примерах попытаемся разделить в общепринятом смысле психическое и материальное, внешнее и внутреннее, то нам это не удастся. Во всех случаях перед нами будет сложная рефлекторная деятельность мозга, являющаяся выражением физико-химического взаимодействия человеческого организма и окружающей его среды. Таким образом, противопоставление «материального» и «психического» теряет всякий смысл. «Внутреннее» и «внешнее» получают новое содержание. Взаимодействие нервного аппарата с окружающей средой есть внешняя его деятельность. Взаимодействие мозга с физиологическими процессами, разыгрывающимися в теле, есть его внутренняя деятельность. Естественным образом объективное и субъективное при этом принимают характер общеобязательного для всех нормальных человеческих нервных систем и индивидуального, присущего лишь данной определенной нервной системе».

С точки зрения Иванова-Смоленского, теряет всякий смысл противопоставление физического и психического. Такое противопоставление, по его мнению, не что иное, как дуалистическая точка зрения. Он пытается эту якобы дуалистическую точку зрения преодолеть, и вот каким образом он это делает:

«Итак, принятое до сих пор дуалистическое, или, в лучшем случае, псевдомонистическое противопоставление внешнего, объективного, материального и внутреннего, субъективного, психического мы подвергаем сомнению, стремясь при этом найти надежные точки опоры для истинного нейро-биологического монизма».

Найдена новая, всеспасающая теория, преодолевающая дуализм, противопоставление психического и физического. Это теория нейро-биологического монизма.

Не вдаваясь сейчас в подробный разбор этой позиции Иванова-Смоленского, мы должны отметить, что, с философской точки зрения, она представляет яркий пример вульгарного упрощенчества, которое несколько лет тому назад у нас было выражено в «знаменитых» выступлениях не менее «знаменитого» Енчмена. Стремясь обосновать материалистическую концепцию последовательно от начала до конца, Иванов-Смоленский своим отождествлением психического и материального с другого бока подходит к идеализму. Но о существе этой теории—позже. Посмотрим, как ставят эти проблемы более крупные ученые. Обратимся к академику Павлову.

Выше отмечалось все огромное значение работ Павлова. Однако, будучи прекрасным, мирового значения физиологом, академик Павлов является плохим философом, и там, где он высказывается о философских проблемах, он впадает в целый ряд ошибок. Так, в последних своих сообщениях по физиологии и патологии высшей нервной деятельности, Павлов приходит к следующим, довольно четко сформулированным общим *методологическим* выводам:

1) истинно механическое толкование является идеалом естественно-научного исследования, к которому лишь медленно приближается наука и будет еще долго приближаться при изучении всей действительности;

2) принципиально возможно, даже необходимо—и это является идеалом научного исследования—свести все психическое без остатка к физиологическому, и

3) дальнейшее развитие науки как со стороны физиологии, так и со стороны психологии приводит к слиянию физиологического и психологического.

Приведем подлинные слова самого академика Павлова.

«Я убежден,—пишет он,—что приближается важный этап человеческой мысли, когда физиологическое и психологическое, объективное и субъективное действительно сольются, когда фактически разрешится или отпадет естественным путем мучительное противоречие или противопоставление моего сознания моему телу. В самом деле, когда объективное изучение высшего животного, например, собаки, дойдет до той степени (а это, конечно, произойдет), что физиолог будет обладать достаточно точным предвидением при всех условиях поведения этого животного, то что останется для самостоятельного отдельного существования его субъективного состояния, которое, конечно, есть и у него, но свое, как у нас—наше».

Эти положения и Иванова-Смоленского и академика Павлова, выходящие за пределы физиологии как науки и пытающиеся дать *общий философский ответ* на психофизическую проблему, явля-

ются сугубо ошибочными, расходящимися с точкой зрения диалектического материализма. Любопытнее всего то, что сами исследования академика Павлова обнаруживают и в дальнейшем еще сильнее будут обнаруживать всю неправоту этой его постановки вопроса, ибо все более глубокое и всестороннее раскрытие *материальной физиологической* основы психических процессов доказывает правоту диалектического материализма. Одно дело—физиологические исследования, идущие по пути полного раскрытия материальной основы психики, другое дело—основной философский вопрос о соотношении материи и мышления.

Вопрос о соотношении физического и психического—что то же материи и мышления, субъекта и объекта—является прежде всего *философским* вопросом, и он не может быть заменен или подменен какой бы то ни было отдельной отраслью знания.

Величайшее значение марксистской философии в истории человеческой мысли в частности состоит в том, что она указала единственно правильный и самый надежный критерий для определения философских систем в этом противопоставлении физического и психического. Еще Энгельс в своих работах указывал, что вопрос о соотношении мышления и бытия является таким вопросом, которого нельзя избежать ни при каких обстоятельствах и ни в каких областях исследований. Энгельс указывал, что это тот самый вопрос, который встает у дикаря, когда он начинает осмысливать свое положение в объективном мире, что это тот самый вопрос, который встает перед каждым научным исследователем вплоть до настоящего времени, когда он начинает теоретически размышлять над результатами своего исследования.

Эти положения Энгельса были расширены и развиты Лениным в борьбе с идеализмом и вульгарным материализмом. Важнейшие положения Ленина по этому вопросу сводятся к следующему. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин, возражая нелепому положению Дицгена о том, что чувственное представление материально, что дух не больше отличается от стола, света, звука, чем эти вещи отличаются друг от друга, указывал: «*Что мысль и материя «действительны», т. е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной—значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом*»[1].

Возражая против других неправильных положений того же Дицгена, Ленин указывал, что назвать мысль материальной—это значит отождествить материю и мышление, а ведь это является одной из исходных точек зрения всякой идеалистической философии. Ленин вместе с тем указывал, что различие материи и духа относительно и не чрезмерно, что только метафизический материа-

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 199—200. Подчеркнуто мною.—*М. М.*

лизм противопоставляет чрезмерно, в преувеличенном виде материю и мышление. К этому вопросу он неоднократно возвращается как в «Материализме и эмпириокритицизме», так и в своих «Философских тетрадях». Так, например, в IX сборнике он пишет по поводу одного из положений Гегеля:

«Мысль о превращении идеального в реальное *глубока:* очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды. Против вульгарного материализма».

И затем ленинское NB: «Различие идеального от материального тоже не безусловно, не чрезмерно»[1].

Таковы важнейшие ленинские положения по этому вопросу. С точки зрения философской, гносеологической, противопоставление материи и мышления является *абсолютно необходимым и абсолютно истинным,* это противопоставление как раз и является основой гносеологической, то-бишь, философской постановки вопроса.

Ленин пишет, что «это противопоставление не должно быть «чрезмерным», преувеличенным, метафизическим, это бесспорно (и в подчеркивании этого состоит большая заслуга *диалектического* материалиста Дицгена). Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой».

VI

Одним из важнейших пунктов дальнейшего развития материалистической теории познания, данной Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», является его известная постановка вопроса о философском и физическом понятии материи. Это различение Ленина есть результат применения диалектики к основному гносеологическому вопросу. Оно находится в неразрывной связи, вернее есть конкретизация ленинского решения вопроса об относительной и абсолютной истине.

Часто у нас в литературе можно встретить неправильные выводы, которые делаются из этого различения философского и физического понятия материи. Выводы состоят в том, что эти понятия вообще *принципиально* разграничиваются. Вопрос ставится таким образом, будто никакого отношения друг к другу эти понятия не имеют, что их можно вообще друг от друга оторвать.

Не нужно много аргументов приводить для того, чтобы стало понятным, что такой разрыв философского и физического понятия

[1] «Ленинский сборник» IX, стр. 59, изд. 2-е.

материи означает путь к идеализму. Поскольку наше мировоззрение есть итог, вывод развития науки, постольку оно не может не базироваться на данных науки, постольку разрыв философского и физического понятия о материи может означать только одно: отрыв философии диалектического материализма от конкретного знания. Понятно, что такая точка зрения не имеет ничего общего с марксизмом.

Вместе с тем нужно отметить, что различение философского и физического понятия материи, которое дано у Ленина, часто понимается в очень ограниченном смысле этого слова. Относят это различие только к *определению* материи, между тем как это различие у Ленина имеет значение не только для определения материи,—оно у него имеет большое *методологическое* значение. Оно является в известном смысле важнейшим методологическим принципом, базирующимся на применении теории развития к основному философскому вопросу. Этот ленинский методологический принцип относится ко всем законам диалектики, относится к проблеме пространства и времени и т. д. Можно сказать, что под этим углом зрения у Ленина в изложении и развитии теории познания диалектического материализма проводится разрешение всех вопросов, и этот принцип является одним из важнейших принципов, который дает возможность Ленину громить махизм и всякие идеалистические школы, по каким бы вопросам они ни выступали.

Возьмем для примера проблему пространства и времени. Базаров в своих статьях, направленных против диалектического материализма, касаясь проблемы пространства и времени, выставил положение о том, что взгляды Энгельса по вопросу о времени и пространстве уже устарели. Ленин указывает, что Базаров смешивает, так же как и все махисты, *изменяемость человеческих представлений или понятий о времени и пространстве,* их относительный характер *с неизменностью и абсолютностью* другого факта, что *природа существует во времени и пространстве.*

Ленин писал: «Может устареть и стареет с каждым днем учение науки о строении вещества, о химическом составе пищи, об атоме и электроне, но не может устареть истина, что человек не может питаться мыслями и рожать детей при одной только платонической любви»[1].

Теория относительности Эйнштейна привела к ломке старых представлений Ньютона о времени и пространстве. Развитие науки не исключает возможности дальнейшего уточнения и изменения наших понятий о времени и пространстве. Однако все те изменения, которые имели место, начиная с Галилея и Ньютона по вопросу о времени и пространстве, ни в какой степени не изменяют того факта, что время и пространство суть формы существования

[1] *Ленин,* Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 152.

самой материи, что в относительных представлениях о времени и пространстве, какими являются понятия Ньютона, а также и Эйнштейна, мы имеем объективное содержание, не зависящее ни от человека, ни от человечества, а именно, что все, что существует,—существует во времени и пространстве.

Ленинское различение философского и физического понятий материи применяется и конкретизируется им, как мы видим, и в данном вопросе. Ленин говорит: надо различать философское понятие времени и пространства, которое не означает ничего иного, как то, что время и пространство объективно, присуще самой материи, и ту или другую формулировку времени и пространства, которая дается на каждом определенном историческом отрезке времени естествознанием. Ленин указывает, что тот, кто смешивает эти понятия и—на том основании, что происходит ломка тех или других *относительных* понятий времени и пространства,—приходит к выводу о том, что *вообще* понятия времени и пространства устарели, тот явно приходит к идеализму, расходится с естествознанием.

Эта же постановка вопроса у Ленина имеет место и по отношению к проблеме причинности и по вопросу о законе и закономерности. Поскольку вопрос о причинности является одним из самых злободневных вопросов современной науки, мы остановимся на нем несколько подробнее. Ленин и в вопросе причинности требует различения *философского понятия причинности* как выражения объективных материальных связей и той или иной *конкретной формулировки причинных* отношений, даваемой в каждый данный исторический момент математикой, физикой или общественной наукой.

Ленин показывает, особенно в своих «Философских тетрадях», что развитие учения о причинности приводит ко все более глубокому и многостороннему его понятию. Между механистической трактовкой причинности, которая отражала состояние естествознания своей эпохи, в основном ньютоновского периода, и гегелевским понятием причинности, которое он дает в «Науке логики», существует уже огромная разница.

Точно так же надо сказать, что дальнейшее развитие учения о причинности мы имеем в работах Маркса и Энгельса и в работах Ленина. Их положение о том, что понятие причинности выражает лишь моменты всемирной связи и взаимозависимости событий, что оно выражает лишь отдельные определенные звенья в цепи развития материи, что понятие причинности есть лишь одна из форм закономерностей, выражающих, как и всякая другая форма, односторонне, отрывочно всеобщий характер мировой связи,—эти глубокие положения о причинности являются новым этапом в научном движении в этом вопросе.

Ленин показывает, что развитие наших понятий о причинности

обнаруживает углубление познания от внешности к субстанции. Ленин показывает, что материалистическо-диалектическое понятие причинности, базирующееся, с одной стороны, на научных достижениях середины XIX и начала XX столетия, а с другой стороны, до известной степени предвосхищающее и дальнейшие открытия в этом отношении, означает новую форму причинности, выражающую внутреннюю необходимую связь между причиной и действием.

Ленин, так же как и Энгельс, показывает, что практика, индустрия обнаруживают правильность именно нашего понимания причинных связей, ибо когда мы можем *искусственно* в нашей практике, при помощи индустрии, воспроизвести определенную цепь отношений между предметами, наблюдаемыми нами в объективном мире—естественно, то это обнаруживает, что между причиной и действием имеют место не только внешние отношения, а что здесь существует внутренняя необходимая связь, что нами эта необходимость познана.

Рассмотрим в этой связи некоторые потуги новоэмпиризма, тобишь, новомахизма, дать анализ причинности. Общей чертой, характерной для всех неомахистов при подходе к причинности, является следующая исходная позиция: они отождествляют причинность с нашей способностью предсказывать наступление тех или иных переживаний. Такое определение причинности дает Франк в своей книге: «Закон причинности и его границы». На этой точке зрения стоит и Шлик в своих многочисленных статьях по этому вопросу. На этой точке зрения стоит также и Планк и т. д.

Каким образом, например, Франк анализирует понятие причинности? Он указывает, что закон причинности опирается на повторение одинаковых понятий, когда, например, всякий раз за определенным состоянием «а» следует одно и то же состояние «б». Франк утверждает, что закон причинности, собственно говоря, этим ничего не предсказывает, ибо тут никакого закона еще усмотреть нельзя, ибо ниоткуда не следует, что всегда состояние «б» будет следовать за состоянием «а», сколько бы раз мы такое следование ни наблюдали. Это типично юмистская трактовка проблемы причинности, и ничего нового в этом отношении неомахисты не прибавляют. Вывод, к которому приходит Франк в своей книге, следующий:

«Если поставить вопрос, действительно ли закон причинности имеет силу в природе, то, как ни вертеть эту проблему, мы всегда придем к тому, что решение этого вопроса невозможно».

Он утверждает, что только с точки зрения школьной философии, или, по его терминологии, догматической философии, имеет смысл ставить вопрос о том, господствует ли в природе строгая причинность. С точки зрения махистской философии, истинным или ложным могут быть только высказывания о самих пережива-

ниях, а в сфере переживаний, без сомнения, с точки зрения Франка, нет строгой причинности.

Таковы же доводы Шлика и всяких других идеалистических философов, им же несть числа.

По мнению Шлика, вместо понятия причинности в науке надо употреблять понятие функциональной зависимости. Он пишет:

«Нужно не говорить о причинах и действиях, а говорить только о функциональных отношениях, измеряемых количеством».

Закон, по мнению Шлика, есть формула, позволяющая нам делать правильные предсказания, но мы никогда не можем быть уверенными в том, что все предсказания, вытекающие из какого-нибудь закона, окажутся правильными.

Вот вам релятивистская точка зрения, от начала до конца проникнутая неверием в силу нашего познания, сводящая познание только к описанию наших переживаний, типично махистская точка зрения по вопросу о причинности. Ничего нового современные неомахисты не выдвигают по сравнению с тем, что о причинности было написано Пуанкаре, Пирсоном, Махом и Авенариусом.

Как разоблачал Ленин эту постановку вопроса, исходя из своего методологического принципа о различии философского и физического понятия материи? Ленин указывал, что мы вовсе не отрицаем, что причинность, закон, закономерность и т. д., господствующие в природе, могут быть выражены при известных условиях, скажем, математически, определенным функциональным соотношением. Ленин считал, что с точки зрения диалектического материализма нет никаких оснований возражать против изменения понятия закона и причинности, которая имеет место в историческом развитии наук. Но при этом Ленин указывал:

«Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле,—а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины»[1] и т. д.

Как и в других вопросах, рассмотренных нами выше, основным для Ленина является проведение четкой линии материализма. Как и выше было показано на проблеме пространства и времени, Ленин все время настаивает на различении основного гносеологического вопроса и исторического подхода к относительным понятиям закона причинности, которые имеют место в науке в каждый данный исторический момент.

Все то, что мы здесь привели в качестве примера по отношению

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 131.

к пространству и времени и к проблеме причинности, может быть применено по отношению ко всем другим законам диалектики: и по отношению к закону перехода количества в качество и обратно, и по отношению к закону единства противоположностей и т. д. и т. д.

Глубокий историзм ленинской постановки вопроса не только дает возможность выхода из тупика, в который зашли представители идеалистической философии и естествознания,—это, с другой стороны, программа действительной работы в области философии марксизма по изучению исторического развития наших понятий в познании объективного мира. Хотя Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» не сформулировал еще вопроса о том, что диалектика и есть теория познания, что было им сделано несколько позже в его «Философских тетрадях», однако вот эта историческая постановка вопроса о философском и физическом понятии материи, рассмотренная здесь, целиком и полностью подводит к этому пониманию диалектики, данному Лениным в «Философских тетрадях».

В этой связи стоит и вопрос об объективности познания. Многие крупнейшие представители естествознания, находясь целиком на махистской точке зрения, не могут не понимать, что эта точка зрения, сводящая по существу всю науку к фикции, заводит их далеко в сторону от действительной науки. Они пытаются поэтому найти какие-то основы для объективного смысла науки, объективного значения знания. В этом отношении характерны высказывания таких крупных ученых, какими являются Гааз и Планк. Приведем сначала их высказывания, а потом проанализируем всю ту путаницу и неясность, которые у них в этом вопросе имеются.

Гааз в своей работе «Волны материи и квантовая механика» писал следующее:

«Взгляд назад на историю теоретической физики показывает, что сущность физического прогресса заключается в постепенном освобождении физики от чисто человеческих точек зрения. В этом смысле годы, когда появились работы Дебройля, Шредингера, Гейзенберга, Дирака, следует считать периодом прояснения, который дал физике очень много для преодоления привычных предрассудков».

Итак, с точки зрения Гааза, развитие физики, которое имело место за последний период времени, свидетельствует о том, что происходит якобы освобождение наших понятий от чисто человеческих точек зрения. В этом духе Гааз пытается истолковать так называемый принцип неопределенности Гейзенберга.

Приведем еще мнение Планка по интересующему нас вопросу. В цитируемой выше статье Планк ставит также и вопрос об объективной значимости научных понятий и научных абстракций.

«Так как исходный пункт,—пишет он,—для каждой науки в

человеческой жизни, то все понятия как естественных, так и общественных наук,—собственно наук о духе, а также философии, вытекают из определенных человеческих переживаний, и только затем, уже путем последовательных абстракций и обобщений они постепенно развиваются во все более совершенной чистоте».

Вот в этой логической очищенности от чувственного опыта и заключается для Планка сущность объективного знания.

«В этом процессе абстракции в качестве идеальной, практически никогда недостижимой цели, перед нами стоит полное освобождение от всяких антропоморфных примесей и несовершенств».

Итак, идеалом научного знания, с точки зрения Планка, является полное освобождение от всяких антропоморфных примесей и несовершенств.

В этих положениях и Гааза и Планка, собственно, ничего нового нет. Это положения, которые характерны вообще для идеалистической, а в том числе и для махистской философии. В свое время Базаров, занимаясь этими вопросами, считал, что всякая наука и всякое научное понятие тем и отличаются, что они есть субъективные понятия, и на этом основании он делал вывод о том, что нельзя переходить от этих понятий к некоему реальному бытию, существующему за этим непосредственно данным.

Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», разбирая эту путаницу Базарова, указывает:

«Энгельс не говорит сам, и не приписывает даже своему врагу, агностику, такой бессмыслицы, как «*субъективные*» чувства. Иных чувств, как человеческих, т. е. «субъективных»,—ибо мы рассуждаем с точки зрения человека, а не лешего,—не бывает. Вы начинаете,—говорит он,—опять подсовывать Энгельсу махизм: дескать, агностик считает чувства, точнее: ощущения *только* субъективными»[1].

Итак, Ленин подчеркивает, что важнейшим положением в марксистской философии является следующее: человеческое познание является субъективным познанием, ибо иного познания, поскольку речь идет о человеке, нет и быть не может. Однако, несмотря на то, что всякое познание в этом смысле является субъективным, человеческим, оно в состоянии давать объективную истину. Ленин далее писал:

«Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин»[2].

В этих положениях дано глубочайшее разрешение вопроса о соотношении субъекта и объекта, субъективного и объективного. Люди, путающиеся и не разбирающиеся в существе научного позна-

---

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 92.
[2] *Там же*, стр. 110.

ния, могут твердить только о субъективности или же только об объективности истины. В самом деле, постановка вопроса, которую мы имеем у Гааза и Планка, их стремления освободиться от всяких антропоморфных моментов в познании есть подмена одного вопроса другим, подмена вопроса о том, что наше познание есть только отражение объективного мира, другим вопросом,— насколько субъективное на каждом данном этапе исторического развития знание может точно отображать объективную истину. Только метафизическая постановка вопроса о субъекте и объекте может приводить к попыткам такого обоснования познания, которые имеются у Гааза и у Планка.

Диалектики в соотношении субъективного и объективного—вот чего не хватает агностикам, субъективистам, так же как имманентам и всяким другим представителям идеалистической философии. Ленин неоднократно подчеркивает, что ощущение и вообще познание *и* субъективно *и* объективно. Ленин подчеркивает, как мы видим, что субъективность не следует абсолютно противопоставлять объективности. Ленин указывает, что диалектическое понимание соотношения между субъектом и объектом включает в себя понимание субъекта как субъекта исторического и объекта как исторически развивающегося. Вот этого понимания вопроса об объективной диалектической связи и взаимодействии субъекта и объекта совершенно нехватает представителям идеалистической философии.

Подход к познанию как процессу, правильное понимание критерия истинности, дает совершенно ясный ответ и выход из всех тех тупиков, в которые попадают идеалисты. Обычно приводится место из «Философских тетрадей» Ленина, где Ленин характеризует процесс движения познания, а именно движение познания от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него обратно к практике, и это положение трактуется в том смысле, что практика есть *только* конечный пункт и результат познания. Такая точка зрения совершенно расходится с ленинской постановкой вопроса о практике. Ленинская постановка вопроса о практике как о критерии истины означает, что практика есть и исходный пункт сознания, что практика имеется в каждом шаге движения познания от ощущения к абстрактному мышлению и что практика есть конечный результат.

Именно развернутое им понимание практики *и* как критерия истины, *и* как исходного пункта, *и* как конечного результата научного познания прекрасно дополняет и вместе с тем освещает всю ленинскую постановку вопроса о соотношении субъективного и объективного момента в познании.

Остановимся еще в этой связи на принципе неопределенности Гейзенберга и на тех агностических выводах, которые из него делаются.

«Отношение неопределенности» (или «отношение неточности», Гейзенберг употребляет оба термина) было формулировано Гейзенбергом в 1927 г. Гейзенберг указал на то, что определение местоположения мельчайших частиц может быть дано в лучшем случае только с точностью такого порядка, который выражается длиной световой волны, применяемой для фотографирования данной частицы. Но чем меньше длина световой волны, тем больше неподдающееся учету воздействие световых квант на частицу, которое неподдающимся учету образом изменяет *скорость* рассматриваемой частицы. Таким образом, чем точнее мы определяем местоположение частицы, тем менее точно известна нам ее скорость, и наоборот. Это обстоятельство Гейзенберг и назвал «отношениями неточности», которые он выразил в виде математической формулы, куда входят «рассеяние» (или неточность) при определении местоположения, «рассеяние» при определении скорости, масса исследуемой частицы и планковский «квант действия». При достаточно большой массе исследуемого тела «отношение неточности» превращается в исчезающе малую величину, и им вполне можно пренебречь. Но при очень малых массах это отношение таково, что оно делает невозможным точное предсказывание результата какого-нибудь *отдельного* опыта над «поведением» того или другого электрона. Однако по формуле Гейзенберга можно вычислить *средние* значения для обоих рассеяний, а стало быть, и среднее значение для результата целого *ряда* одинаковых опытов.

В этих рассуждениях Гейзенберга, несомненно, имеется рациональное зерно. Однако он сам дает идеалистическую трактовку своего открытия и тем самым извращает его смысл. Гейзенберг заявляет: «Современная атомная физика трактует не о сущности и строении атомов, а о тех явлениях, которые мы воспринимаем, когда наблюдаем атомы»[1].

Современная физика в своем развитии, в частности в работах Гейзенберга, вплотную подошла к тому, чтобы учитывать то *взаимодействие*, которое имеет место между изучаемыми ею объективными материальными процессами и аппаратом наблюдения. Постановка этой проблемы—великое достижение науки. Здесь имеет место глубоко диалектическое взаимоотношение между наблюдаемыми объектами и наблюдающим субъектом с его вспомогательными аппаратами и инструментами, которые сами составляют часть объективного материального мира. Сознательное учитывание этого взаимодействия должно в огромной степени углубить и расширить наши познания объективного мира. Вместо того чтобы подойти к этому вопросу с этой единственно научной точки зре-

---

[1] *Гейзенберг,* Закон причинности и квантовая механика, журн. «Эркенптнис» № 2—3 за 1931 г., стр. 182.

ния, Гейзенберг и другие буржуазные ученые пытаются истолковать факт углубления нашей постановки вопроса о знании объективного мира в духе агностицизма и идеализма. Из того, что мы наблюдаем электроны при помощи нашего глаза, при помощи световых лучей, при помощи фотографической пластинки, отнюдь не следует, что мы изучаем не объективную структуру атома, а лишь наши восприятия, что объективная структура атома для нас навеки непознаваема и т. д. В сущности говоря, Гейзенберг и др. лишь повторяют старый *софизм* идеалистической философии, состоящий в том, что «ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира»[1].

Равным образом открытие границ для того или иного *способа* измерения и *наблюдения* явлений отнюдь не дает права заключить, что за этими границами лежит область, *принципиально* недоступная нашему познанию. Уже самое познание *границы* ставит вопрос о переходе через эту границу. Если наука в настоящий момент не умеет учитывать возмущающее влияние средств наблюдения на объект наблюдения, то это не значит, что в будущем она не найдет таких методов, которые позволили бы все точнее и точнее учитывать это влияние. Если нельзя делать это прямым путем, то наука найдет тот или иной *косвенный* метод для учета возмущающего влияния средств наблюдения на объекты наблюдения.

Прошло 25 лет с тех пор, как вышла в свет книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Изучая эту книгу, каждый чувствует ее огромное влияние, ощущает всю убедительность, силу, свежесть ее мыслей. Пройдут еще многие десятки и сотни лет, а эта книга будет дышать все той же свежестью и будет действовать на мысль миллионов людей, воспитывая все новые и новые кадры в духе диалектического материализма.

Почему так сильно влияние этого произведения? Потому, что оно дает классическое изложение и развитие марксистской философии. Это произведение дает нам несокрушимое идейное оружие не только для того, чтобы понимать мир, но и для того, чтобы его *изменять*. Это неувядаемое произведение является величайшим образцом человеческой мысли. Глубина и гениальность этой работы ставят книгу «Материализм и эмпириокритицизм» в один ряд с такими работами, как «Капитал» Маркса, «Анти-Дюринг» Энгельса. Это произведение будет вечно жить потому, что оно наполнено революционным вдохновением, потому, что в нем выражены единство, цельность, отточенность пролетарского мировоззрения эпохи ожесточенной борьбы за коммунизм, против эксплоататорского общества. Каждый вопрос, который Ленин в этом произведении ста-

[1] *Ленин*, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 41—42.

вит и разбирает, он доводит до разрешения с предельной ясностью. Каждое научно-философское положение насквозь насыщено революционной практикой. Эта книга вселяет в читателя бесконечную враждебность к метафизике, к идеализму, к каждому проявлению поповщины.

Двадцать пять лет назад Россия была страной самой мрачной и дикой реакции. «Столыпинские галстуки» были пущены в ход против рабочего движения. Все силы военно-феодального режима были мобилизованы для искоренения марксизма. Марксизм казался уничтоженным. Внутри пролетарского лагеря нашлись люди, которые поддались буржуазному влиянию и выступали с критикой марксизма.

Диалектика истории, однако, такова, что бывшая царская Россия под руководством коммунистической партии превратилась в могучую социалистическую родину, ведомую лучшим ленинцем, вождем пролетариата—великим Сталиным! Марксистское мировоззрение является господствующим мировоззрением в нашей стране. Дело марксистской философии стало делом миллионов трудящихся. Можно ли сомневаться в том, что победа марксизма обеспечена во всем мире, в частности в той стране, в которой марксизм родился!

«Под знаменем марксизма» № 4 за 1934 г.

СТАЛИН И МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

I

Одним из лучших выражений наших побед в области социалистического строительства, невиданного подъема трудовых масс, роста и укрепления их социалистического сознания, их безграничной поддержки и доверия нашей партии является массовый, миллионный трудовой поход имени XVII съезда. Каждый шаг роста социализма и нашего движения вперед означает раскрытие, развертывание все новой и новой энергии трудящихся масс Советского Союза. Творчество миллионов представляет собой важнейшее обстоятельство и одну из основ нашего развития. Страна живет пафосом строительства и пафосом освоения. Мы имеем огромное улучшение материального положения рабочих и колхозников и на этой базе колоссальный культурный рост их, рост культурных потребностей. Происходит небывалое развитие культурной революции. *Наступает период мощного расцвета науки, техники, искусства, литературы.*

Октябрьская революция ликвидировала антагонистическое противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Могучий размах в развитии социалистических производительных сил создает необходимые основы и условия для ликвидации вековой противоположности между городом и деревней, противоречия между умственным и физическим трудом.

«Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего»[1],—писали Маркс и Энгельс. Эта великолепная характеристика подтверждается всем ходом нашего развития. Коммунизм, этот «энергический принцип ближайшего будущего», поднимает, будит, раскрывает находившуюся под спудом энергию, творчество миллионов, массовое творчество. Таланты,

[1] *Маркс и Энгельс,* Соч., т. III, стр. 632.

которые душил, мял капитализм, получают в условиях диктатуры пролетариата и периода социализма возможность могучего развития. Массовое порождение коммунистического сознания происходит в практическом движении социалистической революции, в гигантской стройке социализма, в росте социалистических производственных отношений, в классовой борьбе с остатками капиталистических элементов, упорно сопротивляющихся социалистическому наступлению.

Тезисы о второй пятилетке, опубликованные к XVII съезду партии, представляют собой исторические документы исключительного значения. Могучая симфония социалистических побед, твердая уверенность рабочего класса в своей окончательной победе звучат из сухих цифр каждого тезиса по докладам тт. Молотова и Куйбышева; твердая уверенность в творческих силах рабочего класса, верные организационные пути, обеспечивающие новые победы, звучат из простых, ясных слов, из каждого положения тезисов по докладу т. Кагановича. Огромная по своему размаху, по объему работ, по глубине перестройки задача—*завершение технической реконструкции всего народного хозяйства* и на этой материальной базе проведение полной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, установление единого социалистического способа производства как единственного способа производства—по плечу пролетарскому классу, находящемуся под руководством такой партии, как наша партия, имеющему такого великого вождя, как товарищ Сталин.

«Коммунизм,—писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» (в 1845 г.),—отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в основе всех прежних производственных отношений и отношений общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих людей, лишает их стихийности и подчиняет их мощи объединившихся индивидов»[1].

Конкретно разработанный *план* второй пятилетки, план завершения технической реконструкции страны, является великолепной иллюстрацией этих положений двух гигантов теоретической мысли и революционной практики. Конкретный план пролетарской диктатуры—установление единого социалистического способа производства в такой стране, как Советский Союз, означает огромный шаг вперед в деле ликвидации стихийных закономерностей общественного развития, полное уничтожение у нас остатков всякого проявления анархии капиталистического строя, подчинение общественного развития сознательному плану и мощи «объединившихся индивидов».

Не имеющие примера и не сравнимые ни с чем победы рабо-

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. IV, стр. 60.

чего класса нашей страны по основательности перестройки всех общественных отношений—настоящий триумф ленинизма, ибо учение Ленина, ибо ленинская политика нашей партии—решающее условие всего этого процесса.

Ленин принадлежит к таким историческим фигурам, роль и гигантское значение которых вырисовываются все больше и больше по мере того, как проходит время со дня его смерти.

Какой силой и мощностью должно обладать марксистское учение, которое имеет таких представителей, таких последователей, всесторонне развивших это учение, как Ленин и Сталин.

Период, протекший со дня смерти Ленина, гигантского теоретика и практика рабочего движения, ознаменовался событиями огромнейшего исторического масштаба—великими классовыми битвами, общественными изменениями и политическими сдвигами. Эти события потребовали от нашей партии, от руководителя партии товарища Сталина дальнейшего теоретического и практического развития ленинизма.

В международной жизни мы имели за одно десятилетие такие события, как развитие временной относительной стабилизации капитализма, расцвет американской промышленности («просперити»), затем крах этой стабилизации, беспримерный экономический кризис капитализма на базе его общего кризиса. Колоссальное обострение противоречий между империалистическими государствами, военная горячка в области вооружений, охватившая весь капиталистический мир, свидетельствуют о том, что мир идет к новым империалистическим войнам, что в настоящее время мир уже вплотную подходит ко второму туру революций и войн. Мы имели исключительное по своему масштабу развитие рабочего движения, которого не знала история до империалистической войны и в первый период после империалистической войны. Напомним такие события, как всеобщая стачка в Англии, как баррикадные бои в Вене, Берлине, Гамбурге, такие революционные движения масс, как испанская революция, революционное движение на Кубе, восстания в английском и голландском флотах и т. д.

Что весьма характерно для этого периода—*это особый размах национально-колониального революционного движения*. Мы имеем национально-революционное движение в Турции, огромнейшего масштаба народную революцию в Китае, гигантское национально-революционное движение в Индии. *На огромной территории Китая прочно утвердилась советская власть*, отразила с успехом шесть походов нанкинского правительства против нее, расширяет свою территорию и идет к новым победам.

Один только перечень этих процессов говорит об исключительных по своей насыщенности, по своему масштабу революционных событиях, сдвигах, классовых битвах, которые характеризуют современную эпоху, период, прошедший после смерти Ленина.

Однако эта характеристика ни в какой степени не может исчерпать положения дел, если не проанализировать одновременно *основное противоречие,* которое существует в настоящее время,— противоречие между страной диктатуры пролетариата и капиталистическим миром.

Если вкратце перечислить то, что мы имеем в стране диктатуры пролетариата за этот период, то опять-таки придется отметить события крупнейшего, поистине мирового значения. Здесь надо сказать о проведенной индустриализации нашей страны, о коллективизации, о ликвидации кулачества как класса, о развернутом наступлении социализма по всему фронту, об успешном окончании первой пятилетки в четыре года, о вступлении во вторую пятилетку, о построении фундамента социалистической экономики, о вступлении в период социализма.

Важнейшим моментом, характерным для всего этого периода, является великая борьба, проведенная партией под водительством товарища Сталина, за чистоту ленинского учения, разгром контрреволюционного троцкизма, контр-революционной троцкистско-зиновьевской оппозиции, правого оппортунизма, разгром всякого рода меньшевистских и меньшевиствующих теорий на различных участках теоретического фронта.

Мы одержали крупнейшие победы за десять лет, протекшие со дня смерти Ленина. Основным моментом, определяющим эти победы, является наша могучая партия и ее правильное ленинское руководство. Товарищ Сталин указывал на XVI съезде партии, что наши победы одержаны под знаменем ленинизма и что под знаменем ленинизма мы будем в дальнейшем одерживать не только у нас, но и во всем мире еще более гигантские победы, ибо это учение дает возможность раскрывать самые глубокие закономерности, основы исторического движения классов, масс, возможность правильно руководить пролетарским движением в борьбе за победу коммунизма.

Именно в силу природы нашего теоретического оружия, благодаря основе и величайшему содержанию марксистско-ленинского учения его ведущие представители отличаются особыми чертами.

Товарищ Сталин в своей работе о Ленине, характеризуя вождя пролетарской партии, писал следующее: «В наше время пролетарской революции, когда каждый лозунг партии и каждая фраза вождя проверяется на деле, пролетариат предъявляет своим вождям особые требования. История знает пролетарских вождей, вождей бурного времени, вождей-практиков, самоотверженных и смелых, но слабых в теории. Массы не скоро забывают имена таких вождей. Таковы, например, Лассаль в Германии, Бланки во Франции. Но движение в целом не может жить одними лишь воспоминаниями: ему нужны ясная цель (программа), твердая линия (тактика).

Есть и другого рода вожди, вожди мирного времени, сильные в теории, но слабые в делах организации и практической работы. Такие вожди популярны лишь в верхнем слое пролетариата, и то лишь до известного времени; с наступлением революционной эпохи, когда от вождей требуются революционно-практические лозунги, теоретики сходят со сцены, уступая место новым людям. Таковы, например, Плеханов в России, Каутский в Германии.

Чтобы удержаться на посту вождя пролетарской революции и пролетарской партии, необходимо сочетать в себе теоретическую мощь с практически-организационным опытом пролетарского движения»[1].

Так характеризует Ленина товарищ Сталин. Таков стиль вождя—подлинно марксистского, подлинно большевистского. Сочетание теоретической мощи с практически-организационным опытом пролетарского движения—это то, чем характеризуются такие вожди, как Маркс и Энгельс, как Ленин, такой вождь пролетарской революции, как Сталин.

Действительно, деятельность товарища Сталина дает нам яркий образец сочетания *огромной теоретической мощи с исключительным по своему объему и размаху практически-организационным опытом пролетарского движения*. Это одна из характерных черт всей теоретической и практической деятельности товарища Сталина.

Неоднократно товарищ Сталин писал о том, что диалектика—живая революционная душа марксизма. Товарищ Сталин является крупнейшим воинствующим материалистом-диалектиком нашей эпохи, двигающим вперед материалистическую диалектику во всех направлениях. Рассмотрение вопросов материалистической диалектики в работах товарища Сталина представляет собой крайне актуальную и благодарную задачу, ибо на примерах практического и теоретического разрешения им вопросов пролетарской революции мы должны научиться «диалектическому искусству революции». Работы товарища Сталина являются примером применения марксистского метода к анализу крайне сложной действительности, борьбы классов и вместе с тем примером дальнейшего теоретического развития марксовой диалектики. Тема «Сталин и материалистическая диалектика» настолько огромна, так глубока по своему содержанию, что в данной статье можно сделать только первоначальную, неполную попытку постановки этих вопросов. Проанализировать хотя бы некоторые вопросы материалистической диалектики в работах товарища Сталина—дело большой сложности, ибо замечательная простота, ясность, чеканность этих работ представляют собой результат предварительно уже проведенной огромной, гениальной теоретической работы по осмысливанию

[1] *Сталин*, О Ленине, стр. 22—23, 1934 г.

законов развития объективной действительности с точки зрения всего мирового опыта пролетарского движения, воплощенного в учении ленинизма.

II

Наш подход был бы совершенно неправильным, если бы мы попытались, ставя проблему диалектики в работах товарища Сталина, подходить к ней с точки зрения тех или других отдельных категорий диалектики и нанизывать на эти категории конкретный исторический материал, который освещен в работах товарища Сталина Задача, наоборот, заключается в том, чтобы проанализировать *существо* проблем и вопросов, которые товарищ Сталин разработал, и на основе этого показать, что «душой» при разработке их является материалистическая диалектика, хотя в большинстве случаев товарищ Сталин как раз об этой диалектике при разрешении вопросов меньше всего говорит или совсем не говорит.

Именно такой подход к делу является наиболее правильным для уяснения всей глубины материалистической диалектики в работах товарища Сталина.

Для того чтобы понять диалектику в работах товарища Сталина, надо прежде всего выяснить роль и значение товарища Сталина как теоретика ленинизма в целом и как теоретика ленинского этапа в философии марксизма, ибо, когда мы говорим о ленинизме в целом, мы имеем в виду все его составные части.

Характерные черты работ товарища Сталина о ленинизме, о всех его составных частях сводятся к следующему:

во-первых, целостный подход ко всему ленинскому наследству;

во-вторых, проведение подлинно марксистского единства логического и исторического анализа и изложения;

в-третьих, проведение глубочайшей партийности в применении ко всем этим вопросам.

Что значит подлинно синтетический, целостный подход ко всему ленинскому наследству? Это означает, прежде всего, проникновение в самую суть, в самую глубину ленинского учения, охват *всех вопросов* ленинизма с точки зрения вскрытия внутренней логики и закономерности их развития. Это означает подлинно историческую постановку вопросов ленинизма. Товарищ Сталин выясняет, как разрешение этих вопросов у Ленина выдвигалось новой исторической эпохой в связи с задачами, которые стояли перед рабочим классом в новую эпоху.

Такой целостный подход ко всему ленинскому наследству имеет огромное значение. Борьба за чистоту ленинского наследства после смерти Ленина дает много примеров, когда из всего комплекса работ Ленина выхватывались отдельные положения и затем строи-

лась целая «линия». На этой основе всякого рода оппортунисты и искажатели ленинизма пытались создавать «теории», враждебные ленинизму.

В данный исторический период мы можем правильно понять, оценить и уяснить всю глубину ленинских работ только в том случае, если подойдем к ним с точки зрения *всего развития*, которое прошел большевизм, с точки зрения глубокого понимания всей новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарской революции, в которой ленинизм вырос. В самом деле, возьмем такие работы Ленина, как «Что делать?» или «Две тактики»... Эти работы можно понять и вскрыть всю глубину их содержания только в том случае, если мы поймем, что они строились у Ленина с точки зрения создания партии особого типа, с точки зрения необходимости проведения подлинно марксистской тактики в новых исторических условиях, в новой исторической полосе. Если мы иначе подойдем к этим вопросам, то всей глубины, всего смысла этих работ не поймем.

Мы знаем классическую формулировку, классическое определение ленинизма, данное товарищем Сталиным, а именно: «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции»[1]. Вдумываясь в глубокое содержание этого определения товарища Сталина, которое проводится им и обосновывается во всех его работах и в частности в его классической работе «Об основах ленинизма», мы видим, что товарищ Сталин прежде всего проводит совершенно четкое и ясное различие между двумя эпохами в развитии капитализма. Подчеркивая то *единство*, которое существует между эпохой домонополистического капитализма и эпохой монополистического капитализма, как единство общей эпохи господства капитала, товарищ Сталин обращает особое внимание на выяснение всей глубины различия, которое существует в пределах этой единой эпохи господства капитала, между двумя фазами, между двумя историческими периодами в развитии капитализма.

Непонимание этого существенного различия, которое имеет место между этими двумя историческими эпохами в развитии капитализма, является одним из важнейших моментов, одной из важнейших причин отхода от ленинизма, извращений ленинизма, меньшевистского характера этих извращений. И это подчеркивает товарищ Сталин неоднократно в своих работах. Он пишет:

«Беда нашей оппозиции состоит в том, что она не понимает всей важности этой разницы между капитализмом доимпериалистическим и капитализмом империалистическим»[2].

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 2, изд. 10-е.
[2] *Сталин*, сб. «Об оппозиции», стр. 513.

В другом месте товарищ Сталин пишет, что оппозиция «избегает подчеркивать эту разницу». Борясь с Троцким, борясь с Зиновьевым и Каменевым, с Бухариным, товарищ Сталин все время, когда речь идет о международных вопросах рабочего движения и о перспективах и судьбах строительства социализма в СССР, подчеркивает, что все они извращают ленинизм, не понимают той глубокой разницы, которая заложена в этих двух исторических эпохах, хотя обе эти эпохи и объединяются единым господством капитала. Он говорит:

«Одно дело—капитализм домонополистический, развивающийся в целом по восходящей линии. Другое дело—капитализм империалистический, когда мир уже поделен между капиталистическими группами, когда скачкообразное развитие капитализма требует новых переделов уже поделенного мира в порядке военных столкновений, когда конфликты и войны между империалистическими группами, возникающие на этой почве, ослабляют мировой фронт капитализма, делают его легко уязвимым и создают возможность прорыва этого фронта в отдельных странах»[1].

В целом ряде других мест товарищ Сталин снова возвращается к вопросу о всем огромном различии между этими эпохами и показывает, что старый «цветущий» капитализм стал умирающим капитализмом.

Он показывает в полном соответствии со всем тем, что развивал по этому вопросу Ленин, что «мирный», «органический» рост капитализма, «плавный» его рост сменился катастрофическим ростом, военной горячкой, эпохой военных столкновений между империалистическими державами»[2]. Либерализм и демократизм, присущие эпохе промышленного капитализма, сменились «*реакцией*

---

[1] *Сталин*, сб. «Об оппозиции», стр. 502.

[2] Когда мы говорим о «мирном» развитии капитализма до эпохи империализма, мы никоим образом не должны забывать, как это неоднократно подчеркивает товарищ Сталин, весьма условного значения этой характеристики. Мы никоим образом не должны забывать, что по этому поводу писал Ленин. Он писал: «Была эпоха сравнительно «мирного» капитализма, когда он вполне победил феодализм в передовых странах Европы и мог развиваться наиболее—*сравнительно*—спокойно и плавно, «мирно» расширяясь на громадные еще области незапятых земель и невтянутых окончательно в капиталистический водоворот стран. Конечно, и в эту эпоху, приблизительно отмечаемую годами 1871—1914, «мирный» капитализм создавал условия жизни, весьма и весьма далекие от настоящего «мира» как в военном, так и в общеклассовом смысле. Для $^{9}/_{10}$ населения передовых стран, для сотен миллионов населения колоний и отсталых стран эта эпоха была не «миром», а гнетом, мучением, ужасом, который был, пожалуй, тем ужаснее, что казался «ужасом без конца». Эта эпоха миновала безвозвратно, она заменилась эпохой сравнительно гораздо более порывистой, скачкообразной, катастрофичной, конфликтной, когда для массы населения типичным становится не столько «ужас без конца», сколько «конец с ужасом» (*Ленин*, Предисловие к брошюре Н. Бухарина, Соч., т. XVIII, стр. 354).

по всей линии»; либерализм в области идеологии—то, что присуще эпохе так называемого «культурного» промышленного капитализма,—сменился крайним обострением борьбы классов и в области идеологии и кризисом науки. Этот кризис науки вовсе не означает, что прекращается совершенно всякий рост науки и научных достижений. Он только характеризует те глубочайшие противоречия, которые заложены в новой эпохе. Закон неравномерности получает особое развитие в этот исторический период, и в связи с этим, как говорит товарищ Сталин, совершенно по-новому встает целый ряд проблем и вопросов пролетарской революции, в частности встает вопрос о прорыве цепи империализма, вопрос о победе социализма в одной стране.

Товарищ Сталин критикует догматический, цитатный характер «марксизма» Зиновьева и Каменева. Он показывает, что они приводят цитаты из работ Маркса и Энгельса, относящиеся к эпохе промышленного капитализма, и механически переносят эту характеристику на эпоху монополистического капитализма. Товарищ Сталин указывает, что какими бы гениальными людьми ни были Маркс и Энгельс, они не могли *во всех деталях* предвидеть развитие, которое произошло после их смерти. Положения в работах Маркса и Энгельса, которые характеризуют процесс *пролетарской революции,* в частности их указания на возможность единовременной победы пролетарской революции в международном масштабе, являются верными для эпохи промышленного капитализма, но эти положения стали, говорит товарищ Сталин, неверными для новой исторической обстановки. Новая историческая эпоха с ее колоссальным обострением противоречий капиталистической системы потребовала конкретизации марксизма. Ленин—первый из марксистов, который развил вопрос о законе неравномерности развития, о возможности победы социализма в одной стране. Товарищ Сталин показывает, что такая конкретизация марксистского учения вовсе не означает ревизии марксизма, а, наоборот, подлинное и правильное проведение марксизма в новых исторических условиях.

Таким образом, целостный подход к ленинскому наследству требует прежде всего ясного и четкого разграничения между двумя эпохами в развитии капитализма, ясного понимания всех *тех новых* моментов, которые вставали в этом развитии перед рабочим классом в его борьбе за коммунистическое общество. И, несомненно, величайшая историческая заслуга товарища Сталина в том, что он в борьбе за чистоту ленинского учения именно этот единственно правильный, подлинно исторический подход ко всем работам Ленина в целом, ко всему его теоретическому наследству смог провести. А с этим связано другое, чрезвычайно важное обстоятельство—это совершенно четкое и ясное решение им вопроса о «марксизме» эпохи II Интернационала и о марксизме

большевистском, о партиях II Интернационала и о партии *нового типа—партии большевистской*. Мы знаем классические характеристики оппортунизма эпохи II Интернационала, касающиеся как открытых оппортунистов и реформистов, а также и центризма, скрытых оппортунистов, которые давал товарищ Сталин. Если внимательно вчитаться в работу Сталина «Об основах ленинизма», то мы увидим, что красной нитью от первой до последней строки, от первого до последнего вопроса проходит мысль, что между большевизмом и «марксизмом» II Интернационала пролегает глубокая пропасть. Товарищ Сталин с величайшей последовательностью проводит во всех вопросах ленинизма эту принципиальную грань и противопоставление большевизма оппортунизму, показывая, как большевизм «вырос» из борьбы с оппортунизмом, вырос из чистки «авгиевых конюшен» II Интернационала.

Если с этой точки зрения подойти к одной из последних работ Сталина—к его письму в редакцию журнала «Пролетарская революция», то мы увидим, что эта линия там совершенно ясно и четко им проводится. Когда обсуждалось это письмо товарища Сталина на различных участках теоретического фронта, то были и такие выступления, которые обнаруживали полное непонимание как всех работ товарища Сталина, так и этого его письма. В этом письме товарищ Сталин обобщает и дальше *развивает* все то, что он по этому вопросу говорил раньше. Линию принципиальной грани, глубокой разницы между большевистским марксизмом и «марксизмом» эпохи II Интернационала он проводит с первых своих работ, в частности в «Основах ленинизма». Эту же принципиальную линию выяснения самого существа большевизма как единственного подлинно марксистского течения в мировом рабочем движении товарищ Сталин проводит в борьбе с контрреволюционным троцкизмом и с правым оппортунизмом.

Приведем здесь одно высказывание товарища Сталина о правом уклоне—речь товарища Сталина «Об индустриализации страны и правом уклоне ВКП(б)» на пленуме ЦК в ноябре 1928 г. Он там развивает исключительно глубокие соображения по вопросу о роли и значении борьбы на два фронта, по вопросу о центризме.

«Ленинизм,—говорит товарищ Сталин,—есть *самое левое* (без кавычек) течение в мировом рабочем движении. Мы, ленинцы, входили во II Интернационал до периода начала империалистской войны как крайняя левая фракция социал-демократов. Мы не остались во II Интернационале и мы проповедывали раскол во II Интернационале потому, что мы именно как крайняя левая фракция не хотели жить в одной партии с мелко-буржуазными изменниками марксизма, с социал-пацифистами и социал-шовинистами. Эта тактика и эта идеология легли впоследствии в основу большевистских партий всего мира. В своей партии мы,

ленинцы,—*единственные* левые без кавычек. Поэтому мы, ленинцы, не «левые» и не правые в своей собственной партии. Мы—партия марксистов-ленинцев»[1].

Эта постановка вопроса о значении и роли, которую с самых первых шагов играла большевистская партия в мировом рабочем движении как подлинно левое и единственно левое течение в эпоху II Интернационала,—эта мысль проводится красной нитью во всех работах товарища Сталина и получает наиболее четкое *завершение, наиболее четкую формулировку и развитие* в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Несомненно, что эти вопросы имеют чрезвычайно важное значение для понимания всего ленинского наследства в целом. Слуцкий искал архивные документы, для того чтобы обнаружить, вел ли Ленин борьбу с социал-демократией или не вел. Товарищ Сталин указывал, что вся линия большевизма в целом, начиная с первых работ и кончая последними, *есть линия разоблачения всякого рода оппортунистов, скрытых и открытых*, что большевизм был и есть единственно левое и подлинно марксистское течение во всем мировом рабочем движении.

Наряду с четким проведением различия между двумя эпохами это четкое понимание принципиальной грани между большевизмом и «марксизмом» эпохи II Интернационала является важнейшим моментом, характеризующим подход товарища Сталина к ленинскому наследству в целом.

Важнейшие условия для понимания всей глубины сталинской трактовки вопросов ленинизма—это необходимость правильно понять существо новой исторической эпохи как эпохи канупа пролетарской революции, начала ее и развития, правильно понять, что мы здесь имеем дело с умирающим капитализмом, что противоречия между производительными силами и производственными отношениями капиталистического общества в эту эпоху достигли своего наивысшего напряжения и что они неизбежно должны были порвать эти рамки. Октябрьская революция—один из ярчайших примеров прорыва этих рамок. Отсюда совершенно ясны те основные задачи, которые стояли перед рабочим классом и перед его партией—партией нового типа. Ибо только *партия нового типа*—большевистская партия может организовать массы на штурм капитализма. Товарищ Сталин с особой силой подчеркивает и развивает тезис, что главное в учении ленинизма—это учение о диктатуре пролетариата.

Мы не будем подробно говорить о том, как товарищ Сталин развивает проблему главного в ленинизме, как он развивает соотношение главного с другими сторонами ленинизма. Это вопрос особый. Важно здесь подчеркнуть, что потребовался глубокий

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 377—378, изд. 9-е.

подход ко всему наследству Ленина в целом, для того чтобы это положение последовательно провести от первого до последнего вопроса.

«Иные думают,—писал товарищ Сталин,—что основное в ленинизме—крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления»[1].

Товарищ Сталин повел самую решительную борьбу со всякого рода противопоставлениями марксизма ленинизму, которые имели место в печати и в целом ряде работ извратителей ленинского учения. Отсюда совершенно четкая постановка вопроса относительно того, что ленинизм означает дальнейшую конкретизацию и развитие марксизма, причем такое развитие, которое не изменяет, не вносит новых принципов, а базируется целиком и полностью на принципах, развитых Марксом и Энгельсом.

Выше говорилось о важнейшей черте, характеризующей работы товарища Сталина при его подходе к ленинскому учению,—о проведении подлинно марксистского единства логического и исторического анализа и изложения. Для того чтобы это понять, обратимся к работе товарища Сталина «Об основах ленинизма». В ней дано логическое, теоретическое обобщение *всего исторического развития взглядов Ленина*. Эта работа представляет собой подлинное единство логического и исторического анализа. Единство логического и исторического, и притом в материалистическом смысле, представляет собой важнейшую черту марксистского метода. Мы знаем, что такое единство есть методологическая база «Капитала» Маркса и «Империализма, как высшая стадия капитализма» Ленина.

Подлинное проведение единства логического и исторического состоит в том, что анализ не исчерпывается приведением исторических примеров или описанием исторического порядка явлений и событий. Теоретическая мощь марксизма состоит именно в том, что когда с этой точки зрения проводится единство логического и исторического, то это означает, что на базе исторического, на базе изучения истории дается *логика* этой истории, дается раскрытие ее закономерностей, дается раскрытие основных моментов, характеризующих эту историю. Книга товарища Сталина «Вопросы ленинизма» представляет собой именно *раскрытие логики всего исторического развития большевизма*. Нельзя понять споры внутри партии, нельзя понять ее действительную

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 33—34, изд. 10-е.

историю, если не подойти к ней с точки зрения существа тех моментов, которые обобщены в книге «Об основах ленинизма». Крупнейшая ошибка некоторых историков партии состояла и состоит и посейчас в том, что они подходят к истории большевизма, к истории нашей партии, не учитывая того, что логика этой истории, весь ее глубокий смысл, ее глубокое содержание и теоретическое обобщение даны в работах товарища Сталина, в особенности в такой работе, как «Об основах ленинизма». Именно эта работа поднимает на огромную принципиальную высоту наше понимание истории партии.

Возьмем к примеру крестьянский вопрос. Как он освещен в работе Сталина «Об основах ленинизма»? Товарищ Сталин разбивает этот вопрос на следующие моменты: прежде всего общее место крестьянского вопроса в учении ленинизма, затем постановка вопроса о роли крестьянства в эпоху буржуазно-демократической революции, наконец, крестьянство в эпоху упрочения советской власти, в эпоху упрочения диктатуры пролетариата.

Товарищ Сталин проводит мысль о том, что крестьянский вопрос представляет только часть общего вопроса о диктатуре пролетариата, что хотя это один из самых важных и животрепещущих вопросов ленинизма, однако, надо помнить, что этот вопрос является вместе с тем второстепенным вопросом по отношению к главному в ленинизме—к вопросу о диктатуре пролетариата. Это теоретическое и политическое положение—вывод из всей политики, которую проводила партия по аграрному вопросу, начиная с первого дня ее существования вплоть до настоящего времени. Если внимательно проработать аграрные труды Ленина, если внимательно продумать борьбу по аграрному вопросу, которую проводила партия с меньшевиками, то увидим, что основной подход к этому вопросу у Ленина был такой: признавая в противовес меньшевикам все огромное значение крестьянского вопроса, Ленин везде и всюду рассматривал крестьянский вопрос как подчиненный основной задаче рабочего класса—диктатуре пролетариата.

«Ленин не был бы величайшим пролетарским идеологом, каким он, несомненно, является, он был бы простым «крестьянским философом», каким его нередко рисуют заграничные литературные обыватели, если бы он вел разработку крестьянского вопроса не на базе теории и тактики диктатуры пролетариата, а помимо этой базы, вне этой базы»[1].

Товарищ Сталин показывает, что вопрос о крестьянстве—это вопрос о массовом союзнике пролетариата, что тот, кто действительно ставил вопрос о свержении капитала, не мог не придавать исключительного значения этой проблеме.

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 105, изд. 10-е.

Единство исторического и логического состоит не только в том, что дана логика дела, но что эта логика базируется на глубоком историческом изучении вопроса, на глубокой исторической основе. Как раз дальнейшие пункты, которые товарищ Сталин развивает в этой главе, показывают, что означает этот исторический анализ, историческая база при рассмотрении этого же вопроса. Товарищ Сталин дает конкретный анализ исторической обстановки эпохи буржуазно-демократических революций и рассматривает, как ставит ленинизм вопрос в эту историческую эпоху на базе того общей основной линии, о которой сейчас говорилось. То же самое относится и к другим историческим периодам.

Давая такие образцы единства исторического и логического, товарищ Сталин поднимает историю большевизма, историю развития ленинизма на огромную принципиальную высоту, поднимает до крупнейших теоретических обобщений, и в этом, несомненно, его величайшая историческая заслуга.

Уже само это обстоятельство,—то, что был дан такой целостный подход к ленинскому наследству, что все это наследство было рассмотрено с точки зрения существа новой исторической эпохи, с точки зрения принципиальной грани, которая глубоко залегла в самом начале XX столетия между большевизмом и «марксизмом» эпохи II Интернационала,—уже само это обстоятельство двигает вперед и развивает самую ленинскую теорию.

Однако товарищ Сталин этим не ограничился, а применил эти теоретические обобщения, это глубочайшее понимание ленинского учения ко всей гигантской исторической полосе, ко всем крупнейшего порядка событиям, которые произошли после смерти Ленина, твердо и последовательно руководя в ленинском духе пролетарской революцией.

Именно потому, что товарищ Сталин, как никто другой, дал теоретическое обобщение богатейшей истории большевизма, целостный подход и понимание всего наследства Ленина,—именно поэтому только ему по плечу и оказалось разрешение таких вопросов, как судьбы строительства социализма в СССР, как вопрос о политике классовой борьбы в эпоху пролетарской диктатуры, как вопрос об обеспечении построения фундамента социалистической экономики. Нужно было обладать исключительным *знанием* марксистского учения и пониманием всего его значения не как догмы, а как руководства к действию; нужно было без колебаний *практически* пройти богатейший путь развития большевизма и *теоретически* его обобщить; нужно было обладать именно сталинским соединением теоретической мощи и организационно-практического опыта рабочего движения, величайшей теоретической последовательностью и практической настойчивостью в проведении до конца раз выбранного пути, для того чтобы так блестяще разрешить в ожесточенной борьбе с троцкизмом, с правым оппор-

тунизмом как вопрос о возможности построения полного социализма в нашей стране, так и вопрос о конкретных путях и формах этого строительства.

Вопрос о возможности построения социализма в одной стране в эпоху империализма—один из важнейших вопросов, в котором товарищ Сталин развил дальше ленинизм. Потребовалось, однако, дальнейшее развитие ленинского учения об империализме, о законе неравномерности развития капитализма, ленинского учения о пролетарской революции, для того чтобы на принципиальной, теоретической основе стереть с лица земли «аргументы» контрреволюционного троцкизма по этому важнейшему вопросу о судьбах строительства социализма в нашей стране, которое является толчком, исходным пунктом развития мировой пролетарской революции.

Вопросы индустриализации и коллективизации, развернутого наступления социализма по всему фронту являются крупнейшими пунктами, в которых товарищ Сталин дал дальнейшее развитие ленинизма. Потребовалась теоретическая конкретизация ленинского учения о диктатуре пролетариата, о формах классовой борьбы в условиях пролетарской диктатуры, о союзе рабочего класса с трудящимся крестьянством, развитие ленинизма по вопросу о характере нашей революции и о конкретных путях уничтожения классов, для того чтобы разгромить и развеять в прах правооппортунистическую теорию «врастания кулака и нэпмана в социализм».

III

Огромное теоретическое и партийно-политическое значение имеют работы товарища Сталина для понимания ленинского этапа в развитии диалектического материализма. Вопрос этот надо рассмотреть с двух сторон: во-первых, что дано товарищем Сталиным в смысле теоретического обобщения и характеристики философского наследства Ленина, во-вторых, что дается для развития материалистической диалектики в самих работах товарища Сталина при разрешении им актуальных проблем новой исторической эпохи.

Известно, какую оценку дал товарищ Сталин величайшему философскому произведению Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, как товарищ Сталин еще в 1924 г. в своей работе «Об основах ленинизма» разрешил вопрос о Ленине и о Плеханове как философах-марксистах.

Товарищ Сталин указывает, что «Материализм и эмпириокритицизм» есть теоретическое обобщение по линии естествознания всего того нового, что имело место за период, протекший от Маркса и Энгельса вплоть до Ленина. Товарищ Сталин устанавливает, что работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» представляет собой критику всех основных антиматериалистических течений этой

эпохи. Товарищ Сталин устанавливает, что Плеханов, который потешался над мнимой беззаботностью большевизма, в особенности Ленина, по отношению к теории, сам не смог даже взяться по-серьезному за такую грандиознейшую задачу, которую выполнил Ленин в своем «Материализме и эмпириокритицизме». Товарищ Сталин устанавливает, что Лениным дано дальнейшее теоретическое развитие материалистической диалектики.

Надо только удивляться тому обстоятельству, как эти важнейшие характеристики Ленина и Плеханова как философов-марксистов, важнейшая характеристика «Материализма и эмпириокритицизма» не были учтены, не популяризировались, не были положены в основу теоретических работ вплоть до последней дискуссии—до борьбы с деборинщиной.

Особенно большое значение имеют работы товарища Сталина, посвященные выяснению вопроса о теории и практике. Основные места его работы—о роли и значении революционной теории и практики—достаточно широко известны, они много раз приводились. Важно здесь подчеркнуть мысль, которую проводит товарищ Сталин по всем своим работам. Это мысль о различии между «марксизмом» догматическим и марксизмом творческим. Вот что говорит товарищ Сталин:

«Вторая группа, наоборот, переносит центр тяжести вопроса от внешнего признания марксизма на его проведение, на его претворение в жизнь. Намечение путей и средств осуществления марксизма, соответствующих обстановке, изменение этих путей и средств, когда обстановка меняется,—вот на что главным образом обращает свое внимание эта группа. Директивы и указания черпает эта группа не из исторических аналогий и параллелей, а из изучения окружающих условий. В своей деятельности опирается она не на цитаты и изречения, а на практический опыт, проверяя каждый свой шаг на опыте, учась на своих ошибках и уча других строительству новой жизни. Этим собственно и объясняется, что в деятельности этой группы слово не расходится с делом и учение Маркса сохраняет полностью свою живую революционную силу. К этой группе вполне подходят слова Маркса, в силу которых марксисты не могут останавливаться на том, чтобы объяснить мир, а должны итти дальше с тем, чтобы изменить его. Имя этой группы—большевизм, коммунизм»[1].

Давая характеристику большевизму, товарищ Сталин связывает этот вопрос с той характеристикой философии, которую давал в знаменитых тезисах о Фейербахе Маркс.

В своей работе об оппозиции, особенно в критике троцкизма, товарищ Сталин все время подчеркивает единство теории и практики, присущее марксизму. Вот что он писал, развивая эти мысли:

---

[1] *Сталин*, О Ленине, стр. 12, 1934 г.

«Нужно уметь различать между буквой и сущностью марксизма, между отдельными положениями и методом марксизма. Ленину удалось открыть истину о победе социализма в одной стране потому, что он считал марксизм не догмой, а руководством к действию, он не был рабом буквы и умел схватывать главное, основное в марксизме»[1].

Товарищ Сталин разоблачает цитатный характер марксизма у Зиновьева. С точки зрения Зиновьева, марксизм не представлял живого, развивающегося, обогащающегося учения, а некую застывшую систему формул, положений, которые не могут ни в чем быть развиты или уточнены. Это типичное меньшевистское понимание марксизма, понимание догматическое.

Особенно это «понимание» марксизма сказалось у Зиновьева в вопросе о победе социализма в одной стране, когда он приводил цитаты из Энгельса, написанные в определенной исторической обстановке, в эпоху промышленного капитализма, и на этом основании пытался делать выводы, относящиеся к другой исторической обстановке—к эпохе империализма. Зиновьев совершенно не понял, что нельзя «распространять механически это положение Энгельса, сказанное применительно к старому периоду капитализма, на новый период капитализма, на период империалистический»[2]. Товарищ Сталин указывает, что именно такая подмена точки зрения Маркса и Энгельса буквой их учения—самый пошлейший ревизионизм.

Он писал:

«По Зиновьеву выходит, что всякое улучшение, всякое уточнение старых формул или отдельных положений Маркса или Энгельса, а тем более их замена другими формулами, соответствующими новым условиям, есть ревизионизм. Почему, спрашивается? Разве марксизм не есть наука, и разве наука не развивается, обогащаясь новым опытом и улучшая старые формулы? Потому, оказывается, что «ревизия» означает «пересмотр», а улучшение и уточнение старых формул не может быть произведено без некоторого пересмотра этих формул, стало быть, всякое уточнение и улучшение старых формул, всякое обогащение марксизма новым опытом и новыми формулами есть ревизионизм. Все это, конечно, смешно»[3].

Такой подход к марксизму—единственно марксистский, подлинно ленинский. На протяжении всей своей деятельности Ленин вел борьбу как против таких «ортодоксов», которые превращали марксистское учение в мертвую догму, так и против таких, которые пытались обеспечить себе «свободу критики» марксизма «сво-

---

[1] *Сталин*, сб. «Об оппозиции», стр. 380.
[2] *Там же*, стр. 503.
[3] *Там же*, стр. 507—508.

бодой» вносить «поправочки». Выступая против первых, Ленин требовал развития марксизма во всех направлениях, но такого развития, которое целиком и полностью покоится на принципах марксизма. Еще на заре рабочего движения Ленин писал:

«Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»[1].

Особенно резко воевал Ленин против тех, которые называют себя марксистами, щеголяют всячески именем Маркса, но хотят вносить «поправки» к якобы устаревшим принципам марксизма или «дополнить» марксизм там, где, по их мнению, он якобы неполон.

Эту ленинскую традицию подхода к марксизму продолжает товарищ Сталин в борьбе за чистоту ленинского учения.

Известно, что теория равновесия является одним из устоев всей теоретической и политической «концепции» Бухарина. Теорией равновесия Бухарин пытался заменить материалистическую диалектику. Он пытался ею «теоретически обосновать» диалектический метод, освободить его от «*телеологического привкуса*» и идеализма, с которым он якобы органически связан. Бухарин в своей «Теории исторического материализма» писал:

«Маркс и Энгельс освобождали диалектику от ее мистической шелухи в *действии*, т. е. материалистически *применяя* диалектический метод при исследовании различных областей природы и общества. Речь идет теперь о теоретическо-систематическом изложении этого метода и его, такого же теоретическо-систематического, обоснования. Это и дается *теорией равновесия*.

Теория равновесия имеет, кроме того, еще один немаловажный аргумент за себя: она освобождает мировоззрение от *телеологического* привкуса, неизбежно связанного с гегелевской формулировкой, которая покоится на *саморазвитии* «Духа»... Тем самым она является и *более общей и очищенной от идеалистических элементов* формулировкой законов движущихся материальных систем»[2].

Теория равновесия является теоретической основой всей концепции Бухарина при построении им своей «теории» исторического материализма. Равновесие лежит в основе взаимоотношений общества и природы. Переходный период есть нарушение и восстановление общественного равновесия. «Знаменитая» теория трудовых затрат—не что иное, как применение к экономическим проблемам теории равновесия и т. д. Эта же теория равновесия лежит в основе политических позиций Бухарина по вопросу о взаимо-

---

[1] *Ленин*, Наша программа, Соч., т. II, стр. 492.

[2] *Бухарин*, Теория исторического материализма, стр. 362, 1929 г.

отношении пролетариата и крестьянства в переходный период, по вопросу о соотношении секторов нашего хозяйства.

Естественно, что для окончательного теоретического разгрома правого оппортунизма необходимо было разгромить эту основу правого оппортунизма—теорию равновесия.

Блестяще применяя материалистическую диалектику к анализу проблем пролетарской диктатуры, товарищ Сталин дал глубокую теоретическую критику этой теории равновесия. Товарищ Сталин показал, что «теория эта не имеет, конечно, ничего общего с марксизмом»[1]. Эта теория в применении к вопросу о соотношении секторов нашего хозяйства упускает, что за этими секторами или «ящиками» «стоят классы, а движение этих «ящиков» происходит в порядке ожесточенной классовой борьбы, борьбы на жизнь и смерть, борьбы по принципу «кто кого»[2].

Характерная черта теоретического разгрома этой буржуазной теории у товарища Сталина состоит в глубоком, жизненном рассмотрении этой «теории» в связи с важнейшими вопросами нашей революции. Глава «Теория равновесия» из известной работы товарища Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР» стоит многих томов философских исследований. Товарищ Сталин показал, что движение секторов нашего хозяйства развивается диалектически, что марксова теория воспроизводства в применении к развитию народного хозяйства в СССР потребовала ясного понимания того обстоятельства, что нельзя двигать ускоренными темпами социалистическую индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкое крестьянское хозяйство. Разгром этой теоретической основы правого оппортунизма означает одновременно с этим исключительный удар по *всей механистической ревизии марксистской методологии в целом*. В течение нескольких лет деборинская школа вела «борьбу» с механицизмом, однако существенных результатов не могло получиться, ибо эта борьба была абстрактно спекулятивной, велась вне связи теоретико-философских вопросов с актуальными политическими проблемами. Работы товарища Сталина нанесли механицизму решающий удар.

Исходя из всего этого, совершенно ясным сейчас становится, что характеристика деборинщины как меньшевиствующего идеализма, которую дал товарищ Сталин, не является случайной, а представляет собой в известном смысле слова результат всей постановки вопроса товарищем Сталиным о соотношении теории и практики, всего его понимания философии, ибо эта характеристика представляет собой действительно глубочайшее проведение единства философии и политики, теории и практики. В этой характеристике—меньшевиствующий идеализм—дана как политиче-

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 300, изд. 10-е.
[2] *Там же*, стр. 301.

ская характеристика, так и философская. В этой характеристике дано именно синтетическое понимание существа этого уклона от марксизма, который на словах признает материализм, готов даже на словах бороться с идеализмом, готов кричать против идеализма, но на деле, вследствие того что философия отрывается от политики, теория от практики, от живой жизни, от исторической обстановки, от конкретных обстоятельств, превращается в *идеализм*, и притом имеющий определенный политический смысл, определенное политическое значение, в *меньшевиствующий* идеализм. Эта характеристика, данная товарищем Сталиным, разоблачающая сущность деборинщины, естественно, связана и вытекает из всей его постановки вопроса о философии марксизма, из всей его постановки вопроса о творческом марксизме, о соотношении теории и практики.

Важнейшая черта марксистского метода, одна из основных сторон диалектического подхода к объективной действительности — это *конкретность подхода*. Однако, когда мы говорим о конкретности подхода и анализе действительности, классовых сил и т. д., то нужно с самого начала твердо и четко установить, что собственно означает подлинное диалектически-материалистическое понимание конкретности. Можно ведь конкретное понимать просто в эмпирическом смысле этого слова: мы сталкиваемся с окружающей нас действительностью, видим ее, слышим, осязаем и т. д. Если мы будем исходить из такого понимания конкретного, то это еще будет очень далеко от марксизма. Если такое понимание конкретности проводить в политике, то ничего кроме оппортунистического делячества и буржуазного перерождения не получится. Конкретность в диалектическом смысле слова означает нечто совершенно иное. Маркс в предисловии «К критике политической экономии» дает классическую характеристику того, что означает конкретное с точки зрения материалистической диалектики.

«Конкретное,—писал Маркс,—потому конкретно, что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного. В мышлении оно поэтому представляется как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собою исходный пункт в действительности и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления»[1].

И дальше:

«...мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное»[2].

Что устанавливает Маркс в своей характеристике диалектически-конкретного? Он говорит, что есть конкретное, которое нам

---

[1] *Маркс,* К критике политической экономии, стр. 26, 1933 г.
[2] *Там же.*

дано в наглядном созерцании или представлении. Это — конкретное в эмпирическом смысле слова. Но если мы действительно хотим говорить о конкретном понятии в диалектическом смысле слова, то это такое конкретное, которое представляет уже результат огромной теоретической работы, результат аналитической и синтетической работы. Это есть духовное воспроизведение в нашей голове действительно конкретного как конкретного, т. е. не только, как оно дано на поверхности, а как оно дано со всеми его законами развития; воспроизведение действительности в мышлении как конкретного требует предварительного раскрытия закономерностей этой действительности.

Сила, убедительность, ясность ленинских и сталинских работ, выступающих перед нами как результат воспроизведения конкретного в мышлении, как бы скрывают эту предварительную работу. Читаешь работу товарища Сталина, и она кажется исключительно ясной и понятной. Эта сила убедительности как бы скрывает то, что за пределами их, если можно так выразиться, имела место предварительная гигантская теоретическая работа.

В чем же состоит эта предварительная теоретическая работа, которая требуется для того, чтобы получить духовное воспроизведение конкретного в мышлении, диалектический охват действительности? Эти основные моменты Ленин неоднократно подчеркивал.

Ленин в своей работе «Еще раз о профсоюзах» указывал, что для того, «чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»[1]. Ленин одновременно с этим указывал, что мы никогда этого достичь не можем, мы не можем охватить абсолютно все стороны, но требование такой всесторонности подхода к изучению сторон, моментов, связей и опосредствований тех или других явлений—это такое требование, которое предохраняет нас от ошибок и метафизического омертвления. Дальше он указал, что для того, чтобы изучить предмет во всей его конкретности, для того, чтобы воспроизвести его как конкретное в мышлении во всех его связях и закономерностях,—для этого нужно брать его в развитии, в самодвижении, с точки зрения внутренних противоречий, которые присущи каждому процессу. И третий момент, который подчеркивал Ленин,—это то, что практика должна войти, как он выражался, в «полное определение предмета». Ленин в этих положениях конкретизирует и развивает мысли Маркса, выраженные в тезисах о Фейербахе, когда Маркс говорил о необходимости включения революционно-практической, критической деятельности в самую теорию познания.

---

[1] *Ленин*, Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках товарищей Троцкого и Бухарина, Соч., т. XXVI, стр. 134.

Под углом зрения этих требований диалектического анализа действительности Ленин в той же статье «О профсоюзах» раскрывает всю разницу, которая существует между *эклектицизмом Бухарина* по вопросу о профсоюзах и *подлинно диалектическим*, марксистским подходом. Ленин писал:

«Почему это рассуждение Бухарина есть мертвый и бессодержательный эклектицизм? Потому, что у Бухарина нет и тени попытки самостоятельно, с своей точки зрения, проанализировать как всю историю данного спора (марксизм, *то есть* диалектическая логика, требуют этого безусловно), так и весь подход к вопросу, всю постановку—или, если хотите, все направление постановки—вопроса в данное время, при данных конкретных обстоятельствах. Ни тени попытки у Бухарина сделать это! Он подходит без малейшего конкретного изучения, с голыми абстракциями и берет кусочек у Зиновьева, кусочек у Троцкого. Это есть эклектицизм»[1].

Ленин требует прежде всего исторического подхода. Он требует взять вопрос с точки зрения *всего его развития*, взять даже все *направление* постановки вопроса, причем все это должно рассматриваться конкретно, в определенной исторической обстановке, в определенных исторических условиях. Все это и есть подлинно конкретное изучение обстановки, и именно такое изучение позволяет воспроизвести конкретную действительность в мышлении. Выполнение этих требований диалектической логики означает необходимость огромной теоретической работы при осмысливании действительности.

Диалектическая конкретность проникнута глубочайшим историзмом. Она есть единство общего, особенного и единичного. Все богатство единичного учитывается, входит в определение предмета, но дело не сводится к единичному. Важно, чтобы все богатство отдельных сторон и моментов вошло в определение, но чтобы результат не был сведен к этому единичному. Только такой подход дает действительное раскрытие закономерностей, действительное раскрытие своеобразия каждой исторической обстановки.

Важнейшая черта диалектики товарища Сталина, впитавшего в себя весь опыт Маркса, Энгельса и Ленина, и есть эта величайшая конкретность.

Ленин еще в 1909 г., в эпоху реакции, во время борьбы с отзовизмом, писал, что мы требуем «самостоятельной работы над *оригинальной* исторической задачей. Но на самом деле эта задача особенно трудной может казаться только неумеющим самостоятельно мыслить и самостоятельно работать людям: на деле эта

---

[1] *Ленин*, Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках товарищей Троцкого и Бухарина, Соч., т. XXVI, стр. 135.

задача, как всякая специфическая задача момента, легче других, ибо ее разрешимость лежит именно в условиях данного момента»[1].

Ленин подчеркивает, что подлинно творческий марксизм требует умения *самостоятельно работать над оригинальной исторической задачей*. Ленин подчеркивает, что это легкая работа, что эта легкость состоит в том, что в самих действительных условиях лежит возможность ответа на вопрос. Но это такая «легкость», которая требует действительно диалектического анализа обстановки, которая требует применения всего опыта марксистской диалектики к данному историческому отрезку времени, к данному периоду, к данному соотношению классовых сил.

Важнейшая черта диалектики товарища Сталина и состоит именно в том, что он дает нам, как никто другой, самостоятельную работу над каждой оригинальной исторической задачей, умение с величайшей последовательностью вскрывать особенности соотношений классовых сил, намечать задачи пролетариата в его борьбе за коммунизм.

Перейдем теперь к анализу некоторых образцов этой диалектики.

Возьмем работу товарища Сталина о китайской революции, в частности его «Заметки на современные темы», написанные в июле 1927 г. и напечатанные в сборнике «Об оппозиции». Мы берем именно эту работу, потому что как-то мало на нее ссылаются, мало эту работу в нашей литературе популяризируют. Между тем эта работа представляет собой величайший образец диалектического анализа действительности. Товарищ Сталин устанавливает в этой работе три тактических принципа ленинизма, без понимания которых невозможно анализировать историческую обстановку. Какие же это тактические принципы? Во-первых, необходим *обязательный учет* национально-особенного, национальной специфичности, которую мы имеем в каждой отдельной стране при выработке стратегии и тактики; этот учет специфической, национально особенной обстановки, которую мы имеем в каждой стране, должен быть дан с точки зрения марксистской стратегии и тактики, с точки зрения марксистского учения в целом. Во-вторых, необходимо обеспечить малейшую возможность получить массового союзника, как бы эта возможность ни была временной, условной и ограниченной. Нужно учесть конкретные условия, всякие моменты для того, чтобы этот массовый союзник был хотя бы временно использован пролетариатом. И в-третьих, нужно так строить лозунги и так строить свое тактическое руководство, чтобы учить массы на их собственном опыте.

С точки зрения этих основных тактических принципов товарищ

---

[1] *Ленин*, О фракции сторонников отзовизма и богостроительства, Соч., т. XIV, стр. 147.

Сталин подходит к оценке положения в Китае, которое было в тот период времени. В этом анализе он дает образцы диалектической логики в противовес всякой метафизике со стороны троцкистско-зиновьевской оппозиции. Троцкистско-зиновьевская оппозиция, расценивая положение в Китае в тот период, исходила из того положения, что революция в Китае—буржуазная. Товарищ Сталин указывает, что дальше они уже судили по аналогии. В России, например, буржуазная революция была против буржуазии. Это был определенный тип буржуазной революции. И вот оппозиция судит по аналогии с Россией; отсюда у нее получается, что буржуазная революция и в Китае тоже должна происходить по российскому шаблону. Она также должна быть направлена против буржуазии. Отсюда практический вывод—требование оппозиции о немедленном выходе из Гоминдана.

Как ставит этот вопрос товарищ Сталин, разоблачая указанную метафизику? Он говорит: Китай—это не то, что Россия в 1905 г. и в последующие годы. Китай—полуколониальная страна. В Китае мы имеем не просто буржуазную революцию, а национально-специфическую; особенное и характерное здесь заключается в том, что буржуазная революция является революцией *антиимпериалистического типа*. Империализм, который угнетает Китай, до известной степени касается также и некоторых слоев китайской буржуазии. Поэтому *в известные сроки, в известные исторические периоды*, в определенных условиях возможна очень непрочная, очень ограниченная, очень временная, но все же поддержка буржуазией массового движения, направленного против империализма.

Троцкисты судят *по аналогии* вместо того, чтобы анализировать специфическую обстановку, и поэтому делают неправильные тактические выводы. Товарищ Сталин, анализируя обстановку, дает характеристику специфических, национальных особенностей положения в Китае и указывает, что задача пролетариата как гегемона революции состоит здесь в том, чтобы обеспечить себя массовым союзником, хотя и временным.

Возьмем теперь другой момент,—опять-таки характеризующий всю метафизичность в постановке вопроса контрреволюционным троцкизмом и подлинную диалектику в работах товарища Сталина. Это касается характеристики положения в китайской деревне. В китайскую деревню проник купеческий капитал. На это указывает товарищ Сталин, и оппозиция также это констатирует. Но известно, что купцы—это не феодалы. Поэтому оппозиция делает следующий, опять-таки формально-логический вывод: раз это так, следовательно борьба против пережитков феодализма не является сейчас задачей в Китае, а задача заключается в том, чтобы бороться за государственно-таможенную независимость Китая.

Товарищ Сталин говорит, что здесь своеобразие состоит в следующем: мы имеем в Китае «сочетание *господства* феодальных пережитков с существованием купеческого капитала в китайской деревне, при *сохранении* феодально-средневековых методов *эксплоатации и угнетения крестьянства*». Учет этой конкретной обстановки, применение общей марксистской теории к национальным особенностям Китая, учет всех связей и опосредствований, которые тут имеются, является важнейшим моментом для намечения тактических лозунгов, для разрешения практических задач, которые стоят перед пролетариатом.

Товарищ Сталин следующим образом подытоживает свой подход к анализу положения в Китае и результаты своего разоблачения троцкистских установок оппозиции:

«Они не понимают, что главная задача руководства теперь, когда компартии выросли и стали массовыми партиями, состоит в том, чтобы найти, схватить и умело сочетать национально-особые черты движения в каждой стране с общими положениями Коминтерна, с тем, чтобы облегчить и сделать практически осуществимыми основные цели коммунистического движения. Отсюда попытки шаблонизировать руководство для всех стран. Отсюда попытки механически насадить некоторые общие формулы, не считаясь с конкретными условиями движения в отдельных странах. Отсюда вечные конфликты между формулами и между революционным движением в отдельных странах, как основной результат руководства этих горе-руководителей»[1].

Ленинские указания о диалектическом подходе к действительности воспроизводятся и конкретизируются товарищем Сталиным на данных конкретных образцах. Необходимость учета всех связей и опосредствований, характеризующих данную обстановку, необходимость сочетания общего и особенного, необходимость того, чтобы практика вошла в определение предмета—все это получает свое отражение в подходе товарища Сталина к оценке положения в Китае.

Остановимся теперь на шести условиях товарища Сталина, на его известной речи на совещании хозяйственников в 1931 г. Здесь другой период, совершенно другие вопросы. Но общий основной подход с точки зрения диалектической логики к разрешению вопросов здесь получает свое исключительно яркое выражение. Из чего исходит товарищ Сталин при постановке вопроса о шести условиях в своей речи? Из того факта, что мы имеем пеструю картину (это было в июле 1931 г.) выполнения планов нашей промышленностью. Вся сила шести исторических условий состоит в том, что этому факту товарищ Сталин дал подлинно конкретное, диалектическое освещение. Этот факт можно просто созерцать,

[1] *Сталин*, сб. «Об оппозиции», стр. 616.

видеть, сделать даже некоторые эмпирические обобщения. Сила шести условий товарища Сталина состоит в том, что он дал не просто эмпирическое обобщение факта, что одни отрасли промышленности выполняют план, другие не выполняют плана, а поднял этот вопрос на громадную принципиальную, теоретическую высоту.

Он воспроизвел в мышлении всю конкретную обстановку и тем самым показал практические задачи, которые в данном случае перед нами стояли. Именно поэтому шесть условий товарища Сталина—не только величайшего значения практические указания и директивы, не только программа действий для хозяйственников, не только важнейшее условие действительного поднятия производительности труда, выполнения планов в промышленности, достижения доброкачественности продукции и т. д.,—это итог и теоретическое обобщение движения масс, это дальнейшее развитие марксизма, дальнейшее теоретическое развитие учения о социализме. Сила и значение этой речи товарища Сталина состоят в том, что он дает нам то действительное соединение теоретической мощи с практикой движения, то сочетание конкретных задач и учета конкретной обстановки с общими проблемами ленинизма, о которых уже выше говорилось.

Какие моменты и какие стороны учения о социализме в этой речи развиваются? Во-первых, товарищ Сталин развивает проблему *социалистического накопления*. Обычно воспринимают эти условия, скажем, условие о необходимости строгого проведения хозрасчета, только как практическую задачу. И это действительно важнейшая практическая задача, стоящая перед промышленностью. Однако это не только практическая задача. Она имеет также огромнейшее теоретическое значение. Товарищ Сталин обобщил глубокие закономерности нашего развития и поднял простой факт до глубочайшего теоретического обобщения. Постановка вопроса товарищем Сталиным о хозрасчете в свете общей проблемы социалистического накопления дает отпор троцкистскому «первоначальному социалистическому накоплению» Преображенского, у которого последнее отождествлялось с эксплоатацией крестьянства. Он дает отпор правооппортунистической «теории» социалистического накопления, которая имела место у Бухарина и выражалась в «теории» кулацкого обогащения, в теории «индустриализации вообще», без подчеркивания именно социалистического характера необходимой нам индустриализации и т. д.

Товарищ Сталин вскрывает сущность, своеобразие момента в 1931 г. при постановке проблемы социалистического накопления. Своеобразие, говорит он, состоит в том, что старых источников накопления уже нехватает для нашего дальнейшего движения вперед. Какие же это были старые источники накопления? Легкая промышленность, бюджет и сельское хозяйство. Своеобразие момента состоит в том, что тяжелая промышленность и машиностроe-

ние, к тому времени уже ставшие могущественной силой, должны также давать накопление. Вот это усиление внутрипромышленного накопления *во всех без исключения* отраслях и является важнейшим моментом, характеризующим суть, своеобразие новой обстановки. И вот, исходя из этой точки зрения, из точки зрения общего понимания задач социалистического накопления в целом, исходя из учета этой конкретной обстановки, сложившейся в 1931 г., когда тяжелая промышленность и машиностроение стали крупнейшей силой, товарищ Сталин делает вывод о необходимости строгого проведения хозрасчета. Этот практический вывод и директивы очень просты, абсолютно ясны, но это такая ясность и простота, которые являются результатом гениальной теоретической работы, связывающей организацию работы и проведение хозрасчета на каждой данной фабрике со всем учением Маркса в целом. Именно поэтому эти шесть условий являются программой действий на весь период построения социализма.

Возьмем другой вопрос, связанный с этим,—проблему равенства в условиях социализма. Эта проблема получает огромное практическое и теоретическое развитие в данной речи товарища Сталина. Опять-таки практический вывод очень прост и абсолютно ясен. Это—ликвидация уравниловки в политике зарплаты. Товарищ Сталин там же развивает глубочайшие соображения о политике зарплаты в условиях периода социализма, о том, что «зарплата» даже при социализме должна выдаваться по труду, а не по потребностям. И нужно сказать, что эта ликвидация уравниловки, постановка вопроса о выдаче зарплаты по труду, а не по потребностям, является продолжением и развитием учения о социализме, которое мы имеем у Ленина, которое мы имеем у Маркса. Маркс в «Критике Готской программы» писал о равенстве следующее:

«Представление о социалистическом обществе, как о царстве *равенства*, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом, «свободы, равенства и братства»,—представление, которое было уместно как определенный *этап развития*, в свое время и на своем месте, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь следует преодолеть, так как оно сбивает лишь с толку и так как теперь найдены более точные способы изложения предмета»[1].

Мысль о том, что такое представление о равенстве есть старое, изжившее себя представление,—эта мысль проводится товарищем Сталиным уже в применении к конкретным вопросам социалистического строительства, которые перед нами стоят.

Подобного рода анализ можно было бы дать по отношению ко всем шести условиям товарища Сталина, ибо эта речь товарища

[1] *Маркс,* Критика Готской программы, стр. 57, 1933 г.

Сталина—программный документ мирового исторического значения. В этой речи дано теоретическое развитие таких проблем, как вопросы *планового распределения* в условиях периода социализма, вопросы *организации труда*, проблема *кадров* и т. д. Надо сделать общий вывод, характеризующий именно конкретность сталинского подхода, характеризующий то, почему он здесь схватил то особенное, что было присуще для этой оригинальной исторической ситуации. Товарищ Сталин писал в этой статье:

«Чем объяснить эту пестроту? Где причина отставания некоторых отраслей промышленности? Где причина того, что некоторые отрасли промышленности дают всего лишь 20—25% прироста, а угольная промышленность и черная металлургия дают еще меньше прироста, плетутся в хвосте за другими отраслями»[1].

И далее делает следующий вывод:

«Причина состоит в том, что за последнее время условия развития промышленности изменились в корне, создалась новая обстановка, требующая новых приемов руководства, а некоторые наши хозяйственники вместо того, чтобы изменить приемы работы, все еще продолжают работать по-старому. Дело, стало быть, в том, что новые условия развития промышленности требуют работы по-новому, а некоторые наши хозяйственники не понимают этого и не видят того, что нужно руководить теперь по-новому»[2].

Вот этот анализ *новой обстановки*, которая у нас создалась в результате нашего вступления в период социализма, в результате поворота основной массы крестьянства на сторону социализма и т. д.,—вот эта новая обстановка и является глубокой причиной пестрой картины в развитии промышленности. И на основе анализа этой глубокой причины товарищ Сталин делает свои теоретические и практические выводы.

Мы сжато проанализировали два-три образца блестящего применения товарищем Сталиным метода материалистической диалектики к конкретной обстановке. Было бы крайне ошибочным думать, что эта диалектика имеется только в данных работах. Нет ни одной статьи, ни одной работы товарища Сталина, которая не была бы примером творческого марксизма, примером подлинно ленинского анализа действительности, примером материалистически-диалектического понимания конкретности. Ленин писал, что учение Маркса *всесильно*, ибо оно правильно, научно отображает действительность. Опыт пролетарской революции в России, опыт и практика социалистического строительства воочию и наглядно показывают силу и значение марксистского подхода к историческим явлениям. Товарищ Сталин—блестящий мастер диалектической логики, по-ленински владеющий этим чудесным инструментом раскры-

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 448, изд. 10-е.
[2] *Там же.*

тия самых глубоких корней и закономерностей борьбы классов и общественного развития. Материалистическая диалектика не есть некий «ключ», который по волшебству открывает существо процессов, не есть некая «схема», которую можно наложить на действительность, чтобы получить должные результаты. Своеобразие диалектической логики состоит именно в том, что она требует богатейшего знания исторических фактов, глубокого изучения процессов развития и тенденций этого развития, непрестанного обогащения практическим революционным опытом живой борьбы масс, смелого, самостоятельного, оригинального подхода к оригинальной обстановке. Работы товарища Сталина—образец такого подхода к действительности. Именно поэтому он не только воинствующий материалист-диалектик на практике или практик диалектики, но и крупнейший теоретик материалистической диалектики современности, двигающий вперед теоретическое развитие нашего мировоззрения, нашей методологии.

IV

Закон единства противоположностей является основным законом движения объективного мира и законом познания. Закон единства противоположностей потому является законом познания, что он есть закон движения материи. Закон единства противоположностей, однако, как и всю диалектику в целом, надо понимать не как некий механизм, который автоматически действует при приложении его к объективным процессам. Действительность чрезвычайно многообразна и сложна, и для того, чтобы этот закон стал действительно законом познания этой действительности, требуется огромнейшая работа, умение раскрывать подлинные противоречия, заключающиеся в самой этой действительности, умение находить в ней основы для разрешения их и для дальнейшего движения вперед.

Вот с этой точки зрения, с точки зрения оригинальной теоретической работы над конкретной обстановкой, с точки зрения раскрытия подлинных противоречий, являющихся стимулом развития самой действительности, надо проанализировать некоторые моменты, характерные для диалектики в работах товарища Сталина.

Если попытаться обобщить черты, присущие постановке товарищем Сталиным вопроса о противоречиях и о применении им закона единства противоположностей как закона познания действительности, то нужно отметить следующее: во-первых, мы имеем у товарища Сталина крайне умелое, глубокое раскрытие двойственности, противоречивости процессов, которые имеют место в объективном мире, того «раздвоения действительности», о котором писал Ленин, и в связи с этим замечательное разоблачение всякого метафизического, одностороннего подхода к этим процессам.

Вторая характерная черта—это конкретная постановка вопроса *о характере и типе противоречий.*

И третья—большевистская постановка вопроса о разрешении противоречий и переходе на высшую ступень развития с точки зрения классовой борьбы и интересов пролетариата.

Вот три черты, которые, конечно, отнюдь не исчерпывают всего, но которые являются важнейшими моментами, характеризующими применение и развитие товарищем Сталиным закона единства противоположностей как закона познания действительности.

В качестве конкретной иллюстрации возьмем проблему нэпа. Известно, какое значение имеет нэп в истории развития нашей партии, в истории развития социалистического строительства. Известно, что вопрос о понимании существа нэпа был одним из важнейших вопросов борьбы со всякого рода антиленинскими «теориями». В чем сущность характеристики нэпа у товарища Сталина? Его характеристика покоится целиком и полностью на синтетическом охвате и дальнейшем развитии всего того, что по вопросу о нэпе давал Ленин. Суть его постановки вопроса о нэпе состоит в том, что он не выхватывает той или другой отдельной стороны нэпа, а дает целостную характеристику нэпа на основе понимания и развития в целом всего учения Ленина. Он указывал, на то, что нэп есть определенная политика пролетарской диктатуры, которая (политика) рассчитана как на развитие социализма, так и на известное восстановление капитализма. Товарищ Сталин указывал, что мы имеем в условиях нэпа противоречивый процесс борьбы социалистических элементов с элементами капиталистическими, что мы имеем процесс *преодоления* социалистическими элементами элементов капиталистических, что нэп рассчитан на победу социализма. Товарищ Сталин указывал, что тот, кто не понимает этой *переходной, двойственной, противоречивой* природы нэпа, тот отходит от ленинизма.

В противовес этим подлинно ленинским, подлинно диалектическим характеристикам нэпа выступили разные оппозиционные, оппортунистические элементы.

Нэп есть капитализм, говорили Зиновьев, Каменев и др. Товарищ Сталин, критикуя эту постановку вопроса, указывал, что, во-первых, теоретически это вопиюще неверно, ибо нэп не есть капитализм или госкапитализм, а нэп прежде всего есть *политика пролетариата*, его партии, рассчитанная на известное допущение капитализма. Если с методологической стороны проанализировать эту постановку вопроса, то в чем здесь заключается суть? Суть заключается в том, что берется *один из признаков*, а именно тот признак, что при нэпе происходит известное допущение капитализма, известный рост капитализма, берется одна сторона, характеризующая нэп, и *эта сторона превращается в целостную характеристику* нэпа. Забывается

противоречивый характер нэпа и подчеркивается только *одна его сторона*. Одна из сторон нэпа превращается в некий абсолют.

Нэп есть отступление—вот другая характеристика нэпа, которая давалась троцкистско-зиновьевской оппозицией. Имеются ли у Ленина в отдельных статьях характеристики нэпа как отступления? Конечно, имеются. Вся беда оппозиции состояла в том, что она не синтетически, а именно метафизически, догматически подходила к ленинским работам. Конечно, у Ленина можно было найти в ряде мест характеристику нэпа как отступления. Но разве такие характеристики исчерпывали все то содержание, которое вкладывал Ленин в вопрос о нэпе? Конечно, не исчерпывали.

Как товарищ Сталин отвечал на этот вопрос? На самом деле, говорил он, нэп начался отступлением, но он *рассчитан* на то, чтобы в ходе отступления произвести перегруппировку сил и *повести наступление*. Эта характеристика Сталина вытекает не из той или другой отдельной стороны или периода в развитии нэпа, она вытекает из ленинского учения в целом. Она представляет собой действительно диалектическую характеристику этого вопроса. Мы уже не говорим о том, что характеристика нэпа только как отступления—это пассивная, *капитулянтская* постановка вопроса, в то время, как постановка вопроса, данная товарищем Сталиным, боевая, активная, включает в себя «практический определитель того, что нужно пролетариату», представляет собой подлинно большевистское единство теории и практики.

Возьмем постановку этого вопроса у Сокольникова на XIV съезде партии. Он говорил, что наша внешняя торговля—это государственно-капиталистические предприятия; торговые общества, которые допущены при нэпе,—тоже госкапиталистические предприятия. Госбанк—тоже есть госкапитализм. Денежная система наша основывается на принципах капиталистической экономики. Политическое значение такой капитулянтской постановки вопроса для нас совершенно ясно. Поскольку мы занимаемся методологической стороной дела, то интересно вскрыть, в чем же здесь была неправильная методология у Сокольникова. Сокольников дал яркий пример формальной логики и метафизики. Сокольников не понял *всей обстановки диктатуры пролетариата* и смысла нашего использования методов буржуазии *в целях пролетариата*. Сокольников не понял тех изменений, которые произошли в эпоху диктатуры пролетариата. Он не понял того качественно нового, что мы здесь имеем. Сокольников также не понял различных этапов, которые мы имели в самом развитии нэпа.

Здесь мы видим, что вместо диалектического подхода к действительности, вместо применения закона единства противоположностей как закона познания мы имели у Сокольникова формально-

логический, метафизический подход, подкрашивание двойственного характера действительности в один цвет.

Товарищ Сталин, разоблачая эти ошибочные теоретические и политические установки, дал исключительно яркие образцы материалистической диалектики и ленинского подхода к вопросу.

«Откуда такие ошибки,—писал товарищ Сталин,—у т. Сокольникова?

Да в том, что т. Сокольников не понимает двойственной природы нэпа, двойственной природы торговли в нынешних условиях борьбы социалистических элементов с элементами капиталистическими; он не понимает диалектики развития в обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке переходного периода, где методы и оружие буржуазии используются социалистическими элементами для преодоления и ликвидации элементов капиталистических. Дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономии». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они *с успехом* используют их *против* капитализма, *с успехом* используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том, стало быть, что, благодаря диалектике нашего развития, функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются *принципиально*, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму. Ошибка т. Сокольникова состоит в том, что он не понял всей сложности и противоречивости происходящих в нашей экономике процессов»[1].

Вот какой глубокий диалектический анализ дает Сталин в противовес этой односторонности и метафизичности Сокольникова. Этот анализ является классическим анализом обстановки с точки зрения логики марксизма. Глубочайшее значение этой теоретической работы в том, что она имела огромное партийно-политическое значение в борьбе за ленинское наследство, за ленинизм. Она вооружала пролетариат для построения фундамента социалистической экономики, она развивала ленинизм в новой конкретно-исторической обстановке.

Перейдем к тому, как ставил вопрос о нэпе Бухарин. Бухарин в этом вопросе по своей методологии сходен и с Зиновьевым и с Каменевым. Бухарин тоже увидел в нэпе только один момент, только одну сторону, а именно: *свободу торговли*. Означает ли действительно нэп свободу торговли? Означает, но только *до известной степени*. Нэп означает *такую* свободу торговли, которая, как говорил товарищ Сталин, *регулируется пролетар-*

[1] *Сталин*, «Об оппозиции», стр. 214—215.

ским государством, причем регулируется так, чтобы в конце концов победила советская торговля, социалистическая торговля. Задача состояла, следовательно, в том, чтобы ввести свободу торговли, известным образом ограниченную, для того чтобы сохранить союз с крестьянством. Бухарин из всего комплекса проблем нэпа, из всего диалектического понимания этого вопроса, из всей противоречивости процессов, которые происходят в условиях диктатуры пролетариата, выпятил только один момент—свободу торговли. Нэп есть свобода торговли, а поэтому давай свободно развиваться, обогащаться кулаку и т. д.

На этот вопрос товарищ Сталин дал точно так же совершенно ясный ответ.

В своей работе «О правом уклоне в ВКП(б)» товарищ Сталин писал:

«Ошибка т. Бухарина состоит здесь в том, что он не видит двусторонности нэпа, он видит только одну сторону нэпа. Когда мы вводили нэп в 1921 г., мы направляли тогда его острие против военного коммунизма, против такого режима и порядков, которые исключают *какую бы то ни было* свободу торговли. Мы считали и считаем, что нэп означает *известную* свободу торговли. Эту сторону дела т. Бухарин запомнил. И это очень хорошо. Но т. Бухарин ошибается, полагая, что эта сторона дела исчерпывает нэп. Тов. Бухарин забывает, что нэп имеет еще другую сторону. Дело в том, что нэп вовсе не означает *полной* свободы торговли, *свободной* игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в *известных* пределах, в *известных* рамках, *при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке*. В этом именно и состоит вторая сторона нэпа»[1].

Все более и более конкретная характеристика нэпа, все более глубокое раскрытие его характерных черт с точки зрения выяснения противоречивости его—вот один из моментов, рисующих нам товарища Сталина как теоретика, развивающего ленинизм в таком важнейшем вопросе, как вопрос об экономической политике пролетариата в эпоху его диктатуры. Значение этой теоретической работы состоит в том, что она отражала самую сущность процессов, происходивших в развитии нэпа, и являлась вместе с тем практической директивой нашей работы. Ибо, в самом деле, подчеркивание того обстоятельства, что нэп есть известная *свобода торговли*, вооружило партию оружием против режима военного коммунизма, против опасностей раскола с крестьянством. Подчеркивание того обстоятельства, что нэп есть только *известная* свобода торговли, вооружало пролетариат против нэпманских, кулацких элементов, укрепляло руководящую

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 260, изд. 10-е.

роль пролетариата, политическое значение всей системы пролетарской диктатуры в деле строительства социализма и уничтожения классов. Отказываясь от второй стороны нэпа, Бухарин отходил от ленинизма, становился кулацким идеологом, певцом кулацкого накопления.

Рассмотренные нами примеры и образцы метафизического подхода к нэпу и классического диалектического анализа его показывают вместе с тем то внутреннее единство, которое существует между философией диалектического материализма и политикой нашей партии. Отход от генеральной линии партии, противопоставление ей оппортунистических установок и «теорий» имеет всегда в качестве своей теоретической основы отход от диалектики, от философии марксизма.

На этих примерах политического и вместе с тем методологического порядка можно пройти великолепную школу диалектической логики. Та борьба, которая проведена партией под руководством товарища Сталина с троцкистскими, зиновьевскими и правооппортунистическими установками, показывает все величие товарища Сталина как марксиста-диалектика.

Возьмем еще один яркий образец—понимание трудностей. Основное здесь в том, что товарищ Сталин дает чрезвычайно конкретную постановку вопроса о трудностях, *о типе и характере* трудностей. Он устанавливает, что существуют *два типа* трудностей: один тип—это трудности капитализма, выражающиеся в кризисе, в развале капиталистического хозяйства и т. д. Эти трудности являются сами *основой* для развития новых *трудностей,* для развития и углубления противоречий, для дальнейшего обострения кризиса, ибо такова *природа этих трудностей,* таков *тип противоречий,* такова природа капиталистической системы. Товарищ Сталин анализирует трудности у нас и говорит о трудностях роста социализма. Однако эти трудности совсем *другого типа.* Противоречия тут—другого характера. Трудности наши таят в самих себе основы для своего преодоления.

Суть этой точки зрения товарища Сталина по вопросу о трудностях прекрасно выразил т. Каганович в своей известной речи «За большевистское изучение истории партии». Тов. Каганович говорил:

«А что значит понимать единство противоположностей в переводе на обычный наш политический партийный язык? Понимать единство противоположностей в действительности—это значит не бояться трудностей! Это значит не бояться тех противоречий жизни, которые на нашем пути возникают, а преодолевать их с большевистской энергией и настойчивостью. Это и означает, «что наши трудности являются такими трудностями, которые *сами содержат в себе возможность их преодоления.* Это значит,

что отличительная черта наших трудностей состоит в том, что они *сами дают нам базу для их преодоления*»[1].

Тов. Каганович очень хорошо сформулировал *практически-действенное* значение диалектики, которую дает товарищ Сталин в вопросе о единстве противоположностей.

Рассматривая вопрос о проблеме противоречий в работах товарища Сталина, надо осветить еще один очень важный момент, имеющий чрезвычайно большое методологическое и партийно-политическое значение. Это вопрос о понимании соотношения формы и содержания в работах товарища Сталина.

Прежде всего мы имеем у него признание *огромного значения формы*, ее активности, ее оформляющего и организующего значения, признание за формой значения, *придающего содержанию определенность*. И это целиком и полностью связано со всей марксистско-ленинской постановкой вопроса о соотношении формы и содержания. В самом деле, кто не понимает, например, всего значения советов как формы организации власти, формы организации масс, тот несомненно отступает от всего учения ленинизма, от учения о диктатуре пролетариата. Величайшая историческая роль Ленина в развитии марксистского учения состояла именно в том, что он не ограничился только выяснением значения диктатуры пролетариата для рабочего движения, а развил и расшифровал эту диктатуру пролетариата, нашел и обосновал ту форму, в которой она может осуществляться. Кто не понимает роли и значения различных форм организации рабочего класса до эпохи диктатуры пролетариата и в эпоху диктатуры пролетариата—этих рычагов диктатуры пролетариата, всей ее системы,—тот, конечно, отступает от всего существа марксизма. Поэтому тот, кто не признает значения формы, ее активности, не признает ее как оформляющего и организующего начала,—тот ничего общего с марксистской диалектикой не имеет, тот не понимает всего значения организационного вопроса. А известно, какую роль и значение имеют организационные вопросы для большевиков. Если говорить о колхозном движении, то равнодушие к форме организации коллективного хозяйства—оппортунизм и преступление. Взять, например, работу «Головокружение от успехов». Как товарищ Сталин ставил вопрос о форме коллективных хозяйств? Какую форму коллективизации мы должны выбрать, спрашивал он, можем ли мы на данном этапе выбрать ТОЗ как такую форму, которая должна явиться основной и массовой в движении к коллективизации, которое мы имеем в крестьянстве? Нет, не можем. Можем ли мы выбрать такую форму, как *коммуна*, и сделать ее целью движения? Нет, не можем.

---

[1] *Каганович*, За большевистское изучение истории партии, стр. 12, 1932 г.

Сельскохозяйственная артель во всей ее специфической форме—вот та массовая форма, вот то звено, которое позволит повести к социализму миллионные массы крестьянства. Поэтому равнодушие к формам организации колхозов в обстановке обостренной классовой борьбы—прямой оппортунизм, граничащий с преступлением.

Итак, вопрос *о форме* является чрезвычайно важным для всего марксистско-ленинского учения в целом, и в работах товарища Сталина это нашло свое полное отражение и развитие.

Второй момент, характеризующий постановку вопроса о форме и содержании, у товарища Сталина заключается в следующем: *при всем понимании роли, активности и организующего значения формы примат остается за содержанием.* Это важнейший пункт материалистической диалектики, блестяще примененный товарищем Сталиным к разрешению основных вопросов нашей революции. Взять хотя бы его выступление на январском пленуме ЦК 1933 г. Простота, ясность, исключительная убедительность—важнейшие черты этого выступления. При этом надо вдуматься в то, какие глубокие теоретические обобщения мы имеем в этом выступлении.

Значение этого выступления товарища Сталина заключается в том, что он, исходя из фактов классовой борьбы в деревне на данном этапе, из фактов новой тактики кулака в его борьбе против колхозного строя, фактов, которые многими констатировались, поднял, однако, этот вопрос на огромную теоретическую высоту, поднял до глубочайших теоретических обобщений. Он поставил вопрос о том, какое чрезвычайно важное значение имеет форма колхозов в наших условиях, но вместе с тем со всей силой подчеркнул *примат содержания*. Анализируя события последнего времени, он показал, как в наших условиях форма, объединяющая крестьян, если она не наполнена *большевистским содержанием*, может играть совершенно противоположную роль. Несмотря на социалистический характер этой формы объединения трудящихся, в колхозы проникали наши враги и организовывали борьбу против советской власти, используя эту форму. Развивая эти соображения, товарищ Сталин указывает, что, поскольку колхоз объединяет прежде распыленных и разбросанных крестьян, эта форма может даже оказаться удобной для работы классового врага, если нет подлинно большевистского глаза. Отсюда товарищ Сталин делал тот вывод, что колхозы должны быть наполнены *большевистским содержанием*. Примат содержания—вот важнейший момент решения проблемы формы и содержания с точки зрения материалистической диалектики.

Третий момент, характерный для сталинской постановки вопроса о форме и содержании,—это то, что *диалектика требует всегда* анализа с точки зрения *единства* формы и содержания.

Возьмем, к примеру, классическую формулу товарища Сталина по вопросу о национальной культуре, а именно: «национальная по форме и социалистическая по содержанию».

Кто выбрасывает из своего анализа один из этих моментов, тот целиком и полностью прощается с материалистической диалектикой. Кто выбрасывает из этой формулы один из пунктов или недостаточно его подчеркивает, тот несомненно становится или великодержавным шовинистом или национал-уклонистом.

Возьмем, к примеру, работы Ваганяна. Есть троцкистская книжка Ваганяна «О национальной культуре». Как он ставит там вопрос о форме и содержании культуры? Исключительно метафизически. Он совершенно выбрасывает вопрос о роли и значении национальной формы.

«Национальная культура,—пишет он,—это форма, лучше всего прикрывающая зоологическое лицо национализма. Национализм всего несколько лет тому назад носил ярко выраженный политический характер, антипролетарскую и антикоммунистическую природу которого не могла скрыть борьба против великодержавного гнета. Но теперь он это свое лицо показать остерегается, ибо советская власть, пролетарская диктатура совсем не расположена терпеть контрреволюции, под каким бы видом она ни предстала»[1].

Таким образом, он говорит о национальной культуре вообще: и в условиях господства буржуазии и в условиях господства диктатуры пролетариата. Такую национальную культуру «вообще», которая нигде не существует, такой метафизический феномен он характеризует как форму, прикрывающую лицо национализма.

Отсюда совершенно ясно, что он не понимает нашей постановки вопроса о культуре национальной по форме и социалистической по содержанию и считает, что эта формулировка товарища Сталина представляет собой уступку национализму. Эта троцкистская, контрреволюционная болтовня, исходящая якобы из «левых» позиций, фактически приводит Ваганяна к великодержавному шовинизму. Ваганян выбрасывает форму и хочет оставить только социалистическое содержание, а по существу становится полностью на точку зрения великодержавного шовинизма.

Тот, кто подчеркивает только первую часть формулы «национальная по форме», забывая *примат*, забывая вторую часть—«социалистическая по содержанию», тот, несомненно, впадает в националистический уклон. Таковы все националистические уклоны, в частности последний националистический уклон Скрыпника.

Наконец, последний момент, характеризующий подход това-

[1] *Ваганян,* О национальной культуре, стр. 6, 1927 г.

рища Сталина к вопросу о форме и содержании,—это отрицание всякой *фетишизации формы*. Товарищ Сталин резко выступает против фетишизации формы. Было бы крайне неправильно, считает он,—на основе того, что форма играет активную, организующую роль, что она придает содержанию определенность,—делать вывод, что форма всемогуща, что раз дана форма, то тем самым дано уже все.

Никакой фетишизации, никакого забвения условного характера организующего значения формы, которая сама по себе не обеспечивает необходимое нам содержание,—вот важнейшее требование сталинской диалектики!

Возьмем, например, работы товарища Сталина, относящиеся еще к периоду до Октябрьской революции, его выступление на VI съезде партии, когда временно партией был снят лозунг «Вся власть советам». Что говорил на VI съезде партии товарищ Сталин по этому вопросу?

«Вообще Советы являются наиболее целесообразной формой, но мы должны говорить не языком *учреждений*, а указывать *классовое содержание*, должны стремиться к тому, чтобы массы также различали *форму от содержания*.

Вообще говоря, вопрос о формах не является основным. Будет революционный подъем, создадутся и организационные формы. Пусть вопрос о формах не заслоняет основного вопроса: в руки *какого класса* должна перейти власть»[1].

Борьба против фетишизации формы, против ее идеализации, выяснение примата содержания—это важнейшие моменты, присущие работам товарища Сталина, и это проходит красной нитью в его работах как еще до Октября, так и после Октября, это великолепно проведено в его последней «Речи на январском пленуме ЦК». Основное в колхозном движении—это классовое содержание. Основное—это конкретная историческая обстановка, конкретная историческая ситуация, оригинальная обстановка, соотношение классовых сил, интересы пролетариата. Вот что решает дело. Поэтому идеализировать форму, метафизически подходить к вопросу о форме и содержании нельзя. Бывают такие ситуации, когда классовый враг может использовать в своих целях и социалистическую форму. Основное для нас заключается в том, чтобы не фетишизировать форму и вместе с тем понимать все ее значение,—вот к чему призывает товарищ Сталин.

* * *

Мы рассмотрели в порядке первой попытки анализа этих проблем некоторые вопросы материалистической диалектики в работах товарища Сталина. Между тем нет ни одного вопроса

---

[1] *Сталин*, На путях к Октябрю, стр. 105, изд. 2-е.

марксистского метода, который не получил бы своего дальнейшего развития у товарища Сталина. В самом деле, возьмем такие вопросы, как проблема звена, как возможность и действительность, объективные и субъективные факторы, вопросы общей теории классов и классовой борьбы, вопросы идеологии и т. д. и т. п.,—во все эти проблемы диалектического и исторического материализма товарищ Сталин вносит новое, обогащает марксистско-ленинское учение, развивает ленинизм, исходя из его принципов. Все эти проблемы требуют своего дальнейшего и специального освещения.

Великий вождь международной пролетарской революции, могучий ум, теоретический и организационный гений которого обеспечивает блестящие победы социализма, воплощает в себе силу и мощь пролетарской революции, веру пролетариата в свои силы, в свою историческую миссию—уничтожение всякого гнета и эксплоатации человека человеком, построение бесклассового коммунистического общества.

«Под знаменем марксизма» № 6 за 1933 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие III

I

За действительную разработку ленинского философского наследства 3
Наши философские разногласия 17
К итогам философской дискуссии 40
Аксельрод «Идеалистическая диалектика Гегеля и материалистическая диалектика Маркса». Соцэкгиз, 1934 г. . . 78

II

Спиноза и диалектический материализм 93
Гегель и теория материалистической диалектики 127
«История философии» Гегеля 171
«Философия права» Гегеля 199

III

Маркс — основоположник диалектического материализма . 215
Энгельс как философ 244
Энгельс и диалектический материализм 258
К 65-летию «Капитала» Маркса 284
Материалистическая диалектика—философия пролетариата 304
Актуальные вопросы теории отражения и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина 340
Сталин и материалистическая диалектика 382

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
VI	13 снизу	25 мая	25 января
11	18 сверху	логике	логистике
121	16 сверху	привеску	привесок

М. Митин, Боевые вопросы материалистической диалектики.

Редактор *С. Пичугин.*
Корректор *А. Михельс*
Технический редактор *М. Пиотрович.*

Сдано в набор 5/V—36 г. Подписано к печати 15/IX—36 г. Уполн. Главлита № Б— 26686.
Партиздат № 207. Формат 62×94$^{1}/_{16}$. 27 п. л. (88832 п. зн. в 1 бум. листе).
Тираж 25000 экз. Заказ № 7.0. Цена 3 р. 25 коп. Переплет 1 р. 25 коп.

Фабрика книги «Красный пролетарий» Партиздата ЦК ВКП(б).
Москва, Краснопролетарская, 16.